

СЛАВЯНСКИЕ
КУЛЬТУРЫ
В ЭПОХУ
ФОРМИРОВАНИЯ
И РАЗВИТИЯ
СЛАВЯНСКИХ НАЦИЙ
XVII-XIX вв.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ

ПО ИЗУЧЕНИЮ И РАСПРОСТРАНЕНИЮ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

ACADEMIE DES SCIENCES DE L'URSS

INSTITUT DES ÉTUDES SLAVES ET BALKANIQUES

ASSOCIATION INTERNATIONALE

POUR L'ÉTUDE ET LA DIFFUSION DES CULTURES SLAVES

LES CULTURES SLAVES

A L'EPOQUE
DE LA FORMATION
ET DU DEVELOPPEMENT
DES NATIONS SLAVES
XVIII-XIXes SS.

LES MATÉRIAUX
DE LA CONFÉRENCE INTERNATIONALE
DE L'UNESCO

ÉDITIONS «NAUKA»

Moscou 1978

СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРЫ

В ЭПОХУ
ФОРМИРОВАНИЯ
И РАЗВИТИЯ
СЛАВЯНСКИХ НАЦИЙ
XVIII—XIX ВВ.

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ ЮНЕСКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1978

08
С-47

73487

Редакционная коллегия:

член-корреспондент АН СССР Д. Ф. МАРКОВ,
Г. Д. ВЕРВЕС (Украинская ССР), С. ВОЛЬМАН (Чехословакия),
В. И. ЗЛЫДНЕВ (СССР), Ю. И. РИТЧИК (СССР),
Р. ОТИ (Великобритания), В. А. ТЮРИН (ЮНЕСКО)

Conseil de redaction:

D. F. MARKOV,
membre correspondant de l'Academie des Sciences de l'URSS,
R. AUTY (Grande-Bretagne), Y. I. RITCHIK (URSS),
V. A. TIOURINE (UNESCO), G. D. VERVES (RSS d'Ukraine),
S. WOLLMAN (Tchécoslovaquie), V. I. ZLYDNEV (URSS)

С $\frac{60103-252}{042 (02)-78}$ 491-78

© Издательство «Наука», 1978 г.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В ПРЕДЛАГАЕМОЙ вниманию читателя книге собраны доклады и выступления, заслушанные на международной научной конференции «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций. XVIII—XIX вв.», проходившей в Москве 26—28 ноября 1974 г. под эгидой ЮНЕСКО. В конференции приняли участие ученые 17 стран — членов ЮНЕСКО. На ней было зачитано свыше 80 докладов и сообщений. Кроме того, состоялись выступления в дискуссии. По составу участников и по научному содержанию конференция имела международный комплексный характер. В ней участвовали историки, историки культуры, литературоведы, фольклористы, языковеды, театроведы и специалисты по изобразительному искусству и музыке. Учитывая комплексный аспект рассматриваемого материала, его научную ценность, конференция приняла решение опубликовать ее труды.

Международная редколлегия сборника отобрала и включила в настоящее издание наиболее характерные доклады и сообщения, которые дают возможность представить важнейшие процессы становления национальных культур у отдельных народов, выдающиеся культурные достижения славян в период XVIII—XIX вв. В центре внимания оказались проблемы развития историко-культурного процесса с начала XVIII в. до 70-х годов XIX в. При этом было обращено внимание на значение культуры в национально-освободительном движении славянских народов, на особенности национальных центров культуры, формирование национальных литературных языков, место фольклора в становлении национальных культур, на обогащение художественной культуры отдельных народов. Были также рассмотрены вопросы развития славянских литератур, национального театра и изобразительного искусства, формирования художественных центров. Важное место в докладах и сообщениях заняли проблемы культурных взаимоотношений славянских народов между собой, а также связи славянских культур с культурами народов Западной и Юго-Восточной Европы, частично с Востоком. В заключительных докладах рассматривается вклад славянских народов в мировую культуру.

В таком широком масштабе и столь целенаправленно проблемы изучения национальных славянских культур ранее не ставились. Отсюда итоги конференции приобретают важное не только общественно-культурное, но и научное значение.

Комплексный подход к изучению славянских культур, выявившийся на Московской конференции, обусловлен, с одной стороны, объективно существующей многомерностью самого феномена духовной культуры, а с другой — все усиливающейся тенденцией идти в изучении гуманитарных наук от частных исследований отдельных областей культуры к обобщениям типологического характера, позволяющим раскрывать общие закономерности историко-культурного процесса в развитии народов и регионов.

Как отметил в своем приветствии к участникам конференции вице-президент АН СССР академик П. Н. Федосеев, «комплексная проблема становления национальных культур — одна из ключевых в истории цивилизации. Она позволяет показать вклад каждого славянского народа в мировую культуру, выяснить общность интересов народов, борющихся за национальную независимость и за свои политические права. Именно в этот период наглядно проявилась близость прогрессивных устремлений разных народов, противостоявших внешним и внутренним реакционным силам».

Материалы московской конференции убедительно подтверждают не только содружество представителей разных стран и разных гуманитарных наук в разработке проблем формирования национальных культур славянских народов, но и активную их заинтересованность в выявлении объективных культурных ценностей, которые вносят славянские народы в мировую культуру. Слависты из славянских стран вместе с учеными из неславянских стран с подлинно научных позиций подходят к выявлению закономерностей культуры славянских народов на этапе формирования наций.

Многие вопросы, вынесенные на обсуждение высокого форума, еще не получили всестороннего освещения в современной науке. Этим объясняется то обстоятельство, что в некоторых случаях предлагаются различные их решения и толкования. Редколлегия сознательно сохранила разные точки зрения, чтобы показать сложность исследуемых проблем и пробудить у научной общественности новые импульсы к их дальнейшему изучению. Тем не менее можно отметить, что при наличии отдельных расхождений все ученые славянских и неславянских стран, питая глубокое уважение к богатому культурному наследию славянских народов, стремятся проникнуть в объективные закономерности историко-культурного развития славян и осветить их в сложной динамике становления. А это служит залогом успеха и в будущих встречах ученых, занимающихся изучением культуры славянских народов.

Редколлегия надеется, что настоящий труд будет содействовать развитию интереса к многообразию культуры славянских народов и послужит стимулом для новых комплексных исследований в этой области.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР
В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ

*

КУЛЬТУРА
И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЕ
ДВИЖЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

В. И. Злыднев, А. С. Мыльников
(СССР)

ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ XVIII—70-Х ГОДОВ XIX В.

КУЛЬТУРА каждого народа в эпоху консолидации наций претерпевает существенные, можно даже сказать, качественные изменения. С одной стороны, на основе демократизации всей общественной жизни она получает более интенсивное развитие, вбирая новые национальные тенденции и приобретая более высокое художественное сознание. С другой — национальная культура, будучи продуктом более развитой, по сравнению с феодальной, народности, этносоциальной общности, сама воздействует на процесс сплочения нации, становясь одним из важных факторов ее утверждения и дальнейшего развития. Такой двусторонний процесс социально-экономического и историко-культурного взаимодействия составляет одну из существенных закономерностей общественного развития.

В силу общности этнического происхождения, близости языков, сходства исторических судеб славянские народы имеют много общего в своем развитии. Это ставит перед исследователем задачу рассмотрения и общих закономерностей, и специфических особенностей историко-культурного процесса как комплексной проблемы в эпоху формирования славянских наций.

Между тем до сих пор в таком плане она, по сути дела, не выдвигалась. Итоги изучения отдельных областей культуры восточных, западных и южных славян (за исключением, может быть, только в области фольклора¹) не завершались сравнительно-типологическими исследованиями и обобщениями. А без этого невозможно представить историко-культурный процесс славянского региона.

¹ Путилов В. Н. Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. М., 1971.

Следует далее со всей определенностью подчеркнуть, что процесс становления национальных культур у славянских народов был теснейшим образом связан с теми изменениями в социальной структуре общества, которые происходили в переходную эпоху от феодализма к капитализму. У всех славянских народов, независимо от их социально-экономического положения, шел непрерывный и постепенно усиливавшийся процесс классовой дифференциации, обособления мелкобуржуазных и буржуазных слоев, с одной стороны, и формирования широких демократических кругов в городе и деревне — с другой. Эта закономерность с теми или иными местными отличиями и особенностями была присуща всем без исключения славянским народам.

Неравномерность проявления типологически сходных социально-экономических факторов у разных славянских народов вела к тому, что историко-культурные процессы у них протекали разновременно, неодинаково по характеру выражения типических явлений и по степени интенсивности. Так, если у русских становление культуры нового времени относится к началу XVIII в., то у поляков — к середине, а у чехов, словаков и южных славян — ко второй половине столетия, у некоторых славян (например, белорусов) — к рубежу XIX—XX вв. Впрочем, асинхронность была связана не только с различиями в уровне социально-экономического развития, но и с реальным политическим положением отдельных славянских народов, находившихся под чужеземным игом и в ряде случаев лишенных территориального единства, что оказывало воздействие на процессы формирования национальной культуры.

Но в целом рубежом в становлении культуры нового времени у большинства славянских народов был XVIII в. Это явилось закономерным следствием коренных социально-экономических сдвигов, связанных с нарастанием общего кризиса господствовавшей феодально-крепостнической системы и постепенным складыванием буржуазных отношений, порождавших переворот в общественной психологии и получавших непосредственное проявление в духовной жизни славянских народов и в их культуре.

Одна из наиболее общих и характерных особенностей культуры рассматриваемого периода — проявление генетического родства славянских народов, что отразилось в разного рода концепциях славянской общности и взаимности. Таковы славянские аспекты политики Петра I, концепции единства происхождения славян в трудах русских (В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов), польских (Я. Потоцкий), чешских (Г. Добнер, Й. Добровский), славянских (Я. Коллар, Ю. Папанек), серболужицких (К. Г. Антон) и других сла-

вянских ученых XVIII в. Сюда же следует отнести учение Й. Югмана о всеславянском языке, колларовскую теорию четырех славянских наречий, взгляды на славянское единство декабристов, польский мессианиззм, хорватский иллиризм, югославизм, паннонскую теорию В. Копитара, которые получили распространение в первой половине XIX в. При всей своей пестроте и далеко не адекватному содержанию поиски генетического родства на этапе формирования славянских наций сыграли в целом положительную роль, особенно для формирования культуры малых народов. Да и не только для них. В России, где борьба за народность и демократизацию культуры в XVIII в. и в первые десятилетия XIX в. превратилась в одну из стержневых проблем культурного развития, вопросы славянской общности находили отражение в деятельности М. В. Ломоносова, А. Н. Радищева, А. С. Пушкина, А. И. Одоевского, В. К. Кюхельбекера, А. Х. Востокова и ряда других представителей прогрессивной русской культуры, идейное наследие которых в этой области изучено еще недостаточно.

Становление национальных культур представляет собой длительный, сложный и не лишенный противоречий процесс. Перед исследователями этого процесса стоит такая важная задача, как уяснение динамики и определение этапов его развития. Сопоставляя историю отдельных славянских культур, можно прийти к заключению, что в период формирования наций они прошли в своем развитии по крайней мере два основных этапа. На первом из них преобладало воздействие идей Просвещения, второй этап был связан с формированием и утверждением концепции национальной культуры. На каждом из этих этапов жизни славянских народов выдвигались свои цели и задачи, которым соответствовали конкретные формы культурной деятельности.

II

Первый период, проходивший под воздействием идей Просвещения, отмечен прежде всего выдвижением на первый план роли наук, особенно гуманитарных. Проникнутые духом рационализма и просвещенческой критики, они неумолимо вторгались в феодально-клерикальную систему представлений о мире и человеке, о природе и обществе. Ярким тому примером может служить интеллектуальный переворот, произошедший в России в первой трети XVIII в. Сходные процессы наблюдались и в других странах. У истоков нового мировоззрения стояли такие ученые историки и филологи, как Б. Хмелевский, А. Нарушевич, Г. Коллонтай, Г. Добнер, Й. Добровский, Г. Сковорода, Д. Обрадович. Большую роль в консолидации сил сторонников этого направления играли

научные объединения и общества, возникающие в славянских странах в XVIII в. Так, выдающееся значение для развития отечественной и мировой науки имело учреждение в 1724 г. в Петербурге Академии наук. Несмотря на многочисленные трудности, которые в условиях феодально-крепостнической России выпали на ее долю, Академия наук развернула широкие исследования в области геологии, географии, этнографии и истории. Из стен русской Академии наук вышла блестящая плеяда ученых, посвятивших себя патриотическому служению стране и народу. Наряду с именем великого Ломоносова можно назвать имена С. П. Крашенинникова, С. Я. Румовского, А. К. Нартова, И. И. Лепехина и др.²

Попытки организационного оформления польской науки относятся к 1720 г., когда в Гданьске возникло Литературное общество для взращивания добродетели и науки, вскоре, однако, прекратившее свою деятельность, а также Общество экспериментальной физики, основанное в 1743 г.³

Первым не только в Чешских землях, но и во всей Австрийской империи было оломоуцкое Общество неизвестных литераторов (1746—1751). В последующие десятилетия фактически частью национальной Академии стало Общество наук, возникшее в 1770-х годах⁴.

В области художественной культуры в эпоху Просвещения шел процесс усиления светского начала, в ней все большее отражение находили насущные проблемы современности⁵. В русской художественной литературе и журналистике с 1770-х годов решительно звучит крестьянская тема. Невежество дворянства, ужасы крепостного права, заклейменные А. Н. Радищевым, осуждались также в пьесах Д. И. Фонвизина и Я. Б. Княжнина, в живописных полотнах М. Шибанова и акварелях И. Еремеева, чьи позиции во многом перекликались с воззрениями таких просветителей, как Я. П. Козельский, Н. И. Новиков и А. Я. Поленов.

Крестьянская тема нашла отражение и в польской литературе тех десятилетий (Ф. Карпиньский, И. Крasiцкий)⁶. В чешской

² Карпенко О. М. и др. Академия наук СССР. Краткий очерк истории и деятельности. М., 1968.

³ Копелевич Ю. X. и др. Возникновение научных академий. Середина XVII—середина XVIII в. Л., 1974, с. 232.

⁴ Мыльников А. С. У истоков организации науки в Чешских землях. — Вопросы истории естествознания и техники, вып. 1 (46), 1974, с. 80—83; *Он же*. Еще раз о начальной дате возникновения Чешского общества наук. — Советское славяноведение, 1971, № 5, с. 72—79.

⁵ Никольский С. В. Художественное сознание эпохи национального Возрождения. — Советское славяноведение, 1973, № 4, с. 53—61.

⁶ История польской литературы, т. I. М., 1968, с. 110.

литературе XVIII в. она выражена слабее, а в литературе южных славян появилась только в середине XIX столетия.

Другой вопрос, дебатировавшийся в просветительской литературе, касался политического устройства общества. В России XVIII в. лишь А. Н. Радищев поднялся до понимания необходимости его революционной перестройки, остальные же просветители в основном стояли на позициях «просвещенного абсолютизма». В поэзии украинского просветителя Г. Сковороды обличались крепостное право, дворянский произвол, воспевались идеи свободы и гражданственности. Большое место занимали политические размышления в польской литературе, усугубленные трагическими событиями борьбы между магнатерией и королевской властью, которые предшествовали и сопровождали разделы страны в последней трети XVIII в.

В искусстве славян важное значение приобрела патриотическая тема, отчетливо звучащая в творчестве М. В. Ломоносова и Н. И. Новикова, Ф. Богомольца и А. Нарушевича. Едва ли не главное содержание составляла она в чешской художественной культуре второй половины XVIII в., достигнув гражданской высоты в литературной и практической деятельности В. Крамериуса. Это закономерно приводило к взаимопроникновению художественной литературы и публицистики.

В России эта особенность нашла воплощение прежде всего в сатирических журналах 1760—1770-х годов «Трутень», «Адская почта», «Живописец» и в журнале И. А. Крылова «Почта духов». В польской культуре отмеченный процесс прослеживается на примере таких журналов 1780-х годов, как «Историко-политико-экономические записки», «Варшавский магазин», «Торговый дневник». В Чешских землях, а также в Словакии взаимопроникновение литературы и публицистики породило своеобразную форму трактата, известную и ранее, но в конце XVIII в. получившую широкое распространение в форме «языковых зашит». Выдающимися ее образцами стали изданные в 1783 г. «Рекомендации чешского языка и литературы» Яна Ганке (на немецком языке) и «Защита чешского языка от злобных его худителей» Вацлава Тамма (по-чешски). Впрочем, жанр «языковых зашит» в той или иной мере был известен и у других славянских народов. Так, отстаиванием национальных прав народа и верой в его грядущее освобождение проникнут «Разговор угодный народа словенского» А. Качича-Миошича (1759).

Из других видов художественной культуры, оказавших в эпоху Просвещения существенное воздействие на формирование национального самосознания, следует в первую очередь назвать театр. Поражает синхронность развития театрально-драматической и му-

зыкальной культуры у различных славянских народов. Так, в России государственный профессиональный театр возник в 1756 г. и был связан с именем Ф. Волкова. С конца 1750-х годов публичные театральные представления стали даваться в Москве и в ряде других городов. В Польше театр на польском языке зарождается в 1770-е годы, когда была поставлена опера «Изменившийся философ». Крупный вклад в формирование польской национальной сцены внес В. Богуславский, которого современники называли «отцом национального театра». В Чешских землях интерес к национальному театру обострился в условиях национального угнетения, и потому театр вскоре превратился в своеобразную трибуну пропаганды национального самосознания. Первые постановки на чешском языке состоялись в Праге в 1771 г., а в следующем десятилетии на основе усилий любителей в Праге возникает постоянный чешский театр, крупная заслуга в становлении которого принадлежит В. Тамму. В период между 1786 и 1792 гг. на чешском языке появилось около 300 оригинальных и переводных пьес⁷.

Одна из закономерностей развития художественной культуры славянских народов — все более усиливающийся интерес к народному творчеству. Объясняя, например, истоки своих взглядов на ритмическую организацию стиха, Тредиаковский со всей определенностью указывал, что «поэзия нашего простого народа к сему меня довела»⁸. В 1770—1780-х годах в России были изданы сборники народных песен М. Д. Чулкова, В. Ф. Трутовского, Н. А. Львова и Я. Прача — чеха по происхождению. Широко использовал украинский фольклор в своих философских и поэтических произведениях Г. С. Сковорода. В польской литературе обогащение стихосложения и введение в него фольклорных элементов было осуществлено И. Красицким. Чешское стихосложение на новых основах формируется в 80—90-е годы и тесно связано с именами А. Пухмайера и его сподвижников, одним из которых был Й. Юнгман.

Важнейшей составной частью культуры славянских народов эпохи Просвещения стало издание книг и организация периодической печати. Они сделались ареной ожесточенной борьбы между сторонниками и противниками нового мировоззрения. В руках патриотически настроенных деятелей книги, журналы и газеты являлись средством распространения культурных ценностей, содействовали пропаганде прогрессивных социально-политических идей, формировали круг чтения на языках славянских народов. Такими

⁷ История Чехословакии, т. I. М., 1956, с. 360.

⁸ Цит. по: Краснобаев Б. Очерки истории русской культуры XVIII века. М., 1972, с. 178.

были издательство Н. И. Новикова в Москве (1780) и «Чешская экспедиция» В. Крамериуса, деятельность которой в Праге относится к следующему десятилетию. Подобные или сходные книгоиздательские центры возникали на рубеже XVIII—XIX вв. и у других славянских народов. Так, видные словацкие просветители А. Бернолак и Ю. Фандли основали в Трнаве в 1793 г. «Ученое словацкое товарищество».

Степень воздействия печати на культурное развитие славянских народов зависела и от того круга читателей, к которому печатные издания обращались, и от уровня грамотности населения. В этой связи нельзя не отметить, что характерной особенностью эпохи Просвещения было повышенное внимание к проблемам образования и педагогики.

Таким образом, идеи Просвещения оказали заметное воздействие на развитие национальных культур славянских народов, хотя реальное проявление их в разных случаях было не одинаковым. В России такие представители культуры XVIII в., как М. В. Ломоносов и Г. Р. Державин, большое значение придавали государственной власти в осуществлении необходимых преобразований, критикуя недостатки социально-экономической и политической системы и вместе с тем с гордостью отмечая рост международного престижа страны. У народов, лишенных национальной независимости, особую злободневность приобретала борьба за язык и литературу как важнейшие формы выражения и стимулирования национального сознания. При этом происходила своеобразная перемена акцентов: вопросы собственно социальной и политической организации общества у просветителей как бы отодвигались на второй план, поскольку они осмыслили их с научно-литературных позиций.

III

Изменение социально-экономической и культурно-политической ситуации в славянских землях, дальнейшее обострение классовой и национальной борьбы влекли за собой на рубеже XVIII—XIX вв. кризис идей Просвещения. Просветительская идеология постепенно изживала себя, уступая место иным идейным течениям, находившим отражение в культуре славянских народов первых десятилетий XIX в. Это был необычайно сложный, калейдоскопический процесс, в ходе которого у большинства славянских народов, лишенных, кроме России, национальной независимости, выкристаллизовывались разного рода национальные концепции, отражавшие подъем антифеодального и национально-освободительного движения. Разумеется, конкретные цели и задачи, которые выдвигались и решались национально-освободительным движением

отдельных славянских народов, зависели от множества объективных и субъективных факторов, в том числе и от степени массовости и силы самого движения. В этом легко убедиться, сопоставляя национально-освободительные движения в польских землях, Чехии, Словакии или у южных славян. Но то общее, что было присуще им, накладывало заметный отпечаток на развитие культуры западных и южных славян, а также в значительной мере на формировавшуюся в тесном взаимодействии с русской национальную культуру украинского и белорусского народов.

Действительно, после бурных военно-политических событий начала XIX в. и перестройки политической карты Европы Венским конгрессом 1815 г. на долгие годы произошла искусственная консервация государственно-правовых и территориальных структур, в рамках которых существовали славянские народы. Эти темы оживленно обсуждались в публичных выступлениях или в неофициальной переписке многих славянских деятелей тех десятилетий. Вместе с тем первая половина XIX в. ознаменовалась развитием буржуазных отношений, причем наиболее быстрыми темпами этот процесс шел в Чешских землях, Царстве Польском и в центральных областях России. Сходство объективных условий порождало своеобразную интеграцию культурных процессов у большинства славянских народов.

В общественной жизни западных и южных славян неуклонно шла дифференциация, в ходе которой более четко, чем на первом этапе, вырисовывались, с одной стороны, либерально-консервативные, а с другой — общедемократические и революционно-демократические тенденции (Э. Дембовский в Польше, Э. Арнольд в Чехии, С. Маркович в Сербии, Х. Ботев в Болгарии).

Конец 20-х — начало 30-х годов стали временем существенных сдвигов. Большое воздействие оказали июльская революция 1830 г. во Франции и особенно восстание против царизма в Варшаве, вспыхнувшее в ноябре того же года. События эти всколыхнули демократические круги не только в славянских землях: не случайно молодой Ф. Энгельс писал об «электрических разрядах 1830 г.»⁹

Отмеченные процессы вели к тому, что идеи борьбы за национальное самосознание, за социальное и национальное освобождение отразились в культуре польского, чешского, словацкого и других славянских народов. Территориальное же раздробление славянских земель и невозможность в ряде случаев ведения культурно-просветительской работы на национальной территории приводили к тому, что центрами культурного развития тех или иных славянских народов оказывались города, расположенные не только

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 41, с. 32.

на их этнической территории, но и вне ее. Такими важнейшими центрами в первой половине XIX в. стали Варшава, Краков и Львов у поляков, Прага и отчасти Вена у чехов, Братислава и Будапешт у словаков, Будишин и отчасти Вроцлав и Лейпциг у лужицких сербов.

Возникают новые национальные и патриотические институты и общества, сыгравшие крупную роль в развитии науки, литературы и искусства. Таковы, например, чешский Национальный музей в Праге (1818), варшавское Общество друзей науки, в 1809—1826 гг. возглавлявшееся С. Сташицем, тайные и полулегальные объединения «Панта Коина» (1817—1822), «Союз вольных поляков» (1820), общества филематов и филаретов, с которыми был связан А. Мицкевич (1817—1820). В Словакии роль одного из культурных центров играла кафедра чехословацкого языка и литературы Пресбургского (Братиславского) лицея, где преподавал Ю. Палкович. В 1828 г. группа студентов лицея основала литературный кружок, вслед за которым такие кружки возникли в Левоче, Кежмарке, Прешове и Банска-Бистрице. Из подобных неофициальных объединений вышли Л. Штур и его сподвижники, которым принадлежала историческая заслуга создания словацкого литературного языка. Сходную роль выполнило «Товарищество лужицкого языка и литературы», образованное во Вроцлаве по инициативе крупнейшего деятеля серболужицкой культуры Яна Смолера¹⁰.

Своеобразными культурно-просветительными организациями, содействовавшими пропаганде идей национального самосознания, стали так называемые Матицы, к середине XIX в. возникшие у чехов, словаков, лужицких сербов, сербов, хорватов и словенцев¹¹. В Болгарии их функции выполняли клубы — «читалища», создававшиеся в разных частях страны по инициативе местных общин, особенно с 1840-х годов¹². Заметную роль в общественно-культурной жизни западных и южных славян начинают играть в XIX в. библиотеки, читательские клубы и союзы. Одновременно с распространением грамотности и образования все большее значение получают книги и периодическая печать.

Накал общественно-политической и национальной борьбы, усиливавшийся по мере приближения революции 1848 г., приводил к тому, что культура становилась ареной ожесточенной идеологи-

¹⁰ *Cyż Y. Jan Arnošt. Smoler. Wobryś ieho ziwjzenia a skutkawanja. Budyšin, 1966, s. 30.*

¹¹ *Kimball S. B. The Austro-slaw revival; a study of nineteenth-century literary foundations. Philadelphia, 1973.*

¹² *Христов Х. Българската община през Възраждането. София, 1973, с. 97, 172.*

ческой борьбы, прежде всего в науках гуманитарных — истории и филологии. Фигурой европейского масштаба стал в 30—40-е годы XIX в. И. Лелевель, внесший вклад в разработку демократической концепции истории польского народа и вплотную подошедший к пониманию классовой борьбы¹³. Польские, чешские, словацкие и южнославянские лексикографы все большее внимание уделяли созданию словарей, в которых закреплялись нормы национального литературного языка. Но и развитие естественных и точных наук также было связано с потребностями развития отдельных славянских стран, с изучением их природных ресурсов. Так, С. Сташиц в Польше, Б. Больцано в Чехии осмыслили эти проблемы с позиций патриотического служения народу.

В период формирования «национальной идеологии» происходили глубокие перемены в области художественной культуры славянских народов, которая стала наиболее действенным средством сохранения и утверждения национального самосознания. Новым шагом на пути идейного и эстетического развития славянских культур явился романтизм, хотя следует заметить, что он не представлял собой всеобъемлющего стиля эпохи. Характерным было не столько господство романтизма, сколько его своеобразное сосуществование с реализмом, который все более укреплял свои позиции в различных сферах художественной практики¹⁴.

В сравнении с культурами западных и южных славян русская культура первой половины XIX в. во многом развивалась в иных условиях. Перед ней стояли задачи, вытекавшие из самой действительности феодально-крепостнической России, при отсутствии, однако, фактора национального угнетения. В такой обстановке, естественно, на первый план выдвигались вопросы не национальные, а социально-политические, проблемы крепостного права и политического строя. В сущности на этом и основывались идеология декабризма, система взглядов революционных демократов от В. Г. Белинского до А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского. Обращение к проблемам крепостного права и социального положения народных масс неизбежно влекло за собой резкое повышение в сравнении с предшествующим периодом общественного интереса к историческим судьбам русского народа, к народности в литературе, к фольклору.

¹³ Попков В. С. Иоахим Лелевель о национально-освободительной борьбе польского народа и путях возрождения Польши. — В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970, с. 272—290.

¹⁴ Европейский романтизм. М., 1973, с. 87; Живковић Д. Предромантике и постромантике прте у српском романтизму. — В кн.: Реферати за VII Међународни конгрес слависта у Варшави. Нови Сад, 1973, с. 79.

Одновременно с этим в прогрессивных кругах русского общества нарастал протест против космополитизма аристократии, имевший и социальный, и национально-патриотический характер. Критика моды на все французское, английское и вообще «иностраниное», против которой так резко еще в конце XVIII в. выступали Д. И. Фонвизин и Н. И. Новиков, достигла у наиболее дальновидных современников, даже и не принадлежавших к демократическому направлению, значительных размеров. Один из них, А. Р. Воронцов, в 1805 г. писал: «Россия — единственная страна, где пренебрегают изучением родного языка и где все, что имеет отношение к отечеству, чуждо нынешнему поколению»¹⁵.

События Отечественной войны 1812 г. явились коренным переломом в общественных настроениях, вызвав небывалый до этого по широте распространения и глубине воздействия подъем патриотических чувств. Именно в период борьбы против наполеоновских войск русский народ, по замечательному определению декабриста А. А. Бестужева, впервые ощутил свою силу, и «во всех сердцах» пробудилось «чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной»¹⁶. Национальная проблематика живо интересует разные круги русского общества и становится пробным камнем их прогрессивности и реакционности. В концентрированной форме прогрессивные устремления русской национальной культуры нашли отражение в творчестве А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, А. Кольцова, М. Глинки, О. Кипренского, В. Тропинина, К. Брюллова, М. Щепкина, К. Росси, М. Казакова, В. Стасова и многих других деятелей этой эпохи.

Выражением той же тенденции стало основание при русских университетах в 1835 г. кафедр славянских языков и литератур, чему предшествовали дискуссии по проблемам славистики, развернувшиеся при Московском университете и в среде филологов и историков еще в начале XIX в.¹⁷

Эти и подобные обстоятельства, даже принимая во внимание отмеченные выше особенности исторического пути развития русской культуры, в значительной мере предопределили ту типологическую общность, которая прослеживается в культуре русского и зарубежных славянских народов. Это касается в первую очередь идейного содержания, художественных форм и стиля.

¹⁵ Цит. по: *Фадеев А. В.* Идеиные связи и культурная жизнь народов дореформенной России. М., 1966, с. 38.

¹⁶ Цит. по: *Познанский В. В.* Очерки истории русской культуры первой половины XIX в. М., 1970, с. 67.

¹⁷ *Грот К. Я.* Об изучении славянства. Судьба славяноведения и желательная постановка его преподавания в университете и средней школе. СПб., 1901, с. 18—19.

IV

Время формирования национальных культур было вместе с тем временем активного обмена духовными ценностями между славянскими народами. Установление культурных контактов как бы символизировало укрепление славянской общности и имело большое влияние на подъем национально-освободительного движения, культуры и национального самосознания братских народов. Так, в дружбе А. Мицкевича и А. С. Пушкина олицетворялись лучшие традиции русско-польских демократических связей, в дружбе Т. Шевченко и М. С. Щепкина воплотились братские русско-украинские отношения, интерес К. Гавличка-Боровского к творчеству Н. В. Гоголя отразил живой характер прогрессивного направления чешско-русских культурных связей. Памятником белорусско-русско-польских отношений является первая белорусская комическая опера «Селянка», либретто которой принадлежало В. М. Дунину-Марцинкевичу, а музыка — С. Монюшко. Яркой страницей украинско-чешских культурных связей явилась поэтическая деятельность Т. Шевченко, воспевшего Яна Гуса и посвятившего свою поэму «Еретик» П. И. Шафарыку. Широко известны также контакты В. Караджича с русскими учеными, связи болгарских писателей и революционных демократов с русской культурой, определившие в значительной степени складывание в болгарской литературе в 60—70-е годы XIX в. реалистического метода.

Разумеется, развитие культурных контактов между славянскими народами в эпоху формирования наций было сложным процессом, не лишенным определенных трудностей, но в конечном счете оказавшим огромное влияние на национальные культуры. Нужно, однако, учитывать, что любые межнациональные контакты, в том числе между родственными этносами, не существуют вообще, вне реальных социально-экономических, политических, культурных и иных факторов. Та или иная историческая эпоха и соответствующие ей идеологические и психологические представления неизбежно накладывают на эти связи определенный отпечаток. Именно поэтому процесс становления межславянских культурных отношений необходимо рассматривать исторически.

Будучи прямым продолжением внутреннего развития отдельных славянских культур, связи между ними прошли те же этапы, которыми отмечена эволюция этих культур.

Культурный обмен в пору осознания славянской общности сыграл огромную роль в формировании славянских народов. Во-первых, он содействовал взаимному сближению народов и усвоению их социального и культурного опыта. Так, достижения

русской и польской культур имели существенное значение в становлении чешской и словацкой национальных культур, а также культур южных славян. Во-вторых, межславянские культурные отношения содействовали ускорению культурного обогащения народов, находившихся под чужеземным гнетом. Примечательно воздействие на славянскую поэзию творчества А. С. Пушкина, который в свою очередь проявлял живой интерес к литературе и фольклору западных и южных славян. Сербский эпос оказал определенное воздействие на развитие русского и, в известном смысле, чешского фольклора¹⁸. Пример других славянских народов (в первую очередь поляков и чехов) сыграл положительную роль в формировании национального самосознания и культуры у лужицких сербов, а последних — у кашубов.

Таким образом, особенности культурных связей позволяют говорить о наличии двух типов межславянских отношений: это внутриславянские связи с многосторонними открытыми контактами, которые присущи национальным культурам всех славянских народов, и локальные связи между двумя или несколькими славянскими культурами. Последние имели устойчивый характер и оказывали более длительное воздействие на генезис близких культур¹⁹. Одним из наиболее ярких примеров этого были взаимоотношения между русской, украинской и белорусской культурами, чему содействовали объективные социально-экономические, историко-культурные и религиозно-политические факторы. Именно поэтому пути формирования украинской и белорусской национальных культур невозможно правильно понять и оценить вне учета сложившихся между ними и русской культурой контактов. Другим примером локальных межславянских связей могут служить отношения, установившиеся между лужицкой и чешской культурами, — деятельность лужицкого семинара в Праге, связи серболужицан с Челаковским и Пуркине, содействовавшие усвоению опыта чешского национального движения, — все это было важным фактором ускорения развития национальной культуры малого народа.

Славянские литературы находились также в определенных отношениях с прогрессивными течениями немецкой, французской, английской, итальянской и других западных культур. Особого рассмотрения заслуживают культурные контакты славянских

¹⁸ *Смирнов Ю. И.* Сербская баллада на русском Севере. — Советское славяноведение, 1965, № 6; *Гольберг М. Я.* Еще о сербской балладе на русском Севере. — Советское славяноведение, 1967, № 1.

¹⁹ *Dołansky Y.* Neznámý jihoslovanský pramen Rukopisu královedvorského a zeleňohorského. Praha, 1968; *Bukowski A.* Regionalizm kazubski, ruch naukowy, literacki i kulturalny. Poznań, 1950, s. 20—22.

народов в пределах исследуемого региона с венгерской, румынской, греческой и албанской культурами, а для восточных славян — еще и с культурами других народов Российской империи. Однако эта проблема как комплексная, к сожалению, до сих пор еще не привлекала к себе внимания. В данном случае ограничимся лишь указанием на две более или менее общие особенности международных культурных связей славянских народов в эпоху формирования наций.

Во-первых, на характер усвоения передового опыта западноевропейских культур. Вопрос этот стоит в непосредственной связи с проблемами восприятия инонациональной культуры, вызвавшей к себе в последние годы интерес со стороны литературоведов²⁰.

Обращение к произведениям зарубежных авторов, прежде всего мыслителей эпохи Просвещения, философов, историков и писателей XIX в., обогащало национальные культуры славянских народов, содействовало освоению духовных ценностей, созданных в передовых странах. При этом отмеченный процесс имел творческий характер. Для него был свойствен избирательный подход, отразивший задачи, вытекающие из внутренних потребностей развития отдельных славянских культур. Известно, например, что идеи Ж. Ж. Руссо о народоправстве оказали воздействие на формирование взглядов А. Н. Радищева, который, однако, пошел дальше французского просветителя, призывая к революционному переустройству общества. А. С. Пушкин издал критический анализ произведений современной ему французской литературы, в частности сочинений В. Гюго. Переводы на русский язык трагедию Вольтера «Танкред», Н. И. Гнедич во второй редакции сознательно усилил звучание гражданских идей в духе раннего декабризма²¹. Точно так же Й. Юнгман, переводя на чешский язык «Атала» Шатобриана, смягчил или вовсе выпустил часть текста, отразившую реакционно-мистические настроения французского писателя²². А в переводе на чешский язык «Потерянного рая» Мильтона Юнгман использовал опыт русских переводчиков²³. И таких примеров можно привести немало.

²⁰ Алексеев М. П. Построение истории национальной литературы в странах иного славянского языка. — В кн.: Славянские литературы. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 23.

²¹ Познанский В. В. Очерки истории русской культуры первой половины XIX в., с. 120.

²² Kvapil J. Jungmannovy překlady z franconzských spisovatelů. — In: J. Jungmann Překlady, t. 2. Praha, 1958, s. 452—453.

²³ Лулин Г. А. Русский язык у деятелей чешского национального Возрождения. — Славянская филология, вып. 2. JL., 1972, с. 90—97.

Особое значение для формирования демократического и революционного направлений в культурах славянских народов имело ознакомление — в подлиннике и в переводах — с произведениями К. Маркса и Ф. Энгельса. Эта новая страница в европейских связях славянских народов относилась к 1840-м годам, когда отдельные произведения основоположников научного коммунизма становятся известны в России, упоминаются в чешской печати, начинают переводиться на польский язык²⁴.

Во-вторых, в ходе развития контактов с западноевропейскими культурами славянские народы не только критически воспринимали их опыт, но и обогащали его духовными и художественными ценностями. А. С. Пушкин с удовлетворением отмечал: «... наша словесность с гордостью может выставить перед Европою Историю Карамзина, несколько од Державина, несколько басен Крылова, пэан 12-го года Жуковского и несколько цветов северной элегической поэзии...»²⁵. И не случайно многие представители передовой культуры Запада проявляли значительный интерес к славянским культурам²⁶. И. Гете и П. Мериме интересовались сербским эпосом. Гете был лично знаком с В. К. Кюхельбекером, а Мериме высоко ценил творчество А. С. Пушкина. Широко известна была на Западе польская культура, особенно музыка Шопена и полотна ряда польских художников.

*

Комплексное рассмотрение историко-культурных процессов, протекавших у славянских народов в эпоху формирования наций, позволяет установить ряд общих закономерностей, обусловленных общностью их социально-экономического и общественно-политического развития. Несмотря на присущую этим процессам неравномерность, они обладают чертами несомненного типологического и стадияльного сходства и стремлением ко все большей культурной интеграции. При этом опыт более развитых славянских культур сознательно и до известной степени целенаправленно использован деятелями культур остальных славянских народов для ускорения развития и духовного обогащения наций, генезис которых затруднялся неблагоприятными внешними и

²⁴ *Фадеев А. В.* Идеиные связи и культурная жизнь народов дореформенной России, с. 51; *Мыльников А. С.* Чешская книга. Очерки истории (книга, культура, общество). М., 1971, с. 148; История Польши, т. I. М., 1954, с. 522; *K novým dokumentům z rukopisné pozůstalosti A. Smetany a k jeho rojetí socialismu a komunismu.* — *Filosofický časopis*, 1957, N 4, s. 484—513.

²⁵ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. VII. М., 1958, с. 167.

²⁶ *Орлик О. В.* Передовая Россия и революционная Франция. М., 1973.

внутренними факторами. Вместе с тем для всех славянских культур был свойствен творческий, критический подход к достижениям мировой культуры. Дальнейшее изучение славянских культур в их общих закономерностях и национально-специфических формах проявления в эпоху формирования наций даст возможность представить во всей полноте гуманистический характер славянских культур и их вклад в сокровищницу мировой цивилизации.

Л. Базылёв

(ПОЛЬША)

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН

ПРИЧИН, вызвавших мощную волну национально-освободительного движения в славянских странах, названо очень много. Прежде всего это движение историки связывают со всей совокупностью тогдашних экономических, общественных и политических преобразований в Европе. Экономические преобразования вытекали из развития капиталистической системы производства, проходившего неравномерно в территориальном отношении и не всегда одинаковыми темпами, но проявлявшегося в той или иной степени повсеместно. Новое соотношение общественных сил и политических условий в значительной мере сложилось под влиянием Великой французской революции и наполеоновских войн. Рассматривая эти явления на широком фоне всеобщей истории, нельзя, разумеется, ограничиваться только историей славян, ибо хорошо известно, что национально-освободительное движение не было чуждо также немцам и итальянцам, венграм и румынам, что оно из года в год буквально повсюду набирало силу, что оно имело место и в обеих Америках. Однако в данной статье мы обратимся лишь к героической главе истории западных и южных славян в тот период, когда они были лишены собственной государственности. Польский народ утратил ее в конце XVIII в., другие славянские народы — намного раньше. Исключением была, пожалуй, Черногория.

Отсутствие собственной государственности определяло специфику исторических обстоятельств, которые действовали в то время

на территории, населенной западными и южными славянами. Многолетнее и даже многовековое отсутствие государственной самостоятельности не могло не привести к определенным последствиям, безусловно отрицательным для жизни народов, усиленным тем, что эти народы находились под гнетом реакционных и жестоких режимов. Таким был султанский режим для большинства южных славян, габсбургский — для чехов, словаков, хорватов, словенцев, частично — для сербов, не говоря уже о поляках, значительная часть которых попала в политическую зависимость от Австрии уже в 1772 г., т. е. довольно рано. Не в лучшем положении находились те польские земли, которые захватила Пруссия. Вопрос о землях, отошедших к России, имеет несколько иной характер, ибо во всей полноте он проявился лишь после Венского конгресса и образования Королевства Польского, когда во власти России оказались не только бывшие в административном отношении польские земли, но и в этническом.

Жизнь славян под иностранным господством была тяжелой во все периоды. Особенно это проявлялось в культурной сфере. Поскольку у них не было собственной государственности и возможности самим решать свою судьбу, то, естественно, не существовало и мало-мальски благоприятных условий для культурного развития. Не секрет, что в иные периоды их истории бывали такие ситуации, когда им грозила опасность вообще утратить свои национальные отличия, исчезнуть как народ. Разумеется, эти проблемы можно по-разному оценивать, но, по всей вероятности, ни одна из таких оценок не будет противоречить общей истине, что на рубеже XVIII и XIX вв., после многих лет иностранного господства, положение некоторых славянских народов было не из легких, а иногда даже катастрофичным. В самом деле, трудно не назвать катастрофой возникшую перед ними перспективу утраты национальной монолитности, неуклонного сокращения сферы употребления родного языка — вследствие невозможности создания единого литературного языка, призванного заменить диалекты.

Вопрос о национально-освободительном движении в странах западных и южных славян самым тесным образом связан с целым комплексом культурных вопросов. Это, пожалуй, не играло столь большой роли в Италии, Испании, в странах Латинской Америки, даже в Венгрии и Польше, сохранявшей свою государственную самостоятельность почти до конца XVIII в. и не испытывавшей, к счастью, серьезных трудностей в этом отношении. Чехи же, наоборот, столкнулись с огромными препятствиями именно в области культуры, и потому-то чешское национальное Возрождение второй половины XVIII—первой половины XIX в., преодолевая эти препоны, дало столь богатые результаты.

Время политических побед, к сожалению, еще не наступило, зато достижения в области культуры, языка, литературы, науки и просвещения были гораздо более значительны, чем можно было предвидеть. Аналогичные, возможно даже большие, трудности в культурной сфере преодолевали хорваты, и опять-таки именно поэтому период национального Возрождения принес блестящие результаты. Не следует бояться такой высокой оценки, ибо с глубиной и прозорливостью выдвигавшихся в то время концепций мало что может сравниться. Я имею в виду иллиризм — движение, которое еще не оценено по достоинству, инициаторы которого не только сумели поднять на небывалую высоту сам хорватский вопрос, но и выдвинули лозунг единства всех южных славян, выведшегося из далекого прошлого и проецируемого в будущее. Таким образом, для значительной части южных славян оказался общим целый круг явлений, которые позже развивались и трансформировались почти целое столетие в соответствии с новыми историческими условиями. Какое восхищение в наше время вызывает жизнестойкость этой идеи, родившейся в столь трудный для южных славян период, какой была вторая четверть XIX в., и воплотившейся ныне в реальность! Именно поэтому к так называемому хорватскому вопросу в первой половине XIX столетия следует подходить с самой высокой оценкой.

Специфика национально-освободительного движения южных и западных славян была predetermined соответствующими традициями. Национальное Возрождение не появилось на пустом месте, а подготавливалось довольно длительное время и всегда было связано с самыми широкими слоями народа. И мы, пожалуй, не ошибемся, если выдвинем тезис, что в первой половине XIX в. народные массы были главным фактором, который обуславливал интенсивность культурной и политической деятельности. Традиции продолжали жить, несмотря на многолетний гнет. Традиции проявлялись главным образом в том, что народ никогда не мирился с иностранным господством, что он издавна подымался на национально-освободительную борьбу и страдал в результате подавления восстаний, однако всегда был убежден в том, что каждое поражение было временным. Культурное возрождение было бы невозможным без участия народа, ибо именно он сохранил и по-прежнему использовал в своей жизни самое ценное — родной язык. Роль народных масс была определяющей в национальном Возрождении.

Национально-освободительное движение в странах западных и южных славян тесно переплетается с движением Возрождения. Эти движения прочно опирались на народные традиции. Исключением снова является история Польши — страны, где даже после

ее раздела продолжали жить традиции независимого государства и где дворянское национально-освободительное движение было наиболее сильным. Впрочем, и Польша — до утраты независимости — была неоднократно ареной народных движений.

Возвращаясь снова к Чехии и Словакии, следует отметить, что элементы классовой борьбы не были чужды чешскому национальному движению и словацкой деревне уже со времен Тридцатилетней войны. Тогда было много примеров антигабсбургских выступлений, прежде всего в Словакии. Постоянное усиление гнета на чешских и словацких землях получало отпор, встречало активное и упорное сопротивление. Это можно проследить на протяжении многих лет в самых различных районах, начиная с огромной массы стихийных, небольших по размерам выступлений и кончая большим вооруженным восстанием 1680 г., которое доставило властям много хлопот и закончилось не только репрессиями, но и предоставлением частичных формальных прав. Классовый характер восстания подтверждает весьма красноречивый факт: наряду с чехами в нем принимали участие и немецкие крестьяне. На первый взгляд это противоречит тому, что сказано об антигабсбургской, т. е., собственно, антинемецкой, направленности чешских и словацких народных восстаний того периода. Однако здесь нет никакого противоречия, ибо бессмысленно утверждать, что крестьянские восстания XVII в. имели исключительно национальный характер. Поэтому участие в нем немецких крестьян, когда положение их становилось невыносимым, вполне естественно. Впрочем, это не самый важный аспект этих народных движений.

А было их так много, что одно лишь перечисление заняло бы слишком много времени. Они происходили в последние годы XVII и в начале XVIII столетия. Казалось, что они вот-вот достигнут кульминации, но она наступила лишь в 1775 г., когда понадобилась огромная армия, насчитывавшая несколько десятков тысяч человек, чтобы справиться с повстанческими массами.

Великая французская революция, период наполеоновских войн и огромный размах позднейшего национально-освободительного движения оказали значительное влияние на положение славянских земель, находившихся под господством Австрии. Неустойчивые позиции Габсбургов, особенно перед Венским конгрессом, и заставляли эту династию учитывать требования, выдвигаемые национальным движением. Это было причиной введения разных, даже благоприятствовавших славянским крестьянам, распоряжений и отчетливых форм охраны их со стороны государства. Но отмечаемое многими исследователями явное ослабление народных выступлений в данный период следует объяснить отнюдь не вре-

менным смягчением политики венского двора по отношению к славянскому крестьянству, а наступлением другой стадии исторического развития чешского и словацкого народов, все смелее идущих по пути национального освобождения и использующих новые формы борьбы с национальным и социальным гнетом.

Лишь болгары редко видели на своих землях австрийских солдат, хотя и это случалось в конце XVII в. Но борьба все равно велась непрерывно, часто вспыхивали восстания — против турок, а не Габсбургов. Немногочисленные австро-турецкие войны играли при этом скорее роль катализатора.

Под османским господством находилась также преобладающая часть сербского народа. Национально-освободительная борьба сербов никогда не прекращалась. Уже в середине XVII в. были моменты, когда турки лишались власти на сербских землях. Впрочем, тогда еще было далеко до окончательной победы, сербскому народу предстояли еще многие десятилетия тяжелых страданий. Однако с каждым десятилетием их положение объективно улучшалось, особенно в XVIII в., когда начались русско-турецкие войны, всегда заканчивавшиеся победой России. Россия предприняла ряд попыток освободить балканских славян. Это отразилось в договорах, которыми во второй половине XVIII в. завершались многолетние русско-турецкие войны. Успешный для России ход войн с Турцией способствовал развитию антитурецких выступлений в Сербии. В 1804 г. началась великая национально-освободительная война сербского народа, которая очень быстро привела к почти полному освобождению страны. И хотя в 1813 г. османское господство было восстановлено, но уже двумя годами позже вспыхнуло новое восстание, закончившееся решением многих важных вопросов — временно лишь в рамках автономии. Эта победа сербов — первая большая политическая победа всех южных славян.

Рассматривая весь комплекс этих проблем с научной точки зрения, следует подчеркнуть историческую роль Хорватии. Иллиризм тоже появился не на пустом месте, он был связан с предыдущими этапами развития, идеалы и намерения самых выдающихся представителей этого направления были тесно связаны с прошлым, когда в борьбе с турками участвовали и хорваты. Однако их положение было иным, значительная часть хорватских земель принадлежала Австрии и в этой монархии издавна была связана со странами венгерской короны. На территории Далмации, и прежде всего Истрии, определенную роль играло итальянское влияние, по крайней мере в области языка. В наполеоновский период короткое время существовало королевство Иллирия, где преобладало французское влияние, которое распространялось

также на Словению. Хорватская аристократия, дворянство и мелкая буржуазия пользовались в системе образования, судопроизводстве, а зачастую и в переписке латинским либо немецким языками, в приморских районах — итальянским, а кроме того венгерским. Пионеры национального Возрождения стремились выйти на платформу широкого развития Хорватии.

Достигнутые ими результаты нередко оцениваются довольно упрощенно; отрицательно, например, комментируются некоторые неизбежные в то время явления, как-то: попытки использовать благоприятные настроения в Вене. Но тогда не могло быть иначе: подымая знамя иллиризма, призванного объединить южных славян, необходимо было идти в направлении преодоления гегемонии венгров, если даже еще не политического, то хотя бы культурного и языкового. Возникают также трудности при рассмотрении этих событий в период Весны народов.

Так или иначе сила и активность иллирийского движения, а также его роль и значение для истории всех славян все еще нуждаются в углубленном изучении. Из двух главных аспектов иллиризма — литературно-языкового и общественно-политического — по крайней мере о втором еще не сказано последнего слова. Написано много, но и различия в оценках слишком велики. Впрочем, такова судьба не только хорватского вопроса в исторической науке.

В небольшой по объему статье нельзя бесконечно расширять тематику и вводить в нее все новые события. Однако позволительно будет автору, помянув по национальности, завершить свою работу рассмотрением вопросов, связанных с польским национально-освободительным движением.

Поляки беспрестанно со времени утраты своей независимости боролись за национальное и политическое освобождение; общественные вопросы считались вначале менее важными. Польские тенденции к независимости привели к организации заговоров и подпольной деятельности. После 1815 г. польское освободительное движение развивалось также и потому, что представители царской власти и военные власти постоянно нарушали автономию Королевства Польского. Но уже на первых этапах польского движения, как бы по странному стечению обстоятельств, наступил подлинный перелом. В его основе лежало совпадение тенденций: как польские патриоты, так и русские революционеры начинали в то время борьбу с царским самодержавием. Совершенно естественным образом возникла идея взаимодействия. Это было начало зарождения великой концепции — идеи революционного польско-русского союза, которая с той поры постоянно развивалась на протяжении многих десятилетий.

И в этой сфере отчетливо видны аналогии с национально-освободительным движением во всех славянских странах. В зависимости от актуальной политической ситуации помощь им предоставляла даже официальная Россия, чего, разумеется, не могло быть в Польше. Польским же прогрессивным силам эту помощь независимо от ситуации оказывала всегда прогрессивная, революционная Россия. Именно в этом состоит большое значение сотрудничества славянских народов в историческом прошлом, в их национально-освободительной борьбе, опиравшейся на собственные традиции.

И. С. Миллер

(СССР)

КУЛЬТУРА И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

ПРОБЛЕМА связей культуры и освободительных движений столь обширна, что могла бы сама стать предметом специальных симпозиумов или научных конференций. Подтверждением могут служить хотя бы доклады VII Международного конгресса славистов в Варшаве, в которых уделялось внимание различным аспектам этой темы. Очевидно, что настоящая статья ни в какой мере не претендует на полноценное освещение этой проблемы. Мы остановимся лишь на главных ее сторонах.

Московская конференция ЮНЕСКО посвящена развитию культуры славянских народов в период их формирования в нации, в ту историческую эпоху, которая характеризуется разложением феодальной структуры общества, значительной активизацией всех социальных, экономических и идеологических процессов, непосредственно связанных со становлением нового общественного строя. Как и эти многообразные процессы, интенсивно развивающаяся культура формирующихся славянских наций была связана прежде всего с теми их социальными слоями, которые по своему общественному положению и политической направленности были враждебны феодальному строю. Эти социальные слои весьма неоднородны, к ним принадлежали и оторвавшиеся от феодального

господствующего класса дворянские революционеры, и основной угнетенный класс феодального общества — крепостное или зависимое крестьянство, и находившиеся в стадии складывания будущие классы-антагонисты капиталистического общества — буржуазия и пролетариат. Эта неоднородность сказалась и на формировании национальной культуры. Но на данном этапе более существенным является то общее, что объединяет подавляющее большинство нации. Общность антифеодальных и национально-освободительных устремлений в значительной мере определяет новые черты национальной культуры как культуры по преимуществу демократической, динамичной, определяет самый ее подъем.

Говоря о связи культуры и освободительного движения, мы должны иметь в виду широкий смысл последнего понятия. Это борьба против национального угнетения и порабощения, за свободное развитие нации, ее языка, культуры, за ее политическое равноправие и суверенитет, это борьба национально-освободительная. Однако наряду с борьбой национально-освободительной (и мы знаем, сколь многообразны и значимы эти связи) развивается борьба социально-политическая, антифеодальная, направленная на ликвидацию абсолютизма и монархизма, крепостничества и всех форм феодальной зависимости, сословного неравноправия, на завоевание свободы личности и слова, на установление демократического правопорядка. В истории общественного движения и общественной мысли попытки разделения, тем более обособления этих двух сторон прогрессивного общественного процесса обречены на неудачу. Также обстоит дело и в той сфере, которая интересует нас сегодня, — в связях культуры и освободительного движения.

Нигде, пожалуй, взаимозависимость, неразделимость двух сторон освободительного движения — антифеодальной и национальной — не вырисовывается столь рельефно, как в истории одного славянского народа, единственного не утрачивавшего своей государственности, — в истории русского народа. «Мы — дети 1812 года» — глубокую обоснованность этой емкой формулы М. И. Муравьева-Апостола не раз отмечали историки. Могучий подъем национальных чувств, овладевший русскими патриотами, когда возникла угроза национальной независимости России, стал исходным пунктом глубоких раздумий о судьбах Родины, о необходимости коренных общественных и политических преобразований. Для русских дворянских революционеров, при том что Россия была самостоятельным и суверенным государством, были характерны национально-освободительные идеи, неразрывно связанные с программой уничтожения самодержавия и крепостничества, в глазах декабристов являвшихся символом национального

угнетения и унижения русского народа. Именно деятельность дворянских революционеров В. И. Ленин назвал первым периодом русского *освободительного движения*.

Лишь такое исторически обоснованное понимание освободительного движения может дать правильную основу при рассмотрении связей этого движения и культуры. Эти связи не только чрезвычайно велики и значимы, это — то диалектическое взаимодействие, которое накладывает отпечаток на развитие и освободительного движения, и национальной культуры.

Расшатывание устоев феодального строя, происходившее под влиянием социально-экономических процессов и развития освободительного движения, имело своим следствием приток в сферу культуры одаренных выходцев из демократических слоев и одновременно уменьшение зависимости культуры от монаршего и аристократического меценатства. В период формирования наций в культуре славянских народов происходит многоплановый процесс демократизации. Демократизируется и существенно расширяется круг деятелей культуры, что обусловлено появлением нового, демократического по своему положению в обществе и по своим политическим идеалам социального слоя — интеллигенции. Необычайно возрастает воздействие культуры, она впервые приобретает общенациональное значение. Проблематика культуры охватывает сферы насущно важные, политически весомые, в ней все более проявляется тяготение к общественно значимой тематике, к идеям общеевропейского Просвещения и опыту Великой французской революции, в ней находит отклик движение в защиту национальной независимости, возникшее в ответ на наполеоновскую экспансию. Переосмысливая эти идеи и подчиняя их актуальным задачам развития нации, культура славянских народов тем самым смыкалась с освободительным движением.

Общественная мысль, культура в целом и отдельные ее области в рассматриваемую эпоху характеризуются сменой этапов развития, сменой форм познания и художественного отражения действительности, борьбой художественных направлений. Ни в малейшей степени не умаляя историко-культурного значения этих процессов, не сглаживая те черты, которые отличали просветительский рационализм и классицизм от романтизма, а этот последний — от реализма, мы вправе сказать, что там, где прогрессивная культура смыкалась с освободительным движением, эти различные фазы развития культуры не противоречили друг другу, а выполняли общую миссию освобождения народов от гнета средневековых предрассудков, от покорности абсолютизму, от национального порабощения. Между этими этапами культурного развития, рассматриваемыми под углом зрения освободительного

движения, нет «китайской стены», как нет ее и между этапами самого освободительного движения. Недаром возникшая в среде дворянских революционеров великая романтическая литература, русская и польская, воодушевляла и следующее поколение борцов — революционных демократов. И нельзя без улыбки читать статьи, ниспровергающие (в который раз!) революционный романтизм, особенно когда авторами этих пренебрегающих основами историзма инвектив выступают наши коллеги-историки.

Освободительные идеи питали национальную культуру, без них она была бы обречена на прозябание и вырождение. Но культура в свою очередь не оставалась в долгу. Особенностью культуры, ее неопределимым для освободительного движения свойством была присущая ей способность преобразовывать воспринимаемые из области общественной мысли прогрессивные идеи, переводить их на доступный восприятию широких масс язык художественных образов. В силу этого культуре принадлежала ведущая роль в формировании и углублении национального самосознания, она была важным фактором активизации политического сознания народных масс, тем самым она включалась в освободительное движение, становясь его составной частью, его органическим элементом.

Разумеется, было бы грубой ошибкой сводить функцию культуры только к популяризации прогрессивных идей, к воздействию на массы, не способные воспринять эти идеи непосредственно. В своих высших достижениях художественная культура необычайно углубляла и обогащала общетеоретическую мысль эпохи. Приведем сравнение, может быть, банальное, но вполне обоснованное: великие свершения культуры, вбирая в себя прогрессивные идеи, кумулировали их и, подобно лазеру, поражали вспышкой такой яркости, которая озаряла души современников и потомков. Трудно при этом не вспомнить формулу о материальной силе идей. Так, не было почти ни одного участника декабристского восстания, в бумагах которого не хранились бы свободолюбивые стихи Пушкина: они становились органической частью идейной основы русского освободительного движения на его первом этапе.

Именно в сфере культуры прежде всего осуществлялась победа нового над старым, крепло убеждение в обреченности последнего. Никакая форма воздействия на умы не могла идти в сравнение с художественной культурой в раскрепощении от гнета прошлого, в разоблачении и осмеянии отжившего, которое можно было уничтожить, лишь убив его морально, сделав постыдным саму его защиту. «Мертвые души» и «Записки охотника» заклеивали крепостное право и нанесли ему сокрушающий удар.

Другой стороной прогрессивной художественной культуры был гуманизм. Эту неразрывную связь гуманизма и свободолюбия утвердил в умах поколений великий русский поэт Пушкин стихотворением, которое по стечению роковых обстоятельств стало его завещанием. Своей заслугой он считал и то, что «чувства добрые... пробуждал» в народе своей лирой, и то, что в «жестокий век восславил... свободу».

Одну из основных черт передовой русской культуры составляла забота о простом человеке, сочувствие его нелегкой доле. Эти мотивы не всегда были осознанно связаны с освободительным движением, но они служили делу освобождения. «Все мы вышли из гоголевской «Шинели»» — эти широко известные слова отвечали ведущим устремлениям творчества молодого Достоевского, участника русского освободительного движения 40-х годов. Они сохраняли свое значение на всем жизненном пути писателя, несмотря на все зигзаги и метания его мысли, ибо все творчество Достоевского было пронизано болью за униженных и оскорбленных и — независимо от политической позиции автора — было враждебно миру социальной несправедливости, насилия, было проникнуто духом гуманизма.

В истории культуры славянских народов бывали периоды, когда в политически неблагоприятных условиях, после поражений революционных выступлений, именно художественная культура оказывалась главным хранителем и продолжателем традиций прогрессивного движения, перебрасывая мостки через зияющие провалы в истории освободительного движения, в годы мрачной реакции. Подчас именно здесь формировались и делали первые шаги будущие руководящие деятели освободительного движения.

Развитие прогрессивной культуры славянских народов характеризовало то, что, углубляя национальное самосознание, утверждая чувство национального достоинства, она, как правило, оставалась чужда духу национальной ограниченности, замкнутости, противопоставления себя культурам других народов. И дело не только во взаимном притяжении родственных складывающихся славянских наций, хотя познание культуры братских народов, осознание себя частью могучей славянской семьи играло громадную роль в становлении национального самосознания и взаимообогащения славянских национальных культур. Демократическая культура славянских народов развивалась как культура, чутко воспринимавшая все прогрессивное в идеологии и культуре других народов.

Романтическая приподнятость, вера в высшую историческую миссию своего народа и всех славян, характерная для некоторых выдающихся представителей славянской культуры, ничего общего

не имела с высокомерным национализмом. Это была вера в революционные силы и перспективы своего народа, вера в то, что он может проложить путь к лучшему будущему всего человечества. Это было стремление стать выше национальных распрей, убежденность в величии идеи братства народов, верность идее борьбы за свободу.

Дух свободолюбия был по природе своей духом интернационализма. «Заповіт» Шевченко звал на борьбу не только украинцев, не только русских, но и все угнетенные паризмом народы, — говоря словами великого кобзаря, от молдаванина до финна.

Давно ушла в прошлое эпоха борьбы против феодализма, далекой историей стало для нас ее освободительное движение. Далекой, но не перестающей нас волновать, о чем свидетельствует, в частности, широкое чествование в нашей стране 150-летия восстания декабристов. История ранних этапов освободительного движения, история культуры той эпохи — это более всего достойные историков, литературоведов и иных специалистов. Но традиции освободительного движения, сама прогрессивная, гуманистическая культура — это достояние всего нашего сегодняшнего общества, неотъемлемая часть духовного мира современного человека. С малых лет сознание наших детей обогащается идеями гуманизма, свободолюбия, демократизма, братства народов под влиянием могучих художественных импульсов, родившихся в эпоху борьбы с феодализмом и деспотизмом, при чтении, например, «Муму» Тургенева, «После бала» и «За что?» Толстого. Безмерно значение вечно живой прогрессивной культуры, созданной славянскими народами в ту эпоху. Эта культура была союзницей освободительного движения, она помогла ему выполнить его историческую задачу, и она не стала лишь частью истории. Она воспитывала борцов в период героической борьбы против фашизма, поддерживала их стойкость. Когда Христо Ботев в канун своей гибели написал: «Кто в грозной битве пал за свободу, тот не погибнет...», — он создал не только величественную эпитафию себе и своим соратникам. Эти строки стали символом веры поколения борцов Отечественного фронта и откликаются в сердце не только болгарина.

В заключение хотелось бы сделать еще одно замечание узко профессионального характера. Следует признать, что мы, историки, нередко недооцениваем значение произведений культуры как важного источника, он кажется нам по самой своей природе менее надежным, менее веским в своей аргументации, чем официальный документ. Конечно, есть документы и «документы», далеко не равны между собой и произведения культуры, но среди них немало таких, которые как исторический источник не имеют

себе равных по степени концентрированного выражения освободительных идеалов, квинтэссенции духа эпохи могучего подъема нации. Я убежден в том, что изучающему движение русских революционных разночинцев час, проведенный в музее перед «Арестом пропагандиста» и «Отказом от исповеди» Репина, перед «Курсисткой» Ярошенко, даст несравненно больше, чем многие часы внимательного чтения народнических брошюр. Что, разумеется, не означает, что брошюры эти читать не следует.

Э. Нидерхаузер
(ВЕНГРИЯ)

ТИПЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

ПРИ установлении типов историко-культурного развития славянских народов с XVIII в. до 70-х годов XIX в. надо исходить из того факта, что именно в это время у них происходит процесс становления буржуазных наций, процесс, который определяется как переход от феодализма к капитализму. У ряда славянских народов эта эпоха называется эпохой национального Возрождения (чешское оброзени, словацкое обродение, хорватский препород, болгарское възраждане).

Ввиду того, что мы имеем дело с очень важным социально-экономическим процессом, определившим и развитие культуры, нам следует особое внимание обратить на социальную структуру славянских народов в данный период. По нашему мнению, самым важным является то обстоятельство, что славянские народы представляют два основных типа. При первом типе народ (русский, польский, хорватский, чешский) имеет собственный феодальный или уже буржуазный господствующий класс. При втором типе такого собственного феодального или буржуазного господствующего класса нет. Эти народы (украинский, словацкий, словенский, сербский, болгарский) входили в состав крупных многонациональных империй, где феодальный господствующий класс принадлежал другому народу. Даже в том случае, когда у некоторых из этих народов в ранние времена имелся собственный феодальный господствующий класс (украинский, словацкий), в данный период он уже диссимилировался и сознательно влился в инонациональный господствующий класс (русский, венгерский).

Остановимся теперь на основных вопросах историко-культурного развития этих двух типов славянских народов. Предварительно заметим, что народы, относящиеся к первому типу, в социально-экономическом и политическом отношении находились в более выгодных условиях.

У народов первого типа в XVIII в., главным образом во второй его половине, под сильным влиянием западноевропейского Просвещения развивается собственное Просвещение — русское, польское и т. д. — с характерными особенностями. Что касается народов второго типа, то тут следует говорить только о зачатках Просвещения, причем в большей мере это относится к славянским народам Российской империи и монархии Габсбургов (например, сербам).

С конца XVIII в. у всех славянских народов налицо сильное влияние западноевропейского романтизма, особенно его революционного варианта, уделявшего большое внимание развитию национального языка, литературы, фольклора, прошлому данного народа. Это приводит к образованию «национальных» наук, прежде всего языкознания и исторической науки. В этом отношении нет особой разницы между двумя вышеназванными типами.

Национальный литературный язык является первостепенным условием культурного развития. У народов первого типа, где исключение составляет только хорватский народ, в начале данного периода существует литературный язык. Поэтому перед ними стоит задача только обновления языка, его приспособления к требованиям нового времени. У народов второго типа и у хорватского народа литературный язык оформляется именно в этот период путем выбора какого-то из существующих диалектов как основы для литературного языка. При этом иногда разгоралась ожесточенная борьба вокруг того, какой из диалектов надо выбрать, так как языковый вопрос был тесно связан с вопросом политической перспективы (например, у словацкого народа).

В культурном развитии славянских народов обоих типов значительную роль играли уже упоминавшиеся нами «национальные» науки. К языковедению и исторической науке следует еще добавить этнографию и славяноведение. Последнее сильнее всего развивается у народов первого типа.

Национальная идеология у каждого народа имеет свои особенности, обусловленные главным образом его политическим положением. У менее развитых народов господствует такой вид идеологии, как идеология славянской взаимности Коллара (пока без политических aspirations), связывающая все или некоторые славянские народы, или иллиризм, стремившийся уже к политическому сплочению целой группы славянских народов.

Художественная литература играет ведущую роль в культурном развитии народов обоих типов. Она стремится к пробуждению национального самосознания, обращается к историческому прошлому, противопоставляя его настоящему, и одновременно резко критикует это настоящее, призывает к свержению феодального строя. Высокого художественного уровня литература достигает в России и Польше. В первой вследствие того, что здесь одна из основных целей национального движения — национальная самостоятельность не является проблемой, поэтому русская литература в большей мере может направить свои усилия на решение социальных и моральных задач и вопросов общечеловеческого значения. Другие причины обуславливают общечеловеческую направленность польской литературы, где мессианиззм придает ей особую окраску.

Театр, музыка, изобразительное искусство получили значительное развитие главным образом у народов первого типа, где наличие собственного господствующего класса облегчало развитие этих видов художественной культуры.

С. Вольман
(ЧЕХОСЛОВАКИЯ)

ЗНАЧЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ПРОШЛОГО ДЛЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР СЛАВЯН XVIII—XIX ВВ.

КАЖДЫЙ народ, стремящийся к своему национальному самоопределению, нуждается в исторических и культурных традициях. Дело не только в определенной сумме исторических и культурных фактов, представлений и легенд, культурно-общественных идей, эстетических или других взглядов, передаваемых последующим поколениям данного народа и получаемых обществом в наследство от предков. Дело прежде всего в активном отборе традиций и в их трансформации согласно историческому моменту и потребностям разных классов и общественных групп.

Эпоха формирования наций и национальных культур характеризуется перестройкой системы традиций, всего эстетического и

художественного сознания общества. Преобразование системы жанров и их литературно-общественной иерархии, которую исследуют историки славянских и других литератур, является составной частью этого комплексного процесса в развитии культурной жизни. Кроме стихийных факторов, в этом процессе все большую роль играет целенаправленная деятельность гуманитарных наук. В период господства просветительско-рационалистического критицизма основное место отводится устранению традиций, мешающих развитию национальной культуры. В России это связано с введением гражданской печати, реформой литературного языка, направленной против церковнославянизмов. Типичный пример критики традиционных легенд, освященных гуманистическо-барочной ученостью, представляет собой очерки Й. Добровского «*Kritische Versuche, die ältere böhmische Geschichte von späteren Erdichtungen zu reinigen*».

Но и критическая наука могла ошибаться. Ее необходимо рассматривать как составную часть культурно-исторического процесса. Сегодня мы знаем, что скептическое отношение Добровского к церковнославянской литургии в Чехии ошибочно. Правда скорее на стороне того, что можно назвать «народной верой» и что отражает устойчивость традиций. Мы знаем также, какую огромную роль в становлении национальных культур сыграла старославянская, и в частности великоморавская, культура, в изучение которой и Добровский внес значительный вклад. Разработке проблемы отражения этой традиции в литературе и искусстве стоило бы посвятить монографию.

Активный отбор традиций, их устойчивость и способность служить разным общественным группировкам и различным целям открывают возможность включать в состав «своих», национальных традиций, кроме явного наследства от предков, также более или менее интернациональные элементы. Например, включение античных традиций в культуру разных народов, в том числе и славянских, роль этих традиций в литературе, искусстве, философии, эстетике, народном образовании и в системе общественных учреждений (вплоть до их внешней эмблематики и символики) — это сегодня известные факты. Осмелюсь утверждать, что без исторически обусловленного отбора и без возможности брать из общего фонда не было бы и изменений на культурной карте мира. Теоретически мы бы занимали позицию националистического «*Volkstum Bluterbe*», которую подверг критике покойный Франк Вольман еще в 1936 г. *Punktum saliens* полемики 30-х годов в том, что невозможно, с одной стороны, говорить о так называемой западной культуре романских и германских народов и определять ее общность прежде всего античной традицией, а с другой стороны,

не видеть равноценную преемственность античности у других групп народов и отрицать существование других культурных общностей языково-этнического или историко-регионального порядка, как, например, славянской, средневропейской, балканской, скандинавской и др.

Д. Ф. Марков подчеркнул «исключительную интенсивность связей» славянских литератур. Он сказал: «Сложный процесс формирования нации и национальной культуры был, конечно, процессом национального самоопределения, но в условиях национального гнета он опирался в то же время на идею «славянской взаимности» (близости и взаимной поддержки). Идея эта, утопичная и антиисторическая как отвлеченно теоретическая идея создания единой славянской нации, в тогдашних конкретных условиях сыграла определенную положительную роль»¹.

Национальный гнет, отчужденная от собственного народа верхушка общества, обособление некоторых славянских наций, неопределенность таких категорий, как «наречие», «язык», «племя», «нация», — все это способствовало усиленному включению интернациональных элементов в национальные культуры славян. Наконец такой важный фактор, как общность происхождения, языка и исторических судеб, давал возможность использовать межславянские и общеславянские традиции.

Сознание общности, проявляющейся также в различных концепциях и программах (исторического, религиозного, политического характера), является отражением самой общности в историческом и культурном развитии, какой-то метатрадицией.

«Общность духовной культуры славян, — напоминает К. И. Ровда, — не единичное и не исключительное явление в истории мировой цивилизации ... Существует целая система больших и меньших общностей или структур, являющихся ступенями, скрепами или узлами в развитии мировой художественной культуры...»²

Культурная общность — не сумма случайных связей и типологических схождений. Она создается в процессе продолжительного общения, развития общих архитипов и обусловлена длительной связью и последовательностью разных культурных явлений. Интенсивность культурного общения порождает общие традиции.

¹ Марков Д. Ф. Вопросы теории и методологии сравнительного изучения славянских литератур. — В кн.: Славянские литературы. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 50.

² Ровда К. И. Славянская общность и проблемы культуры. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. ..., с. 269—270.

В культурном развитии славян донационального периода таких традиций, связывающих две или больше народностей или же всех славян, действительно очень много: старославянская культура начального периода и ее диффузия; кирилло-мефодиевская традиция в собственном смысле слова и в своих последующих трансформациях; Киевская Русь как начало культуры восточнославянских народностей; общие жития; деятельность южнославянских книжников и художников, развернутая среди восточных славян; распространение скоморохов в Польше; воздействие чешской культуры на польскую в средневековье; богомилство, гусизм; флуктуация апокрифической и повествовательной литературы; трактаты, посвященные прославлению языка и народа; сложный комплекс гуманистическо-барочной культуры, в особенности Коменский; развитие школьного дела и т. д.

Чрезвычайно важное место в структуре межславянских традиций занимает народная культура, народные обычаи (отражающие также общие черты народного мифа), фольклор, народная музыка, причем авторитет Гердера стимулировал лишь то, что сами славяне делали уже раньше, начиная, например, с Татищева или Качича-Миошича, и что впоследствии получило название «гердеризма до Гердера».

Особый вес придает межславянским культурным традициям общая борьба с восточными кочевниками, с немецкими рыцарями и османскими захватчиками. Общие традиции и сознание общности стимулировали эту народно-освободительную борьбу, постепенно приобретающую черты борьбы социальной.

К началу формирования славянских наций существовал значительный запас общих межславянских и других традиций. Включение этих традиций в систему национальных культур разумелось само собой. Но национальная дифференция и национализм вскоре привели к национальной и культурной обособленности и даже к шовинистическому отрицанию международных культурных связей.

Возникали научные и публицистические споры, которые по разным идеологическим и политическим причинам особенно обострялись и осложнялись, как только от проблем общей, мировой культуры переходили к вопросам регионального характера, культурной общности и конвергенции той или иной конкретной группы народов.

Как раз 150 лет тому назад Шафарик заканчивал свой труд «Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten», который он потом издал в 1826 г. Год спустя Вильмен опубликовал свой курс, считающийся началом французской сравнительной науки о литературе, а Гете выступил со своей идеей мировой литературы. Кристаллизация понятия национальной куль-

туры в период Великой французской революции и наполеоновских войн вызвала во всей Европе потребность снова и по-новому определить общность того, что еще недавно представлялось как установившееся единство.

Шафарика упрекали в том, что он вместе с Колларом и последующими представителями чешской науки будто бы внушил Европе миф о единстве славян. Шафарик, словацкий революционный поэт, учитель в г. Нови-Сад, словацкий и чешский ученый, был непосредственным участником сложнейшего процесса дифференциации славянских наций. Не было бы ничего удивительного в том, если бы он воспринял сильную интеграционную традицию, с одной стороны, славянскую (идушую от Яблоновского через Потоцкого к Суворовскому и Линде, от которого заимствована формулировка «славянская речь и литература всех наречий») и, с другой стороны, неславянскую (сопровождающую развитие славян, начиная с Прокопия вплоть до Гердера, на чей авторитет Шафарик ссылался). Когда он писал свою «Историю», ничего еще не было решено. Особое болгарское «наречие» открыл только Добровский. На повестке дня стояла альтернатива единой иллирийской нации. Самоопределение украинцев и белорусов тормозил правительственный централизм. Устремления «бернолаковцев» не захватили словацкий народ. Еще в половине XIX в. не исключалась возможность образования отдельной моравской нации и среди неславян, даже в революционном лагере, говорилось о чехах, словаках, словенцах, хорватах как об «отломках наций», которые «вообще не признаны в качестве различных учрежденных наций».

Несмотря на все это, как раз Шафарик впервые показал дифференциацию славянских национальных языков и литератур. Он посвятил особые главы литературам на отдельных южнославянских «наречиях», а также словацкой литературе (за 20 лет до выступления «штуровцев!»). Общность традиций объективно существовала, была известна славянам и всему миру, так что ее не надо было кому-либо открывать.

Шафарика примером служила книга Вахлера «Handbuch der allgemeinen Geschichte der litterarischen Cultur». Вслед за Вахлером Шафарик определяет славянскую литературную культуру как составную часть мировой культуры, а литературную культуру отдельных «наречий» — как составную часть славянской культуры, которой посвящает обширное введение. Именно этот подход обеспечил книге Шафарика международное признание.

Диалектика общего и особенного, славянского и национального, интеграции и дифференциации проявлялась и у других современников эпохи кристаллизации славянских наций. Коллар с позиции единой славянской нации считал Мицкевича (так же как и

Пушкина) «невзаимником». Но Мицкевич написал Ганке в 1848 г.: «Мы вместе служим национальному делу, которое, охватывая все более широкую область, становится делом всех славян, призванных божьей волей идти к единой цели». А сам Коллар, введив понятие «литературная взаимность», отказываясь от политического соединения, отмечая существенные различия между «наречиями» и практической программой сотрудничества, уже признал дифференциацию, хотя бы *de facto*.

Произведения «невзаимников» Пушкина и Мицкевича и их влияние на литературу других славянских народов — это как раз классический пример взаимодействия общих традиций в национальных культурах.

Без таких крупных интернациональных движений, как Просвещение, международное революционное движение, романтизм, реализм, немислимо становление и дальнейшее развитие национальных культур славян. Литературоведческая славистика уже доказала это на многочисленных примерах.

Э. Георгиев

(БОЛГАРИЯ)

СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРЫ И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИЙ НА БАЛКАНАХ

НАЦИИ на Балканском полуострове формируются в течение XVIII—XIX вв. Этот процесс сопровождается борьбой за духовную независимость и национальное освобождение, пробуждением национального сознания широких народных масс, созданием национального литературного языка, национальной литературы и науки.

Так как большая часть балканских народов — славяне, а неславянские народы полуострова живут в окружении славянских народов, то значительную роль в их жизни играет славянская культура.

В процессе формирования наций деятели национального Возрождения в балканских странах постоянно опирались на богатые традиции славянских культур, подчеркивая духовное родство с ними или принадлежность к одной из славянских культур. Деятели раннего болгарского и сербского Возрождения, писатель и

художник Христофор Жефарович издает в 1741 г. книгу «Стема-тография», содержащую рисунки гербов южнославянских и соседних с южными славянами земель и народов, болгарских и сербских царей и святых, а также стихотворения, в которых так или иначе отразилась общность исторической судьбы южнославянских народов.

Представитель раннего хорватского Возрождения Андрия Качич-Миошич в труде «Приятный разговор словинского народа» (1756, 1759) рассказывает о всех южных славянах, поддерживая идею единства южных славян. На это произведение Качича-Миошича опирается автор так называемой зографской болгарской истории, озаглавленной «Краткая история болгаро-словенского народа»¹. Родоначальник болгарского Возрождения Паисий Хилендарский называет свое произведение не «История болгарская», а «История славяноболгарская». Выдающийся сербский филолог-фольклорист Вук Караджич первый сообщает миру о существовании болгарского народа и привлекает к нему внимание молодой, только возникающей тогда науки — славяноведения. В конце XVIII в. и в первых десятилетиях XIX в. болгарский народ, затерянный во владениях Османской империи, был мало известен европейскому миру. К выпущенным в России по повелению и с участием Екатерины II «Сравнительным словарям всех языков и наречий, куда болгарский язык не попал, Вук Караджич делает «Добавление» и издает его², после чего ученые-слависты включают болгарский язык и историю болгарского народа в круг своих научных интересов. Выдающийся болгарский революционер и писатель Любен Каравелов ведет большую работу среди сербской интеллигенции, борясь за справедливое общественное устройство и высокую культуру сербского народа.

В общении балканских славянских народов с неславянскими происходит интенсивный процесс их взаимного культурного обмена и обогащения. Балканские народы, общаясь друг с другом, испытывали естественное стремление к взаимному культурному обмену. Так, греки мечтают о новой византийской империи, в которую были бы включены и балканские славяне. Развивая перед ними идеи «эллинизма», они вместе с тем усваивали славянскую культуру.

Активно участвовали в греческой культурной жизни и освободительном движении в XVIII—XIX вв. болгары и сербы. Живу-

¹ Ср.: Трифонов Ю. Зографската българска история. — Списание на Българската академия на науките и изкуствата (клон историко-филологически и философско-обществен), 1940, кн. IX, с. 1 сл.

² Стефановић В. Додатак к сактпетербургским рјеченицима свију језина и нарјечија с особитима булгарског језика. У Бечу, 1822.

щий в Греции болгарский ученый Никола Пиколо своими трудами способствовал обогащению греческой культуры и ее популяризации³. В 1860 г. в Афинах болгарский поэт Григор Парличев увеичается лавровым венком за поэму «Воевода», написанную на греческом языке⁴. Болгары и греки ведут совместную борьбу за свое освобождение от османского рабства. Болгары вступают в греческое тайное революционное общество «Филики Этерия». В греческих восстаниях болгары сражаются плечом к плечу с греками. Во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. греки, живущие по Черноморскому побережью, присоединяются к болгарскому населению, когда оно пытается оказать помощь русским в военных действиях. Болгары и греки сражаются вместе и во время Крымской войны. Болгарский революционер Г. С. Раковский является одним из руководителей Браильского бунта⁵.

В процессе становления румынской нации славянские традиции продолжали играть большую роль, восходящую к эпохе средневековья, когда господствовал в качестве официального языка старославянский, принятый и в богослужении, а следовательно, и в монастырской письменности. Формируясь как романская нация, румыны отходят от своего славянского прошлого, реликты которого, однако, продолжают сохраняться. Общение со славянской культурой осуществляется главным образом во второй половине XVIII в. В это время в Бухаресте живет много болгар и сербов, которые занимаются торговлей. Болгары участвуют в национально-освободительном восстании, руководимом Тудором Владимиреску, а также в революционных событиях 1848 г. и в других. Театральные представления, которые устраивает болгарская колония в XIX в., посещают и румыны. Болгарские газеты, которые издаются в Румынии на болгарском и румынском языках, своей патриотической и революционно-демократической направленностью воздействуют на румынских читателей, способствуют борьбе румынского народа за национальное освобождение и его формированию в нацию⁶.

София является одним из центров албанского Возрождения, так как здесь издаются албанские газеты, журналы и книги⁷.

³ *Бешевлиев В.* Д-р Пиколо Сава. — В кн.: Из взаимоотношения на балканските народи. Поредица «Балкани». София, 1966, № 1.

⁴ *Георгиев Е.* Ревнителите на българското отечество. София, 1966, с. 126 сл.

⁵ *Тодоров Н.* Българи и гърци в ново и най-ново време. — В кн.: Из взаимоотношения на балканските народи, с. 41.

⁶ *Димов Г.* Културни взаимоотношения между българи и румъни през епохата на националното на Възраждане. — В кн.: Из взаимоотношения на балканските народи, с. 11.

⁷ *Димитров С.* България и албанското Възраждане. — В кн.: Из взаимоотношения на балканските народи, с. 83.

Южные славяне строят свою национальную культуру, используя культурные связи с другими славянскими народами и продолжая их традиции. На культуру балканских наций большое влияние оказала культура России.

В XVIII в. Россия выходит из своей феодальной замкнутости и появляется на европейской арене. На Балканском полуострове она воюет с Османской империей, и поработанные балканские народы возлагают на нее свою надежду на освобождение. Обратив свой взор на Россию, балканские народы, и прежде всего славянские, открывают чрезвычайно близкую им культуру. Болгарам, сербам, хорватам, словенцам она близка вследствие языкового родства, грекам, румынам и албанцам — общей религиозной основой, православием.

Развитию болгарской национальной культуры в XVIII—XIX вв. в большей степени способствует возросший в это время в России интерес к южным славянам. Составляя свою «Историю славяно-болгарскую», Паисий Хилендарский опирается на русский перевод «Церковных летописей» римского кардинала Цезаря Барония и «Царства славян» дубровчанина Мавро Орбини. Паисий отмечает в своем труде: «Съвокупих и написах от руски речи прости обрати на болгарски речи и словенски»⁸. При создании «Истории во кратце о болгарском народе словенском» болгарский историограф Спиридон также использует русский перевод «Летописей» Цезаря Барония и «Летописи» Дмитрия Ростовского⁹, который находился под воздействием архимандрита П. Величковского¹⁰.

Русская культура становится главным источником, под влиянием которого развивается болгарская культура на втором этапе Возрождения, ознаменовавшемся появлением «Рыбного букваря» Петра Берона и историографического труда Юрия Венелина «Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам». В труде Венелина отмечалось, что болгары — народ не только не татарского происхождения, как считалось до тех пор, но некогда они составляли с русскими один народ.

Болгарская школа начинает развиваться ускоренными темпами, когда ее создатели обращаются к опыту русской науки и

⁸ *Дуйчева Ив.* Отзвуки русской историографии XVIII в. у болгар. Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.—Л., 1966, с. 397 сл.

⁹ Там же, с. 399.

¹⁰ *Динев П.* Из истории русско-болгарских литературных связей XVI—XVIII веков. — Труды отдела древнерусской литературы, т. XIX. М.—Л., 1963, с. 318 сл.

культуры. Видные болгарские учителя, такие, как Найден Геров, Добри Чинтулов, Ботю Петков, получают образование в России.

Русская книга в эту эпоху широко распространяется в Болгарии. Преподавание русского языка в болгарских школах вызывает большой интерес, так же как и русской литературы. Болгарские писатели заимствуют из русской литературы идеи, темы, художественные формы. Поэма Найдена Герова «Стоян и Рада» во многом строится по русским образцам. Русская поэзия становится вдохновительницей большого болгарского поэта П. Р. Славейкова. Любен Каравелов, прокладывая дорогу реализму в литературе, опирался на произведения русских писателей-реалистов.

Болгарское революционное движение этой эпохи черпает свою силу в русском революционном движении. Болгарские революционеры находятся под влиянием идей русских революционных демократов Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова и др.

Сербский народ также весьма плодотворно использует творения русской культуры, в частности литературы, настолько, что например, целый период развития сербской истории культуры получает название «периода русской книги».

Национально-освободительная борьба сербского и греческого народов находит горячую поддержку у передовых деятелей России. В своем кишиневском дневнике А. С. Пушкин отмечает: «Я твердо уверен, что Греция восторжествует, и 2 500 000 турок оставят цветущую страну Элладу законным наследникам Гомера и Фемистокла». Известны стихи Пушкина:

Восстань, о Греция, восстань!
Недаром напрягала силы,
Недаром потрясала брань
Олимп, и Пинд, и Фермоплы.
Страна героев и богов
Расторгла рабские вериги
При пеньи пламенных стихов
Тиртея, Байрона и Риги¹¹.

Русско-румынские связи на рубеже XVII—XVIII вв. также значительны. Фактором, способствующим их развитию, была религиозная общность. Связи особенно возрастают во время войн России с Турцией, когда отдельные представители румынской общественности переезжают в Россию. Известны связи деятелей румынского просветительского движения с русским просветительством. На румынский язык переводятся произведения русских

¹¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 6-ти т., т. 2. М., 1936, с. 142.

классиков, которые оказывают большое воздействие на общественное, политическое и культурное развитие румынского народа. Под влиянием идей русских революционных демократов находится и выдающийся румынский мыслитель и критик К. Доброджану-Геря.

Интенсивны культурные связи балканских народов с польской культурой. Польша ведет войну с Турцией, и до XVIII в. для порабощенных балканских народов, и прежде всего славян, она является надеждой на освобождение. В XIX в. в Турцию, Болгарию и Сербию попадает большое число польских эмигрантов, которые несут с собой свободололюбивые идеи. Так, большую общественно-политическую и культурную деятельность в Турции и Болгарии развивает Михаил Чайковский¹².

В первой половине XIX в. чешское и словацкое славяноведение играет немалую роль в развитии духовной жизни южных славян. Чешское, и словацкое славянофильство укрепляет веру славянских народов в их светлое будущее. В чешских учебных заведениях получают образование и приобщаются к чешской культуре многие общественные и культурные деятели славян¹³.

Даже такой малочисленный из славянских народов, как лужицкие сербы, оставляет свой след в развитии культуры балканских славян. Лужичане оказывают финансовую поддержку Ивану Богорову в его издании первой болгарской газеты.

Таким образом, роль славянской культуры значительна не только для славянских народов Балканского полуострова, когда они складываются в самостоятельные нации, но и для народов неславянских, для которых в этом процессе она является важнейшим фактором их общественной жизни и культурного развития.

¹² Георгиев Е. Български образи в славянските литератури. София, 1969.

¹³ Георгиев Е. Българи и чехи в епохата на тяхното възраждане. — Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет, 1946, т. XIII; 1954, т. XIVIII.

СТРУКТУРА КУЛЬТУРЫ ХОРВАТСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

В ОСНОВУ данной статьи положен проведенный мной анализ двух основных печатных органов хорватского национального Возрождения — журналов «Даница» (1835—1849) и «Коло» (1842—1853). Анализ этот в свою очередь основан на показателях частоты упоминания отдельных имен культурных деятелей в этих журналах. При создании таких индексов я учитывал не только простое упоминание (1 единица), но и упоминание в связных текстах, частично или целиком посвященных отдельным личностям (3 единицы), наличие цитат из произведений отдельных авторов (эпиграфы, крылатые слова, приводимые в «Данице» даже в отдельной рубрике, — 2 единицы) и наконец оригинальные или переводные произведения и статьи тех или иных авторов, помещенные в журналах (5 единиц). Так, например, индекс Карамзина получен следующим способом:

«Даница»	— 6 переводов	— 30
	9 упоминаний	— 9
«Коло»	2 упоминания	— 2
		<hr/>
		индекс — 41

Создание таких индексов было значительно облегчено благодаря полному факсимильному изданию «Даницы» в издательстве «Либер» (1970—1972), снабженному указателями авторов и имен с необходимыми расшифровками и уточнениями, сделанными ведущими специалистами по истории иллиризма¹.

Если составить, исходя из таких подсчетов, таблицу известности отдельных культурных деятелей прошлого и настоящего (при этом исключаются хорватские авторы рассматриваемого периода, непосредственные сотрудники журналов и деятели движения), то на самом ее верху мы найдем имя Ивана Гундулича, поэта хорватского барокко, автора поэмы «Осман», прославляющей победу польского короля над турками, представителя национальной литературной традиции эпохи расцвета хорватской литера-

¹ Zivančević M. «Danica ilirska» i njeni anonimni suradnici (Bilješke integro u povodu reprint izdanja). — Croatica, 1973, IV, 5, s. 67—106.

туры в Дубровницкой республике (индекс 215). Этот высокий индекс подтверждается и самим литературным процессом периода национального Возрождения: наиболее значительное и оригинальное произведение этого периода — «Смерть Смаил-аги Ченгича» Ивана Мажуранича — во многом обязано именно влиянию Гундулича.

О стремлении хорватского национального Возрождения восстановить нарушенную связь с хорватской культурной традицией XVI и XVII вв. свидетельствуют также сравнительно высокие индексы других дубровницких писателей. Так, взоры деятелей иллирийского движения обращаются к Юнию Пальмотичу (индекс 64) и Игнату Джурджевичу (индекс 58), поэтам эпохи дубровницкого барокко (XVII в.). Непосредственно за ними в соответствии с «вертикальной непрерывностью» национальной культуры следуют поэты XVIII в. из северной Хорватии, писавшие на штокавском наречии и использовавшие в своем творчестве, по мнению современных литературоведов, элементы рококо, — Качич (индекс 51) и Катанчич (индекс 46). Если добавить еще индекс хорватского стилизатора устного эпического творчества Качича-Миошича (29), то можно определить основное стремление хорватского национального движения — возобновление непрерывной связи с хорватской культурой прошлых столетий, и в частности с литературой на штокавском наречии в разных ее ответвлениях, причем наиболее знаменательна установка на традицию дубровницкого барокко. Писатели хорватского Ренессанса встречаются в периодической печати значительно реже: здесь выделяются только Чубранович (индекс 11) и Луич (индекс 11), а сплитский гуманист Марулич, пишущий на чакавском наречии, упоминается в «Данице» только семь раз. Чрезвычайный интерес к Дубровнику и его культуре подтверждается также высоким индексом историка и деятеля этой республики Ф. Аппендини (24).

С интересом к традиции хорватской литературы Дубровника и Далмации несомненно связано и сравнительно частое упоминание имен писателей итальянского Ренессанса, в первую очередь Петрарки (индекс 20) и Тассо (индекс 20). Особо следует подчеркнуть, если зашла речь об итальянской литературе прошлого, неожиданно пристальное внимание к творчеству одного из итальянских «аркадийцев» XVIII в. — Джакомо Витторелли (индекс 30), что указывает на присущее литературе иллиризма тяготение к идиллическо-пасторальным стиливым структурам. На нашей таблице Витторелли занимает более высокое место, чем Шекспир (индекс 27), сравнительно часто упоминаемый, но, кроме эпитафий, в журналах еще не переводимый.

Второй блок культурной традиции, к которому обращаются периодические издания в Хорватии, — это классическая традиция

Древней Греции и Рима. Этому способствуют устойчивость латинской традиции в Хорватии, прочное место, которое занимает классическое образование в воспитательной системе, а кроме того, возобновление этой традиции в европейских литературах во время и после Великой французской революции, особенно в разновидностях течения «бури и натиска». В классическом блоке чаще всего упоминается Гомер (индекс 43), за ним следуют Гораций (индекс 34), Цицерон (индекс 27), Сократ (индекс 22), Анакреонт (индекс 17) и Овидий (индекс 13), причем высокие индексы появляются не вследствие переводов этих римских и греческих авторов, а в результате ссылок на их имена в разных контекстах, как, например, в случае с Горацием — в эпитафиях, подчеркивающих его авторитет.

Традиции христианства играют в структуре илиризма меньшую роль. Библейские и евангельские авторы упоминаются реже, чем классические. Среди них самый высокий индекс у Давида (29) — в связи с тем, что его псалмы переводились дубровницкими поэтами (Джурджевичем и др.).

Древнеславянская письменность в это время не вызывает тот интерес, которого следовало бы ожидать от идеологов «славянской взаимности». По сравнению с представителями национальной и классической традиции родоначальники славянской письменности обладают более низкими индексами. Так, индекс Кирилла — 24, Мефодия — 20, а русского летописца Нестора — 12.

Место французской традиции в структуре илиризма явно несоизмеримо со значением этой традиции для польской или русской культуры первой половины XIX в. Французский классицизм не привлекает особого внимания в Хорватии (индекс Расина — 5), несколько выше индексы только у писателей XVIII в. — Руссо (16) и Вольтера (15).

Отдельно надо рассмотреть место немецкой культуры в структуре илиризма. Центр хорватского культурного движения — Загреб в сущности все еще был двуязычен. Переводить с немецкого языка не было нужды, так как хорватская интеллигенция могла пользоваться немецкими оригиналами. В Хорватии газеты и журналы выходили на немецком языке. Поэтому судить о роли немецкой литературы в Хорватии 30—40-х годов лишь на основе данных, почерпнутых из журналов «Даница» и «Коло», не следует.

Однако некоторые показатели все же привлекают наше внимание. Так, например, очень высок индекс (139) Шиллера в таблице. Риторический пафос немецкого классика, очевидно, является моделью, достойной подражания. В «Данице» он не только сравнительно много переводится, но и цитируется, на него

часто ссылаются различные авторы журнальных статей. После Шиллера идет не Гете (индекс 41), как следовало бы ожидать, а эпигон немецкого сентиментализма Цшюкке (индекс 49), произведения которого для хорватских писателей этого периода являлись «источником сентиментальных стилистических клише»². Хотя возникновение славянской идеи как движущей силы иллиризма часто связывают с именем Гердера, индекс 36 опровергает его ведущую роль в становлении движения. В «Данице» он представлен отрывком о «Славянских народах», тремя эпиграфами и многочисленными ссылками; в «Коло» его уже совсем нет. За Гердером следует С. Гесснер (здесь мы опять должны отметить нарушение иерархии немецкой литературы) — швейцарский автор, создатель образов идиллических «аркадийских» пастушков, — хотя уже с более низким индексом (17). И только после него появляются в таблице братья Гримм (индекс 16). Среди немецких авторов выделяется еще Коцебу (индекс 14), на которого хорватские критики ссылаются как на драматического писателя.

Если хорватское национальное Возрождение стремилось восстановить «вертикальную непрерывность» с собственной национальной литературной традицией, в то же время цenia классическую культуру, то в своем стремлении к созданию «горизонтальной непрерывности» оно чаще всего обращалось к культурам других славянских народов. Основой его деятельности стала идеология, развиваемая чешским национальным Возрождением, а в области языковой и литературной оно опиралось на программу сербского реформатора Вука Караджича, хотя с ним во многом и расходилось. Отсюда чрезвычайно высокие количественные показатели у Шафарика (197), Коллара (178) и Караджича (183). Тем не менее эти показатели не снижают того высокого положения на иллирийском Олимпе, которое занял дубровницкий поэт Гундулич. Именно на линии соотношения «вертикальной непрерывности», идущей к Ренессансу, барокко и классической культуре, и «горизонтальной непрерывности», идущей либо к славянской мифологии, либо к устной героической эпике, надо искать противоречия, характеризующие структуру иллиризма.

Количественно самый представительный блок в нашей таблице — это блок чешского и словацкого Возрождения. Возглавляют его Шафарик и Коллар, поддерживающие непосредственный контакт с Гаем и его сотрудниками. Их статьи и некоторые литературные произведения (например, «Дочь Славы» Коллара) стали программными для иллиризма. Другие деятели чешского

² Sekulić Lj. Književna tradicija u novelistici Mirka Bogovića. — In: Hrvatska književnost prema evropskim književnostima. Zagreb, 1970, s. 141.

Возрождения тоже широко известны в Хорватии: Й. Добровский (индекс 45), В. Ганка (индекс 45), Ф. Палацкий (индекс 28), Й. Юнгман (индекс 26), Ф. Челаковский (индекс 21).

Чешскому романтизму отведено значительно меньше места на страницах журнала. Глава романтизма К. Г. Маха лишь упоминается (индекс 3), несколько большей известностью пользуется Й. К. Тыл как прозаик и драматург (индекс 19). Публикуются в «Коло» также статьи К. Я. Эрбена (индекс 11). Довольно рано появляются в Хорватии переводы Божены Немцовой (индекс 7).

Остановимся на связи хорватских журналов с представителями национального движения в Словакии. «Даница» охотно предоставляет им свои страницы, потому что их деятельность во многом созвучна сопротивлению хорватов венгерским гегемонистским устремлениям. Отсюда столь высокий индекс у К. Румы (123), сотрудничавшего в «Данице» в 1839—1840 гг. и печатавшего свои статьи против «ультрамадьяризма». Глава словацкого движения Л. Штур (индекс 46) печатает не только свои корреспонденции из Словакии, но и отдельные стихотворения. Появляются в хорватских журналах также имена Я. Голлога (поэт, индекс 16) и Й Гурбана (прозаик, индекс 12).

Сербскую культуру представляет не только Вук Караджич, идеи которого вдохновляли иллирийских реформаторов, но и просветитель Досифей Обрадович (индекс 117). Его тексты нередко публикуются в «Данице». Особенно часто журнал помещает его изречения. Романтики опять стоят гораздо ниже. Так, например, низкий индекс у черногорского владыки Негоша (25). Не высоки индексы и у провозвестника сербского романтизма Симы Милутиновича (12), а также у самого значительного поэта-романтика Бранко Радичевича (15). В этом же ряду с романтиками находится поэт сербского классицизма Лукиян Мушицкий (индекс 12) и известный комедиограф Йован Стерия Попович (индекс 12).

Не часто упоминаются и словенцы. В этом немногочисленном блоке выделяются языковеды Е. Копитар (индекс 35) и Ф. Миклошич (индекс 32), за ними следуют писатели словенского Просвещения — В. Водник (индекс 12) и А. Линхарт (индекс 11). Сравнительно низкий индекс у главы словенского романтизма Прешерна (10), сопротивляющегося основным стремлениям иллиризма.

Славянский романтизм представляет прежде всего А. Мицкевич (индекс 116), занимающий одно из самых высоких мест в таблице. Его творчество стало вершиной романтической поэзии. Он затмил другие имена польских романтиков. З. Красиньский в «Данице» не упоминается вовсе, имя Ю. Словацкого мы встречаем лишь дважды. Зато высокие индексы у славянофила В. Мацейов-

ского (40) и публициста-демократа К. Либельта (34). Среди польских писателей следует еще назвать просветителя И. Красицкого (индекс 24), прозаика М. Чайковского (индекс 12) и собирателя устного народного творчества К. Вуйцицкого (индекс 17).

Русская культура представлена в таблице (в соответствии с упоминанием русских деятелей культуры в хорватских журналах, особенно в «Данице») в искаженном виде. Так, самый высокий индекс у Ф. Булгарина (48). Сравнительно высоко оценена и деятельность М. Погодина (индекс 26), установившего связи с представителями чешского движения.

Карамзин (индекс 41) получил известность как историк, поэт и прозаик, Пушкин (индекс 31) — как прославленный русский писатель, произведения которого печатались в журнале «Коло». Кроме них, русскую литературу представляют славянофил Хомяков (индекс 15) и Языков (индекс 11); Лермонтов же только упоминается.

В журналах часто встречаются имена русских ученых, посетивших Хорватию: высокий индекс у друга Враза — Срезневского (47) и у Прейса (19).

Западноевропейская литература начала XIX в. редакторов хорватских журналов привлекает меньше, чем славянские литературы. Здесь прежде всего выделяется Байрон (индекс 34). Его «Шильонский узник», послуживший моделью для поэмы «Гробничное поле» хорватского писателя Д. Деметера, был напечатан в «Коло». Другие английские романтики лишь упоминаются. Надо обратить внимание на уже проявившийся интерес к творчеству Вальтера Скотта (индекс 7) как автору исторических романов.

Еще меньше места занимает французский романтизм. Некоторый интерес вызывает только творчество Гюго (индекс 14) и Ламартина (14). Последний привлекает иллирийцев не только как поэт, но и как путешественник по Сербии. Переводы его произведений помещены в «Коло».

Даже немецкому романтизму не уделено достаточно места. Переводятся, правда, произведения Ж. Ж. Поля (индекс 6), упоминается Ф. Шлегель (индекс 4), но мы не найдем в «Данице» ни Тика, ни Новалиса, ни Гейне, который, судя по журналам, все еще не известен в Хорватии.

Сравнительно высоким индексом обладает итальянский романтик Леопарди (26). Но это заслуга переводчика — дубровницкого поэта Орсата Почича. Его переводы были напечатаны в «Данице» в 1849 г.

Из приведенных подсчетов видно стремление хорватской литературы 30—40-х годов сохранить «вертикальную непрерывность»

ТАБЛИЦА ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Хорватская культура	Европейская традиция	Западно-европейская культура XVIII—XIX вв.	Культура южных славян	Чешская и словацкая культура	Польская культура	Русская культура
Гундулич 215			Караджич 183	Шафарик 197		
		Шиллер 138		Коллар 178		
			Обрадович 117	Румы 123		Мицкевич 116
Пальмотич 64						
Джурджевич 58		Цюкке 49		Штур 46		Булгарин 48
Кавижлич 51				Ганга } 45		Срезневский 47
				Добровский }		
Катавич 46						
	Гомер 43	Гете 41				Карамзин 41
		Гердер 36				
	Горацкий 34	Байрон 34	Копитар 35			
				Зап 34		Либельг 34
			Миклошич 32			Крашевский 33
Качич 29	Давид 29					Пушкин 31
	Цицерон } 27					
	Шекспир }					
	ал. Павел 26	Леонарди 26		Палацкий 28		
Аппендлин 24	Сократ 22		Негом 25	Юнгман 26		Погодин 26
	Иероним 21		Кирилл 24	Челаковский 21		Красицкий 24

Петрарка Тассо ап. Иоанн	20				
Зринский 17	Геродот Анакреонт Платон 16	17	Гесснер 17		Прейс 19
Ферич 16	Плиний 15		Руссо бр. Гримм Вольтер 15 Гюго Ламартин Кофесу Донцетти	16	Колерник Вуйцицкий } 17
			Радичевич 15 Текиля 14	14	Хомяков 15
Витязевич 12	Овидий 13 Гутенберг 12		Св. Милетич 13 Мушицкий Полович С. Милути- кович Волвик Линхарт 11	12	М. Чайковский 12 Нестор 12
Чубранович 11 Луцич 11			Эрбен } Пуркине } 11		Языков 11
Паннониус 10	Птоломей } Плутарх } Рафаэль 9	10	Беллини 10		
Медулич 8 Марулич 7	Тициан } Тинторетто } 6	6	Прешерн } Суботич } 10		Гоголь 8
			Скотт 7 Жан поль Кант Гегель Легарп Моцарт И. Штраус Расин 5 Шлегель 4 Бальзак 3	6	Немцова 7 Сметана 6
	Леонардо да Винчи 2 Микеланджело 1				Глинка 5
					Маха 3
					Словацкий 2

по отношению к немецкой классике (особенно ее шиллеровскому варианту) и западноевропейскому и славянскому Просвещению (ср. индексы Обрадовича, Крasicкого). Наиболее близки ей предромантические литературные направления, в том числе сентиментализм (немецкие сентименталисты, Карамзин, Коллар). Позднее сильное влияние оказывают видные представители славянского (Пушкин, Мицкевич) и западноевропейского романтизма (Байрон, Leopardи). Следует добавить, что уже в это время в хорватской периодике появляются первые сведения о представителях зарождающегося реализма, например о Гоголе (индекс 8) и его «Мертвых душах», о Бальзаке (индекс 3). Однако эти писатели для хорватского литературного процесса еще серьезного значения не имеют.

Из наших подсчетов можно также сделать вывод, касающийся культурной программы иллирийского движения. В ней преобладает интерес к литературе и филологии, а также истории. Высокие индексы только у филологов, литераторов и историков славянства. Имен философов мы почти не встречаем. Их индексы слишком низки. Иногда лишь даются ссылки на Канта (индекс 6) и Гегеля (индекс 6).

Хотя оба журнала, ставшие предметом нашего исследования, не являются специализированными литературными органами, интерес к другим областям культуры, и в частности к искусству, у них проявляется довольно редко. Относительно высокие индексы присущи только композиторам, причем чаще всего речь идет об итальянских оперных композиторах — Доницетти (индекс 14) и Беллини (индекс 10). Даже славянские деятели музыкального искусства не привлекают особого внимания, хотя уже известны Глинка (индекс 5) и Сметана (индекс 6). Их показатели не ниже показателей прославленных австрийских композиторов — Моцарта (индекс 6) и Иоганна Штрауса (индекс 6).

Знакомство с изобразительным искусством ограничивается эпохой итальянского Ренессанса, с которым прочно связаны также имена некоторых хорватских живописцев. Так получается ряд: Рафаэль (9), Медулич (8), Тициан (6), Тинторетто (6), в то время как Микеланджело и Леонардо да Винчи упоминаются раз или два.

Создать непрерывность национальной культуры, обращаясь к ее наследию эпохи Ренессанса и барокко в Дубровнике, сохранить связь с общеевропейским культурным наследием Древней Греции и Рима и классическими идеалами немецкой литературы, выявить и сохранить общность с культурами других южных славян на основе близости языка и народного творчества, развить «горизонтальную непрерывность» по отношению к культурам дру-

гих славянских народов — вот основные стремления хорватского национального Возрождения. Эти стремления нашли свое воплощение в хорватской культуре в период становления нации и дали возможность наметить пути развития в XIX в.

Привожу таблицу показателей частоты упоминания отдельных имен культурных деятелей в журналах «Даница» и «Коло» (см. с. 54—55).

Я. Шолта

(ГДР)

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И КУЛЬТУРА ЛУЖИЦКИХ СЕРБОВ

*(Проблема народного образования
в начале XIX в.)*

ЕСЛИ говорить об истории и культуре такого малочисленного народа, как лужицкие сербы, в связи с проблемой славянских культур в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XIX вв., то следует поставить те вопросы, которые представляют общенаучный интерес, для того чтобы внести свой вклад в разработку этой темы. Мы видим этот путь в возможности и необходимости сравнительных исследований. Исходя из этого, мы попытаемся осветить с исторической точки зрения некоторые особенности развития лужицких сербов.

Необходимо указать на три важных момента, касающихся истории лужицких сербов:

во-первых, на их территориально-политическую и религиозную раздробленность до и после 1815 г., которая привела к образованию трех вариантов языка и письма¹;

во-вторых, на многовековую традицию совместного исторического развития с немцами, на продолжительные контакты, борьбу и взаимовлияния;

в-третьих, на исторический процесс буржуазно-капиталистических преобразований общества в XIX в., который показал, что у лужицких сербов, в частности, он не привел к образованию национальной (городской) буржуазии, хотя, разумеется, тенден-

---

¹ *Löttsch R. Einheit und Gliederung des Sorbischen. — Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst, Berlin, 1965, N 7.*

ции к этому были. Та немногочисленная часть городской буржуазии, которая выходила из среды лужицких сербов, обычно быстро онемечивалась. Для защиты своих классовых интересов они меньше всего нуждались в национальном движении лужицких сербов, вследствие чего оно оставалось по существу мелкобуржуазным и крестьянским. Сравнительно сильная сельская буржуазия возникла лишь в саксонских землях, у верхних лужичан, в результате буржуазных аграрных реформ, однако не она определяла масштабы буржуазно-капиталистического развития. Решающий фактор самостоятельного развития буржуазной нации — национальная буржуазия как носитель капиталистического прогресса — у лужицких сербов отсутствовал. Их развитие по пути капитализма как в социально-экономической, так и в государственно-политической области протекало в тесной связи с развитием немецкого народа; оно связано с немецкой историей².

Поэтому национальная культура лужичан опиралась главным образом на культуры других славянских народов и обуславливалась включением в движение «культурной взаимности». Как это выглядело в начале XIX в.?

В начале XIX в. на образование и культуру накладывали сильный отпечаток пережитки феодализма в области школьного дела и бурная полемика по вопросам лужицкого языка, его роли в неизбежном улучшении народного образования и его перспектив вообще. Появление капиталистических отношений в экономике настоятельно требовало повышения образовательного уровня населения. Просвещение XVIII в. считало своей главной задачей распространение знаний в народе. Будет ли школьное дело в лужицких областях строиться на основе родного языка населения или таковой будет ликвидирован в результате систематической германизации?³

Влияние Французской революции, особенно в 1789—1794 гг., вызвало мощный подъем антифеодальной борьбы лужицких крестьян. Выдвигая важнейшие социальные требования об отмене крепостного права и ликвидации крупного землевладения, лужичане в то же время упорно сопротивлялись непрекращающимся попыткам вытеснения серболужицкого языка из богослужения и школьного преподавания. Земельная же аристократия ставила в вину лужичанам их все обостряющуюся антифеодальную борьбу. Она полагала, что вытеснение серболужицкого языка в процессе улучшения школьного дела и быстрая германизация лужицких

² Solta Jan, *Zwahr H. u. a. Geschichte der Sorben*, Bd 2, von 1879 bis 1917, Bautzen, 1974, S. 91—104.

³ *Ibidem*, S. 63—69.

сербов будут способствовать смягчению классовых противоречий и укреплению ее господства. Споры о серболужицком языке имели ярко выраженный классовый характер⁴.

В такой ситуации позиция немецких просветителей в отношении лужицких сербов была противоречивой. Были среди них и влиятельные апологеты феодальных взглядов на вопросы школьного образования (совершенствование школы путем германизации, т. е. путем ликвидации серболужицкого языка), что было не чем иным, как уклонением от признания социальных причин недостатков в области образования и культуры и выражением стремления к компромиссу с либеральными представителями дворянства⁵.

Другие немцы поддерживали серболужицких просветителей, безоговорочно выступая вместе с ними за развитие народного образования на базе серболужицкого языка. В своей резкой критике крупного землевладения и крепостного права такие писатели, как, например, Андреас Тамм из Мускау (Верхняя Лужица), обнажали социальные корни антифеодальной борьбы лужицких крестьян и указывали на ее глубокую обоснованность⁶.

Вместо того чтобы вскрыть социальный смысл этих споров, некоторые буржуазные историки пытаются игнорировать классовый характер народного образования, а также культурной и языковой политики в серболужицких областях и по возможности отвлечь внимание читателей, переключая его на второстепенные вопросы. Одновременно они стремятся к тому, чтобы принизить значение антифеодальных движений крестьян⁷.

Споры о народном образовании и серболужицком языке коснулись серболужицкого духовенства и учителей, часть которых за-

---

⁴ *Měšk F.* Verordnungen und Denkschriften gegen die sorbische Sprache und Kultur während der Zeit des Spätfudalismus. Eine Quellensammlung. Bautzen, 1969.

⁵ *Měšk F.* Spätaufklärer und antisorbische Sprachpolitik während des Übergangs vom Feudalismus zum Kapitalismus (1781—1827). — *Lëtopis B* 19/1, Bautzen, 1972, S. 34—79.

⁶ *Tamm A.* Noch etwas über Leibeigenschaft, Erbuntertätigkeit und Lässigkeitsgüter in der Lausitz. — *Lausitzische Monatsschrift*, 1972, H. 5, S. 162—170.

⁷ Типичным представителем этого направления является Р. Леман. См.: *Lehmann R.* Geschichte der Niederlausitz. (West-)Berlin, 1963 (особенно с. 680—709), а также его работы: *Niederlausitz und Oberlausitz in vergleichender geschichtlicher Betrachtung.* — *Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands*, Bd VII. Tübingen, 1958. О методологической позиции Р. Лемана см. критические замечания Я. Шолты: *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*, 1960, t. II. Berlin, 1961 (рецензия на книгу: *Lehmann R.* Die Verhältnisse der niederlausitzischen Herrschafts- und Gutsbauern in der Zeit vom Dreissigjährigen Kriege bis zu den preussischen Reformen. Köln—Graz, 1956; *Niederlausitz in den Tagen des Klassizismus, der Romantik und des Biedermeier.* Köln—Graz, 1958.

щищала позиции германизаторов. Дискуссия о языке вызвала расхождение серболужицкой интеллигенции⁸.

Известный педагог Д. Б. Глован (Котбусский округ), сын серболужицкого сельского учителя, начал свою профессиональную деятельность как горячий сторонник германизации, пока очень скоро не понял, что такая практика, направленная против учащихся, которые не понимают ни слова по-немецки, противоречит самим принципам педагогики⁹. Как и многие его современники — священник Й. З. Шиндлар (Котбусский округ)¹⁰, епископ Ф. Й. Лок¹¹ и редактор газеты Я. Дейка (Бауцен)¹², — Глован становится убежденным защитником народного образования на базе родного языка лужичан.

Представители серболужицкой культуры, выступавшие за подъем народного образования на основе родного языка, делали это в соответствии с потребностями и неоднократными требованиями народных масс. При таком положительном отношении к проблеме серболужицкого школьного образования каждый представитель серболужицкой интеллигенции, осознававший свою связь с традициями — прежде всего с XVIII в., — должен был неизбежно прийти к тому, чтобы всячески способствовать научному изучению серболужицкого языка и культуры¹³. Дискуссия с проводниками германизации по вопросам школьного образования, так же как и антифеодальная борьба крестьян были движущей силой развития всей серболужицкой культуры. Последняя тоже нуждалась в опоре на культуру других славянских народов и получала от нее мощные импульсы¹⁴.

⁸ *Solta J.* Die Lausitzer Sorben und ihre Nachbarn in der Zeit von 1789 bis 1848. Ein Beitrag zur Frage der internationalen Wechselbeziehungen der sorbischen Geschichte. — *Lëtöpis B 22/1*, Bautzen, 1975, S. 49—61.

⁹ *Biernat K. D.* David Traugott Kopf — Lehrer der Sorben, Erzieher der Waisen und Verwahrlosten. Eine sorbische Lehrerpersönlichkeit aus der 1. Hälfte des 19. Jahrhunderts. Pädagogische Dissertation. Potsdam, 1964.

¹⁰ *Kunze P.* Die Sorbenpolitik des feudalabsolutistischen preussischen Staates vom Wiener Kongress bis Vorabend der bürgerlich-demokratischen Revolution im Rahmen der bürgerlichen Umwälzung der Gesellschaft. Philosophische Dissertation. Leipzig, 1974. *Idem.* Probleme der sorbischen Geschichte in der Übergangsperiode vom Feudalismus zum Kapitalismus. — *Lëtöpis B 22/1*, S. 62—99.

¹¹ *Kilank R.* Franz Georg Lock. Ein Beitrag zur katholischen Aufklärung in der Oberlausitz. Philosophische Dissertation. Berlin, 1970.

¹² *Hajnec L.* Jan Bohuchwal Dejka — založitel serbskeho novinarstwa. — *Lëtöpis A3*. Bautzen, 1955, S. 80—144.

¹³ *Jenč Y.* Stawizny serbskeho pismowstwa, 1 džěl. Budyšin, 1954; *Mětsk F.* Delnjoserbska romantika. — *Serbšćina*, Budyšin, 1956. N 14, S. 1329—1336.

¹⁴ *Zeil W.* Bolzano und die Sorben. Ein Beitrag zur Geschichte des «Wendischen Seminars» in Prag zur Zeit der josephinischen Aufklärung und der Romantik. Bautzen, 1967.

Отрицательная позиция многих просветителей, в том числе и части серболужицкого духовенства и учителей, в отношении серболужицкого языка и культуры, отражавшая классовую точку зрения лужицкого дворянства, повлияла на характер либеральных реформ XIX в. в Пруссии и Саксонии в области культурной политики (церковь, школа), которые не смогли или не хотели противопоставить национальному бесправию и угнетению лужицких сербов со стороны господствующего класса никакого демократического пути.

Благодаря появлению систематического педагогического образования (семинары для учителей в первой половине XIX в.) выросли ряды серболужицкой интеллигенции и усилилась ее связь с народом¹⁵. Это касается прежде всего верхнелужицких учителей Саксонии, которые на основе прогрессивного воспитания и высокого уровня образования, полученного на семинарах в Бауцене, действовали демократическому серболужицкому национальному движению и приняли активное участие в развитии серболужицкой культуры. Таковыми были К. А. Коцор, заложивший у лужичан основы профессионального музыкального искусства, Й. Б. Мучинк — основоположник боевой публицистики 40-х годов, И. Вьеларадисерб — редактор-демократ в период буржуазно-демократической революции 1848—1849 гг., Й. Й. Мельда — активный борец за отделение школы от церкви.

В начале XIX в. забота о подъеме народного образования была на первом плане борьбы за национальную культуру. Это был важный этап в развитии серболужицкой культуры.

¹⁵ *Hartstock E.* Die sorbische nationale Bewegung in der sächsischen Oberlausitz während der bürgerlich-demokratischen Revolution 1848/49. Philosophische Dissertation. Leipzig, 1968.

Л. Н. Пушкарев

(СССР)

ВКЛАД АКАДЕМИИ НАУК В РУССКУЮ КУЛЬТУРУ XVIII—XIX ВВ.

РУССКАЯ культура как исторически определенный уровень развития общества и человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях, развивалась и складывалась под воздействием самых разнообразных причин и влияний.

Большую роль в формировании культуры играют те или иные центры, аккумулирующие в себе лучшие культурные и научные силы и определяющие направления развития культуры.

Большой вклад в русскую культуру XVIII—XIX вв. внесла Академия наук, создание которой было теснейшим образом связано с реформами первой четверти XVIII в., с мощным экономическим и культурным подъемом России, с новыми потребностями быстро растущей страны. Видную роль в создании Академии наук сыграл Петр I, утвердивший на заседании сената 22 января 1724 г. проект положения об учреждении Академии наук и художеств.

Не только в русской истории, но и в истории всей мировой культуры трудно найти другой такой пример быстрого и эффективного «выращивания науки»¹, как это было в России после создания в ней Академии наук.

Петербургская Академия наук существенно отличалась от иностранных академий, которые, как правило, были добровольными научными обществами, лишь поддерживаемыми материально своими правительствами. Петербургская же Академия наук с самого ее основания была призвана, во-первых, стать центром научно-исследовательской работы. Для этого при ней были организованы превосходный физический кабинет, большая химическая лаборатория, астрономическая обсерватория, анатомический театр, лучшая по тем временам типография и ряд мастерских — граверная, механическая, оптическая, а также обширная библиотека. Во-вторых, петербургская Академия наук была призвана стать центром высшего образования в России. В первые десятилетия при Академии наук был создан университет с первой в России гимназией. В-третьих, — центром подготовки ученых высшей квалификации.

Академия наук создавалась в трудных условиях. Отсутствие собственных научных работников вынудило пригласить на первых порах зарубежных ученых. Среди них были крупные исследователи (например, математики Л. Эйлер, Н. и Д. Бернулли, историк Г. Ф. Миллер), нашедшие в России вторую родину. Но были среди них и такие, кто попытался превратить Академию наук в кормушку для иностранцев, кто стремился оградить ее от талантливых русских ученых, сделать из нее прибежище для иностранных самозванцев и авантюристов, высокомерно и даже с презрением относившихся к чужой, полудикой (в их представлении!) стране.

---

¹ Этот термин был впервые употреблен С. И. Вавиловым (см.: *Вавилов С. И. Академия наук СССР и развитие отечественной науки. — Вестник АН СССР, 1949, № 2, с. 40*).

Немалые трудности в развитии Академии наук принес с собой и фаворитизм, пронизывавший собой всю придворную и государственную жизнь России XVIII в. Даже то, что Академия наук была создана не как добровольное общественное, а как государственное учреждение, при всех несомненных положительных сторонах (постоянная материальная поддержка государства, обеспечение условий для научной работы и т. д.), ставило ее в зависимость от государственной власти. Она лишалась самостоятельности и независимости, находилась под унижительной опекой царизма, что и привело в дальнейшем к превращению ее в замкнутую кастовую структуру. Потребовались героические усилия русских ученых и общественных деятелей XVIII в. — М. В. Ломоносова, С. П. Крашенинникова, В. К. Тредиаковского и других, чтобы превратить Академию наук из придворного декорума в центр развивающейся науки и культуры.

Академия наук внесла большой вклад в развитие образования в России в XVIII в. Академический университет открыл путь в науку таким видным русским ученым XVIII в., как академики С. Я. Румовский, И. И. Лепехин, С. К. Котельников и др. М. В. Ломоносов был инициатором создания Московского университета, для которого он составил первый устав². Нельзя не отметить и того, что, по мысли Ломоносова, академический университет должен был иметь три факультета: юридический, медицинский и философский. Богословского факультета (в отличие от зарубежных академий) открывать не предполагалось.

Крестьянская война 1773—1775 г. нанесла чувствительный удар российскому абсолютизму и вызвала ряд ответных реакционных мер Екатерины II в области внутренней политики, в частности образования и просвещения. Были резко сокращены и без того отнюдь не щедрые ассигнования на нужды просвещения.

Но и в этих трудных условиях Академия наук делала многое для распространения знаний в народе. В 1775 г. возобновились публичные лекции. Их читали видные ученые — натуралист И. И. Лепехин, астроном П. В. Иноходцев, математик М. Е. Головин и др.

Неоценима роль Академии наук и в издании книг, газет, журналов. Уже в 1727 г. был издан первый академический календарь, с 1728 г. начинают печататься (на русском и немецком языках) «Санктпетербургские ведомости». Были изданы 14 томов первого печатного органа Академии — «Комментарии СПб. имп. Академии

---

² См. об этом подробнее: *Беляевский М. Т. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955.*

наук» на латинском языке, монографии по специальным научным вопросам, учебники и словари, карты и атласы, таблицы и уставы.

Большое значение имели выпускаемые Академией наук журналы — научные (например, «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие») и художественные (например, «Трудолюбивая пчела» А. П. Сумарокова). Нельзя не упомянуть и многочисленные переводы зарубежной художественной литературы, издававшиеся Академией наук. В 1744 г. были изданы в переводе А. Д. Кантемира произведения одного из крупнейших поэтов античности — Горация, в 1751 г. — политический роман Д. Баркли «Аргенида», в 1766 г. — «Тилемахида». Особенно расширилась издательская деятельность Академии наук в последней четверти XVIII в. Она публиковала в это время журналы, календари. Было выпущено первое собрание сочинений М. В. Ломоносова, большой труд С. Г. Гмелина «Путешествие по России для исследования трех царств естества», ч. 1—3 (СПб., 1771—1785), записки И. И. Лепехина, материалы о путешествиях П. Палласа, В. Ф. Зуева и других исследователей. Вышли книги по истории, географии, физике, химии, астрономии.

Известна широкая издательская деятельность Н. И. Новикова³, но не обращают обычно внимание на то, что из 53 изданий самого Новикова и организованного им Общества, старающегося о напечатании книг 41 издание печаталось в академической типографии. Здесь печатались и такие журналы Новикова, как «Трутенъ» (1769—1770), «Пустомеля» (1770), «Живописец» (1772—1773).

Без Академии наук у нас не было бы замечательного «Атласа Российского» (СПб., 1745), представлявшего собой вклад в историю не только русской, но и мировой науки. «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова (СПб., 1755, изд. 2-е, 1785) семь раз издавалось за границей на французском, голландском, английском и немецком языках. Книги Эйлера, Бернулли, Котельникова, Румовского, Татищева, Щербатова, Фонвизина, Богдановича вошли в золотой фонд русской культуры, все они были изданы Академией наук.

В 1768 г. при Академии наук было создано «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на российский язык». До 1783 г. «Собрание» перевело 112 иностранных сочинений (в 173-х томах). По этим книгам русское общество знакомилось с передовыми западноевропейскими идеями. Не случайно в преддверии Великой французской революции это издание было закрыто русским правительством.

³ См.: Семенников В. П. Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и Типографской компании. Пг., 1921; Светлов Л. Б. Издательская деятельность Н. И. Новикова. М., 1946.

Академия наук многое сделала в XVIII в. для того, чтобы и наша страна, и заграница лучше узнали бы, что таят в себе необъятные просторы России. Знаменитые экспедиции Академии наук 60—70-х годов XVIII в. открыли для просвещенного мира Поволжье, Заволжье, Урал, Архангельскую губернию, Каспийское море, южную часть Сибири от Урала до Забайкалья, Башкирию, Алтай, Кавказ, Молдавию, Бессарабию, Беломорье и русский Север — трудно даже просто перечислить, какую огромную территорию охватила Академия наук в результате большого и кропотливого изучения богатств и природных условий нашей страны. Русские люди получили возможность познать свою, пользуясь словами Ломоносова, «обширную державу, над которой солнце целую половину своего течения совершает и в которой каждое светило восходящее и заходящее во едино мгновение видеть можно»⁴.

В петербургской Академии наук было положено начало атомистической теории строения вещества, учениям о теплоте, капиллярных явлениях. Именно здесь Ломоносов доказал опытным путем закон сохранения вещества, получивший позднее его имя. Усилиями Ломоносова и его учеников начала развиваться новая наука — физическая химия. Учение об электричестве и магнетизме, оптические явления и астрономические наблюдения вывели русскую науку XVIII в. вперед. Богатейшие исследования естествоиспытателей по фауне и флоре России стали достоянием изумленных их богатством европейских научных центров. Громадный шаг по превращению научных знаний в области истории в историческую науку был совершен в XVIII в. при активном участии Академии наук. Русский язык стал предметом изыскания Ломоносова, Тредиаковского и других ученых.

Академия наук приняла деятельное участие в работе вновь созданной в 1783 г. Российской академии, задачей которой было «вычищение и обогащение русского языка, общее установление употребления слов оного, свойственного оному витийства...»⁵

В Российской академии были сосредоточены лучшие научные и культурные силы страны конца XVIII в. — ученые (И. И. Лепехин, С. Я. Румовский, А. П. Протасов, С. К. Котельников, Н. Я. Озерецковский, В. М. Севергин, Н. П. Соколов, Я. Д. Захаров, И. Н. Болтин и др.), писатели (Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, Я. Б. Княжнин, И. Ф. Богданович, В. В. Капнист и др.).

⁴ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 7. М.—Л., 1959, с. 254.

⁵ Сухомлинов М. И. История Российской академии, вып. 1. СПб., 1874, с. 13.

Деятельность Академии наук и Российской академии отражала подъем национального самосознания русского общества, расширение культурного кругозора и новое понимание национального единства, характерное для формирующихся капиталистических отношений. Показательна та высокая оценка, которую А. С. Пушкин дал работе по составлению словаря Российской академии — «просвещенного труда наследников Ломоносова, строгих и верных опекунов языка отечественного»⁶.

Тесная связь Академий наук с развитием русского искусства XVIII в. может быть прослежена еще в петровскую эпоху, когда характерной чертой искусства была утилитарность, когда искусство практически смыкалось с наукой. Первая рисовальная школа в Петербурге была основана при академической типографии. Когда в 1724 г. А. К. Нартов представил свой проект Академии художеств, то в нем значилось создание наряду с художественными классами и технических. Академия художеств в то время, как известно, открыта не была, но при Академии наук было основано художественное отделение.

Особое место в декоративной живописи XVIII в. занимает мозаика М. В. Ломоносова, который создал первую в России мозаическую мастерскую — фабрику под Петербургом. Ломоносов мечтал о цикле мозаик, прославляющих великие дела Петра I, собирався покрыть мозаичными полотнами внутренние стены Петропавловского собора. Памятником грандиозных замыслов Ломоносова осталась лишь «Полтавская баталия», хранящая сейчас в здании Академии наук в Ленинграде и дающая представление о том, каким великолепным мог бы быть весь декоративный ансамбль, задуманный Ломоносовым.

С именем Ломоносова связано и основание в 1757 г. Академии трех знатнейших художеств. Вначале она числилась при Московском университете, куратором которого был И. И. Шувалов. Он же стал и первым президентом Академии художеств. В Академии художеств прошли первоначальное обучение видные архитекторы XVIII в., такие, как Ю. М. Фельтен и В. И. Баженов.

Являясь центром научной жизни страны в XVIII в., Академия наук активно откликалась и на многие события общественной жизни, принимала в них участие. Особенно это относится к первой половине XVIII в. Такова «ученая дружина», группировавшаяся вокруг Феофана Прокоповича, Антиоха Кантемира и В. Н. Татищева. Все они были решительными сторонниками самодержавия, противниками олигархии. И Кантемир, и Татищев были непримиримы к мракобесам и невеждам, к религиозным

⁶ Пушкин А. С. Евгений Онегин. СПб., 1825, с. 53.

ханжам. Горячая любовь к науке и просвещению, к литературе и искусству и вместе с тем жесткая, нелюбезная критика недостатков просвещения в России — вот что характерно для членов «ученой дружины». При всей исторической ограниченности, противоречивости и непоследовательности воззрений членов «ученой дружины» она готовила общественную мысль России к восприятию антикрепостнических и свободолюбивых идей.

Специальный вопрос о происхождении Русского государства, поднятый бывшим кенигсбергским профессором Г. З. Байером, вскоре приобрел большое общественное звучание и стал предметом горячих не только научных, но и общественно-политических споров. Выводы Байера легли в основу так называемой норманской теории, отрицавшей самостоятельность национального, государственного и культурного развития России, русского народа. Она была позднее использована Миллером, Шлёцером и долго еще господствовала в дворянско-буржуазной историографии⁷.

Выступление Ломоносова с критикой взглядов норманистов имело не только большое научное значение; он вскрыл ее антинаучный и антинациональный политический смысл. Он писал: «Не предосудительно ли славе российского народа будет, ежели его происхождение и имя положить толь поздно, а откинуть старинное, в чем другие народы себе чести и славы ищут»⁸.

Во второй половине XVIII в. Академия наук стала местом борьбы между реакционной частью дворянства и нарождающейся демократической интеллигенцией. Эта борьба особенно обострилась после смерти М. В. Ломоносова. Но молодые ученики и соратники Ломоносова в сложных условиях реакции продолжали дело своего учителя. Так, многое сделали для пропаганды исторических знаний в России и тем самым для совершенствования национального самосознания молодые археографы и историки А. Я. Поленов, С. С. Башилов, В. В. Венедиктов, В. П. Светов и др.

Влияние Академии наук на общественно-политическую мысль России в последнюю треть XVIII в. заметно снизилось. Показательно, что виднейшие мыслители конца XVIII в. — Н. И. Новиков и А. Н. Радищев не входили в состав Академии наук. Единственный путь, который был в это время открыт, — это выбор тех или иных произведений для перевода. И надо сказать, что самый подбор книг и публикация в них введений от переводчиков свидетельствуют о том, что сотрудники Академии наук пользовались малейшей возможностью для пропаганды передовых для того времени взглядов.

⁷ Подробнее см.: *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973, с. 10—15.

⁸ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. 6. М.—Л., 1952, с. 41.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что Академия наук сыграла видную роль в развитии русской культуры XVIII в. Мало того, что Академия наук была по существу единственным научным центром страны в этот период, в ней была сосредоточена и деятельность по подготовке и обучению научных кадров, она явилась центром книгоиздательской и журнальной деятельности, при ее помощи были созданы Московский университет, Российская академия и Академия художеств. Сотрудники Академии наук принимали активное участие в общественно-политической жизни страны, а деятельность М. В. Ломоносова составила целую эпоху в развитии русской культуры.

В начале XIX в. в России были основаны новые университеты — в Дерпте (Тарту), Казани, Харькове и Петербурге. Академия наук перестала быть единственным научным центром страны. В 1803 г. она получила новый устав, по которому разработка научных проблем становилась ее главной задачей. В ней восстанавливались гуманитарные науки, ей было предоставлено право выбора новых членов.

Стесненные бюрократическими рамками академического устава, ученые Академии наук искали пути расширения своей деятельности в преподавательской работе. Развитие русской науки шло вперед быстрыми темпами. Гениальные труды Н. И. Лобачевского по геометрии, выдающиеся работы М. В. Остроградского по вариационному исчислению, исследования В. С. Якоби по гальванопластике явились вкладом в мировую науку. Сотрудники Академии принимали участие в работе Археографической комиссии (Я. И. Березников, Н. В. Колачев, П. М. Строев) и Географического общества, одним из основателей которого был ученый с мировым именем К. М. Бэр. Пулковской астрономической обсерваторией руководил академик В. Я. Струве. Математик Софья Ковалевская была первой женщиной в России, удостоенной звания члена-корреспондента.

Отмена крепостного права и проведение ряда других реформ в 1860-х годах открыли новый этап в развитии России. Изменилась культурная и общественная жизнь того времени. Большое значение приобрели научные общества, тесно связанные с демократическим направлением русской научной мысли.

Расширились международные связи Академии наук. Она начала участвовать в международных научных ассоциациях. Книги русских ученых публиковались за рубежом. Такие ученые, как И. И. Мечников, А. П. Карпинский и другие, были почетными членами иностранных академий, научных обществ и институтов. Многим русским ученым за научные открытия и достижения присуждались высшие награды — премии, золотые медали, дипломы

и т. д. Учеными с мировыми именами были академики А. Н. Веселовский, С. Ф. Ольденбург, А. А. Шахматов, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, благодаря которым русская филология и история добились выдающихся научных успехов.

Особо следует отметить роль Академии наук в развитии славяноведения в России. Начиная с работ всемирно известного слависта-филолога А. Х. Востокова и кончая блестящими достижениями в области славянской филологии И. В. Ягича, усилиями русских ученых историко-славистическая наука сформировалась в комплекс научных дисциплин, оказавших серьезное влияние на развитие мирового славяноведения. Достаточно назвать имена И. И. Срезневского, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова, А. И. Соболевского, М. Н. Сперанского, А. А. Шахматова и многих других ученых, чтобы понять, как велики достижения русской науки в изучении истории, языка, письменности и литературы славян.

В конце XIX в. Академия наук окончательно превратилась в кастовое замкнутое научное учреждение. Академики избирались из привилегированных сословий, президентами Академии назначались высшие сановники. Желая усилить свое влияние на Академию, правительство назначило на пост президента вел. князя Константина Романова. Царское правительство вмешивалось в работу Академии наук, пыталось оградить ее от прогрессивных влияний. В результате не были избраны в академики замечательные русские ученые, светила мировой науки А. Г. Столетов, И. М. Сеченов, К. А. Тимирязев.

Материальное положение Академии наук было тяжелым. Не хватало средств на научно-исследовательскую работу, которая стала концентрироваться на кафедрах университетов и институтов. Передовые ученые преследовались царизмом. Увеличился разрыв между заложенными в русском народе возможностями, его стремлением к знаниям и отсутствием поддержки со стороны правительства.

Рост революционного движения в России на рубеже XIX—XX вв. существенно изменил обстановку и в стране в целом, и в Академии наук в частности. В 1899 г. в связи со 100-летием со дня рождения А. С. Пушкина в Академии наук был создан Разряд изящной словесности, в который избирались почетные академики. В числе первых были избраны Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, В. Г. Короленко, А. Ф. Кони, В. В. Стасов и др. Однако когда в 1902 г. почетным академиком был избран М. Горький, царь Николай II без ведома академиков лишил его этого звания. В знак протеста два почетных академика — А. П. Чехов и В. Г. Короленко покинули Академию наук.

Выдающийся талант русских ученых, славные академические традиции, ведущие свое начало еще от Ломоносова, не могли в полной мере проявиться в условиях царской России. Правительственный надзор за деятельностью Академии наук исключал свободу и автономию научного творчества, способствовал установлению полицейского режима в академических учреждениях. Царское правительство практически сводило на нет все попытки сотрудников Академии наук изменить характер ее деятельности.

Но в том-то и заключалась диалектика развития, что созданная государственной властью Академия наук, с одной стороны, поддерживала и укрепляла эту власть, а с другой — подтачивала ее. Лучшие, передовые силы Академии наук своим неприятием тирании и беззакония противостояли господствующей морали крепостников, существующей системе правления, вносили свой неоценимый вклад в развитие всей русской культуры, способствовали формированию передовой просветительской идеологии, просвещению трудового народа.

Царизм и буржуазно-крепостнический строй России были препятствием на пути научного прогресса, поступательного движения русской науки, на пути развития и процветания Академии наук. Только ликвидация этого строя, только социалистическая революция могли создать условия для подлинно свободного научного творчества, для расцвета науки, стоящей на службе у трудового народа. Об этом убедительным образом свидетельствует история Академии наук за советский период, когда наука — это величайшее достижение человеческого разума — стала действенной, активной силой, преобразующей мир.

Л. Н. Тумова

(СССР)

СПЕЦИФИКА КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ЧЕХИИ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ 40-Х ГОДОВ XIX В.

БУРНЫЕ события 1848—1849 гг., завершившие эпоху чешского национального Возрождения, имели огромное значение в жизни чешского народа. Они были подготовлены нараставшим в течение 70-ти лет освободительным движением и явились важным этапом

в развитии общественной мысли, революционной идеологии, национальной художественной культуры.

Отличительной чертой общественно-культурной жизни Чехии в условиях революционной ситуации 40-х годов XIX в. был ее острополитический характер. Этому способствовали провозглашение — хотя и на короткий период — свободы печати, возросший художественный опыт деятелей чешской культуры, да и сама атмосфера Весны народов. По всей стране распространяется небывалое до того времени число газет и журналов (главным образом радикально-демократического направления). В них открыто звучат политические речи. Со сцены пражского Сословного театра раздаются пламенные призывы к защите отечества, непримиримости к реакции — внешней и внутренней, и если зачастую они вложены в уста Гусу, Жижке и другим национальным героям, то это отнюдь не ослабляет, а, напротив, усиливает производимый эффект, о чем ярко свидетельствует как реакция зрительного зала, так и отклики прессы. Ходят по рукам статьи-памфлеты, красочно оформленные листовки со словами политических песен, призывающих к борьбе, высмеивающих действия австрийских властей, прославляющих славное боевое прошлое народа, его культуру и язык. А поскольку они поются на мелодии популярных, хорошо известных чешских песен, они мгновенно распространяются по всей стране. Небывалую популярность приобретают польские песни — песни родственного славянского народа, имеющего большой опыт политической борьбы и богатую песенную традицию. А на балах и «академиях», приобретающих в эти годы значение общественно-политических клубов, обсуждаются актуальные проблемы современной жизни, звучат едкие эпиграммы К. Гавличка-Боровского, исполняются музыкальные произведения, даже в названиях которых проявляются политические симпатии их создателей («Сон Жижки», «Далибор» и др.). «Повсюду ругают немцев-чужеземцев... повсюду звучат песни. Балы и славянские беседы устраиваются ежедневно. Реют чешские знамена»¹, — свидетельствует гость революционной Праги, поляк С. Целарский, вспоминая при этом Варшаву 1830—1831 гг.

Итак, сдвиги в общественном сознании и конфликты, которыми была ознаменована революционная ситуация в Чехии в канун 1848 г., нашли яркое отражение в сфере культуры. При этом оказалось, что не все выразительные средства и жанры сохранили свою эффективность в новых условиях. Ведущую роль начинают играть те виды культуры, которые способны реагировать на быстрые изменения в общественном климате и обеспечить мгновен-

¹ Цит. по: *Zašek V. Čechové a Poláci* г. 1848, II. Praha, 1948, с. 138.

ный и непосредственный контакт с широкой демократической аудиторией, которые могут восприниматься коллективно. Этим в первую очередь объясняется бурное развитие публицистики, подчинившей себе все литературные жанры, интенсивный рост драматургической продукции, предпочтение в поэзии небольших лирических жанров, прежде всего гражданской лирики, песни.

Особым вниманием в этот период пользуется театр. Театральная программа, разрабатываемая в 30-е годы Тылом, многолетняя борьба за ее воплощение создали предпосылки для существования политического театра революционных лет. Поднявшаяся к революции чешская буржуазия учла всю силу его идеологического воздействия. По вопросам театра высказываются крупные общественно-политические деятели, о нем ведутся споры и дискуссии в печати. Интенсивность самой театральной жизни, рост драматургической продукции, реакция публики на спектакли — все это свидетельствует о немаловажной роли, которую играет театр в жизни Чехии в 40-е годы XIX в.

Политический характер чешского театра подтверждает и то обстоятельство, что во главе его стоял Й. К. Тыл, который был депутатом сейма и представлял интересы сограждан. Почти все деятели театра принимали непосредственное участие в политической борьбе. Среди них Й. И. Колар, близкий кругам радикалов, Ян Кашка — один из организаторов народных гвардий, автор брошюр-инструкций для этих вооруженных отрядов буржуазии. Драматурги и критики выполняли важные функции в новых политических органах (Й. Фрич, Ф. Миковец).

Из всех областей театральной культуры драматургия испытывала наиболее глубокое воздействие общественно-политической борьбы. Понимаемая как эффективное средство распространения важнейших общественно-политических идей, драма пользуется особым вниманием.

Театру вменялось в обязанность, чтобы у него было определенное отношение к происходящему, чтобы он отражал конкретные политические требования, ставил проблемы, волновавшие общество. Это вызвало к жизни агитационную драматургию, спектакли, имеющие политический смысл. Примером такой пьесы может служить «Мать Слава» Тыла (премьера спектакля состоялась 8 июня 1848 г. в Сословном театре). Спектакль был приурочен к Славянскому съезду и показан его участникам. Тыл, защищавший в эти годы австро-славянскую программу, призывает императора рассчитывать на славян как на свою опору. Однако пьес подобного рода было немного.

Драмы, поставленные на чешской сцене в конце 40-х годов, имели одну общую черту — это были пьесы современного звуча-

ния, использовавшие исторический материал. Если в предшествующий период в творчестве В. Клицперы, Я. Штепанека, Й. К. Тыла пьесы с современной тематикой занимали ведущее место, то теперь, в условиях революционной ситуации, драматурги, так же как публицисты, авторы песен, художники, обращаются к историческим событиям, и прежде всего к гуситскому движению. Сюжет о народной революции XV в., во-первых, легко соотносился с революционной проблематикой современности, и, кроме того, он давал возможность драматургам поставить большие этические проблемы. Можно было, не воспроизводя конкретную обстановку, обнажить сущность драматических ситуаций современности.

Не случайно постановки этих пьес, в первую очередь героических драм Й. К. Тыла, воспринимались в это время как политические события. Их успех имел характер политической демонстрации. Примером может служить премьера пьесы Тыла «Ян Гус» в Сословном театре Праги 26 декабря 1848 г. Из отзывов пражской чешской и немецкой прессы мы узнаем, что за полтора часа до начала спектакля вся площадь перед театром была заполнена народом. В антрактах к этой толпе выходили те, кто смог попасть в зрительный зал, и передавали содержание каждого акта². В спектакле «не было ни одной фразы, разоблачавшей пороки церкви, которая бы не заглушалась громкими аплодисментами»³. С такой реакцией чешский театр встретился впервые. Ее вызвали сила революционного звучания пьесы, смелость драматурга, развернувшего перед восставшей Прагой картину бескомпромиссной борьбы с отступничеством и изменой.

В высшей степени злободневные свободолюбивые идеи пронизывают романтические драмы-сказки Тыла 1848—1849 гг. Не случайно одна из первых таких пьес («Упрямая баба») была названа современной критикой «политической школой народа»⁴. Неотъемлемую часть этих пьес составляли боевые куплеты, в которых автор высказывал свое отношение к обстановке в стране. Программная песня пьесы «Упрямая баба» — «Сбиты цепи и решетки» — исполнялась на каждом представлении несколько раз и ходила в списках по Праге.

Тот факт, что именно в 1848 г. рождается идея создания чешского Национального театра путем участия всех слоев нации в сборе средств на его строительство⁵, свидетельствует о том, что

² *Turnovský J. L. Život a doba J. K. Tyla. Praha, 1892, s. 194.*

³ *Pražský večerní list, 1848, 27.XII.*

⁴ *Bohemia, 1849, 20.III.*

⁵ Впервые эта идея была высказана в статье: *Tyl J. K. Nebezpečný proslav. — Věsta, 1848, č. 27—30, 32.*

театральный вопрос занимает важное место в борьбе чешского общества за национальное самоутверждение, национальную культуру. Девиз: «Народ — себе», под которым проходил сбор средств на строительство Национального театра, стал одним из политических лозунгов этого времени.

Характерная особенность культурного развития Чехии второй половины 40-х годов XIX в. — бурный подъем публицистики. «В журналистике отныне заключена вся наша литература...»⁶, — констатировал «Часопис Ческого Музея» в начале 1849 г. К. Сабина, защищая право радикалов на самостоятельную политическую газету, подчеркивал, что он не склонен доверять в эти дни книгам, так как они не способны дать то, что можно ждать от газет и журналов — непосредственный и быстрый контакт с читателем, возможность мгновенной реакции на события: «Газеты пишут народы... книги же пишут отдельные лица. Газеты — это сама эпоха, сама борьба за бытие и небытие, газеты — это суд, на котором все открыто печати»⁷.

В 1848—1849 гг. в Праге выходит 37 политических газет — небывалое до того времени количество⁸. Резко возрастают тиражи газет и журналов. Усиливается их дифференциация. В условиях завершения Возрождения живой интерес к прессе способствовал политическому образованию широких масс. Это хорошо осознают сами редакторы. «Мы глубоко убеждены, — читаем в газете «Пражский вечерний лист», — что большая часть населения, которая до сего времени мало обращала внимания на литературу и общественную жизнь, ныне приобщена к чтению нашей газетой. Следовательно, на нас падает обязанность активного воздействия на политическое мышление»⁹.

Журналы реагируют на революционную ситуацию, они меняют свою структуру. Беллетристика уступает место политическому комментарию, фельетону, диалогу, «картинкам из жизни» и другим жанрам, характерным для газет. Происходит стирание четких граней между публицистическими и беллетристическими жанрами. Это можно увидеть на примере эволюции фельетона. Если в середине 40-х годов раздел фельетона газеты «Народные новости» включал биографии современных общественных деятелей, военачальников, дневники, статистические обзоры и подобные материалы, то уже через несколько лет в нем стала появляться

⁶ Obzor českého časopisectví za r. 1848—49. — ČSM, 1849, sv. 2.

⁷ Noviny Lípy slovanské, 1849, č. 72.

⁸ По числу периодических изданий Прага из всех столичных городов Австрии в 1848 г. занимает второе место, уступая лишь Вене.

⁹ K čtenářům. — Pražský večerní list, 1848, č. 92.

литературная и театральная критика, небольшие зарисовки пражской жизни в форме легкого шуточного рассказа, отрывки из произведений древнечешской литературы и современной беллетристики, как чешской, так и зарубежной¹⁰. Все более тесное сближение литературы с публицистикой было вызвано стремлением авторов приблизить действительность к читателю.

За годы революционного подъема была создана база чешской журналистики. Почетное место в ней заняла политическая публицистика, раскрывающая основные противоречия и тенденции общественной жизни, утверждающая идею борьбы. Журналы предоставили возможность чешским писателям публиковать произведения, идейно и тематически ориентированные на современность. Получили дальнейшее развитие традиционные беллетристические жанры, возникли новые.

Бурный размах журналистики в конце 40-х годов создал условия для сатиры, в том числе политической, расцвет которой стал одним из ярких моментов культурного развития этих лет¹¹. Уже с начала 40-х годов отсутствие сатиры в чешской литературе, в частности в публицистике, ощущалось как определенный недостаток. Тыловский актер Ян Кашка призывает Рубеша — редактора журнала «Палечек, любитель шуток и правды» чаще обращаться к сатире: «Жаль, очень жаль, что ты так редко вкладываешь в руки своему Палечку хлыст. Выделявая свои веселые коленца, он легко мог бы нанести им пару ударов, а смех смягчил бы их»¹².

Большие заслуги в развитии политической сатиры этих лет принадлежат К. Гавличку-Боровскому — автору эпиграмм, сатирической прозы и политических песен. В начале 1849 г. начинают выходить три сатирических журнала, в том числе «Шотек» под редакцией Гавличка-Боровского. На его страницах Гавличек мог в какой-то степени воплотить свои давнишние представления о сатире, сопровождая ее для большей наглядности рисунками¹³. Гравюры С. Пинкаса, иллюстрирующие диалоги, уличные сцены, сообщения, усиливали воздействие печатного слова.

В конце 40-х годов отмечается оживление художественной и музыкальной критики, начало которой было положено в домартов-

¹⁰ В 1849 г. в этом же разделе К. Гавличек-Боровский печатает свой перевод «Мертвых душ» Гоголя.

¹¹ На это обращали внимание уже современники. Так, Й. Томичек, делая обзор русской литературы 40-х годов и упоминая о русских последователях Гоголя, считает необходимым добавить: «У нас сейчас также много юмористов, одна сатира, одни Гоголи» (цит. по: *Tax J. K vývoji obrozenského satiry*. — In: *O české satire*. Praha, 1959, s. 29).

¹² *Zbraslavský-Kaška J. Z Prahy k Sumavě a naspět*. — *Květy*, 1845, s. 235.

¹³ 1848 г. считается годом рождения чешской карикатуры.

скую эпоху. Если еще в 1846 г. Гавличек-Боровский в своей «Главе о критике», анализируя положение в этой области культуры, должен был констатировать, что состояние театральной и музыкальной критики гораздо слабее, чем литературной, то размах чешской журналистики в 1848—1849 гг. исправил это положение. Большое значение для развития эстетической мысли того времени имела статья Л. Риттерсберга «Мысли о славянской живописи» (1848).

Говоря о специфике общественно-культурной жизни Чехии 40-х годов, нельзя не упомянуть о массовых песнях, завоевавших в эти годы огромную популярность. Своими корнями они уходят к «крамаржским песням». Взят и способ их распространения — в виде листовок с указанием адреса книгоиздателя. Темы этих песен — призывы к восстанию, комментарии к событиям в Чехии и за рубежом, прославление чешского языка. Большое распространение получают польские песни. Обращение к польской культуре вообще характерно для чешской поэзии, публицистики, драматургии этого периода. В ней чехи видели пример, которому они в какой-то степени стремились подражать. Кроме того, симпатии к этой славянской культуре имели в Чехии глубокие традиции.

Чешская культура 40-х годов внесла большой вклад в сокровищницу национальной культуры, она оставила богатую драматургию, вошедшую в историю национального театра на равных правах с драматургией второй половины XIX в. Определяются пути и принципы создания чешского национального театра. 1848 год дал новую программу чешской литературе: в статье К. Сабины «Демократическая литература» впервые было выражено требование связать литературу с революционными изменениями действительности. Стремительное развитие публицистики обогатило художественную литературу, вызвало к жизни политическую сатиру. Драматургия и публицистика много сделали для воспитания чешского читателя и зрителя, они способствовали формированию национального сознания народных масс, тем самым активно включаясь в социальное и национальное движение,

ИСТОРИЗМ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ СЛОВАЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

ОДНИМ из основных проявлений формирующегося национального самосознания словаков в конце XVIII в. — в период просвещенного абсолютизма — было осуществление интеграции словацкой литературы на основе единой национальной идеологии. Общая национальная идеология должна была возместить предыдущее длительное отсутствие идеологического единства, поскольку конфессиональное деление словацкой образованной среды на католическую и протестантскую часть неизбежно выступало как отрицательный идейно-дифференцирующий фактор. В этом противостоянии (а нередко и прямой враждебности) конфессиональных идеологических полюсов можно усмотреть одну из причин того, что в словацкой литературе предшествующих веков укоренились элементы религиозного сознания не только в чисто идеологическом значении, но и в качестве живой формы общественного бытования литературы и что процессу формирования светского характера литературы, начавшемуся у нас в эпоху гуманизма и Ренессанса, пришлось затем пережить почти двухвековой регресс. Фактически только в конце XVIII в. этот процесс обретает новую идейную, уже внеконфессиональную платформу в виде идеологии просветительского рационализма.

Первым и наиболее заметным признаком формирующейся идеологии словацкого национального Возрождения в конце XVIII в., т. е. еще в атмосфере идей Просвещения, является интерес к собственному национальному языку и стремление развивать его основополагающие культурные функции, его литературную форму (хотя все еще двумя потоками по конфессиональному принципу: чешский язык Кралицкой библии и словацкий в концепции А. Бернолака). Вторым признаком этой идеологии становится повышенный и тоже весьма распространенный интерес к истории своего народа вкупе со стремлением поставить ее на службу утверждения формирующегося словацкого национального самосознания. И хотя в словацкой историографии времен Иосифа II можно обнаружить немало элементов некритичного подхода к истории, уна-

следованного от славизма барокко, тем не менее попытки представить исторические судьбы словаков с упором на славную традицию Великой Моравии в значительной степени способствовали формированию патриотического историзма как действенного компонента идеологии словацкого Просвещения. Я имею в виду произведения Ю. Папанека и Ю. Скленара. Не случайно именно к их произведениям обратился Юрай Фандли — один из создателей словацкой национальной идеологии на рубеже XVIII—XIX вв. В 1793 г. на основе этих произведений он составил и издал отдельной книгой «Compendiata historia gentis Slavae», причем назначение ее было явно национально-просветительское. В посвящении книги «Славному словацкому народу» (по сути дела речь шла о патриотически настроенной интеллигенции, так как книга была на латинском языке) Фандли определяет идеологическое значение глубокого познания истории своего народа: «Помни, что всему роду человеческого всегда свойствен инстинкт самосохранения и самозащиты. Этот инстинкт говорит и проявляется в тебе тоже, когда ты гордо защищаешь нашу честь, к тому же ты следуешь образцам славных творцов не моего слабого пера, а пера Антона Бернолака... Читай эту книгу с усердием, защищай достойные хвалы деяния своих предков с пламенной любовью, защищай, береги и накажи читать их и своим преемникам, чтобы они получали воспитание и образование, притом повторяй вместе с Горацием: «Потомки, днем и ночью пусть эти примеры у вас перед глазами»¹.

Эти слова являются наглядным доказательством того, что патриотический историзм поколения Фандли был очень тесно и органично связан с его патриотическим вниманием к родной речи и что обе эти тенденции зарождающейся просветительской национальной идеологии были предопределены актуальными потребностями общественно-культурной практики и служили этой практике.

Мы по необходимости вкратце остановились только на начальной форме и функции патриотического историзма как неперемennого компонента формирующейся новой национальной идеологии в словацкой культуре. Надо сказать, что эволюцию этого компонента национальной идеологии можно проследить в истории словацкой культуры на протяжении всего XIX в. (например, обогащенный идеей «славянской взаимности», он присутствует в творчестве Яна Коллара; в виде принципа классического сюжетосложения он выступает в творчестве Яна Голлы; в психологической трактовке романтического героя он обнаруживается в прозе Яна Калинчака и т. д.). Более того, этот компонент оказывает замет-

¹ *Fandly J. Vybrane spisé. Bratislava, 1954, s. 359.*

ное влияние на развитие словацкой культуры даже в XX в. Слова Ладислава Новомеского из предисловия к книге Густава Гусака «Свидетельство о Словацком национальном восстании» о том, что восстание 1944 года «возвестило миру нашу новую историю, нам же дало новое историческое сознание»², одновременно объясняют, почему именно Словацкое национальное восстание стало живительным источником социалистического историзма и патриотизма, столь ощутимо пронизывающих все современное словацкое искусство.

² Гусак Густав. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969, с. 9.

В. Матула
(ЧЕХОСЛОВАКИЯ)

ЦЕНТРЫ СЛОВАЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ 30—40-Х ГОДОВ XIX В. И ИХ СЛАВЯНСКИЕ СВЯЗИ

В РАЗВИТИИ каждого славянского народа в эпоху формирования наций наряду с общими чертами, обусловленными общими закономерностями этого процесса, наблюдается и ряд особенностей. Всестороннее изучение и объяснение этих, часто очень специфических, черт имеет важное значение не только для выработки верного представления о национально-культурном развитии того или иного славянского народа, но и для типологических обобщений.

Одной из специфических черт словацкой национальной культурной жизни в эпоху формирования словацкой нации (во время словацкого национального Возрождения) было отсутствие единого национального центра. Известно, какое большое значение имели такие центры, прежде всего национальные столичные города, и некоторые институты, например национальная церковь, в развитии национальной культуры. Отсутствие национального центра у словаков было следствием социально-экономического и политического развития: неразвитой структуры словацкого общества, почти полного отсутствия собственного господствующего класса, засилья в комитатах и городах Словакии несловацкого элемента,

замедленного развития и весьма слабой концентрации словацкой буржуазии, а также проводимой господствующими классами Венгрии политики мадьяризации. В рамках венгерской государственности словаки не имели своей церковной организации (в отличие от других национальных меньшинств, например румын, сербов и закарпатских украинцев) и к тому же были разделены на католиков и протестантов. В этих условиях деятели словацкого национального Возрождения — представители низшей духовной и светской интеллигенции, в основном выходцы из мелкобуржуазной среды, для которых долгое время единственно доступной сферой борьбы за эмансипацию своего народа была именно область культуры, — группировались вокруг немногочисленных просветительных учреждений, литературных и научных кружков и обществ, возникших в разных городах Словакии и за ее пределами (Будапешт, Вена).

В 30—40-х годах XIX в., в период подъема словацкого национального движения, связанного с выступлением замечательной плеяды словацкой демократической интеллигенции, важное значение приобретают студенческие общества в Братиславе, Левоче, Кежмарке, Банской Штявнице и Прешове. Особо активно проявило себя братиславское общество, руководимое Л. Штуром. К концу 30-х годов (наряду с будапештским Обществом любителей словацкого языка и литературы, в котором вместе с католиками «бернолаковцами» участвовал и Ян Коллар) оно стало своего рода центром всей пробуждавшейся словацкой национальной жизни. Его руководящая роль заключалась не только в координации деятельности других студенческих и патриотических обществ и отдельных участников движения, но и в разработке планов создания политической газеты и литературного журнала, национального научного общества и Матицы словацкой как официального репрезентанта словацкой нации и др. В деятельности братиславского центра все более отчетливо проявляется сознательное стремление к культурно-политическому объединению словаков как необходимой предпосылки дальнейшего развития национального движения.

Эти тенденции заметно усилились с начала 40-х годов XIX в. в связи с новым наступлением мадьяризации (особенно в рамках протестантской церкви) и борьбой против нее. В процессе борьбы происходит дальнейшее расширение словацкого национального движения и складывается его национально-политическая и культурная программы. Л. Штур вместе со своими соратниками вырабатывает новую идеологическую концепцию словаков как самобытного славянского народа. Все это нашло выражение в создании общенационального литературного языка, который стал основой

для объединения обоих лагерей (католического и протестантского) национального движения.

Не останавливаясь подробно на самом факте кодификации общенационального литературного языка и последовавшего затем бурного развития словацкой литературы как самым выдающимся явлением словацкой национально-культурной жизни того времени, обратим внимание на один важный для нашей темы момент. Краеугольным камнем теоретико-философской аргументации Л. Штура в пользу нового литературного языка, а главное в пользу новой концепции словацкого народа как равноправной части славянского целого является известный тезис гегелевской диалектики «о единстве в многообразии». Штур и его соратники выдвигают этот тезис в качестве важнейшего довода против утверждений, что словаки не в состоянии обеспечить развитие своей литературы из-за общей неразвитости их национальной жизни и слабой концентрации национальных культурных сил. Это нашло отражение не только в их теоретических работах о новом словацком языке, но и в полемике со сторонниками чешско-словацкого литературного языка, которые, подчеркивая необходимость единого национального центра как предпосылки для успешного развития национального движения и культуры, придавали слишком большое значение тому обстоятельству, что такого центра у словаков нет. Именно этот смысл заключен и в утверждении Штура, что «народу за неимением другого сплавивающего элемента таковым служит собственный литературный язык», и в рассуждениях М. Годжи о том, что национально-культурное объединение возможно не только на базе центрального города, что, напротив, необходимость поддерживать контакты между руководителями национального движения, разбросанными по всей Словакии, способствует более тесной связи самого движения с народом; и в высказывании Гурбана подчеркнуто значение очагов национально-культурной жизни, компенсирующих отсутствие общенационального центра.

Эти теоретические положения уже могли быть подкреплены некоторыми достижениями в национальной культуре, а именно организациями читален, воскресных школ в различных уголках Словакии, развитием любительского театра. Большое значение имела также деятельность общенационального культурно-политического общества «Татрин», основанного в 1844 г. в Липтовском Микулаше, благодаря которому до революции 1848 г. был реализован ряд очень важных для развития словацкой культурной жизни мероприятий. И наконец выпуск «Словацкой национальной газеты», издаваемой в Братиславе Штуром. Заметим, кстати, что в программной статье Штур назвал ее тем ядром, вокруг которого произойдет объединение всех, кому дорога судьба словацкого

народа. Однако все это не могло заменить единого национального центра с соответствующими общественными и культурными учреждениями, с известной концентрацией материальных и духовных сил и с достаточным количеством национально сознательных граждан. Отсутствие такого единого национального центра становилось все более чувствительным. Этот фактор сыграл отрицательную роль и в 1848 г., явившись одной из причин неподготовленности словаков к более решительному массовому выступлению в защиту своих национально-политических требований.

Братиславский центр, а по его примеру и другие очаги словацкой национально-культурной жизни 30—40-х годов XIX в. принимали активное участие в дальнейшем расширении и укреплении словацко-славянских связей, являвшихся неотъемлемой частью словацкого национально-культурного и политического развития. Молодое поколение словацкой патриотически настроенной интеллигенции, вдохновленное колларовской гуманистической идеей «славянской взаимности», начало энергично претворять ее в жизнь. Словацко-славянские взаимосвязи во второй половине 30-х годов находили свое выражение в общении и идейной близости членов братиславского центра с польскими студентами в Вене, с участниками польского революционного движения, с молодыми чешскими полонофилами, что придало этим связям свободолобивую направленность. Она характерна и для отношений словацких патриотов с представителями хорватского (иллирийского) и сербского национального движения. Завет русских декабристов и польских революционеров, идея совместной борьбы за демократический союз славянских народов, воспринятая словацкой интеллигенцией, помогали ей преодолеть кризис колларовского «всеславянства». Не случайно самым любимым поэтом братиславской словацкой студенческой молодежи наряду с А. Мицкевичем становится А. Пушкин. Интересно, что с его творчеством их впервые познакомил чешский полонофил Штульц, от которого они получали основную информацию о России и о русской литературе, в частности.

В 40-е годы, после разгрома тайных польских студенческих организаций в Вене, в условиях спада революционной борьбы в Европе и ввиду перехода Л. Штура от полонофильства к русофильству меняется и характер славянских связей братиславского центра. Новый подъем революционного полонофильства среди словацкой интеллигенции во второй половине 40-х годов XIX в. связан с деятельностью другого — прешовского — центра, руководители которого сотрудничали с участниками краковского восстания и их тайной революционной организацией в восточной Словакии.

Славянские связи словацких национально-культурных центров 30—40-х годов XIX в. решающим образом повлияли на формирование идейной направленности словацкого национально-освободительного движения, способствуя сближению и взаимному обогащению братских культур.

Е. А. Дудзинская

(СССР)

СЛАВЯНОФИЛЫ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ СЛАВЯН

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ движение славянских народов на Балканах, начавшееся в конце XVIII в., привлекало к себе большое внимание русского общества. Именно в это время у южных славян началось развитие капиталистических отношений, сопровождавшееся процессом формирования наций и национального самосознания. Интерес к происходившему на Балканах возрастал в русском обществе по мере того, как сама Россия продвигалась по пути капиталистического развития, и к середине XIX в., а особенно после Крымской войны славянский вопрос стал частью общественно-политической борьбы в России.

Внимание к славянскому Возрождению стало всеобщим, хотя отношение к нему разных общественных кругов и группировок в России было различное. По одному относились официальные круги, по-другому — либералы, принципиально иную позицию занимали революционные демократы.

В общественной жизни России середины XIX в. заметную роль играло славянофильское направление. Его формирование совпало с общим кризисом крепостного хозяйства и возникновением явлений, характерных для буржуазной эпохи, в том числе проблемы становления национального самосознания и национальной культуры. Этот вопрос был тесно связан с интересом, который проявляли славянофилы к славянскому Возрождению и национально-освободительному движению славянских народов, находившихся под властью Австрии, Пруссии и Турции.

Ожесточенные споры по проблемам русской истории, философское ее осмысление свидетельствовали о росте русского национального самосознания. Одной из частей славянофильской доктрины было положение о народности. Это слово в русском

обществе нашло разное толкование: одни понимали его как призыв к национальной исключительности, замкнутости, ограниченности; другие — как отрицание Запада и общечеловеческой культуры; третьи — как умиление стариной и призыв назад; четвертые — даже как закрепление крепостного права. В действительности же славянофилы, призывая изучать русскую жизнь, призывая к «народности» культуры, отнюдь не собирались воскрешать старину, «которая имела значение в свое время и которая ныне невозможна и превратилась бы в бессмысленные оковы для настоящего», и «выставлять все ныне существующее в народе образцом для слепого подражания»¹. Они призывали «заимствовать как можно более у богатого сведениями Запада, с самобытностью усваивать себе все полезное и содействовать настоящей оценке у нас западной цивилизации»². Не отрицая пользы общения с Западом, они хотели поставить Россию в равное с ним положение, избавиться от духовного рабства, поддержать создание национальной науки, литературы, искусства и тем внести свой вклад в мировую культуру. Эта идея после поражения в Крымской войне и в преддверии падения крепостного права была весьма своевременной и плодотворной. Процесс формирования национального самосознания, как это наблюдалось ранее у других европейских народов, сопутствовал процессу буржуазного развития. Лозунг национальной культуры по своему классовому содержанию был буржуазным.

Славянофильство, будучи порождением кризиса феодально-крепостнической системы, представляло собой разновидность буржуазно-помещичьего либерализма. В соответствии с этим славянофилы предлагали решение стоявших перед Россией задач в интересах эксплуататорских классов, в том числе и в интересах складывавшегося класса русской буржуазии. Этим и объясняется особое внимание к идеям славянофилов со стороны представителей этого класса — купечества и промышленников, которые своими капиталами охотно поддерживали практические начинания славянофилов: поездки в славянские страны, финансирование журналов, где обсуждались славянские вопросы, посылка книг и церковной утвари в эти страны, создание фондов для оказания помощи деятелям славянского Возрождения и студентам, обучавшимся в России. После Крымской войны русскую буржуазию занимали и внешнеполитические проблемы.

Идея славянского единства была неразрывно связана с идеей православия, которому славянофилы отводили в своем учении

¹ Русская беседа, 1856, т. 1, с. IV.

² Там же.

одно из важных мест. Православие призвано было не только стать оружием против мусульманства, католицизма и других религий, исповедуемых угнетателями славян, но и средством смирения самих славян.

Свою доктрину о путях дальнейшего социально-экономического развития России славянофилы переносили и на другие славянские страны. По их мнению, славянским народам не следует увлекаться революционными идеями, их освобождение должно произойти путем реформ. «Как показали события 1848 года, — отмечалось в славянофильской прессе, — революционный дух трудно овладевает славянами»³. В пример приводились лужицкие сербы, которые «отвергли революционный путь, не увлеклись несбыточной мечтой и остались верны законному порядку. Когда все вокруг с ума сходило на бреднях франкфуртских демагогов, они воспользовались порой преобразований, чтобы во взаимодействии всех сословий улучшить свое официальное положение, и подготовили себе небывалое прежде благосостояние»⁴. С умилением сообщалось, что первый сборник славянских песен, собранный Смоляром, был посвящен прусскому королю и сам Смоляр стал обучать славянскому языку наследного принца.

В 1861 г. славянофилы поддержали буржуазную газету галицийских русинов «Слово», которая, выступая за национальное освобождение русинов, возлагала все надежды на австрийского императора. Революционный демократ Н. Чернышевский резко расходился с ними по славянскому вопросу. Он разъяснял, что газета «Слово» отражает интересы кучки русинской буржуазии, которая за спиной народа ведет сговор с австрийским правительством. Он убедительно доказывал, что без борьбы никакой народ ни от какого чужого ига не освобождается, и предупреждал, что проповедь классового мира может привести лишь к разжиганию ненависти к другим народам⁵.

К славянофильским идеям сочувственно относилась в основном либеральная часть деятелей славянского Возрождения. Демократические круги больше прислушивались к голосу русских революционных демократов, борющихся с либералами всех мастей за подлинное освобождение народов.

³ Русская беседа, 1856, т. 1, с. 26.

⁴ Там же.

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1950, с. 778, 791, 792, 826, 848.

ДВИЖЕНИЕ ДЕКАБРИСТОВ И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ГРОМ выстрелов, сотрясавших Сенатскую площадь 14 декабря 1825 г., концентрическими волнами прокатился над всей Россией, обостряя политическое мышление образованного меньшинства и вовлекая в обсуждение государственных проблем представителей самых различных социальных групп. Имя Радищева в 30—40-е годы XIX в. было памятно лишь немногим. Несравненно более многочисленным, однако, был круг лиц, чтивших память декабристов и пропагандировавших их художественное и публицистическое наследие.

По свидетельству декабриста В. С. Толстого, осужденные декабристы «проехали закованные в кандалы от Петербурга до Забайкала, встречая всюду отъявное сочувствие во всех слоях народа»¹. Степень взаимопонимания между дворянскими революционерами и народом здесь, по-видимому, сильно преувеличена, полной ясности в этом вопросе у исследователей до сих пор нет. Не до конца прояснены также и взгляды самих декабристов на народную массу. Во всяком случае большинство декабристов к бесправному положению крепостных относились, как известно, с полным сочувствием. Более того, желание устранить «рабство крестьян» было едва ли не главной причиной, обусловившей обращение П. И. Пестеля, К. Ф. Рыльева, С. П. Трубецкого и других декабристов к республиканским идеям. Вместе с тем сочувствие народным массам сочеталось у многих декабристов (в том числе даже у представителей их левого крыла) с боязнью народной революции, новой «пугачевщины». Декабристы предполагали вести борьбу за народные интересы без помощи народа.

Устанавливая периодизацию русского освободительного движения, участвуя в нем «трех поколений», «трех классов», В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена» (1912) писал: «Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

---

¹ Декабристы. Новые материалы. М., 1955, с. 31.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом»².

Движение декабристов поставило на повестку дня самые коренные вопросы русской жизни — политические, экономические, культурные, — как-то: насильственная ликвидация самодержавия, отмена крепостного права, реформа народного образования и т. д. Это обстоятельство и определило на длительный период живое воздействие на русское революционное движение и культурную жизнь общественно-политического и художественного наследия декабристов.

Но самая главная заслуга декабристов перед русским освободительным движением состояла в том, что они создали первую в России революционную организацию, которая даже и после подавления восстания, для всех последующих поколений служила (как своими сильными сторонами, так и слабыми) примером целенаправленной политической борьбы с самодержавно-крепостническим строем.

Преемственная связь с идеями декабристов была продемонстрирована участниками всех политических выступлений конца 1820-х — начала 1830-х годов (братья Критские, кружок Н. И. Сунгурова, листовки штабс-капитана Ситникова, политическая деятельность А. И. Полежаева и т. д.).

Советскими исследователями установлены черты сходства программы тайного Кирилло-Мефодиевского общества (1840-е годы) с конституцией Никиты Муравьева и некоторыми программными документами Общества соединенных славян³.

Опыт революционной борьбы декабристов усваивали петрашевцы, что подтверждается следственными делами Н. А. Момбелли, Н. А. Спешнева, Д. Д. Ахшарумова и самого М. В. Петрашевского. Не случайно поэтому приехавшего из Сибири Р. А. Черносвитова петрашевцы расспрашивали о ссыльных декабристах⁴. Живым воплощением преемственной связи названных двух поколений в истории революционной борьбы может служить личность петрашевца Н. С. Кашкина, сына декабриста Сергея Николаевича Кашкина (1799—1868), активного участника Северного тайного общества.

Немалые трудности возникают при определении возможных контактов с идейно-эстетическим наследием декабристов

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.

³ Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846—1847). М., 1959, с. 91.

⁴ Дело петрашевцев, т. I. М.—Л., 1937, с. 448.

у В. Г. Белинского, самого выдающегося выразителя устремлений русской общественной и художественной мысли 30—40-х годов XIX в. Московский университет в годы, когда в нем учился Белинский, был рассадником декабристских идей. Его знакомство с ними не вызывало никаких сомнений у исследователей. Тем не менее к выявлению «декабристского элемента» в литературной деятельности великого критика истории литературы долгое время не обращались. Реалистическая эстетика Белинского казалась им не совместимой с романтическими литературными декларациями писателей-декабристов. Первая попытка усомниться в правильности подобного взгляда была сделана М. Я. Поляковым в книге «Виссарион Белинский» (М., ГИХЛ, 1960). Автору удалось доказать, что критик помнил наизусть некоторые из стихов К. Ф. Рыльева («Не сбылись, мой друг, пророчества...»), что он был хорошо знаком с содержанием трех номеров декабристской «Полярной звезды» и т. д.

В 1965 г. генетической связи ряда программных высказываний великого критика со статьями А. А. Бестужева, В. К. Кюхельбекера и К. Ф. Рыльева посвятил свою работу «Белинский и эстетические традиции декабристов» П. Мезенцев. Совместимость Белинского-реалиста с декабристами-романтиками была подтверждена в ней новыми весомыми доказательствами. «Лучшие традиции революционного романтизма, — резонно заявляет П. Мезенцев, — вошли в плоть и кровь реализма. Понимание социальной направленности литературы, высокого ее гражданского назначения и многое другое — это были такие открытия в области эстетики революционного романтизма декабристов, без восприятия которых не могло быть и речи о теории русского реализма»⁵.

Прямыми продолжателями традиций декабристов, пропагандистами и истолкователями их наследия были А. И. Герцен и Н. П. Огарев. Заслуги их в этом отношении огромны и не нуждаются в аргументации. Немало усилий было предпринято Герценом и Огаревым для разоблачения той лживой версии о восстании декабристов, которую повсеместно распространяли как изданное по распоряжению царского правительства «Донесение следственной комиссии», так и сочинение царедворца М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» (СПб., 1857).

Гораздо труднее оценить отношение к декабристам и их наследию Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. В исследовательской литературе на эту тему сказано немного, причем даже это немногое характеризуется противоречивостью. Освобождая себя от ссылок на источники, скажем: непримиримая борьба

⁵ Русская литература, 1965, № 2, с. 156.

Чернышевского и Добролюбова с идеализацией «лишнего человека» приводила и до сих пор еще приводит исследователей к мысли, будто лидеры «Современника» игнорировали исторические позитивную роль дворянской революционности. Есть, однако, веские основания утверждать, что понятие «лишний человек» ассоциировалось в сознании Добролюбова и Чернышевского с представлениями об умеренных либералах 1850—1860-х годов, а не о дворянских революционерах, участниках восстания 14 декабря 1825 г.

Примечателен в этом отношении следующий эпизод, относящийся к самому началу существования Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (1859), идейными руководителями которого в ту пору были Н. Г. Чернышевский и Н. А. Серно-Соловьевич. Едва организовавшись, общество (позднее оно стало называться «Литературным фондом») предприняло поиски членов семьи К. Ф. Рыльева и тех вернувшихся из ссылки декабристов, которые имели хоть какую-либо причастность к литературной деятельности. «Общество почтет большим счастьем начать таким образом свои действия», — писал в письме от 8 ноября 1859 г. в Калугу упомянутому выше Н. С. Кашкину Н. А. Серно-Соловьевич, приоткрывая тем самым тактику организаторов «Литературного фонда»⁶.

О благоговейном отношении Чернышевского к памяти декабристов говорит уже один тот факт, что он знал политические стихотворения К. Ф. Рыльева наизусть, и, как вспоминал об этом М. А. Антонович, «при декламировании их голос его дрожал от волнения и в глазах навертывались слезы»⁷.

Не мог не считаться с заслугами декабристов перед русской общественной мыслью и освободительной борьбой также и Добролюбов. В начале 1857 г., проведя ночь за чтением второй книжки «Полярной звезды» Герцена, Добролюбов записал в дневнике: «Закрывши книгу, не скоро еще заснул я ... Много тяжелых, грустных, но гордых мыслей бродило в голове»⁸. Впечатление, произведенное на молодого критика прочитанной книгой, мы вправе объяснить прежде всего ее «декабристским элементом» (портреты казненных декабристов, стихотворения Рыльева, седьмая глава первой части «Былого и дум», описывающая смерть Александра I и 14 декабря 1825 г.).

В современной исследовательской литературе можно встретить также сетования на отсутствие серьезного внимания к декаб-

⁶ Революционное движение 1860-х годов. М., 1932, с. 114.

⁷ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. I. Саратов, 1958, с. 320.

⁸ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. в 6-ти т., т. IV. М., 1939, с. 451.

ристам как в народнической среде, так и «в воспоминаниях, письмах, дневниках и других документах народнического периода...» Сущность отношений народников к дворянским революционерам усматривается, в частности, не в «осознании преемственности», а в пафосе «преодоления декабризма». Поспешность такого вывода очевидна, поскольку позитивную оценку декабристов мы находим в работах И. Г. Прыжова, П. Л. Лаврова, Г. З. Елисеева, С. М. Степняка-Кравчинского, Н. К. Михайловского и многих других народников.

Что память героев 14 декабря 1825 г., деятели народнического лагеря пытались извлечь полезные уроки из трагического опыта восстания декабристов, они стремились преодолеть разобщенность профессиональных революционеров с народной массой. Неудавшейся попыткой реализации этих устремлений было так называемое хождение в народ. Следует отметить, что лозунг «хождение в народ» находился в противоречии с народническим же «субъективным методом в социологии» (П. Л. Лавров), по существу отрицавшим народную массу как движущую силу исторического процесса. Народническая теория «критически мыслящих личностей», равно как и выдвинутая «Народной волей» тактика борьбы с самодержавием при помощи террора отразили родственную декабристской идеологии недооценку роли социальных низов в общественно-политической борьбе.

14 декабря 1900 г. на русском собрании в Женеве, посвященном 75-летию восстания на Сенатской площади, произнес речь Г. В. Плеханов. Назвав декабристов «предшественниками» социал-демократов, он выразил уверенность в том, что, опираясь на пролетариат, борясь за его экономические интересы и развивая его самосознание, социал-демократы поведут за собой трудящиеся массы и, преодолевая узость социальной базы декабристов, осуществят их мечту — свергнут ненавистное «иго самовластья»⁹.

В том же декабре 1900 г. вышел за границей первый номер ленинской «Искры» с эпиграфом: ««Из искры возгорится пламя». Ответ декабристов Пушкину»¹⁰. В самом выборе источника для названного эпиграфа отразилось стремление В. И. Ленина подчеркнуть преемственность, связывающую революционность пролетарскую с революционностью декабристской, дворянской. Использование политического стихотворения А. И. Одоевского в качестве эпиграфа для большевистского издания — это одно-

⁹ Плеханов Г. В. Соч., т. X. М.—Л., 1925, с. 371—372.

¹⁰ «Из искры возгорится пламя» — строка из стихотворения декабриста А. И. Одоевского, написанного в ответ на пушкинское послание в Сибирь («Во глубине сибирских руд»).

временно и первая по времени ленинская оценка исторического подвига декабристов. На протяжении всей своей последующей деятельности В. И. Ленин неоднократно выступал с оценкой как исторической роли восстания декабристов, так и их идейного наследия. Исключительной обстоятельностью и глубиной характеризуется в этом отношении уже упомянутая нами ленинская статья «Памяти Герцена». Вместе с такими ленинскими статьями, как «Гонители земства и аннибалы либерализма», «Роль сословий и классов в освободительном движении», она содержит необходимые методологические установки для определения роли движения декабристов в развитии русской национальной культуры.

Ратуя за насильственное низвержение монархической власти (в иных случаях за ее ограничение), за отмену крепостного права и признание гражданских и имущественных прав для всех сословий, декабристы «вослед Радищеву» способствовали решению самых назревших вопросов национальной жизни. Конституция Никиты Муравьева, «Русская правда» Пестеля и другие программные документы декабристов, даже не будучи доведенными до печатного станка, излагаемые изустно, стимулировали развитие общественной мысли и рост национального самосознания.

Декабристы (Н. Муравьев, М. Орлов, П. Каховский) выступили против «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, провозгласившего: «История народа принадлежит царю», и выдвинули свою демократическую формулу — «История принадлежит народам»¹¹, положившую начало растянувшимся на десятилетия спорам о движущих силах русской истории, о наличии в ней не только монархических, но и республиканских тенденций, спорам, благотворно отразившимся на развитии русской историографии.

Весомым был вклад, внесенный декабристами в развитие русской этнографии и фольклористики¹². Доля участия декабристов в реформе народного образования выразилась в том, что в полках ими было организовано значительное количество ланкастерских школ. Учреждение последних, по словам А. А. Бестужева, предполагалось не только в армии, но и «повсеместно» «для просвещения нижних классов»¹³.

Воздействие, оказанное декабристами на русскую литературу, хорошо охарактеризовал Герцен. «Рылеев и его друзья, — писал

¹¹ Слово о полку Игоре. Сб. статей. М.—Л., 1950, с. 303—315; Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. 1. М., 1951, с. 334.

¹² Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958, с. 186—213.

¹³ Котляревский Н. Декабристы. СПб., 1907, с. 145; ср.: Базанов В. Г. Ученая республика. М.—Л., 1964, с. 12—33.

он, — придали русской литературе энергию и воодушевление, которыми она никогда не обладала, ни раньше, ни позже»¹⁴. Герцен имел здесь в виду прежде всего тираноборческие стихи Рыльева и его друзей. Но заслуга писателей-декабристов не ограничилась, разумеется, тем, что они приблизили художественное слово к политике и первые, если не считать Радищева, создали образ революционера и обогатили абстрактную и элегическую лирику гражданской проблематикой. Если не прямое изображение народной массы, то раздумья о ней, о ее настоящих заботах и будущих судьбах декабристы вменили в обязанность литератора, сделали их условием, без которого его творчество становилось бессмысленным. Прав поэтому В. Г. Базанов, возводящий истоки батальносолдатских произведений и сцен позднего А. А. Бестужева (Марлинского) к его декабристскому прошлому¹⁵.

Гражданская лирика Рыльева и его драма «Богдан Хмельницкий», «Письма русского офицера» Федора Глинка, стихи и неоконченная «Повесть о Р.» В. Ф. Раевского, как и многие другие произведения, положили начало новому пониманию народности в русской литературе. Именно в эпоху декабризма отечественная литература становится трибуной, с высоты которой произносятся бесстрашные слова в защиту поправленных прав «бессловесного смерда».

Победа, одержанная Россией в Отечественной войне 1812 г., стала заметной вехой в развитии русского национального самосознания. Выступления против низкопоклонства перед западноевропейской буржуазной культурой встречались у отдельных деятелей даже «подражательного» XVIII в. — у Кантемира и Ломоносова, Фонвизина и Радищева. Декабристы в подобного рода выступлениях проявляли особую настойчивость, прибегая к самым разнообразным средствам для пробуждения у соотечественников чувства национальной гордости. В своих эстетических декларациях они опирались на учение романтиков о наличии глубинных резервов национально-самобытного искусства в народно-поэтическом творчестве. Патриотизм декабристов был чужд чувству национальной исключительности, апологетике патриархальной замкнутости и культурного застоя. Любовь к лучшим национальным традициям и формам искусства соседствовала у них с уважением к национальному достоинству других народов и проповедью общечеловеческих идеалов.

¹⁴ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. VII. М., 1956, с. 198.

¹⁵ Базанов В. Г. Очерки декабристской литературы. Публицистика. Проза. Критика. М., 1953, с. 450—496.

Слишком короткий срок отвела судьба для полноценной политической, научной и художественно-творческой деятельности декабристов. Многие из них, несмотря на всестороннюю одаренность, до событий на Сенатской площади не успели реализовать даже малой части своих творческих возможностей. Вместе с тем огромным было воздействие на русскую культуру их начинаний в области историографии, живописи, архитектуры, этнографии, музыковедения, театральной жизни и т. д. Наиболее весомо и зримо успели себя проявить декабристы в искусстве художественного слова. И вполне заслуженно в наших современных учебных пособиях по литературе писателям-декабристам отводится видное место.

К тому же необходимо учесть, что к магнитному полю декабристских идей тяготело творчество Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Гоголя — если ограничивать этот перечень лишь великими именами. Мы не сделаем поэтому ошибки, сказав, что все те, кто в русской литературе 1820—1830-х годов выражали надежду сбросить с народа цепи самодержавно-крепостнического рабства, были исполнены глубокого сочувствия «делу декабристов».

Злободневность проблем, поднятых «Рылевым и его друзьями», не исчезла и тогда, когда потоком истории эпоха декабризма была отодвинута в прошлое, — во второй половине XIX в. В стихах, исполненных благоговения и гражданского пафоса, подвиг декабристов воспевали М. Л. Михайлов («Пятеро»), Н. П. Огарев («Памяти Рылеева», «Моя биография»), Т. Г. Шевченко («Тризна», «Юродивый»), Н. А. Некрасов («Дедушка», «Русские женщины»), П. Ф. Якубович («Дед и внук», «Обряд окончился позорный») и др.

Проблема отношения новых поколений к движению декабристов находится в центре художественного исследования в романах Я. П. Полонского («Признания Сергея Чалыгина», 1867), И. В. Омулевского («Шаг за шагом», 1870), М. В. Авдеева («Море двух огней», 1868). Важность этой проблемы была хорошо осознана и самыми выдающимися художниками русского слова преформенной поры — Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым.

Есть веские основания предполагать, что в начале своей литературной деятельности Достоевский, как, впрочем, и все его друзья-петрашевцы, видел в декабристах мучеников, подвиг которых заслуживает подражания. От этого взгляда писатель не в силах был отрешиться и в годы ссылки. В письме к брату от 22 февраля 1854 г., вспоминая об относящейся к 1850 г. встрече осужденных петрашевцев с женами декабристов на пересыльном дворе в Тобольске, Достоевский не находил слов для выражения восторга перед «чудными душами» тех, кто добровольно разделил все тя-

готы страдальческой жизни политических изгнанников¹⁶. В период издания журналов «Время» и «Эпоха» (1861—1865), в борьбе с революционной демократией («нигилистами»), Достоевский все более и более утверждался на консервативно-охранительных позициях.

Весьма язвительная характеристика декабристов была дана писателем в его «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863). Рупором декабристских идей выступает здесь у Достоевского главный герой знаменитой комедии Грибоедова. «... Чацкий, — читаем мы в «Зимних заметках», — очень хорошо сделал, что улизнул тогда опять за границу: промешкал бы маленько — и отправился бы на восток (т. е. в Сибирь. — *Ф. П.*), а не на запад»¹⁷. Чацкий в изображении Достоевского — это оторванный от народных интересов и национальной почвы тип дворянского революционера, сформированный западноевропейской культурой. Его забота об общем благе фальшива, его инвективы безрассудны. Эволюция общественно-политических взглядов писателя не являлась, однако, процессом прямолинейным, ей были свойственны и отступления назад, и заметные зигзаги. Так, например, в 1873 г., возвращаясь мысленно к встрече петрашевцев с женами декабристов в Тобольске, Достоевский неожиданно дает волю невредимо проскочившим через контроль рассудка воспоминаниям: «Мы увидели этих великих страдалец, добровольно последовавших за своими мужьями в Сибирь. Они бросили все: знатность, богатство, связи и родных, всем пожертвовали для высочайшего нравственного долга, какой только может быть»¹⁸.

Разрыв с лагерем радикальной демократии достигает у писателя своей кульминации в период его работы над романом «Бесы» (1870). В «Записных тетрадях» к роману автор писал: «Чацкий и не понимал, как органический дурак, до какой степени он сам глуп... Он был барин и помещик, и для него, кроме своего кружка, ничего не существовало. Вот он и приходит в такое отчаяние от московской жизни высшего круга, точно кроме этой жизни в России и нет ничего. Народ русский он проглядел, чем более он передовой. Чем больше барин и передовой, тем более и ненависти — не к порядкам русским, а к народу русскому. Об народе русском... он думал только как об оброчной статье. Точно так думали и декабристы, и поэты, и профессора, и либералы, и все реформаторы до

¹⁶ Достоевский Ф. М. Письма, т. 1. М.—Л., 1928, с. 135.

¹⁷ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 5. Л., 1973, с. 59.

¹⁸ Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1873—1876 годы. М.—Л., 1929, с. 10.

царя-освободителя. Он (т. е. Чацкий.— *Ф. П.*) тянул оброк, чтоб на него жить в Париже, слушать кузена и кончить чаадаевским или гагариновским католицизмом. Господи, а ведь они (декабристы.— *Ф. П.*) и не понимали, что цари не только их либеральнее и передовее, потому что цари всегда вместе с народом шли, даже при Бироне. Их, напротив, брали под опеку за жестокое обращение с крестьянами ... Бьюсь об заклад, что декабристы непременно бы освободили тотчас русский народ, но непременно без земли, за что им непременно сейчас же народ свернул бы голову и тем бы доказал им, что не одно их московское общество составляет Россию...»¹⁹.

В этой тираде исторические факты искажены и насильственно втиснуты в наперед заданную схему. Согласно ей декабристы выступают едва ли не истязателями крепостных крестьян, а Александр II — героем, освобождающим последних и наделяющим их землей. Воображаемое Достоевский выдает здесь за реальность.

Полемика с Чацким была направлена не против интересов, идеологии и предрассудков дворянства, а против дворянской революционности. В ней видел Достоевский начальную стадию русского освободительного движения. Революционность разночинская (Белинский, Чернышевский, Добролюбов), равно как и революционность пролетарская (Парижская коммуна) вызывали у писателя еще ббльшую силу сопротивления. Отрицательную реакцию вызывал у Достоевского и буржуазно-дворянский либерализм, поскольку он служил, по мнению автора «Бесов», благодатной почвой для произрастания семян безнациональной культуры и «нигилизма».

Авторские симпатии в романе на стороне идеологии «почвенничества», являвшегося одним из вариантов славянофильской доктрины.

Достоевский отдавал себе отчет в том, что «экономическое и нравственное состояние народа по освобождении от крепостного ига — ужасно»²⁰, однако причину бедственного положения страны он видел не в самодержавно-крепостническом строе, не в помещичье-дворянском землевладении, а в росте буржуазии и развитии капиталистических форм производства, в падении нравственности, в разрушении мнимых патриархально-идиллических взаимоотношений дворянского сословия с крестьянством. Среди «лучших людей» из дворянского сословия, с одной стороны, и народной массы —

¹⁹ Достоевский Ф. М. Записные тетради. М.—Л., 1935, с. 131—132.

²⁰ Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1873—1876 годы, с. 30.

с другой, и пытается Достоевский найти ту силу, которая выведет Россию на путь материального и нравственного прогресса.

Мучительные поиски писателем этого пути нашли отражение в его романе «Подросток» (1875). Роман создавался в обстановке бурного развития освободительной борьбы в стране, что послужило дополнительной причиной известного компромисса с радикальной демократией, на который решился пойти на сей раз писатель. Если унаследовавшие идеологию декабристов, Чацкого и революционных демократов 1860-х годов герои романа «Бесы» — это оторвавшиеся от национальной почвы аморальные типы, душевно опустошенные, то уподобляемый главному герою «Горя от ума» Версиков из романа «Подросток» — это, с одной стороны, «всемирный скиталец», страдающий *декабристским*, а также и *герценовским* «болением за всех» «лишний человек», а с другой — томимый искренней тоской по матери-родине русский дворянин, способный возвыситься до понимания общенациональных интересов и свершений во имя «общего блага». Соответственно и революционно мыслящие *долгушинцы* (изображенные в «Подростке» под именем «дергачевцы») — это также не окончательно потерянные для добрых дел люди.

Как творческая история романа «Подросток», так и ряд других факторов могут служить подтверждением того, что отношение гениального романиста к дворянской революционности характеризовалось значительной амплитудой колебания. Нападки Достоевского на дворянских революционеров устойчивостью не отличались. Но, полемизируя со своими идейными противниками, он боролся одновременно и с самими собой.

Гораздо менее полемическим и вместе с тем менее драматичным было отношение к движению декабристов у Л. Н. Толстого. В исследовательской литературе тему эту разрабатывали Б. М. Эйхенбаум, Н. Н. Апостолов, Н. Н. Гусев, М. А. Цявловский, А. В. Чичерин, Б. И. Бурсов, Л. А. Розанова и многие другие, что и дает право автору данной статьи ограничиться самыми общими замечаниями.

Толстой задумал написать свой роман о декабристах незадолго до крестьянской реформы 1861 г. Подъем освободительной борьбы в стране и явился, как следует полагать, основной побудительной причиной в выборе темы. «Полярная звезда» и «Колокол» Герцена, неустанно напоминавшие о неосуществленном «деле» декабристов, безусловно способствовали кристаллизации этого замысла. Однако воплощение его вскоре было надолго отодвинуто работой над «Войной и миром», многие страницы которого близки были по содержанию роману о декабристах. К продолжению его писатель возвращается лишь в конце 1870-х годов. По-видимому, первопричина

нового обращения к декабристской теме, как и ранее, крылась в общественно-политических условиях эпохи, в подъеме народнического движения.

Следует сказать, что причины как второго обращения к теме, так и охлаждения интереса к ней в исследовательской литературе освещены слабо, хотя воспоминания С. А. Толстой и дают точку опоры для их выяснения. «Он начал утверждать, — пишет о Толстом Софья Андреевна, — что восстание декабристов — это результат влияния французских аристократов-эмигрантов. Этим объясняется, что многие декабристы были католики. Поскольку движение не имело русской почвы, Лев Николаевич не мог ему симпатизировать»²¹.

Отказ от продолжения романа, как видно, объяснялся прежде всего причинами мировоззренческого характера. Можно предполагать, что известное воздействие на творца «Войны и мира» оказала концепция декабризма, выработанная Достоевским, с которой он мог ознакомиться хотя бы по «Дневнику писателя» за 1873 г. Уж очень напоминает концепция Достоевского толстовский тезис о том, что декабристы были людьми без национальной почвы и католиками. Однако сближение Толстого с Достоевским в данном пункте было все же преходящим. Четверть века спустя, в 1905 г., в статье «Великий грех» (первоначальное название «Народные заступники») Толстой писал: «Освобождение крестьян в России совершено не Александром II, а теми людьми, которые поняли грех крепостного права и старались, независимо от своей выгоды, избавиться от него: преимущественно уже совершено такими людьми, как Новиков, Радищев, декабристы, теми людьми, которые готовы были страдать и страдали сами (не заставляя никого страдать) ради верности тому, что они признавали правдой»²².

Небывалый подъем политической активности народных масс накануне революции 1905 г. окончательно убедил великого писателя в том, что пионеры русского революционного движения, Радищев и декабристы, были не оторванными от почвы заговорщиками, а выразителями интересов, помыслов и чаяний народных масс России. Преодолевая слабости собственного мировоззрения, Лев Толстой в отличие от Достоевского сумел постигнуть грандиозность надвигающихся революционных событий и приблизиться к объективной оценке исторического значения движения дворянских революционеров.

²¹ Цит. по: Берс С. А. Воспоминания о Л. Н. Толстом. Смоленск, 1893, с. 48.

²² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 36 (юбилейное). М.—Л., 1936, с. 228.

Три выдающиеся поэмы на декабристскую тему в начале 1870-х годов были задуманы, завершены и опубликованы Н. А. Некрасовым («Дедушка», 1870; «Княгиня Трубецкая», 1871; «Княгиня М. Н. Волконская», 1872). В отличие от Толстого и тем более Достоевского Некрасову в реализации названных произведений не приходилось вступать в конфликт с самим собой. Поэт отдавал себе отчет в том, что декабристы — *дворянские* революционеры, о чем можно судить хотя бы по введенной в поэму «Княгиня М. Н. Волконская» «шутке» гр. Ф. В. Ростопчина:

В Европе — сапожник, чтоб барином стать,
Бунтует, — понятное дело!
У нас революцию сделала знать:
В сапожники что ль захотела? ²³

Некрасову было известно, что значительная часть вернувшихся из ссылки декабристов утратила свою былую революционность и пошла на прямое сотрудничество с самодержавием. Симптоматично, что для характеристики одного из «полинявших» либералов 1860-х годов Некрасов вкладывает в уста остролова Миши из «Сцен из медвежьей охоты» (1867) следующую фразу:

. . . . . глуп, речист
И стар, как возвращенный декабрист.
(II, 278)

Тем не менее возвратившийся из Сибири декабрист в поэме «Дедушка» и умен, и полон решимости бороться за осуществление идеалов своей молодости. Внук декабриста, внимающий призывам деда, — это будущий народник-революционер. Разница между дедом и внуком — это скорее разница двух поколений, чем двух идеологий. Некрасов был убежден в том, что смена революционных поколений не образует пропасти между ними.

Пропагандистский характер трех некрасовских поэм несомненен. Автор хотел не только напомнить революционно настроенной молодежи 1870-х годов о подвиге декабристов, но и дать ей в руки своеобразное руководство к действию.

Примечательно, как изобразил Некрасов в поэме «Княгиня Трубецкая» (черновая редакция) Сенатскую площадь в день 14 декабря 1825 г.:

---

²³ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. III. М., 1949, с. 66. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте.

Какой-то храбрый генерал
Влетел в каре, увещевал,
Просил, — один солдат,
Прицелься, смерть ему послал:
С коня валится генерал,
Из раны брызжет кровь...
Другой приблизился к рядам:
— Прощенье царь дарует вам...
Развязка та же вновь.

(III, 426)

В изображенной картине можно увидеть признаки солдатского бунта. Однако в окончательную редакцию она не попала и, вероятнее всего, не по соображениям цензуры, а по несоответствию ее фактам действительности. В окончательной редакции поэмы восстание предстало перед читателем в своей неорганизованности и неподготовленности, лишенной поддержки народной массы:

Народ гаддел, народ зевал,
Едва ли сотый понимал,
Что делается тут...

(III, 31)

В рассматриваемых некрасовских поэмах нашел выражение взгляд на декабристское движение не только их автора, но и русской революционной демократии в целом.

Известно, что декабристская тема глубоко волновала таких выдающихся мастеров художественного слова, как Тургенев, Гончаров, Писемский. Среди сколько-нибудь значительных русских писателей-прозаиков XIX в., пожалуй, нет ни одного, который не воспользовался бы в своем творчестве в той или иной мере идейным наследием дворянских революционеров. Это и не удивительно, поскольку ряд сквозных проблем русской дореволюционной литературы, таких, например, как проблема «лишних людей», «новых людей», тема героя-революционера, тема крестьянского восстания, прямо или косвенно сопрягались с проблематикой, поставленной перед русской общественной мыслью декабристами.

Исследователь, прослеживающий судьбы русской поэзии, неизбежно обратит внимание на присутствие в ней не только декабристской темы, но и прямого влияния поэзии декабристов. Стихи и эпиграммы К. Ф. Рыльева и А. А. Бестужева, В. К. Кюхельбекера и П. А. Катенина распространялись в списках, фигурировали в следственных делах политических заключенных, публи-

ковались за границей в изданиях вольной печати, оказывая тем самым животворное воздействие на развитие русской поэзии.

Идейно-художественное наследие «богатырей 1825 года» в советскую эпоху получило новое осмысление. Советскими филологами и историками опубликованы и прокомментированы десятки долго остававшихся неизвестными художественных произведений писателей-декабристов, обнародованы сотни их публицистических сочинений и писем, глубоко осмыслена история декабристского движения. О декабристах советскими авторами написано немало беллетристических, поэтических и музыкальных произведений, получивших всепародное признание. Лучшая часть идейно-художественного наследия декабристов имеет непреходящее значение и входит в сокровищницу социалистической культуры.

ФОРМИРОВАНИЕ
СЛАВЯНСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

*

ФОЛЬКЛОР
И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ И ИХ ВКЛАД В НАЦИОНАЛЬНУЮ И МИРОВУЮ КУЛЬТУРУ

В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ терминологии разных языков, в том числе и русского языка, есть неясности и полисемия, требующие уточнений и более резкой дифференциации. Один из таких случаев — термин «письменность». Согласно О. С. Ахмановой, он обозначает: 1) «систему графических знаков, употребляемых для фиксации речи на письме» и 2) «совокупность письменных памятников какого-либо народа, какой-либо эпохи»¹, — а это две противоположные грани. Точно так же и «письменная речь» во втором значении трактуется ею как «стилистическая разновидность речи, характеризующаяся более строгим соблюдением литературной нормы данного языка»², а «литературный язык» — как «образцовый, нормализованный язык, нормы которого воспринимаются как «правильные» и общеобязательные и который противопоставляется диалектам и просторечию»³. У крупных языковедов эти термины тоже иногда смешиваются. Так, В. В. Виноградов и его коллеги неоднократно ставили одно (в скобках) наравне с другим и противопоставляли литературный (письменный) язык языку художественной литературы⁴. По-моему, лучше было бы за первым значением «письменности» закрепить термин «азбука», а умнее применять азбуку назвать грамотностью — термином, приводимым, например, в словаре С. И. Ожегова. Введя наряду с «литературной речью» термин «книжная речь», можно было бы без ощутимой потери отказаться от употребления термина «письменная речь» во втором значении и от термина «письменный язык». Для меня ступени письменности и литера-

¹ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 323.

² Там же, с. 386.

³ Там же, с. 532.

⁴ Виноградов В. В., Дешериев Ю. Д., Решетов В. В., Серебренников Б. А. Основные итоги и задачи разработки вопросов письменности и развития литературных языков народов СССР (сб. конф. в Алма-Ате, 1962). Алма-Ата, 1964.

турного языка в восходящем направлении представляются следующим образом:

1. Грамотность: а) без овладения орфографией (грамота Фалея из раскопок 1952 г.); б) со слабым овладением орфографией, но без элементов литературного языка (грамоты Бориса и Настасии из раскопок 1952 г.).

2. Литературный язык: А. письменность: а) частная (эпистолярная) (грамота Гостяты из раскопок 1951 г.); б) деловая; в) канцелярская; г) научная; д) газетно-публицистическая (информационная). Б. художественное творчество: а) проза; б) поэзия.

Само собой разумеется, что есть явления, охватывающие потенциально несколько разделов. Трагизм Гостяты в XII в. описан очень просто, стилем, какого Чехов требовал от своих современников («краткость — сестра таланта»⁵). Само собой напрашивается вопрос: неужели это сочинение художественное, литературное? Правда, литературоведы, может быть, упрекнули автора в том, что Гостята «не создавал художественной модели», что его «язык не моделировал универсум в его наиболее общих категориях»⁶, не обнаруживал целеустремленного творчества⁷, но тем не менее он сумел отчетливо выразить самое главное — объективизацию идеи, которой увлекался, пластическое изображение посредством слова, как писал Горький⁸. Литературоведы не всегда отличают опытных писателей, иногда пишущих только для эффекта, от писателей, не рассчитывающих на впечатление, какое их сочинения произведут на читателей.

Основными признаками литературных языков являются: 1) общая грамматическая система (фонологическая, морфологическая, морфологическая, синтаксическая), в основе которой лежит определенное наречие, принимаемое и обрабатываемое всеми членами данного общества; 2) общая система письменных знаков для передачи сообщений, в том числе и для печати, на данном языке; 3) наличие общественных учреждений (школ), использующих и укрепляющих общепринятую языковую систему на территории, где живут говорящие на этом языке. Без этих признаков нет литературных языков. Они обеспечивают единство, прочность и территориальное распространение литературных языков, составляющих базу их культурного воздействия в сфере их приложения и за ее пределами.

При этом выявляются типические различия между просто

⁵ Из письма Ал. П. Чехову от 11 апреля 1889 г. — Чехов А. П. Собр. соч., т. 11 (Письма). М., 1956, с. 349.

⁶ Логман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970, с. 26.

⁷ Wellek R., Warren A. Theorie der Literatur. Berlin, 1963, S. 20.

⁸ Горький М. Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 26. М., 1953, с. 387.

письменными и художественно-творческими явлениями. Первый ряд явлений, всесторонне связанный с народом и его жизнью, характеризует национальную культуру во всей ее совокупности. Язык — разумеется, единый литературный язык — становится символом единства культурного, а в благоприятных условиях — также политического и государственного сплочения. Недаром в древнеславянском слово «язык» означало «народ», и, наоборот, А. Мейе говорил, что «языковое единство порождено единством культуры, равным образом и формы проявления языка обусловлены формами проявления единства культуры»⁹. В этом кроется объяснение многих особенностей, касающихся истории славян и славянских литературных языков: колебания в обосновании словацкого литературного языка в XVIII—XIX вв.; сожаления лужичан, что они не создали единого языка; признание П. Ивича, что для сербов полезнее было бы не отделяться от хорватов, а ввести в литературный язык восточный вариант штокавского наречия¹⁰.

Второй ряд явлений — как бы надстройка первого. Это явления сверхземных сфер искусства, которые вместе с тем и наднациональны, и не знают границ. В этих сферах имеет место свободное взаимовлияние без национальной неприязни и, как в точных науках, нет чужих и своих, а все общее, общечеловеческое.

Здесь мы встречаем также прямое влияние литературы одних стран на литературы других стран посредством биллингвизма (двуязычия). Двуязычия (литературные) всегда существовали. Всегда был какой-то язык, который наравне с родным считался пригодным для письменного общения и который (ввиду того, что собственный литературный язык стал выше живых наречий) был образованием искусственным. До нашей эры это был язык греческий, в средние века и позже на Западе — латынь, а на Востоке, включая Балканы, — церковнославянский язык русской редакции, который для всего православного Востока многие столетия был общеславянским литературным и культурным языком. Не останавливаясь на славянской ситуации, хотя и очень интересной, и на средневековье, напомним только, что и в латыни отмечались и африканизмы, и галлицизмы, и даже германизмы¹¹, а с XV—XVI вв. — славянизмы (богемизмы, хорватизмы, полонизмы). О том, как они проникали в латынь и почему многие увлекались латынью, Джунио Рести писал в XVIII в.: «... среди превосходных античных [авторов], которые писали на этом языке ... имеются первостепенные и лучшие мастера, обладающие подлинным

⁹ Meillet A. Les langues dans l'Europe nouvelle. Paris, 1928, p. 80.

¹⁰ Ivić P. Srpski narod i njegov jezik. SKZ 429. Beograd, 1971, s. 242.

¹¹ Ср.: Löfstedt Einar. Late Latin. Oslo, 1959, s. 1.

вкусом и великолепным умением описывать природу, которые сочетают искусство письма и живую силу мысли, что достигается наилучшим образом путем глубокого изучения окружающего мира; без наличия подлинной гениальности, проникающей в действительность, нельзя сочетать красоту и правду»¹².

Остановлюсь подробнее на случае однонаправленного и двустороннего двуязычия на примере творчества Джозефа Конрада, родившегося на славянской языковой территории и писавшего по-английски. Его родная языковая система польская. В детстве он учился французскому и английскому языкам. Несколько лет он служил во французском торговом флоте. Писал на английском языке и не писал на французском. Почему? Г. Морф пытался это объяснить, с одной стороны, «интуитивным» характером творчества Конрада, которого, видимо, притягивало все новое, необыкновенное, с другой — неуловимостью и сжатостью французского стиля. Может быть. Но тот же Морф, подводя итоги своим размышлениям о том, почему Конрад не писал на родном польском языке, хотя он и думал по-польски, а не по-английски (доказательство — польские конструкции в английской словесной оболочке), выдвинул мысль, что польскому языку присуща более выразительная мощь речи, чем французскому или английскому, что в нем хватает двух-трех слов на то, на что в тех требуется не меньше пяти, и что Конрада затруднял переход от системы более простой к системе более сложной, хотя она и была родной¹³.

Литературное двуязычие — важный фактор прямого влияния и сотрудничества в рамках мировой культуры, и показатели двуязычия заслуживают серьезного внимания со стороны структурного языкознания. Дело в том, что пишущий или говорящий на двух или более языках — это одно лицо, значит — один источник двух или более творческих процессов, которые где-то, в глубинных структурах, сходятся, перекрещиваются, имеют один и тот же отправной пункт. А это обстоятельство важно для правильного понимания творческого процесса.

---

¹² *Srepet M.* O latinskoj poeziji Junija Restija. Rad JAZU, knj. 114. Zagreb, 1893, s. 113.

¹³ *Morf G.* The Polish heritage of Joseph Conrad. London, 1929, p. 204, 205.

КУЛЬТУРНЫЙ ЯЗЫК — ПИСЬМЕННЫЙ ЯЗЫК — ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

В ЯЗЫКОЗНАНИИ принято противопоставлять две основные категории — литературный язык и народные говоры (иначе диалектный язык). Обычно под литературным языком понимают его письменную фиксацию, связанную с любой исторической эпохой. Существует письменность на данном языке — стало быть, можно говорить уже о существовании литературного языка. Вот почему нетрудно прочитать в учебниках старославянского языка о литературном языке в Великой Моравии во второй половине IX в., где протекала миссионерская деятельность Солунских братьев и их учеников. Подобное толкование проблемы делает понятие литературного языка расплывчатым, неясным, размывает его границы. Дело в том, что в различные исторические эпохи существовали различные наддиалектные образования, выполнявшие разнородные функции. Эти различия целесообразно отразить в специальных терминах.

Дофеодалный период в истории славянских народов, длившийся не одно тысячелетие, часто рассматривают стяженно, проецируя на одну плоскость факты и явления, имевшие место в различные эпохи. Именно так обычно строятся труды, посвященные славянским древностям (см. известные сводки Л. Нидерле, Я. Эйслера, Н. С. Державина и др.). Этот же метод характерен и для авторов многочисленных «грамматик праславянского языка». А ведь совершенно очевидно, что в течение нескольких тысячелетий (праславянский период длился не менее трех тысяч лет) единой грамматики языка существовать не могло. За этот длительный период должны были произойти глубокие преобразования, обособившие во многом праславянский язык от древнего индоевропейского типа.

Но дело не только в этом. Авторы праславянских реконструкций мало думали о функционировании праславянского языка, совсем не интересовались его стилистической и жанровой структурой, разной, конечно, в различные периоды его жизни. Нередко ставят знак равенства между древним праязыком и современным архаическим диалектом, не обращают внимания на то, что современный крестьянский диалект не выполняет и не может выполнять многих

функций, обязательных для языка в развитом родовом или в раннем феодальном обществе.

В поздний период истории родового общества его экономическая и социальная структура предъявляла к языку большие требования. Письменности еще не было, но общество не могло нормально функционировать без использования определенных языковых формул, без специальной терминологии, без строгой языковой политики. Это выражалось в хорошо нам известных языковых запретах, табу, которые в жизни человека играли очень большую роль. Конечно, эти запреты устанавливались не стихийно, самопроизвольно, а в результате сознательной деятельности определенных людей. Развитие ремесла, торговли, городских поселений привело к разделению труда, что не могло не отразиться на языке. В период распада родового строя и связанного с ним процесса феодализации возникали новые правовые институты. Все это должно было вызвать появление новых терминов, которые создавались вполне сознательно в определенных центрах. Этому же требовала и новая княжеская власть, новая социальная структура общества. Все религиозные обряды (язычество) осуществлялись только с помощью устной речи, но нет сомнений в том, что эта устная речь была строго кодифицирована. Существовали постоянные и устойчивые клятвы, обращения к богам, которые произвольно нельзя было менять. Наказания за отступления от языковых формул, за нарушение языковых запретов в то время были весьма суровыми. В жизни древних славян велика была роль поэзии, которая выполняла не только эстетические, но религиозные, обрядовые и сексуальные функции. Все это требовало большой и целенаправленной сознательной работы в области языка. Постепенно формировался новый язык, который по многим своим особенностям существенно отличался от языка крестьянского населения. Это был наддиалектный язык. Вслед за некоторыми лингвистами называю его культурным языком.

Культурный язык особенно быстро и интенсивно начал развиваться в ранних славянских государствах, в период заселения новых территорий. Вспомним, какая сложная административная система характеризовала эти государства, какие обширные земли они включали, какие вели войны, какие осуществляли торговые связи! Нам трудно сейчас представить себе, как такая сложная социальная структура могла нормально функционировать при отсутствии письменности, но это было именно так. Культурный язык в это время существовал только в устной форме.

В VI в. н. э. началась балканская колонизация славян, в результате которой в течение лишь одного столетия значительная часть Балканского полуострова была заселена славянами. На

своем пути они должны были взломать мощную оборонительную линию по Дунаю и сокрушить многие крепости во внутренних землях полуострова. Славянам противостояла сильнейшая по тем временам византийская армия. Конечно, славяне могли это осуществить только при наличии специальной организации своей армии и при высоком уровне дисциплины. А это все могло быть при наличии отработанного языка воинских уставов и команд.

Появление письменности у славян явилось подлинной революцией. Трудно переоценить значение этого события. Появление ее прежде всего было связано с принятием христианской религии. Новая церковная организация потребовала славянских литургических книг. Раньше они существовали на греческом и латинском языке. В некоторых славянских странах известное время пользовались этими книгами. Однако это приводило к усилению позиций враждебных славянам элементов. Борьба за организацию богослужения на славянском языке явилась частью борьбы за утверждение своей государственности. Солунские братья в Великой Моравии, а позже в княжестве Коцела положили начало богослужению на славянском языке. Здесь начал формироваться тот церковный славянский язык, который в различных славянских странах позже существовал в своих вариантах. Это был язык культа, язык религиозных книг.

Церковный письменный язык не мог в период интенсивного развития феодального общества удовлетворять всем нуждам. В письменной фиксации нуждались новые правовые нормы. Возникла острая потребность в разного рода и юридических документах, грамотах, купчих и т. п. Шло развитие и обогащение различных жанров религиозной литературы, создавались оригинальные произведения апокрифической литературы, жития святых, исторические хроники, летописи. В каждой славянской стране соотношение между письменным церковным языком и языком оригинальных религиозных и светских произведений было разным. Историки русского языка справедливо указывают на то, что древнерусский церковный язык был сравнительно далек от собственно русского языка. В своей основе это был старославянский (древнеболгарский) язык, на котором были написаны православные литургические тексты, привезенные из Болгарии. Однако в какой-то степени он был чужим народному древнеболгарскому языку, в еще большей степени народному древнесербскому языку. Постепенно у славян создалось два языка: один церковный, другой язык светской письменности. Язык светской письменности отчасти ориентировался на язык церковный, но в главном он продолжал в каждой славянской стране традиции своего старого культурного языка. Не может быть никакого сомнения в том, что в «Русской правде»

некоторые законы зафиксированы в том языковом узусе, в котором они были известны еще до появления письма. Об этом убедительно свидетельствуют в этом памятнике пережитки некоторых феодальных правовых норм (например, право кровной мести).

Языковая ситуация в славянских феодальных государствах была очень сложной. Существовало много областных вариантов письменного языка, значительную роль в выборе тех или иных языковых форм или слов играла жанровая принадлежность текста. Что же касается устной речи высших слоев феодального общества, городского населения, военных, то она продолжала в основном различные этапы развития того наддиалектного культурного языка, который начал формироваться еще в недрах родового строя. Конечно, эта устная речь имела много областных фонетических и грамматических вариантов, так как между культурным и диалектным языком не было стены.

В свое время С. П. Обнорский к старославянскому наследию в русском литературном языке отнес суффиксы *-ость*, *-ство* (*-ствие*), *-ние*, *-изна*, *-знь*, *-тель*, *-ит* и ряд других. Основанием для такого заключения являлось отсутствие этих суффиксов в русских народных говорах. Все, что в русском литературном языке не имеет поддержки в народных говорах, является наследием старославянского языка. Этот старый тезис имеет сторонников и в настоящее время. Они исходят в своих построениях из того положения, что в сложном языковом взаимодействии на Руси нужно учитывать только два основных фактора — старославянский язык и народные говоры. Этот взгляд приводит к чрезмерному преувеличению роли старославянского языка. Ошибка состоит в том, что не принимается в расчет культурный язык, который имел свои признаки, отличающие его не только от старославянского языка, но и от диалектного языка. Нужно ясно отдавать себе отчет в том, что древнерусские памятники в своих исконных языковых элементах опираются на культурный язык древнерусского общества. Именно этот культурный язык во взаимодействии с письменным языком церковной литературы и послужил основанием будущего русского литературного языка. Но это произошло позже.

Давно уже идут споры среди историков польского литературного языка о его диалектной основе. По этому вопросу написано большое число монографий и статей, но до сих пор согласия нет. Многочисленные факты из истории польского государства, культуры, просвещения, науки решительно подтверждают ведущую роль Малой Польши (Кракова) в процессе формирования литературного языка. Однако малопольские народные говоры издавна характеризуются одним существенным фонетическим признаком, который всегда отвергался деятелями польской культуры. Речь

идет о так называемом мазурении. Именно это обстоятельство заставило ряд полонистов искать опору литературному языку в говорах Великой Польши, которые не знали и не знают в настоящее время мазурения. Споры не дали положительных результатов, так как ученые искали ответ в языке социальной среды, к формированию литературного языка отношения не имевшей. В основе польского литературного языка лежит польский культурный язык средневековья, который представлял собой наддиалектное образование. Носителями его были те социальные слои польского общества, которые не знали мазурения на всей территории Польши. Примечательно, что крестьянские говоры шляхетского происхождения не мазурают.

Языковая ситуация в феодальных славянских государствах существенным образом отличалась от той, которая постепенно сформировалась к XVIII—XIX вв. Прежде отсутствовало стремление к синтезу письменного и разговорного (устного) языков, столь характерному для любого литературного языка. Все внимание было обращено только на письменную речь, только она являлась эталоном культуры и образованности. С полным основанием язык этого периода мы называем письменным языком. Устная речь жила своей самостоятельной жизнью, деятели культуры относились к ней пренебрежительно. Орфоэпических вопросов в то время еще не существовало. Правда, не существовало и проблемы грамотного письма в том виде, в каком она встала уже в новое время. Попытки нормализации письменного языка появлялись, но они не пользовались поддержкой в пределах всего государства. Ни одна из орфографических школ не была законодательной. Да она к этому и не стремилась.

Славянские литературные языки — детища национального периода истории славянских народов. У одних народов (например, у русских или поляков) литературный язык являлся естественным продолжением культурного и письменного языков предшествующих эпох, у других (например, у сербов) старые письменные традиции были ослаблены, и литературный язык возник в результате новаторской деятельности отдельных представителей славянского Возрождения. Однако и здесь полного разрыва со старыми традициями не было. Исследования последнего десятилетия показали, что Караджич во многом следовал старому письменному языку.

Литературный язык — явление чрезвычайно сложное и многогранное. Процесс его формирования — это процесс создания единых орфографических и произносительных норм, различных его стилей и жанров, специальной терминологии. Он проходил в тот период, когда многие славянские народы утратили свою государственность. В этих условиях этот процесс шел не только очень

медленно, но и необычно. Дело в том, что многие важнейшие функции литературных языков здесь осуществлялись языками господствующих наций. В особо трудных условиях происходило формирование литературных языков у славян Турции, где не было авторитетных научных и общественных организаций, где грамотность находилась на очень низком уровне.

В условиях национального гнета раньше всего начинает формироваться и развиваться язык художественной литературы, тесно связанный на ранних этапах его развития с языком народной словесности. В это время еще отсутствует строгая нормализация. Данный процесс не подчиняется государственному контролю, он имеет частный характер. Вслед за языком художественной литературы постепенно начинает формироваться язык науки, публицистики, экономики. В этом отношении впереди идут славяне Австро-Венгрии, значительно отстают от них славяне Турции. Следует иметь в виду, что некоторым славянам приходилось испытывать двойной гнет. Так, болгарскому языку приходилось сталкиваться с противодействием не только турецкого, но в еще большей степени греческого языка. Лишь после создания своей государственности возникают условия для всестороннего развития литературного языка во всем богатстве его стилистических и жанровых особенностей.

Славянские литературные языки весьма своеобразны и индивидуальны. В типологическом отношении различия между ними значительно глубже, нежели различия между славянскими диалектными языками. Кроме того, нарушается привычное соотношение, построенное на генетической основе. Так, чешский и словацкий литературные языки в типологической классификационной схеме будут находиться очень далеко друг от друга, так как формировались в совершенно различных условиях.

Различна степень вариативности славянских литературных языков. Она велика, например, в сербохорватском, минимальна в русском. Литературные языки других славянских народов расположены между этими двумя языками.

Итак, в истории славянских наддиалектных образований необходимо различать культурный язык, письменный язык и литературный язык. Культурный язык начал формироваться еще в недрах родового строя, не исчез он и в период феодализма, так как продолжал выполнять функции устного (разговорного) языка. Письменный язык возник в период феодализма. Он имел различные варианты (территориальные и жанровые). Литературный язык представляет собой синтез письменного и культурного языков. Этот синтез был осуществлен уже в национальный период истории славян.

ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИЯ В РАЗВИТИИ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ (1750—1850)

ОДНОЙ из замечательных черт исторического развития славянских народов в XVIII—XIX вв. явилось возрождение, а в некоторых случаях — создание национальных литературных языков. Изучение ранних периодов национальной истории и литературы, связанное отчасти с исторической направленностью науки эпохи Просвещения, пробудило интерес к языку литературных и исторических источников и в конечном счете стремление возродить былое значение и функции этого языка. В тех случаях, когда ранняя форма национального языка отсутствовала, или была забыта, или была совершенно неадекватна новым потребностям общества, создавался новый литературный язык, причем этот процесс характеризовался высокой степенью того, что мы теперь называем языковым планированием. Поучительно проанализировать роль традиции в каждом отдельном случае славянского языкового возрождения. Устанавливая, в какой степени языковое наследство принималось, или выясняя причины, почему оно отвергалось, мы получаем ценные данные для характеристики рассматриваемых исторических процессов.

Во всех регионах, населенных славянами в середине XVIII в., определенное славянское наречие служило письменным языком в более раннее время. В некоторых случаях это наречие восходило к средним векам, в других — к началу нового времени, часто — к периоду протестантской Реформации. Мы можем отделить случаи, когда употреблялся единый тип письменного языка, а затем он был отвергнут или испорчен, от случаев, когда в употреблении было несколько отдельных, хотя и близкородственных, диалектов. Только в одном случае, именно в Словакии, общеупотребительный славянский письменный язык основывался не на локальном диалекте или на интернациональном церковнославянском, а на культурно-авторитарном языке соседей — чешском. Такая интерпретация словацкой ситуации может быть принята как объективно убедительная с точки зрения историка XX в. Однако с точки зрения тех славян Верхней Венгрии, которые в XVI—XVII вв. писали на более или менее словакизированном чешском, чешский литературный язык был, без сомнения, просто

более высокой формой народного языка, нечто вроде церковнославянского для писателей Киевской и Московской Руси. Вопрос о македонском языке не возникает для периода, которому посвящена статья. В Македонии языковый вопрос — это феномен XX в. До этого времени обоснованно считать языковое наследие как собственно Болгарии, так и Македонии общим достоянием болгарского и македонского народов.

Наиболее яркий пример простого возрождения и модернизации старого литературного языка находим в Чехии. Чешский литературный язык, основанный на центральном богемском диалекте, процветал в период с XIV в. до начала XVII в., но был предан забвению и почти вышел из употребления начиная с 1620 г., так что к концу XVIII в. его экспрессивные возможности и уровень развития не могли уже сравниться с национальными литературными языками Запада. Историк и лингвист Йозеф Добровский (1753—1829) кодифицировал «классический» чешский язык XVI в., не имея, однако, специального намерения ввести снова его во всеобщее употребление. Этот язык в некоторых отношениях был довольно архаичным по сравнению с употреблявшимся в конце XVIII в. разговорным языком Богемии. Тем не менее авторитет старого языка, кодифицированного Добровским, был столь велик, что молодое поколение национальных будителей в начале XIX в. без больших колебаний приняло данный язык за основу нового литературного языка. В достаточно большой степени инновации затронули этот язык лишь в форме обогащения словаря, который должен был отразить все сферы жизни и мышления, а также в освобождении синтаксиса от латино-немецких моделей.

Болгарии с раннего средневековья также был известен литературный язык. Древнецерковнославянский язык Кириллы и Мефодия, принятый болгарскими правителями и церковью в конце IX в., продолжал употребляться в Болгарском царстве в религиозных и ученых целях, позднее — при турецком владычестве — в монастырях (в Болгарии и в других местах, где жили болгарские монахи). К XVIII в. письменный язык монахов сильно отличался от разговорного языка, и это расхождение усиливалось еще больше частичной русификацией церковнославянского в Болгарии, последовавшей за интенсификацией русского церковного и культурного влияния на Балканах, особенно в XVIII в. Некоторое отражение народной речи можно найти в дамаскинах XVII—XVIII вв., но они не внесли значительного вклада в создание нового национального литературного языка. Когда Паисий Хилендарский начал писать свою «Историю славяноболгарскую» (1762), он обратился к языку, остававшемуся в основном церковнославянским, несмотря на введение в него многих элементов народной

речи. Когда в 1830-е годы возникло движение интеллектуалов за создание нового национального литературного языка, было ясно, что этот новый язык явится реакцией на церковнославянский. Это было связано с желанием просвещать народ, используя язык, понятный всем. В последующие десятилетия новый болгарский литературный язык начал свое существование, противопоставляя традиционному национальному языку, несмотря на существование славных исторических традиций, сохранившихся в рукописях на древнецерковнославянском языке, который болгары называли и называют древнеболгарским.

Следствием двух рассмотренных выше случаев явилось принятие традиционной языковой модели. В других языках ситуация и связанные с нею проблемы были гораздо сложнее. В сербохорватском языковом ареале бывало несколько различных форм литературного языка, существовавших вплоть до конца XVIII в. Сербь и в Сербии, и в Венгрии продолжали пользоваться церковнославянским, хотя вытеснение сербской редакции этого языка нестабильным языком, находившимся под сильным влиянием русского церковнославянского и даже разговорного русского языка, привело к возникновению в конце XVIII в. довольно запутанной ситуации, настоятельно требовавшей нормализации. Решение данного вопроса в Сербии было таким же, как и в Болгарии, — в пользу разговорного народного языка, отказ от традиционного национального литературного языка. Для хорватов ситуация была иной. В зоне Хорватия—Славония—Далмация в конце XVIII в. существовало три литературных языка, или, вернее, литературных диалекта: язык Дубровника с его литературными памятниками, восходившими к концу XV в.; славонский литературный диалект XVIII в.; кайкавский язык Загреба, который на рубеже XVIII—XIX вв. подвергался интенсивной литературной обработке. При детальном анализе текстов выясняется, что положение было более сложным. Но остается неоспоримым факт, что до XIX в. у хорватов отсутствовал единый язык. Литературным диалектом с самой сильной традицией был диалект Дубровника, и он оказал большое влияние на формирование нового хорватского литературного языка. Однако данное влияние ни в коем случае не было единственным, а в некоторых отношениях новый литературный язык даже удалялся от языка Дубровника. Тем не менее сербохорватский литературный язык, зафиксированный Венским соглашением 1850 г. и позднее кристаллизовавшийся в отдельные, хотя и близкие, сербский и хорватский языки, был для хорватов компромиссом, а для сербов разрывом с традицией.

Не анализируя детально процессы языкового возрождения в других славянских ареалах, мы можем заметить, что и в лужиц-

косербском случае, и в словенском новые литературные языки, появившиеся в течение XIX в., представляли собой модифицированное продолжение более ранних литературных языков, впервые появившихся в XVI в.

Мы видим, что для болгар и сербов модернизация их языков означала отход от традиции. Есть и другие подобные случаи, из которых самый примечательный — языковое развитие в Словакии. Уже было высказано предположение, что чешский литературный язык, употреблявшийся словаками по крайней мере с XV в. может рассматриваться как более высокая форма народной речи. Этот словакизированный чешский язык к середине XVIII в. развился в нечто, что может быть охарактеризовано как зачатки западно-словацкого литературного языка. Первая кодификация словацкого литературного языка на основе западнословацких диалектов Антоном Бернолаком (1790) может рассматриваться как дальнейшее развитие существующей традиции. Однако хорошо известно, что язык Бернолака, популярный в католических кругах в течение нескольких десятилетий, не был принят как национальный литературный язык. В этом качестве утвердился совершенно иной язык. Он был создан Людовитом Штуром как койне, базировавшееся на центральных словацких диалектах, наиболее удаленных от чешских. Этот выбор можно квалифицировать как намеренный отказ от традиционного литературного языка словаков. Он отражал веру Штура в то, что каждое славянское племя имеет право на свой собственный, специфический языковый способ выражения.

На первый взгляд можно было бы сравнить словацкую языковую ситуацию с ситуацией возрождения в XIX в. белорусского языка. Современный белорусский литературный язык, полностью развившийся только в советский период, но своим происхождением и структурным принципом обязанный второй половине XIX в., имеет твердым основанием народные диалекты. Хотя канцелярский язык Великого княжества Литовского начала нового времени представлял собой сплав церковнославянского и народных элементов, он не сыграл заметной роли в формировании белорусского современного литературного языка. Но здесь не было умышленного отказа, как в случае с сербским и словацким. Это объяснялось тем, что связь с более старым языком была утрачена.

Таким образом, белорусский язык являет собой скорее пример создания языка, чем его возрождения.

Следовательно, мы можем выделить две самостоятельные тенденции в движении языкового возрождения славян Центральной и Восточной Европы в начале XIX в. — тенденцию предпочтения ранее установившегося литературного языка и тенденцию отрицания такого языка. Влияние традиции было самым сильным

у чехов, где старый язык пользовался большим авторитетом и характеризовался значительной степенью внутреннего единства. Но и здесь инновация играла важную роль в экспансии и переформировании словаря. Языковая традиция слабее всего проявилась у белорусов, где более старый язык был забыт. Промежуточные положения занимают те языки, где традиционный литературный язык или чаще группа традиционных литературных диалектов играли важную, но ни в коем случае не исключительную роль в процессе возрождения литературного языка.

Главная цель для всех упомянутых народов заключалась в создании национального литературного языка, который, с одной стороны, был бы необходимым средством для реализации социальных, административных и художественных потребностей нового времени, с другой — был бы понятным и недвусмысленным выражением национальной сущности и специфики. Без сомнения, вторая задача была главенствующей в рассмотренный нами период. В период формирования наций язык был нечто большее, чем функциональный инструмент, он символизировал и воплощал национальное самосознание.

Л. Н. Смирнов

(СССР)

О РОЛИ КУЛЬТУРНЫХ ИНТЕРДИАЛЕКТОВ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

ПРИ ИЗУЧЕНИИ процессов формирования национальных литературных языков серьезное внимание уделяется вопросу о соотношении и взаимодействии литературного языка, территориальных диалектов и других разновидностей народно-разговорной речи. В последние годы многие ученые все более определенно отказываются от бытовавшего прежде представления о прямой, непосредственной связи между национальным литературным языком и его диалектной основой¹. Широкое признание получает

¹ Изучение истории ряда национальных литературных языков показало, как отмечает М. М. Гухман, что «фактически никогда литературная норма не является простой кодификацией системы диалектных признаков одной какой-либо местности» (Вопросы формирования и развития национальных языков. — Труды Института языкознания, т. X, М., 1960, с. 303).

мысль о том, что между территориальными диалектами и формирующимся национальным литературным языком имеется сложная цепь взаимоотношений². Одним из достижений современной теории литературных языков является положение о так называемых культурных диалектах (языках) как возможной промежуточной, переходной ступени развития от местных диалектов к литературному языку, как исходной базе становления письменного языка народности или национального литературного языка. Это положение получило распространение в трудах по истории славянских литературных языков. Так, важную роль подобной переходной языковой формации в процессе складывания норм славянских литературных языков отмечал Н. И. Толстой (используя, правда, иной термин — «междиалектное койне») ³. Традиционным является оперирование терминами «культурный диалект», «культурное наречие», «культурный язык» для обозначения долитературной (дописьменной) языковой формации в исследованиях, посвященных происхождению и диалектной основе польского литературного языка (об этом писали К. Нитш, Т. Лер-Сплавинский, В. Ташицкий, Т. Милевский, С. Урбанчик и др.) ⁴. Заметим, однако, что вопрос о соотношении польского литературного языка и «культурного диалекта» остается не вполне выясненным. Некоторые польские лингвисты ставят под сомнение само понятие «культурный диалект» ⁵. Широкое применение термин «культурный язык» находит в новейших работах по истории словацкого литературного языка (в частности, в трудах Э. Паулини, Э. Йоны, К. Габовштяковой и др.). Серию статей посвятил этому вопросу И. Котулич ⁶.

Этап «культурного языка (диалекта)» усматривают в истории ряда славянских языков и другие исследователи (Б. Гавранек, К. Горалек). Некоторые ученые видят в образовании «культурных языков (диалектов)» одну из общих закономерностей фор-

² Ср.: *Виноградов В. В.* Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпоху. М., 1963, с. 26.

³ Славянская филология, т. I. София, 1963, с. 45.

⁴ См. материалы сборника «Pochodzenie polskiego języka literackiego» (Wrocław, 1956). Ср. также: *Urbanczyk S.* Polski dialekt kulturalny w przeszłości i obecnie. — В кн.: *Говорните форми и словенските литературни јазици.* Скопје, 1973, с. 87—93.

⁵ *Klemensiewicz Z.* W kręgu języka literackiego i artystycznego. Warszawa, 1961, s. 105.

⁶ *Kotulič I.* O formovaní kultúrneho jazyka slovenskej národnosti. — In: *Jazykovedný časopis*, roč. XIX. Bratislava, 1968, s. 134—149; *Idem.* K otázke kultúrneho jazyka slovenskej národnosti. — In: *Nové obzory.* Prešov, 1969, s. 345—371; K pojmu «kultúrna slovenčina». — In: *Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského.* Philologica, roč. XXIII—XXIV. Bratislava, 1974, s. 293—305.

мирования славянских литературных языков донациональной эпохи⁷.

Однако среди лингвистов нет единого мнения о самом понятии «культурный язык (диалект)», о его важнейших признаках, о его взаимодействии с литературно-письменным языком, о его значимости в сложном процессе становления норм национального литературного языка. Данная проблематика нуждается в дальнейшем изучении как на материале истории отдельных славянских языков, так и в общетеоретическом плане.

Прежде всего, как нам представляется, следует раскрыть и уточнить содержание понятия «культурный язык (диалект)»⁸ и упорядочить терминологию, связанную с данной проблематикой (ср.: «культурный язык (диалект)», «наддиалектная формация», «полудиалект», «интердиалект», «междиалектное койне», «разговорный культурный язык», «разговорное культурное койне», «разговорное койне преднационального периода» и т. п.). Если не вдаваться в детали, то можно сказать, что названные выше термины так или иначе отражают представление о специфической разновидности языка, служащей связующим звеном между местными народными говорами и формирующимся письменным, или литературным, языком данной национально-этнической общности⁹. Иногда термин «культурный язык» употребляется для обозначения письменного языка, используемого данной этнической общностью в донациональный период. В лингвистической литературе встречаются также и другие толкования термина «культурный язык (диалект)».

По нашему мнению, целесообразно было бы вычленил понятие и термин «культурный интердиалект» для определения специфической языковой формации, характеризующей переходный этап развития от множества местных говоров к единому национальному литературному языку.

В нашем понимании культурный интердиалект — это своеобразная языковая формация междиалектного, а не монодиалектного характера, служащая для удовлетворения потребностей об-

⁷ Виноградов В. В. Указ. соч., с. 24.

⁸ Примечательно, что английский славист Р. Оти уже давно призывал к уточнению этого термина (см.: *Auty R. Pojem kultúrneho jazyka a formovanie spisovnej slovenčiny*. — In: *Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica (A)*, roč. XVI. Bratislava, 1964, s. 156).

⁹ Например, по мнению А. Едлички, «культурный язык» — это «разговорный национальный язык, функционирующий в культурно-коммуникативной сфере до собственного и полного применения национального языка как языка литературы» (*Jedlička A. Problematika mluveného jazyka v románu k jazyku psanému*. — В кн.: *Говорные формы и словенские литературные языки*, с. 71).

щественно-культурной коммуникации и консолидации данной национально-этнической общности в период до возникновения национального литературного языка и являющаяся базой его формирования. Следовательно, культурный интердиалект — категория историческая. Он может рассматриваться как одно из проявлений и следствий поступательного развития народности, ее постепенного перехода в новое качество — нацию. Как показывает изучение истории ряда славянских литературных языков, в частности словацкого языка, в процессе возникновения и развития культурных интердиалектов большую роль играют не только собственно лингвистические моменты (например, взаимопроникновение элементов разных говоров), но и факторы социально-политические, экономические, культурные¹⁰. Это значит, что не всякое разговорное койне, не всякий интердиалект как средство общения представителей разных говоров может стать культурным интердиалектом в указанном выше понимании. Для этого необходимы соответствующие экстралингвистические условия (в частности, определенный уровень образования и просвещения в данной стране, наличие культурного центра, развитие торговли и промышленности, тенденция к национальному сплочению и др.). Поэтому только с учетом экстралингвистических факторов можно решать вопрос о том, был ли в процессе становления конкретного национального литературного языка этап культурного интердиалекта (ведь абсолютизация этого положения, на наш взгляд, так же неоправданна, как и односторонние прямолинейные попытки установления непосредственной связи национального литературного языка с определенной диалектной основой).

Попробуем дать краткую характеристику основных признаков культурного интердиалекта.

Для культурного интердиалекта типична непосредственная связь с народно-разговорной речью данного этнического коллектива¹¹. Иначе говоря, культурный интердиалект — это разновидность живого родного языка данного народа. Национальный характер культурного интердиалекта позволяет ему успешно конкурировать с «чужим», «наднациональным» литературно-письменным языком, используемым до возникновения своего литературного языка. Указанная черта является одной из необходимых

¹⁰ Ср.: Jóna E. K periodizácii dejín slovanských spisovných jazykov a k všeobecným zákonitostiam ich vývinu. — In: Jazykovedný časopis, roč. XIV, Bratislava, 1963, s. 13.

¹¹ Тесную взаимосвязь «культурного языка» с формирующейся этнической общностью подчеркивал Б. Гавранек (*Havránek B. K obecným vývojovým zákonitostem spisovných jazyků.* — In: Studie o spisovném jazyce. Praha, 1963, s. 92).

предпосылок для того, чтобы культурный интердиалект мог стать исходной базой формирования национального литературного языка.

Важной чертой культурного интердиалекта является его наддиалектная функция. Сфера его использования не ограничивается рамками замкнутого диалектного коллектива. С момента возникновения культурный интердиалект проявляет тенденцию к распространению в качестве общего языка формирующегося национального целого¹².

Следует отметить и такую черту культурного интердиалекта, как известную ограниченность его социальной базы, особенно на начальном этапе развития. В условиях феодального общества, в эпоху постепенного превращения народности в нацию культурный интердиалект не может возникнуть как общее достояние широких народных масс, всех социальных слоев данного национально-этнического коллектива. Его зарождение предполагает определенный уровень развития культуры и национального самосознания. Естественно, что его носителями прежде всего являются образованные люди, объединившиеся вокруг определенного культурного или административно-политического центра.

Сфера употребления культурного интердиалекта шире, чем у местных народных говоров. Кроме того, его функционирование имеет качественно иной характер. Это не бытовая повседневная речь, а язык, призванный служить для удовлетворения более «высоких», «культурных» потребностей общества¹³. Он может использоваться в устном общении образованных людей независимо от их диалектной принадлежности, он может выступать в роли административно-делового языка, он применим также в художественно-эстетических целях и т. п. Объем его функций определяется конкретной языковой ситуацией. Можно сказать, что культурный интердиалект в какой-то мере предвосхищает функциональную поливалентность национального литературного языка.

По своей лингвистической сущности культурный интердиалект является формацией междиалектного, а не монодиалектного характера. В его структуре сосуществуют элементы различных местных говоров. При этом, правда, могут доминировать и быть организующим звеном черты и признаки какого-то конкретного говора или определенной диалектной области. В строе культурного интердиалекта может отражаться также сложное взаимодействие

¹² Ср.: *Havránek B.* Op. cit., s. 92.

¹³ Ср.: *Kotuliš I.* K pojmu «kulturna slovenčina». — In: *Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica*, roč. XXIII—XXIV. Bratislava, 1974, s. 297.

местной народно-разговорной речи с книжно-письменной традицией на чужом или родственном языке, обслуживавшем культурные потребности данного общества до возникновения национального литературного языка.

По мнению многих лингвистов, типичной чертой «культурного языка» (в нашей терминологии «культурного интердиалекта») является его разговорный характер (К. Нитш, С. Урбанчик, К. Горалек, А. Едличка и др.). Данный признак несомненно является весьма существенным для культурного интердиалекта, который возникает именно как формация разговорная. Однако на определенном этапе своей эволюции культурный интердиалект может иметь и письменную фиксацию. Это зависит от конкретно-исторических условий становления и развития литературно-письменных норм языка данной нации. Так, например, письменную фиксацию имел западнословацкий культурный интердиалект, послуживший основным источником кодификации первого варианта литературных норм словацкого языка — «бернолаковщины» (конец XVIII в.)¹⁴.

Существенным признаком культурного интердиалекта является подвижность норм. Как нам кажется, здесь следует говорить скорее об определенном узусе, чем о системе строгих и стабильных норм. Не случайно, что, как правило, культурный интердиалект функционирует в некодифицированном виде. Все же в силу известной унифицированности норм (узуса) культурного интердиалекта он может стать при благоприятных обстоятельствах важным звеном на пути складывания единых общенациональных норм литературного языка.

Совокупность названных выше признаков, на наш взгляд, дает представление о культурном интердиалекте как своеобразной языковой формации, которая, с одной стороны, в структурном и функциональном отношении отличается от местных говоров, а с другой стороны, еще не обладает всеми необходимыми качествами национального литературного языка.

¹⁴ Ср.: *Pauliny E. K prameňom sturovskej kodifikácie.* — In: *Bulletin Ústavu ruského jazyka a literatury.* XII. Praha, 1968, s. 25.

О ЗНАЧЕНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

ВАЖНЫЙ вклад в изучение истории культуры славянских народов вносят лингвистические исследования и прежде всего работы, посвященные историческому развитию литературных языков, в создании которых участвовали многие выдающиеся деятели славянской культуры. Что касается славянской филологии, то надо отметить, что мы до сих пор еще не располагаем исчерпывающими сведениями из истории этой научной дисциплины. Хорошо изучена деятельность ряда представителей этой науки, таких, как Востоков, Фортунатов, И. Добровский, И. Юнгман, П. Шафарик. Я остановлюсь здесь на некоторых важных аспектах междисциплинарных исследований, ведущихся историками культуры и лингвистами.

Во-первых, центральное место в таких крайне необходимых исследованиях занимает понятие «языковая ситуация», что было выявлено на пражском заседании Международной комиссии по славянским литературным языкам эпохи Возрождения в 1973 г. чешскими лингвистами В. Барнетом и А. Едличкой, которые исходили из социальной коммуникации в широком понятии. Языковая ситуация воспринимается как один из видов (способов) коммуникации. Важную роль играет структурное членение языкового коллектива, которое, между прочим, в отдельных языках различается и различным способом отражает социальную ситуацию. Если, например, сравнивать отношение И. Добровского и И. Юнгмана к социальной ситуации, то окажется, что их различная интерпретация истории, современного состояния и дальнейшей перспективы чешского общества связывается с развитием чешского литературного языка в течение первых десятилетий XIX в. Ведь коммуникативные сферы чешского литературного языка, как известно, во времена Юнгмана были уже значительно шире, чем в первых десятилетиях этого века, когда Добровский еще не верил в то, что чешский литературный язык, испытавший значительную редукцию коммуникативных сфер, станет общепризнанным средством общения. Дело в том, что исторические, литера-

туроведческие, этнографические и социологические исследования, осуществляемые в междисциплинарном плане, с широким обменом мнениями, нуждаются в лингвистических дополнениях, причем перед лингвистикой стоит важная задача в разработке более ясной терминологии с дефинициями, выявляющими примеры самих языковых данных и образцы творчества знаменитых писателей и ученых-лингвистов, игравших важную роль в развитии данного литературного языка.

Во-вторых, можно выявить некоторые критерии для оценки таких видных личностей и культурно-исторических тенденций, отражающих развитие данного общества, например этнолингвистический критерий. Очень важны здесь соотношение языков и территорий, которые они занимают, контакты между языковыми коллективами. Известно, что сочинения, написанные на чужом языке, могут сильно влиять на культурное развитие другого народа. Так, Й. Добровский, хотя он был чех, написал свои главные произведения на разные темы славяноведения не на чешском или другом славянском языке, и не на латинском. Книга Добровского «История чешского языка и литературы», которая вышла в 1818 г., написана на немецком языке. И все же она является достижением чешской науки.

Перечень критериев мы можем продолжить: удовлетворение практических потребностей, например сочинение практических пособий по данным современным языкам (так, Добровский написал учебник по русскому языку); критический подход к прошлому, т. е. возникновение источниковедения на основе строгого критического анализа текстов, источников как старославянских, так и современных, которые считались древними памятниками (книга Добровского «История чешского языка и литературы», в которой периодизация языка и литературы совпала).

Одним из самых главных критериев является стремление авторов способствовать развитию общественного прогресса, бороться против реакции.

Место и роль лингвистических исследований в дальнейших междисциплинарных, комплексных разработках проблем историко-культурного развития славянских народов представляются весьма важными.

ПРОНИКНОВЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКИЙ ЯЗЫК XVII—XVIII ВВ.

СОГЛАСНО традиционной, установившейся еще в середине XIX в., точке зрения, западноевропейские элементы начали проникать в русскую лексику только с того момента, когда Петр I, по образному выражению Пушкина, «прорубил окно в Европу». В начале XX в. этот взгляд стал оспариваться некоторыми исследователями. Указывалось, между прочим, на значительное количество переводов с западноевропейских языков в допетровское время, которые якобы внесли в русский язык еще в XVII в. западноевропейскую лексику. Однако легко доказать, что традиционная точка зрения все-таки соответствует действительности. Достаточно сравнить русские тексты одинаковых жанров XIII и XVI вв. и, с другой стороны, русские тексты также одинаковых жанров начала и конца XVII столетия. Для примера приведем завещание новгородца Климента 1270 г. (с раскрытием титулов): «Въ имя отьца и сына и святого духа. Се азъ рабъ божиї Климьнтъ даю роукописанье стомоу Гергью и игоумену Варламоу и всеи братьѣ что възьяль есмь 20 грвьньъ серебра на свои роуки святого Гергья. Было же бы ми чимъ заплатит(и) даю за все то: два села с обильемъ и съ лошадьми и съ бортью...»¹ и завещание Ивана Юрьевича Грязного 1579—1580 гг.: «Во имя святые живоначальные троицы отца и сына и святаг(о) духа. Се яз раб божїй Иван Юрьевич Грязной пишу сїю духовну(ю) своим цѣлым умом и разумом кому мнѣ что дати и на ком мнѣ что взяти...»².

И, с другой стороны, приведу описание наводнения в Неаполе из рукописи середины XVII в. (перевод): «В Неаполи градъ италийском вздвижена быст буря велика с частыми и неслышанными и неизреченными мльнїями и величайшими громы, и силнѣишими вѣтры, и грознѣишим и необычным дождем... И нетокмо винограды сладчаиши, вертограды прекраснѣиши в ничтож обрати, но еще и църквей много цѣнных и краснѣиших полат и множе села соусѣд, и градки краснѣиши и твердѣиши от осно-

¹ Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка, ч. 1. М., 1952, с. 55.

² Там же, с. 234.

вани отрѣши, въ глубину морскую съ собою отведе»³ и описание посещения Неаполя П. А. Толстым 1698 г.: «И приѣхавъ ко мнѣ, гдѣ я стоялъ въ каретѣ, Неаполитанскіе жители, дуки, маркезы и кавалеры въ одной філюге просили меня о томъ, чтобъ я съѣлъ съ ними въ ихъ філюгѣ и поѣхалъ бы гулять по морю, котораго ихъ прошенія не хотѣлъ я преслущать, съѣлъ къ нимъ въ філюгу, и гуляли по морю даже до ночи...»⁴.

Бросаются в глаза совершенная стабильность древнерусской лексики XIII—XVI вв. и сильное изменение лексики во второй половине XVII в. В переводе, сделанном в Москве в середине XVII в., нет ни одного западноевропейского слова, в тексте Толстого их пять, и одно из них повторяется три раза.

Разница между проникновением западноевропейских элементов в русскую лексику в XVII в. и в XVIII в. состоит в том, что в допетровскую эпоху процесс проникновения шел весьма медленно и только двумя путями. Первый — через Украину и Белоруссию, и так называемого западнорусского или же непосредственно из польского языка. Главным носителем западноевропейской культуры в эту эпоху был латинский язык в его польском произношении. В «западнорусских» текстах XV—XVII вв. число полонизмов огромно, однако сравнительно немногие из них (в общей сложности около 200) уцелели в русском литературном языке до наших дней. В говорах же бытует и сейчас много слов явно польского происхождения, заимствованных, по всей вероятности, не позднее конца XVII в., например; *байстрюк* 'незаконнорожденный мальчик', *гак* 'лишнее' (версты три с гаком), *грабарь* 'землекоп', *жолнер* 'солдат', *ланцуз* 'цепочка', *скарб* 'имущество, пожитки', *гандета* 'рухлядь', *фольварк* 'хутор', *фраер* 'неопытный, легко попадающийся на удочку человек', *шкапа* 'кляча', *шатковать* 'шинковать капусту' и др.

Второй путь вел через Псков и Новгород, а также непосредственно через так называемую немецкую слободу в Москве. Это заимствования из немецкого языка. В Новгороде и Пскове сохранялись вплоть до 1509 г. ганзейские конторы, в которых работали балтийские немцы из Ревеля, Риги и других городов Прибалтики, строго охранявшие свои привилегии. Русские слова балтийско-немецкого происхождения отличаются тем, что в них дифтонг, обозначаемый в литературном немецком буквами (ei), передается не через русское (ай), соответственно его произношению в современном немецком, а через русское (ей), соответственно его произношению в балтийско-немецком, например; *клейстер*,

³ Там же, ч. II, вып. 1. М., 1959, с. 23.

⁴ Русский архив, 1888, № 6, с. 148.

клеймо, мейстер, ефрейтор, штейгер и др. Эта передача немецкого (*ei*) как русского (*ей*) превратилась в традицию, так что и в более поздних заимствованиях, которые уже не были связаны с балтийско-немецким языком, немецкое (*ei*) все-таки передается, т. е. «переписывается», через (*ей*), равно как и в фамилиях немецкого происхождения, например: *Шнейдер, Рубинштейн, Гейнеманн*. Отметим, что болгары и сербы передают этот немецкий дифтонг кириллическим (*ай*) или (*ај*): *Шнайдер, Шнајдер*.

Отличить германизмы допетровского времени от германизмов XVIII в. очень трудно. Единственным критерием является засвидетельствование их в документах до 1690 г., но, принимая во внимание далеко не полную изученность русского языка XVII в., возможность ошибок из-за *silentium monumentorum* чрезвычайно велика. В общей сложности слов немецкого происхождения, проникших в русскую лексику в допетровское время и уцелевших до наших дней, около 50.

С осени 1698 г., по возвращении Петра I из заграничного путешествия, двери на Запад широко открываются, и в русскую лексику начинают проникать в большом количестве западноевропейские слова. По-видимому, первыми появляются голландские термины мореходства, бытование которых в русском языке непосредственно связано с именем Петра I. В то время Петр I находился в Заандаме. Эти слова основательно изучены голландским ученым ван дер Мэленом (в 1909 г. и дополнительно в 1959 г.). Известно, что до самого последнего времени русские моряки пользовались этой терминологией, которую они слегка изменили в связи с новыми типами судов. Русские романисты иногда злоупотребляют этой терминологией для украшения стиля, и у них можно встретить давно устаревшие *бом-брам-гордени, бом-салинги* и др. Около 250 слов голландского происхождения сохранилось в русском литературном языке, в том числе такие, как *брюки, дюйм, зонт (ик), картуз, койка, кофе, лиф (чик), махорка, номер (номер), пробка, флаг, швабра*, которые уже не ощущаются как иностранные. В 1707 г. Петр I предписал всем русским чиновникам «языку Галанского... по возможности учитца», но после смерти Петра интерес к этому языку совершенно угас.

Из Заандама Петр I переехал в Дептфорд (Англия), где работал несколько месяцев на верфи. Следовало бы ожидать, что он обогатит русскую лексику и английской судостроительной терминологией. Но английские термины появились в русском языке гораздо позже, в самом конце XVIII или даже в начале XIX в. К петровской эпохе восходят, по моим данным, только *верейка, катер, мичман, румб*, бесспорно заимствованные из английского.

Довольно неожиданным является сравнительно большое число

слов итальянских, введенных в русский литературный язык князем Борисом Куракиным и графом Петром Толстым, долго жившими в Италии в конце XVII—начале XVIII в. Особенно охотно пересыпал русскую речь итальянскими словами Куракин. Его мемуары полны итальянизмов, которые венгерский исследователь Миклош Фогараш назвал «куракинизмами». Из этих «куракинизмов» в русском литературном языке сохранились *аббат*, *ария*, *арсенал*, *банк*, *баул*, *бутафория*, *газета*, *катафалк*, *графарет*, *фавор*, *фаворит*, хотя, по моему мнению, не все из них первым употребил Куракин. Во всяком случае они вошли в русский язык уже в петровское время.

Главный источник западноевропейских заимствований XVIII—XIX вв. — немецкий и французский языки. Эти заимствования исследованы в 1972 г. Е. Э. Биржаковой, Л. А. Войновой и Л. Л. Кутиной в их «Очерках по исторической лексикологии русского языка XVIII века». Авторы справедливо указывают на трудность различения языковых заимствований. Во-первых, западноевропейское слово часто появлялось в русском языке в разных формах, определить, из какого именно языка взято данное слово, например: *стилус* (из латинского), *штиль* (из немецкого), *стиль* (из французского). В современном литературном языке возобладали формы *стиль*, значит это слово следует считать заимствованием из французского. С другой стороны, немецкий язык XVIII в. находился под очень сильным влиянием французского, и зачастую трудно бывает определить, из какого именно языка взято данное слово, например: *амфибия*, *ангинация*, *атака*, *багаж*, *бандаж*, *гарнизон*, *гротеск*, *дезертир*, *дивизион*, *дуэль*, *кантон*, *коридор*, *мандолина*, *машинист*, *металл*, *мигрень*, *мина*, *оркестр*, *публика*, *реванш*, *резон*, *симпатия*, *субтильный*, *эмигрант* и др. Поскольку в петровское время знание французского языка не было распространено, а немецким владели очень многие русские (известно, что Петр I специально посылал молодых чиновников, «подъячих», учиться немецкому языку в Кенигсберг), то с полным основанием можно иностранные слова, засвидетельствованные в русском языке до 1730 г., отнести к немецкому, а засвидетельствованные после 1750 г. — к французскому. Например, слово *минерал* засвидетельствовано в 1713 г., *транспорт* — в 1702 г., поэтому их необходимо считать скорее немецкими, чем французскими, хотя чисто лингвистически франц. *minéral*, *transport* могут быть источниками совершенно так же, как нем. *Mineral*, *Transport*. Однако всегда надо учитывать возможность *silentium monumentorum*.

Во второй половине XVIII в. французское влияние на русскую лексику все увеличивается и достигает своего апогея в пушкинское время, когда появляются даже некоторые случаи создания

так называемых псевдофранцузских слов на русской почве, например: *дирижер* (1786), *дублер* (1789), хотя никаких франц. *dirigeur, *doubleur (в театральном значении) никогда не существовало.

Немецкое влияние, напротив, во второй половине XVIII в. все уменьшается; его приблизительно можно сравнить с французским в эпоху Екатерины II. Из заимствований XVIII в. сохранилось до наших дней в литературном языке около 500 немецких и около 1000 французских. Немецкое влияние было, однако, в административной области настолько сильным, что проникло даже в совершенно изолированную от всякого западноевропейского влияния церковь. В начале XIX в. существовал чин *обер-священник*, образованный при помощи немецкого префикса *обер* (ср. *обер-офицер*, *обер-кондуктор* и пр.). В середине XIX в. этот чин был заменен чином *главный священник* (ср.: *Даль. Словарь*, изд. 4-е, 1913, т. II, с. 1499). Должность *обер-прокурора* (святейшего синода) просуществовала до 1917 г.

Чрезвычайно трудно установить непосредственные заимствования XVII—XIX вв. из других западноевропейских языков. По всей вероятности, их было очень мало. Без сомнения, шведского происхождения *краги* и *шхеры*, оба заимствованы в петровскую эпоху.

А. Г. Широкова, Г. П. Нецименко

(СССР)

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЧЕШСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА КАК НЕОБХОДИМЫЙ КОМПОНЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕШСКОЙ НАЦИИ

ОДНОЙ из центральных проблем чешского Возрождения было создание, вернее, возрождение литературного языка, являющегося высшей формой существования национального языка.

Историческое своеобразие условий формирования литературного языка чешской нации заключалось в том, что в отличие от других славянских языков литературный чешский язык эпохи Возрождения формировался не на базе диалекта, а на базе литературного чешского языка XVI—начала XVII в., который представлял собой образец нормализованного и культивированного ли-

тературного языка, отличавшегося богатством выразительных средств. Однако развитие литературного чешского языка, достигшего большого расцвета уже в XV—XVI вв., было насильственно прервано после 1620 г. до конца XVIII в. Его функции на протяжении почти двух столетий ограничивались. В этот период чешский язык перестал быть языком художественной литературы, он не был разговорным языком онемеченного дворянства и верхушки буржуазии, он не изучался в школах (обязательным языком был немецкий), наконец он не был деловым, официальным, а с 1781 г. и государственным языком.

Таким образом, к периоду чешского Возрождения, т. е. к концу XVIII в., носителем чешского языка был простой народ, преимущественно сельское население; язык городских слоев населения изобилует германизмами, диалектизмами.

Языковая ситуация Чехии конца XVIII в. характеризовалась значительной диалектной раздробленностью, неустойчивостью нормы. Это выражалось в отсутствии стабильности звуковой системы, грамматического строя и лексического состава чешского языка. Засоренность лексики чешского языка того периода германизмами обусловила активные действия пуристов, словотворческие попытки которых нередко были весьма неудачны, неупорядочены и не соответствовали внутренним законам развития языка.

Отсутствие устойчивой языковой нормы поставило первое поколение чешских будителей перед необходимостью создания стабильной основы литературного чешского языка.

В сложившейся ситуации в силу резких диалектных различий, вызванных к жизни эпохой феодальной раздробленности, в силу жестокого национального, политического и социального гнета ни один из диалектов не мог сыграть роли объединяющего диалекта, лечь в основу возрождаемого литературного чешского языка, ни один из диалектов не мог соответствовать задачам культурного Возрождения, национально-освободительной борьбы.

Языковую ситуацию в городах характеризовал билингвизм. Кроме того, развитие капитализма способствовало притоку сельского населения в города. Речь городского населения содержала множество языковых элементов, отражавших различные территориальные и социальные диалекты. Выступая против крайнего крыла реформаторов чешского языка, которые пытались ввести в литературный язык диалектные моравские элементы, Й. Юнгман писал: «Если так пойдет и дальше, у нас будут книги на пражском, домажлицком, крконошском, оломоуцком, турчанском и бог знает еще на каких наречиях»¹.

¹ Casopis Českého musea, Praha, 1832, sv. 2, s. 169.

Следовательно, в основу литературного языка не мог быть положен и язык городского населения, насыщенный большим количеством германизмов. В этой связи снова уместно напомнить слова Юнгмана, который отмечал, что нельзя писать так, как говорят, «иначе такие чудовища, как *míti recht, jíti furt, býti auf, jíti aus* и т. п., к сожалению ежедневно слышимые, мы без колебания должны употреблять»².

Сказанное выше позволяет понять, почему первое поколение будителей во главе с патриархом славистики Йозефом Добровским выступало против попыток приближения литературного языка к народному. Боязнь расшатать норму образцового литературного языка XVI в. не позволила Добровскому и другим кодификаторам чешского языка опереться на живой разговорный язык, хотя в конце XVIII в., вероятно, уже существовал интердиалект, который впоследствии перерос рамки интердиалекта и в настоящее время, в XX в., проявляет тенденцию стать общенародным нелитературным разговорным языком.

Единственно возможной основой чешского литературного языка эпохи Возрождения был литературный язык XVI в., язык Кралицкой библии и произведений Д. Велеславина, который характеризовался стабильностью грамматической структуры, богатством выразительных средств, который был языком стилистически дифференцированным, языком разнообразной в жанровом отношении литературы. В 1832 г. Юнгман писал: «Сочинения XVI в., а среди них на первом месте Кралицкая библия, национальная сокровищница нашего народа, должны считаться источником и законом для письменного языка в Чехии, в Моравии и в Уграх»³. Такой язык можно было противопоставить господствующему в то время немецкому языку. Именно поэтому язык XVI в. был положен в основу языка художественной литературы, науки, в основу единого литературного языка формирующейся нации.

Указанные объективные причины и обусловили стремление чешских будителей опереться на культурные достижения своих предков, использовать высокую книжную культуру добелогорского периода, так как с этим периодом связано представление о расцвете чешского языка и литературы, о национальной самобытности и независимости чешского народа.

Необходимой предпосылкой формирования языка нации является его единство, ибо, как писал В. И. Ленин, «единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий

² *Casopis Českého musea*, 1843, sv. 2, s. 408.

³ *Ibid.*, 1832, sv. 2, s. 169.

действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам...»⁴

Деятели чешского Возрождения отчетливо понимали необходимость создания единого общенародного национального языка, именно поэтому задачей первого этапа чешского Возрождения было создание стабильной основы литературного чешского языка, нормализация его грамматической структуры, кодификация его норм.

Первый период чешского Возрождения характеризуется не только нормализацией языка XVI в., но даже и его частичной архаизацией, возможной потому, что литературный язык этого периода был исключительно книжным, письменным, на нем не говорили. Разговорная форма литературного языка (так называемая *hovorová čeština*) появилась лишь в середине XIX в. Даже свою грамматику «*Ausführliches Lehrgebäude der Böhmisches Sprache*» (первое издание осуществлено в 1809 г.) Й. Добровский написал на немецком языке. Тем не менее грамматика Добровского заложила прочную основу литературного чешского языка, она была принята и ревностно охранялась младшим и старшим поколениями будителей на протяжении всего XIX в.

Расширение функций литературного чешского языка в начале XIX в. в связи со все возрастающими коммуникативными потребностями чешского общества обусловило необходимость обогащения словарного состава языка. Чешскому языку становятся тесны рамки языка XVI в., которые уже не отвечают запросам нового времени. Поэтому новое, второе поколение чешских будителей во главе с Й. Юнгманом выдвигает задачу не только возрождения, но и значительного пополнения лексики чешского языка.

Й. Юнгман и его ученики, признавая кодификацию Й. Добровского в отношении фонетики и грамматики, в вопросах пополнения словарного состава шли дальше его, считая, что лексика языка должна развиваться и изменяться в зависимости от конкретных задач, стоящих перед обществом. Поэтому источником обогащения чешского языка Юнгман считал, кроме литературы XVI в., также чешские диалекты и народный язык, произведения новейших писателей, другие славянские языки и диалекты, дословный перевод с других языков (калькирование), если это не противоречит духу чешского языка, и создание новых слов путем словосложения или путем словообразования. Стремление к обогащению чешского языка Юнгман реализовал в своей обширной практической деятельности: при переводах иностранной литера-

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 258—259.

туры и при составлении пятитомного словаря «Slovník česko-pěšesku» (Praha, 1834—1839). Этот словарь явился ценным практическим руководством, так как он не только охватывал словарный запас языка, но, определяя закономерности словообразования и регулируя выбор слов, положил конец произвольному словотворчеству.

Будучи выходцем из народа, бывший крепостной Й. Юнгман стремился приблизить язык и литературу к народу. В своей языковой политике он ориентировался на простой народ, из рядов которого формировалась демократически настроенная интеллигенция.

Деятели юнгмановской генерации обогатили чешский язык созданием новой научной терминологии в области литературоведения, естествознания, математики, философии, эстетики и других наук. В этом принимал активное участие не только сам Юнгман, но также и Палацкий, Пресл, Челаковский, Шафарик и др.

Важным источником обогащения словарного состава чешского языка явились другие славянские языки, и прежде всего русский. В этот период из русского языка в чешский было заимствовано множество слов, например: *vzduch, příroda, bodrý, vesna, dějství, nářečí, vkus, obzor, nápěv, obraz, sloh, slovesnost* и др. Понимая роль русского языка и подчеркивая необходимость его изучения, Юнгман говорил еще в ноябре 1810 г.: «Настанет время, когда европейцы будут жадно изучать ... русский язык, так, как ныне они изучают язык французский»⁵.

В 30—40 гг. XIX в. наблюдается значительное расширение сфер функционального использования чешского языка. В это время чешский язык уже выступает как средство общения и взаимного понимания, как необходимый компонент образования чешской нации, нового чешского общества.

В этот период начинает зарождаться разговорная форма литературного чешского языка как результат взаимодействия и интерференции литературного языка с народно-разговорной речью. Чешский язык проникает в школу, журналы, театр. Большая заслуга в демократизации литературного чешского языка принадлежит писателю и драматургу Й. К. Тылу, который писал: «Говорите, пойте, декламируйте, танцуйте по-чешски»⁶.

Требование «понятности» чешского языка, выдвигаемое в это время, несомненно, было связано с его демократизацией, вытеснением из него книжных элементов и проникновением народных;

⁵ *Jungmann J. Biskupský seminář. Litoměřice, 1810, s. 25.*

⁶ *Jedlička A. K otázce jazykové kultury v 30—40 letech 19 stol. — Studie a práce lingvistické, 1954, I, s. 461.*

оно было связано со стремлением к естественности, простоте и непринужденности при выборе языковых средств.

Демократизация литературного чешского языка нашла свое отражение в произведениях лучших чешских писателей, в первых рядах которых стоит талантливая чешская писательница Божена Немцова, основоположница современного литературного чешского языка.

Национально-политическая борьба, вызвавшая общий подъем чешской культуры, дает толчок развитию чешской публицистики и журналистики. Функции чешского языка начинают расширяться, он постепенно отвоевывает себе все новые и новые области: проникает в школу, в учреждения, в общественную жизнь. Литературный чешский язык перестает быть привилегией писателей и просветителей, языком только художественной и научной литературы, он становится языком общения, начинает обслуживать все общество. Этому в высшей степени способствовало введение всеобщего обучения и бурное развитие литературы, особенно публицистической, трактующей различные вопросы политической, хозяйственной и культурной жизни и обращенной к широким слоям городского и сельского населения. Настоящим рубежом в этом отношении являются произведения Б. Немцовой, которую Ю. Фучик справедливо называет революционеркой слова, так как язык ее произведений, свободный от всего искусственного и надуманного, полностью опирается на народную речь.

Прогрессивные чешские писатели середины XIX в. демократические элементы своего языка брали из различных источников, однако всех их объединяет то, что они освободили язык от тяжеловесности, архаичности, искусственности, приблизили его к живой народной речи, а тем самым к потребностям реальной жизни общества. В произведениях Й. К. Тыла, К. Гавличка-Боровского, Б. Немцовой, Я. Неруды и других уже определяются основы современного литературного языка.

Так создавался единый, общенародный, полифункциональный язык со стабильной грамматической структурой, язык чешской нации.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛЬСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

МОЯ статья хронологически выходит за рамки славянского Возрождения. Однако вопрос, в ней затрагиваемый, тесно связан с процессом формирования польского литературного языка.

Как известно, унифицированный польский литературный язык формируется в XV—XVI вв. В результате конкуренции малопольских и великопольских языковых элементов в XVI в. происходит значительная унификация польского письменного языка (унификация разговорной речи образованной части населения происходит позже). Для периода формирования норм польского литературного языка (XV—первая половина XVI в.) характерно значительное усиление влияния чешского языка.

В это время в польский язык проникли многие лексические заимствования, например: *czyhać* 'грозить, устраивать, засаду', *hasło* 'ключ', *hnet*=*wnet* 'сразу, сейчас', *hojny* 'щедрый', *wahać się* 'колебаться', *tesak*=*tasak* 'тыпка', *czytelny* 'разборчивый', *czytelnik* 'читатель', *obywatel* 'гражданин', *rucznica* 'ручное огнестрельное оружие', *wzasnny*=*zasnny* 'почтенный; честный', *wynalezek*=*wynalazek* 'изобретение', (*w*)*zmi(e)nka*=*wzmianka* 'упоминание' и т. д. На чешское происхождение этих слов указывает их фонетика, а именно чуждый польскому языку звук *h*, твердые согласные перед историческим *e*, гласные *u*, *a* вместо наализованных гласных, отсутствие польского перехода *ě*→*a* перед переднеязычными твердыми.

Кроме того, в польский язык проникло много лексических заимствований, фонетика которых не обнаруживает их непольское происхождение. Из числа этого типа словарных заимствований к периоду XV—XVI вв. относятся многие заимствования из военной и культурной терминологии, а также из других областей жизни, такие, как *krópiez* 'узорчатая попона' из старочешского *krópieř* (которое из средневысоконемецкого *grōpiere*), *krótochwila* 'забава, шутка', *kusza* 'самострел', *łebka* 'вид шлема', *łoktusza* 'головной платок; полотнище, простыня' (в чешском из немецкого *Lakentuch*), *makowica* 'капитель', *niesztowice* 'оспа, короста', *nog* 'хищная легендарная птица, гриф', *obłoga* 'свод небесный',

podstata, postata, podstawa, postawa в философском значении 'substantia', essentia, hypostasis, ponieważ 'так как, ибо', ро́нчоча 'чулок', uprzejmy 'вежливый', żartować 'шутить' и т. д.

В этот период, особенно в первой половине XVI в., многие польские слова принимают чешскую огласовку, чуждую польским говорам, как, например, brama вместо старопольского stróža 'стража', władać 'владеть' вместо старопольского włodać, hańba 'позор' вместо старопольского gańba, hardy вместо старопольского gardy 'спесивый', serce вместо старопольского sierce, wesele 'свадьба' вместо старопольского wiesiele, Wasław вместо старопольского Więcesław (как исключение чешская форма засвидетельствована уже в XIV в., но частое ее появление отмечается лишь со второй половины XV в.) и т. д.

В XV—XVI вв. польский язык испытывал значительное воздействие чешского языка. В этот период польский язык принял много чешских слов или же переменил форму родственных слов на чешский манер. Если же учесть также заимствования, спорадически появляющиеся в отдельных произведениях тех или иных писателей, которые любовались чешскими образцами и даже преднамеренно вводили чешские формы, то общее количество новых чешских заимствований в этот период составило 2000.

О значительности влияния чешского языка на польский в XV—XVI вв., особенно в первой половине XVI в., и о высоком престиже чешского свидетельствуют высказывания современников. Например, Ян Сандецкий-Малецкий в своей полемике с Секулианом по вопросу правильности речи пишет, что в сомнительных случаях следует опираться на чешские образцы, так как «lingua Polonica ex lingua Bohemica orta est» («польский язык от чешского происходит») и «nemo vere ac proprie polonice loqui nescit, nisi Bohemicae linguae non ignarus fuerit» («никто хорошо и правильно по-польски говорить не может, если чешского языка не знает») («Defensio», 1547). Лукаш Гурницкий в произведении «Dworzanin» («Придворный») (1566) сетует на моду говорить на чешский манер: «... a czasem drugi, chocia nie będzie w Czechach, iedno iz granice Śląską przeieedzie, tho iuz inaczey nie będzie chciał mówić, iedno po czesku, à Czeszczyznà, wie to Bog, iáka będzie» («... а подчас иной, хотя и в Чехии не был, лишь границу Силезии переедет, то уже иначе не захочет говорить, как по-чешски, а его чешский язык бог весть какой будет»). Сын Я. Сандецкого-Малецкого — Иероним, Шимон Будны и Якуб Вуйек подтверждают, что при переводе Библии в те времена использовали также чешские переводы. Воздействие чешского языка на польский уменьшается лишь в конце XVI в.

Значительное влияние чешского языка на польский язык XV—XVI вв. подтверждает предположение З. Штибера¹, что чешский язык играл в это время роль арбитра в соревновании между великопольскими и малопольскими языковыми элементами за право быть основой литературного языка. Характерным является тот факт, что в польском литературном языке того периода побеждают либо черты великопольские, либо малопольские, но почти всегда соответствующие чешским.

Итак, воздействием чешского языка следует объяснять распространение в литературном языке таких великопольских черт, как: отсутствие мазурения, т. е. различие рядов *č, ž, š* и *c, z, s*, сохранение конечного *-ch*, сохранение начального сочетания *chw* (*chwała*), суффикс *-sko* в местных названиях; а с другой стороны, таких малопольских черт, как: начальное *ra-* (напр. *radło* 'рало', *gak*), *-owi* (напр., *wujowi* 'дяде'), тип *domek*, *krostawiec* 'прыщавый', стяженные формы глаголов *bał się*, *stał* и *zna*, *gra*.

Исключением в литературном языке этого периода являются те великопольские и малопольские элементы, которые не имеют соответствия в чешском языке. Но это касается лишь отдельных слов или их вариантов.

Важность подробного исследования чешского влияния на польский язык в XV—XVI вв. обусловлена тем, что в этот период происходит формирование норм польского литературного языка. Чешский язык оказал существенное кодифицирующее воздействие, способствующее устранению еще существующих диалектных различий в польском языке.

---

¹ Stieber Z. Uwagi o pochodzeniu polskiego języka literackiego. — In: Sprawozdania z Czynności i Posiedzeń Łódzkiego Towarzystwa Naukowego, III (1948, напечатано в 1950), N 2, s. 14—19.

О СОЗДАНИИ ГРАММАТИКИ И СЛОВАРЯ КАК ПРЕДПОСЫЛКЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

ИЗВЕСТНО, что в общем движении за национально-культурное возрождение проблема родного языка вообще и литературного в частности была одной из главных. Важность ее определялась первостепенной значимостью языка как признака национальной самобытности народа, как орудия сохранения и укрепления его единства, как решающего средства развития национальной культуры.

В соответствии с общей направленностью задач национального Возрождения у болгар преобладающее число деятелей этой эпохи полагало, что формировавшийся литературный язык должен быть народным в своей основе (т. е. базироваться на живой, народно-разговорной речи), быть единым (более или менее строго нормированным) и общebolгарским (обязательным в определенных сферах общественного приложения на всей болгароязычной территории). Создание такого языка было сопряжено с рядом трудностей, главным образом внелингвистического свойства, с которыми связаны — прямо или косвенно — и значительные различия в языке (правописании, морфологии и др.) издававшихся болгарских книг.

В связи с открытием светских болгарских школ, зарождением журналистики, развитием переводной и разных жанров оригинальной национальной литературы (30—40-е годы XIX в.) потребность в едином общebolгарском литературном языке осознается все сильнее, а необходимость устранения царившего в письменности языкового разнобоя становится все настоятельнее. И важнейшей из первоочередных мер, призванных покончить с таким состоянием языка, как раз и признавалось создание единой и общей грамматики, т. е. свода правил орфографии, морфологии, синтаксиса, которым следовали бы все образованные болгары (ср. и обычную формулу: «Грамматика учит, как правильно писать и говорить по-болгарски»), а также составление словаря, в котором было бы собрано словесное богатство родного языка.

Признавалось, таким образом, что грамматика и словарь наряду со своим прямым, чисто учебным назначением должны были стать и основным кодифицирующим началом в формировании литературного языка.

Важность составления грамматики и словаря понимали многие деятели Возрождения. Как и любое другое содействие формированию литературного языка, оно считалось первостепенным делом общенационального значения. Необходимость их сознавали уже авторы первых печатных новоболгарских книг. Так, А. Кипиловский писал (1825), что, приступая к переводу «Священного цветобранья», он испытывал и «те трудности, которые проистекают из отсутствия грамматики и лексикона нашего языка»¹. Не случайно поэтому, что уже в середине 20-х годов XIX в. Филологическое общество — первое у болгар культурно-просветительное общество — в число первых шести книг, которые оно намеревалось подготовить и издать, включило четырехязычный словарь и болгарскую грамматику. Начиная с середины 30-х годов, когда проблема создания единого литературного языка в Болгарии была поставлена на повестку дня (В. Априлов, Неофит Рильский), на протяжении десятилетий в болгарских изданиях постоянно поднимается вопрос о грамматике и словаре как необходимых предпосылках решения этой задачи.

Уже Неофит Рильский, один из образованнейших болгар середины XIX в., видный деятель национального Возрождения, хорошо понимавший огромное значение просвещения для судеб своего народа, подчеркивал в 1835 г., что «прежде должно устраивать школы, а потом уже церкви и монастыри» (заметим, что это говорит не светское лицо, а монах), что «прежде должно напечатать на нашем болгарском языке нужные для учения книги, а после уже Ветхий и Новый завет»². Но поскольку для успешного распространения просвещения необходим единый для всех болгарских земель язык и поскольку «никакой язык не может принять своего благообразия и исправления иначе, если он не примет грамматических правил», то, указывая Неофит Рильский, «самая нужная вещь, потребная прежде всего прочего, есть грамматика нашего родного и природного языка, дабы каждый писал то, на что он способен, на своем языке по правилам общей, а не местной грамматики, от коей не происходит ничего, кроме бесполезного порицания»³.

¹ См. предисловие к кн.: Священное цветобранье, или Сто и четыре священные истории. Будим, 1825, с. XI.

² *Рилски Неофит*. Болгарска граматика, сега перво сочинена. В Крагуевце, 1835, с. 11.

³ Там же, с. 2—3.

Подобные суждения о составлении грамматики как о необходимой предпосылке «устройства» единого общebolгарского литературного языка высказывались впоследствии многими и неоднократно.

Много говорилось и о необходимости создания словаря болгарского языка. Мысль о словаре настолько владела умами интеллигенции, что, как писал И. Шишманов, «можно с полным правом сказать, что в нем (словаре. — Г. В.) выражен высший идеал» образованных болгар эпохи Возрождения⁴. В подтверждение исключительно большого желания иметь болгарский словарь приведем восторженные отзывы о первом выпуске «Болгарского словаря» Найдена Герова (СПб., 1856). Газета «Цариградски вестник» поместила один за другим два отзыва. В одном из них С. Филаретов писал о «многожеланном словаре» Н. Герова: «Мы так обрадовались, когда увидели это хорошее и утешительное начало, что не могли утерпеть и не сообщить теперь же другим нашим братьям известие, которое, как мы уверены, все встретят с открытым сердцем и благодарностью»⁵. Значение же самого словаря С. Филаретов характеризовал так: «Каждый из нас, кто понимает, что такое народная письменность, литература, народное образование, и кто болеет душой за общую пользу для отечества, почувствует, какое большое значение имеет для нас эта книга. Словарь и грамматика — это самая первая основа литературы на любом языке: пока их нет, никакая литература не может двинуться вперед». Автор другой заметки, некто Н. К., писал, что этот словарь — «важнейшее предприятие Н. Герова», «подвиг героический», совершенный Н. Геровым, который принесет «пользу неисчерпаемую» и удовлетворит насущные нужды отечества в просвещении⁶. Журнал же «Български книжици» сообщал о выходе этого словаря как о «величайшей, самой радостной новости», называя его «бессмертным трудом» Н. Герова, который удовлетворит одну из «первейших потребностей наших»⁷.

Создание грамматики и словаря, таким образом, не было самоцелью или чисто филологической целью, призванной удовлетворить интересы узкого круга образованных болгар. Как необходимая предпосылка «устройства» единого общebolгарского литературного языка — средства просвещения, развития литературы и других областей национальной культуры — оно непосредственно связывалось с задачами национального развития. В разных изда-

⁴ Шишманов И. Константин К. Фотинова. — В кн.: Сборник за народни умотворения, кн. XI. София, 1894, с. 694.

⁵ Цариградски вестник, год. 7, 1857, 18.V.

⁶ Цариградски вестник, год. 7, 1857, 12.I.

⁷ Български книжици, год. 1, 1858, ч. 1, с. 10.

ниях той поры рассеяны многочисленные высказывания о том, что без грамматики и словаря болгары не смогут быстро и успешно развивать свою школу и литературу, не смогут широко и плодотворно использовать достижения других народов и передавать свое духовное богатство будущим поколениям. Еще в 1836 г. Хр. Павлович указывал, что грамматика — это «самое необходимое средство и основа» просвещения в Болгарии, ибо без нее «никакого сочинения на нашем языке не может быть и, следовательно, не может быть и просвещения»⁸. А в 1868 г. Н. Пырванов писал о создании «хотя бы более или менее совершенной грамматики» как о важнейшем условии успешного развития просвещения и литературы⁹.

Со времени выхода в свет в 1835 г. первой болгарской грамматики (упомянутая выше грамматика Неофита Рильского) и до освобождения Болгарии было издано более десяти грамматик разных авторов, не считая многих букварей. Скромнее были успехи в лексикографии. Некоторые из грамматик выдержали по несколько изданий и долгие годы служили основным грамматическим пособием в школах. Таковы, в частности, «Основы болгарской грамматики» Й. Груева и «Грамматика новоболгарского языка» И. Момчилова.

Целый ряд грамматик и словарей остался незаконченным или неизданным, в том числе грамматика Н. Герова и словарь Неофита Рильского — плод его многолетних трудов, с нетерпением ожидавшийся современниками. Известно, что многие деятели Возрождения намеревались заняться составлением грамматики и словаря, собирали для них материалы. С целью ускорить их подготовку и издание предлагались различные меры и проекты. Так, в 1844 г. Г. Крыстевич выступил с предложением учредить академию, состоящую из небольшого числа лингвистически подготовленных «ученых мужей», представляющих разные школы и области Болгарии, с целью составить авторитетную грамматику и словарь болгарского языка, которые бы стали «единым общим правилом» для всех болгар¹⁰. В 1856 г. газета «Цариградски вестник» сообщила о намерении группы состоятельных болгар объявить своего рода конкурс на лучшую грамматику и словарь, победителей которого ожидала денежная премия.

Изданные в эпоху Возрождения грамматики и словари сыграли разную по своей значимости роль в формировании болгар-

⁸ Павлович Хр. Грамматика славено-болгарска. В Будиме граде, 1836, с. 3.

⁹ Пырванов Н. Бележки върх граматика на новобългарския език от Ив. Н. Момчилова. Русчук, 1868, с. 7.

¹⁰ Крыстевич Г. Кое е средство на просвещението. — Любословие, год. 1, 1844, ч. 8, с. 108.

ского литературного языка. Бесспорно бoльшая роль в этом принадлежала грамматикам, которые создавались как общеполгарские.

Правда, в них в той или иной мере проступает определенная диалектная основа в предписываемых ими правилах морфологии и орфоэпии, а также в синтаксисе и лексике (ср. хотя бы грамматики представителей тырновской и пловдивской литературно-языковых школ¹¹). Существенны были различия в правописании. Несоответствие претензий грамматистов на общеполгарское функционирование предлагавшихся ими сводов правил локальной диалектной основе этих правил (по крайней мере некоторых из них), различное отношение к литературно-письменной традиции при выработке грамматических и орфографических правил явились причиной многих критических выступлений, острых нападок и упреков, отражавших приверженность оппонентов к другим местным говорам и другим литературно-языковым школам (см., например, оценку в печати грамматик И. Богорова, И. Груева и др.). Следует отметить, что игнорирование особенностей отдельных диалектов при формировании единых норм общеполгарского литературного языка со временем, когда последние в основном уже определились, привело к попыткам создания учебных пособий регионального назначения (конец 60-х—начало 70-х годов). Составителям грамматик не удалось до конца преодолеть существовавшие разногласия по многим вопросам «устройства» литературного языка и добиться полной кодификации его норм. Несмотря на это, основные нормы, базирующиеся на народно-разговорной речи и определяющие современный грамматический облик литературного языка, были закреплены в грамматиках и в значительной степени благодаря им уже к началу 70-х годов утвердились в отдельных сферах его приложения.

Что касается словарей, то, кроме чисто практических (учебных и других) задач, их издание связывалось прежде всего с фиксацией словарного богатства как источника совершенствования языка, а вместе с этим и с известной нормализацией его лексического состава (ср., в частности, ограничение турцизмов и грецизмов и др.).

---

¹¹ Общую характеристику литературно-языковых школ, сложившихся к концу Возрождения, см. в статье: *Андрейчин Л.* Унификационни процеси в българския книжовен език през първите десетилетия след Освобождението. — Български език, 1973, кн. 5, с. 371—373.

ВЕРХНЕЛУЖИЦКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК КАК ПЕРВОЭЛЕМЕНТ И СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ СЕРБОЛУЖИЦКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРИОД НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

АКТИВНЫЕ действия широких масс лужицких сербов в Верхней Лужице в период кульминации их национального движения (революционные 1848—1849 гг.), а также деятельность лужицкой мелкобуржуазной интеллигенции на протяжении всего периода так называемого национального Возрождения (30—70-е годы XIX в.) были направлены на достижение равноправия во всех сферах общественной жизни (причем на первый план в зависимости от ситуации выдвигались то социальные требования, то требования в области национальной культуры). Речевая деятельность лужицких сербов впервые в их истории была использована как активная, преобразующая сила развития общества¹. Лужицкое слово стало важнейшим и осознанным инструментом борьбы. Понятое многими представителями маленькой славянской народности именно как орудие борьбы и прогресса, оно сразу привлекло к себе внимание деятелей национального Возрождения. Речевая деятельность, являвшаяся важным средством борьбы, одновременно становилась и объектом в борьбе за национальные права угнетенного народа.

Объединение разных слоев лужицкого населения для совместной борьбы за демократические свободы рассматривалось передовой общественностью в аспекте объединения двух вариантов письменного языка, созданных ранее в Верхней Лужице католиками и протестантами для каждой из конфессиональной групп отдельно. Поэтому целью руководителей национального движения было создание единого литературного языка для всего населения Верхней Лужицы независимо от вероисповедания. Борьба за это продолжалась и в следующий период истории лужичан (после

¹ Еще до национального Возрождения в 1808—1812 гг. Я. Дейка в издаваемой им лужицкой газете подчеркивал значение печатного слова для общественного развития и пытался практически использовать родную речь для поднятия широких масс населения на борьбу за завоевание социальных и национальных прав. Однако в то время лужицкие сербы еще не были подготовлены к активной борьбе.

вступления Германии в фазу империализма), а завершена была уже в новых условиях, когда был ликвидирован антагонизм классов в ГДР и восторжествовали ленинские принципы в национальной политике СЕПГ и правительства ГДР.

Отметим, что с лингвистической точки зрения преодоление дуализма в литературном языке не представляло особых трудностей, но неспособность как всего населения Верхней Лужицы, так и части руководителей национального движения выйти в борьбе за общественный прогресс за рамки конфессионального мирозерцания не позволила решить этот вопрос быстро и радикально. Важно, однако, то, что основа нового литературного языка была создана в среде научно-просветительного общества «Матица сербская». Этот новый язык начал уже с 50-х годов XIX в. выполнять кое-какие общественные функции.

В период национального Возрождения на землях Верхней Лужицы большое внимание было уделено развитию не только литературного языка, но и другим видам культуры.

Материалистическое восприятие мира позволяет делить культуру на материальную и духовную. Рассматривая материальную культуру лужицких сербов в указанный период, можем констатировать ее заметное развитие (в связи с быстрым ростом капитализма в Германии), но эти изменения не имели в сущности национального характера. Прогресс же в сфере духовной культуры (в большинстве ее элементов) имел национальную окраску.

Важно установить место, какое занимал лужицкий литературный язык в иерархии явлений, относящихся к культуре. Язык общества находится как бы на самом низком этаже многоэтажного здания духовной культуры. Ниже этого здания расположена материальная культура во всем ее многообразии, на верхних этажах — разного рода искусство: художественная проза и поэзия, драматическое искусство, музыка и др. Бедность и неразвитость выразительных средств языка («нижний этаж» в иерархии духовной культуры) обуславливали и состояние «верхнего этажа» — низкий художественный уровень верхнелужицкой литературы в начале XIX в., ее жанровую и тематическую ограниченность.

Наметившиеся сдвиги в преодолении дуализма литературного языка привели к изменениям в художественной литературе. Выходя за рамки конфессионализма, поэзия и проза верхних лужицан обогащалась в жанровом, тематическом и стилевом отношении. Впервые журнальное дело нашло твердую опору в нормализованном, общем для всех лужицан, литературном языке. Более того, параллельно с развитием нового литературного языка и благодаря этому развитию наблюдается активизация науки, и не только гуманитарных направлений, но и естествознания. Музы-

кальное искусство (песенное) достигает очень высокого уровня (на него обращаем особое внимание потому, что оно тесно связано с искусством художественного слова), оно становится важным фактором, формировавшим национальное самосознание лужицких сербов. Специально созданные песни и оратории исполнялись на традиционных праздниках песни в различных местностях Верхней Лужицы перед громадной аудиторией. Эти праздники способствовали не только национальному самоутверждению лужицких сербов, но позволили немцам по-новому взглянуть на культуру лужичан.

Развитие духовной культуры на «высших этажах», таким образом, зависело от состояния литературного языка («нижнего этажа» духовной культуры); но в свою очередь новый (внеконфессиональный) литературный язык сам обогащался под влиянием импульсов «сверху», завоеывая при этом медленно, но неуклонно всеобщее признание. Лингвистическая наука (в журнальных публикациях и в отдельных грамматических и лексикографических трудах), художественная литература, публикации из области гуманитарных и естественных наук способствовали развитию, усовершенствованию, нормализации единого верхнелужицкого литературного языка.

Изменялось взаимодействие языка и материальной культуры. Преобразования в области материальной культуры, всегда отражавшиеся на состоянии языка, в течение XIX в. вызывали изменения на «первом этаже» духовной культуры с постоянно уменьшающейся дозой стихийности. На повестке дня стояло и претворялось в жизнь установление строгих норм литературного языка, их кодификация. Возникло новое понятие, которое в современном языкознании именуется культурой речи.

Новый литературный язык стал действенным средством общения более широких, чем прежде, масс читателей к сокровищам мировой культуры (благодаря переводам на верхнелужицкий литературный язык)². Нельзя, правда, забывать о том, что часть лужичан имела свободный доступ к мировой литературе через немецкий язык, однако этот доступ был, с одной стороны, ограничен, с другой — ее восприятие через неродной язык обеднялось (хотя бы в эмоциональном плане).

Лужицкая литература на базе нового литературного языка, который стал более доступным для других славян, начала постепенно пробивать себе дорогу в славянские страны.

² Конечно, и раньше осуществлялись переводы. Можно назвать хотя бы перевод «Мессии» Ф. Г. Клопштока, осуществленный и опубликованный в 1806 г. Юрием Менем, но круг читателей таких произведений был ничтожно узок.

Таким образом, борьба лужицких сербов за права их языка и за его усовершенствование сыграла решающую роль в преодолении замкнутости лужицкой культуры. Приблизительно с середины XIX в. началось взаимодействие между лужицкой и мировой культурой.

Р. Олеш

(ФРГ)

К ВОПРОСУ О СЛАВЯНСКОЙ ИСКОННОСТИ И ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ПОЛАБСКОМ ЯЗЫКЕ

МОИ исследования относятся к области западнославянских языков, которые уже привлекали внимание философа Г. В. Лейбница в конце XVII—начале XVIII в. и известного славянофила А. Гильфердинга в XIX в.

Молодой московский магистр Гильфердинг оказался в 1855 г. в Ганноверском Вендланде, расположенном западнее Эльбы, и занялся исследованием реликтов полабского языка — древнего славянского языка этой местности. Он уже не застал в живых никого, кто бы говорил на указанном диалекте. Но Гильфердинг обнаружил там рукописи и печатные документы фрагментарного характера со словниками этого, уже сто лет назад вымершего, языка. Через год найденные документы были им опубликованы.

Исследователи-слависты в дальнейшем интенсивно занимались изучением языковых реликтов, сохранившихся вплоть до наших дней в виде островка в окружающем море немецких диалектов. Я позволю себе продемонстрировать здесь результаты интерференции, возникшей вследствие контактов между германским и славянским населением. Эти языковые интерференции выявляют одновременно и культурные интерференции, в большинстве случаев имеющие характер одностороннего перехода: через фазу билингвизма они приводят к унилингвистической ситуации в немецких диалектах, прежде всего в нижнесаксонских.

Наиболее интересной является проблема внутриязыковых интерференций, а также языковой целостности в области диалектов. Соотношение литературный язык — диалекты в полабском языке за недостатком материала выявить не удалось.

Интерференции встречаются в различных областях языка — фонетике, морфологии и особенно в лексике. В последней наблюдаются как простые заимствования, так и различные формы калькирования: переводные кальки: *raist'ě t'ünek* = *rišči konikъ* < нем. *Springpferd*; креативные кальки: *perun dan* 'четверг' под влиянием нем. *Donarstag*, *skpřč* 'пятница' под влиянием нем. *karger Tag* 'скудный день' и другие формы.

Данные факты представляют собой исключительно важный материал для изучения влияния интерференции в указанной немецко-славянской контактной зоне. Результаты этого изучения можно было бы использовать и при исследовании ряда других вопросов немецкого проникновения на земле исчезнувших впоследствии западнославянских племен.

Полабские документы имеют неопенимое значение, далеко выходящее за пределы языковых проблем. Они помогают нам ознакомиться с различными областями жизни северозападных славян. Важная роль принадлежит здесь и явлениям интерференции.

Стоящая перед нами проблема расчлняется, собственно говоря, на две — проблему исконных слов и проблему заимствованных слов. Обнаруженные документы, относящиеся к позднейшей эпохе истории древних полабов, отражают язык с большим числом заимствований из немецкого языка, в особенности из нижнесаксонских диалектов, что можно считать одним из фактов, свидетельствующих об исчезновении данного славянского племени. Несмотря на это, нас поражает значительное количество исконных славянских слов, сохранившихся главным образом в лексике крестьян и частично ремесленников. Приведем некоторые характерные примеры: *aĭt* < *iti* 'идти', *baĭt* < *biti* 'бить', *dot* < *dati* 'дать', *d'olü* < *dělo* 'дело', *düzd* < *gvozď* 'гвоздь', *gqs* < *gqсь* 'гусь', *ĭogna* < *ĭagne* 'ягненок', *mosko* < *mastĭka* 'масло', *radlü* < *ordlo* 'рало', *krösnä* < *kröсна* 'ткацкий станок', *vriteně* < *verleno* 'веретено'.

Фонетическая и морфологическая структуры этого языка сохранили славянский характер вплоть до последних дней его существования. Только лишь в области морфологии в некоторых случаях чувствуется немецкое влияние (ср., например, пассивные конструкции с глаголом *werden*—*vårdot* и некоторые суффиксальные образования). Как уже отмечалось выше, заметнее всего немецкое влияние проявилось в области лексики. Это относится как к конкретным, так и к абстрактным семантическим категориям. Нет ни одной морфологической категории, в которую не проникли бы заимствования из немецкого языка. Их можно встретить во всех частях речи, чаще всего (и это уже давно установленный факт) в существительных, но также, хотя и в меньшей сте-

пени, в прилагательных, местоимениях, наречиях, числительных, глаголах, предлогах и союзах. Не в каждом случае можно с уверенностью утверждать, имеем ли мы дело с идиолектом, т. е. с языком отдельного индивидуума, или же с настоящей интеграцией. Опираясь на фонетические критерии, можно установить в древнейших заимствованиях их полную интеграцию, при более поздних — скорее идиолект. Кроме того, можно считать возможным и искусственный перевод отдельных слов, оставшихся чуждыми живому языку. Немецкие, главным образом нижненемецкие, заимствования наблюдаются в бытовой лексике этого западнолехитского племени, в религиозной и светской, особенно в лексике светской. Это объясняется тем, что после Реформации богослужение и проповеди совершались на немецком языке. Вследствие этого из славянской религиозной терминологии сохранились лишь отдельные церковные термины.

Характерной чертой немецких заимствований является то, что они проникли в полабский язык в разные эпохи внутриязыковых контактов, что доказывается путем фонетического анализа.

В итоге можно сказать следующее: языковый анализ грамматической структуры и лексики поможет углубить наши знания в области истории и истории культуры западных славян, раскрывая перед нами картину немецко-славянских контактов и этнического смешения в тех случаях, когда исторические источники недостаточны или вообще не сохранились. Что касается полабов, то языковый анализ вследствие крайней недостаточности исторических документов представляет собой важный источник наших знаний, начиная от доисторических времен и вплоть до XVIII в.

В то время как у остальных славянских народов отмечается процесс зарождения национального сознания, полабы, сохранившие свой язык только в реликтах, не смогли создать, в противоположность лужичанам, литературный язык на национальной основе. С исчезновением полабов население Вендландии стало говорить только на немецком языке, а древний славянский язык сохранился там лишь в качестве архаизмов в нижнесаксонских диалектах.

РОЛЬ ФОЛЬКЛОРА В ФОРМИРОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

ХОТЯ фольклор был в большей или меньшей степени формообразующим фактором культурного развития каждого славянского народа на всем протяжении истории этих народов, однако функции фольклора, а главное сам характер обращения деятелей культуры к фольклору были весьма различными в разные эпохи.

Генетически культура всех славян восходит к общему межплеменному фольклорному наследию. В периоды раздельного развития славянских народов культура каждого из них испытывала заметное воздействие как общеславянских фольклорных традиций, так и специфически этнических фольклорных элементов. Уже многие памятники средневековой письменности и культуры позднефеодальной эпохи славянских народов несут на себе заметный отпечаток фольклора. Однако в эпоху развития буржуазных отношений и формирования наций фольклор начинает играть принципиально новую роль в культурном развитии славянских народов и само обращение деятелей культуры к фольклору приобретает качественно иной характер.

Нараждающейся национальной культуре присущи три формы освоения фольклора: во-первых, интенсивное собирание, публикации и изучение памятников народного творчества и появление в связи с этим новой науки — фольклористики; во-вторых, осмысление и использование фольклора в лингвистике, этнографии, исторической науке, эстетике, литературной критике, публицистике, педагогике; в-третьих, освоение фольклора как одного из источников и образов литературы и искусства (фольклоризм писателей, музыкантов, драматургов, художников). В настоящей статье речь пойдет лишь о последней форме.

Ломка многовековых социальных культурных устоев и традиций, правов и обычаев приводит к тому, что деятелями молодых национальных культур фольклор воспринимается как утрачиваемая обществом ценность и вместе с тем как необходимый источник и материал для создания своей национальной культуры, как гарант сохранности этнического своеобразия, отличающего культуру одной нации от другой. Обращение к фольклору становится сознательным и программным, чего не было и не могло

быть в предшествующие эпохи в истории культуры славянских народов. Именно в эпоху образования буржуазных наций фольклоризм — как целенаправленный процесс освоения и воспроизведения фольклора — охватывает все сферы быта, образования и воспитания национальной интеллигенции, а также общественные науки, музыку, литературу, театр, живопись. Этот процесс распространяется на культуру всех славянских народов, что позволяет установить типологию фольклоризма эпохи формирования национальных культур¹.

Обращение деятелей культуры конца XVIII — первой половины XIX в. к фольклору происходило в условиях национально-освободительной борьбы большинства славянских народов и способствовало пробуждению и укреплению их национального самосознания, однако идеологическое содержание, направленность и формы фольклоризма определялись в конечном счете конкретными историческими условиями и расстановкой социальных сил в ходе борьбы каждого славянского народа.

Следует различать два основных типа художественного фольклоризма эпохи образования национальных культур славянских народов — просветительский фольклоризм и фольклоризм романтический. В какой-то мере они знаменуют разные, сменяющие один другой, этапы в истории культуры, но было бы неверно рассматривать их лишь в хронологической последовательности. В ряде случаев они развивались синхронно, взаимодействуя между собой, создавая смешанный тип, в котором соединялись черты просветительства и романтизма. Характерный пример в этом отношении — фольклоризм русских декабристов². Наряду с этим в эпоху безусловного господства романтических концепций можно встретиться и с выдающимися личностями, чьей деятельности присущи явные черты просветительства и чье влияние на процесс образования национальной культуры оказался не менее значительным, чем деятельность романтиков. Примеры тому — Вук Караджич и Йозеф Юнгман.

В научной литературе весьма устойчивым оказалось противопоставление романтического фольклоризма просветительскому. Так, М. К. Азадовский в «Истории русской фольклористики»

¹ О понятии «фольклоризм», о структуре и видах фольклоризма см. в моей статье «Фольклоризм как фактор становления национальных культур славянских народов» в сб. «Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (М., 1977).

² См.: Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958, с. 175—200; Соколова В. К. Взгляды и исследования декабристов в области этнографии и фольклора. — В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. 1. М., 1956, с. 187—210.

последовательно охарактеризовал просветительское отношение к фольклору лишь как отрицательное, критическое — «как к остаткам невежественной старины или к проявлению народного бескультурья»³. Если принять такую точку зрения, то пришлось бы снять проблему просветительского фольклоризма в процессе становления национальной культуры. Между тем факты свидетельствуют об ином: именно просветители впервые признали значение фольклора как истока культуры и придали ему важное значение в своей практической деятельности⁴. Причина односторонней оценки Азадовским просветительского фольклоризма — в расширительном понимании исследователем просветительства, с одной стороны (в ряды просветителей он включал и классицистов с их действительно отрицательным отношением к фольклору), а с другой — в недифференцированном подходе к просветительству. Необходимо помнить, что просветительство было идеологическим отражением начала буржуазного развития, социально неоднородным, и поэтому в нем должна быть отмечена как умеренно-буржуазная тенденция, обычно равнодушная к народным началам культуры, так и демократическая, достигавшая в ряде случаев революционности. Именно демократически настроенным просветителям, вопреки рационализму, была свойственна увлеченность фольклором.

Фольклоризм демократических деятелей второй половины XVIII в. имел отчетливо выраженную антифеодалную направленность и помогал им в борьбе против подражательства в культуре, за ее национальную самобытность. Достаточно вспомнить разностороннюю деятельность русских просветителей XVIII в.: переработки и публикации фольклора М. Чулковым и В. Левшиным, сатиру Д. Фонвизина и И. Крылова, кружок музыкантов и художников, группировавшихся вокруг Н. Львова, опыты в области создания национального театра и музыки, в особенности в жанре бытовой комедии, комической оперы и романсной лирики. По выражению Н. Новикова, ратовавшего за самобытную русскую культуру, народная поэзия — ценнейшее достояние «родной старины». Он писал, что ценность оставшихся «от глубокия древности песен и игр» в том, что они сохраняют важнейшие черты народа, его нравы, обычаи, обряды⁵.

Характерным для демократического просветительства XVIII в. было восприятие фольклора двумя великими деятелями славян-

³ Азадовский М. К. Указ. соч., с. 113.

⁴ Гусев В. Е. Проблемы фольклора в истории эстетики. М.—Л., 1963, с. 74—114.

⁵ Древняя российская вивлиофика... издаваемая ежемесячно Николаем Новиковым, ч. I. СПб., 1773. К читателю, л. 5—6.

ской культуры — Радищевым и украинским философом Сковородой. По справедливому суждению исследователя, «корни его (Сковороды. — В. Г.) философии и его поэзии находятся преимущественно в философии и поэтическом творчестве трудящихся масс»⁶. Это обусловило высокие эстетические оценки Сковородой украинской народной поэзии и широкое использование украинского фольклора в его разносторонней деятельности, значение которой для становления украинской национальной культуры трудно переоценить.

Достаточно назвать А. Качича-Миошича и М. А. Рельковича, М. Врховца и Л. Мушицкого, В. Водника и В. Копитара, А. Воронича и Г. Коллонтая, все первое поколение чешских будителей, чтобы понять, какую важную роль сыграл просветительский фольклоризм XVIII—начала XIX в., в период становления национальных культур разных славянских народов.

Нет необходимости напоминать общеизвестные факты, свидетельствующие об огромном значении фольклоризма романтиков в процессе образования национальной литературы, театра, музыки, живописи. VII Международный съезд славистов в Варшаве достаточно полно раскрыл и подтвердил еще раз бесспорную заслугу славянских романтиков и в этом отношении. Мы акцентируем сейчас внимание на роли просветительского фольклоризма отчасти и потому, что еще в некоторых выступлениях на съезде обнаружилось стремление доказать, что только романтический фольклоризм положил начало борьбе за национальную самобытность культуры славянских народов. Не случайно профессор Загребского университета Т. Чубелич в своем докладе «Вклад преромантизма и романтизма в изучение устной народной литературы» темпераментно и полемически выступил против такой тенденции (к сожалению, понятием «преромантизм» он неправомерно объединил все предшествовавшие романтизму опыты обращения к фольклору, в том числе и просветительство).

Восстанавливая в правах просветительский фольклоризм, мы не можем вместе с тем игнорировать качественные различия между ним и романтическим фольклоризмом. Речь идет не о том, кто больше и кто чаще обращался к фольклору (в этом отношении у романтиков явное преимущество), а именно о разной ориентации на фольклор и о разных методах адаптации фольклора. Не претендуя на исчерпывающее решение проблемы, отметим лишь одно принципиальное различие. Если просветительский фольклоризм совмещал любовь и уважение к народным традициям с критикой народных предрассудков, суеверий и заблужде-

⁶ Попов П. Григорій Сковорода. Київ, 1960, с. 39.

ний (на что справедливо обратил внимание М. К. Азадовский), то романтический фольклоризм открывал ценности и в той области народной культуры, которую просветители отвергали. Романтики при этом идеализировали фольклор и оценивали его лишь позитивно. Можно сказать, что романтический фольклоризм был универсальнее просветительского, но вместе с тем и одностороннее.

Просветители в качестве строительного материала национальной культуры использовали прежде всего народный язык, пословицы и поговорки (отложившуюся в них народную мудрость, народный здравый смысл, народный житейский опыт), исторические предания и исторические песни (в которых запечатлелась «народная память»), народную бытовую прозу и сатиру (где отражался народный взгляд на жизнь). Романтики же, не отказываясь и от этих видов фольклора, все же отдавали предпочтение мифологии, волшебным сказкам и легендам, героическому эпосу, обрядовому фольклору, народным балладам и лирике, средневековым народным книгам, мистериям — всему фантастическому, загадочному, волнующему воображение, таящему скрытые истоки «народной души». Поэтому различия в идеологическом содержании национальной культуры, создаваемой просветителями и романтиками, в значительной мере определялись и различиями их фольклоризма.

В самом романтическом фольклоризме мы можем выделить различные тенденции и различную идеологическую направленность освоения фольклора. С одной стороны, это реакционно-славянофильская тенденция с характерным для нее мистицизмом и идеализацией патриархальной старины. С другой — демократическая, переходящая подчас в революционность, с ориентацией на свободлюбивые, бунтарские, антифеодальные мотивы в фольклоре, на разбойничьи, «збойничьи», «гайдуцкие» песни и предания.

Вот почему не приемлем абстрактный подход к фольклоризму, признающий во всяком обращении к фольклору позитивное значение для национальной культуры. Именно фольклор часто позволял замаскировать буржуазную или даже феодально-монархическую сущность идеологии и представить ее в качестве народной. Не само по себе обращение к фольклору служит критерием прогрессивности, демократизма и народности национальной культуры, а характер освоения фольклора и обращение к тем или иным пластам фольклора, отражающим сложный многовековой опыт и противоречия в сознании, в мировоззрении народных масс феодальной эпохи.

При всех различиях между просветителями и романтиками в их художественной практике можно обнаружить и некоторые

общие черты: и те, и другие признавали и пытались воссоздать «естественность» и простоту, эстетическую прелесть народного искусства; и те, и другие именно в народном искусстве видели и искали начала подлинно национального искусства. Вместе с тем и те, и другие не в состоянии были еще проникнуть в объективный мир народного искусства, постичь его подлинную эстетическую природу. Можно сказать, что фольклорность и просветителей, и романтиков еще весьма условна. Не следует забывать, что подлинный фольклор и просветителям, и романтикам не был известен во всем его разнообразии и богатстве, а то, что было известно, не всегда оказывалось лучшими его образцами. СобираТЕЛЬСКАЯ деятельность только по существу начиналась, и сами собиратели позволяли себе контаминировать и редактировать записываемые ими произведения, что было присуще даже такому великому деятелю той эпохи, как Вуку Караджичу.

Знание подлинного фольклора стало доступным художникам в последующие периоды истории культуры, прежде всего в эпоху реализма. Поэтому нет необходимости идеализировать художественный фольклоризм просветителей и романтиков. Высоко оценивая их значение в истории национальной культуры, мы одновременно понимаем исторически неизбежную условность фольклорности их произведений.

И просветители, и романтики подходили к фольклору весьма субъективно, усваивая в нем лишь то, что отвечало их эстетическим идеалам, подчиняя фольклорные элементы своему художественному методу. Надо помнить также о том, что многим художникам XIX в. мешала выявить подлинно национальную специфику фольклора своего народа романтическая идея панславизма и ориентация на общеславянские элементы в фольклоре. Но если в просветительском фольклоризме преобладает проблема национального языка, национальной истории и народной морали, то в творчестве романтиков обращение к фольклору связано с центральной проблемой народности (в смысле национальной самобытности) — проблемой народного характера, проявляющегося в нравах, обычаях, поверьях и традициях. Отсюда ярко выраженный этнографизм писателей, композиторов, художников первой половины XIX в. Любовь к фольклору своего народа у них сочетается с постоянным интересом к фольклору братских народов, с поисками славянской общности. Происходит активный обмен переводами народных песен и сказок. Ганка переводил сербские, польские, русские песни, а «Зеленогорская рукопись» Ганки даже раньше появляется на польском и русском языках, чем на чешском. Челаковский издает «Отголосок русских песен», а молодой Срезневский записывает и переводит словацкие песни.

Востоков переводит сербские песни из сборников Вука Караджича, а сам Караджич производит записи русских песен. И такие примеры можно продолжить.

В творчестве писателей и композиторов любого славянского народа легко обнаружить сюжеты, образы, мотивы, усвоенные из фольклора братских народов. Независимо от романтических иллюзий о славянской общности это способствовало не только развитию культурных связей, но и становлению национальных культур тех братских народов, которые в силу известных исторических причин находились в менее благоприятных условиях. Так, в процессе образования украинской и белорусской национальных культур участвовала не только интеллигенция этих народов, но и передовая русская и польская интеллигенция, чьими усилиями собирался, обрабатывался и публиковался украинский и белорусский фольклор. С другой стороны, и польская, и русская культуры не могут быть поняты без учета вклада украинских и белорусских деятелей культуры, благодаря которым в русскую и польскую литературу и музыку влилась сильная фольклорная струя из белорусских и украинских песен, сказок, легенд и преданий.

Мы коснулись некоторых общих закономерностей фольклоризма в художественной культуре славянских народов. Дальнейшие исследования в этой области позволят выяснить его национальную специфику в культуре каждого народа, перейти от изучения фольклоризма отдельных писателей, музыкантов, художников (такие исследования успешно осуществлялись) к обобщенным характеристикам фольклоризма в разных национальных культурах, установить место и роль выдающихся художников той эпохи в процессе освоения фольклора художественной культурой славянских народов.

П. Динек
(БОЛГАРИЯ)

БОЛГАРСКИЙ ФОЛЬКЛОР И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КОГДА мы говорим о проблемах болгарской национальной культуры, то имеем в виду культуру, которая формируется в период национального Возрождения (с середины XVIII в. до последней четверти XIX в.). Это культура нового типа, коренным образом

отличающаяся от средневековой культуры, создающаяся в новых исторических условиях на новой социально-экономической основе. Продолжительное османское иго с его суровыми формами военного феодализма значительно задержало всестороннее развитие болгарского народа, из-за чего запаздало и его национальное возрождение. Культура, которая создается в XVIII—XIX вв., представляет собой весьма сложное явление: в ней мы обнаруживаем черты европейского Ренессанса, Просвещения, антифеодальной борьбы. Стремление к освобождению человеческой личности и человеческой мысли от опеки церкви сливается с борьбой за утверждение болгарской нации, национального языка и национальной независимости. Патриотизм, просвещение, свобода — вот великие идеалы этой эпохи. Под их знаменем формируется демократический характер болгарской национальной культуры.

Фольклор играет значительную роль в культурном развитии болгарского народа в этот период. С наибольшей силой это проявляется в литературе, меньше — в живописи, музыке и театре. Обусловлено это особой закономерностью в развитии новой болгарской культуры: литература опережает другие виды искусства. Объяснение следует искать в чисто социологических факторах. Литература тесно связана с просветительским движением и потребностями школы. В живописи же почти до середины XIX в. главным заказчиком (меценатом) и потребителем остается церковь. Спрос на церковную живопись усиливается благодаря гибкой политике турецкого правительства в вопросе, касающемся строительства и восстановления церковных и монастырских зданий. Конечно, нельзя отрицать тот факт, что в изобразительном искусстве эпохи Возрождения рождается новое — в фресках и иконах. Но все же как новый тип искусства живопись эпохи Возрождения оформляется только во второй половине XIX в. Так же обстоит дело и с музыкой, которая еще больше запаздывает в своем историческом развитии.

Не всегда правильно понимается роль фольклора при формировании болгарской национальной культуры. Некоторые склонны значительно ограничивать эту роль. Считается, что болгарская культура в эпоху болгарского Возрождения создается в оппозиции фольклору, путем преодоления фольклорного сознания. Это только отчасти верно. Не принимаются во внимание разносторонность, сложность и хронология этого явления. Здесь надо разграничить несколько моментов.

В деревенской патриархальной культуре во времена турецкого рабства (до конца XVIII в.) основное место занимает народное поэтическое творчество. Письменная культура распространена

чрезвычайно слабо, главным образом в монастырях¹. Церковь продолжает относиться к фольклору отрицательно, как к носителю древних языческих представлений. Несмотря на то, что Паисий Хилендарский и Софроний Врачанский являются зачинателями нового литературного движения, их ученики (например, иеросхимонах Спиридон) выступают против народных обрядов и песен как «древних дьявольских обычаев»². Здесь еще дают себя знать рудименты средневекового образа мыслей. С другой стороны, деятели Возрождения выступают против суеверий и предрассудков, укоренившихся в народном творчестве, которые, по их мнению, являются препятствием для быстрого развития просвещения.

Когда в XVIII и XIX вв. в Болгарии начнется распад натурального хозяйства и на смену ему придут капиталистические отношения, патриархальная культура постепенно вытеснится городской. Интересен случай с поэтом П. Славейковым, который в середине XIX в. ставит своей задачей удовлетворить потребности городской молодежи (купцов, ремесленников, учащихся) в любовных песнях. Славейков создает новый тип любовной лирики. Он обращается не к народной песенной поэзии, а предпринимает поиски образцов в греческой, сербской и турецкой сентиментальной любовной лирике. Он находит там для себя новый мир образов, который, по его мнению, отвечает «городскому мировоззрению». Само обращение к любовной лирике (сначала переводной болгаризированной) является своеобразным выражением стремления к свободе. В ней поэт раскрывает свое отношение к жизни, любви, женщине. Однако у Славейкова это порой доходит до грубой эротики. Кроме того, в данный исторический период эта новая лирика в художественном отношении была ниже прекрасных образцов фольклорной любовной песни. И тем не менее путь все же был выбран правильно. В дальнейшем он приведет к расцвету болгарской любовной поэзии (в конце XIX—начале XX в.).

Характерно, что П. Славейков, который сначала отбрасывал народную песню как фактор в новом литературном процессе, скоро станет восторженным ценителем фольклора. Народная песня сыграет важную роль в его поэтическом творчестве.

Обычно считается, что фольклор начинает оказывать влияние на развитие болгарской литературы только с середины XIX в. Это связывается с несколькими обстоятельствами. В первые десяти-

¹ Более подробно см. в кн.: *Гачев Г. Д.* Ускоренное развитие литературы. М., 1964, с. 20—21.

² *Диневков П.* Български фолклор, 1. София, 1972, с. 175—176.

летия XIX в. благодаря публикациям, коллекционерской и научно-исследовательской деятельности славянских фольклористов В. Караджича, Ю. Венелина, В. Григоровича, Ф. Челаковского, С. Врза и других болгарское народное творчество становится достоянием мировой культуры. Высокая оценка, которую дают иностранные ученые болгарскому фольклору (особенно Ю. Венелин), пробуждает к нему интерес и у самих болгар. В 30-е и 40-е годы к фольклору обращаются такие просветители и писатели, как В. Априлов, И. Богоров, Н. Геров, М. Кифалов, Н. Рильский, Н. Палаузов, П. Славейков и др. Несколько объемистых сборников с фольклорными материалами, вышедших в 50-х и 60-х годах (издание П. Бессонова, Д. и К. Миладиновых, С. Верковича, Л. Каравелова), окончательно убеждают в ценности и богатстве болгарского народного поэтического творчества. Болгарская интеллигенция, открывая для себя европейскую литературу, находит в ней образцы использования болгарского фольклора. В этом отношении наибольший интерес представляют русская и другие славянские литературы.

Таким образом, фольклор как общекультурное явление непосредственно и закономерно связан с развитием литературы. Отмечая этот чрезвычайно важный факт, я хотел бы заметить, что связь фольклора с литературой в эпоху болгарского Возрождения представляет собой более сложное явление, чем это кажется на первый взгляд. Отрицательное отношение к фольклору со стороны некоторых деятелей раннего Возрождения не исключает участия его в литературном процессе второй половины XVIII—начала XX в. Так, элементы фольклора мы находим у родоначальников новой болгарской литературы Паисия Хилендарского и Софрония Врачанского. В научной литературе отмечено присутствие народных легенд и реминисценций народных песен в литературной канве «Истории славяноболгарской» не только в качестве исторических источников, но и в качестве самого способа повествования — фольклорноэпического и наличие в нем «черт героического эпоса»³. Однако вопрос о роли фольклора в творчестве Паисия исследован еще недостаточно. Связь же творчества Софрония с фольклором можно проследить в его автобиографии «Житие и страдание грешного Софрония». Она интересна в теоретическом плане, поскольку фиксирует влияние фольклора на жанровую структуру произведения Софрония, которая восходит к жанру средневековых житий.

Особенно ощутима связь литературы с фольклорной традицией в середине XIX в. (поэма Н. Герова «Стоян и Рада»).

³ Гачев Г. Д. Ускоренное развитие литературы, с. 39, 32.

Но ограничивать ее только фольклором отдельных писателей не следует.

Культура, которая создается в эпоху болгарского национального Возрождения, в целом демократична. В области литературы это нашло отражение как в тематике, близкой народной, так и в художественной форме, языке, поэтике.

Демократизация болгарской литературы начинается в XVII—XVIII вв. и связана с так называемой дамаскинской литературой (от имени греческого писателя XVI в. Дамаскина Студита, проповеди которого были необычайно популярны среди болгарских литературных деятелей и читателей). Отличительной чертой дамаскинской литературы является ее живой народный язык. Дамаскинские сборники приближаются к «народным книгам». Как известно, «народные книги» находятся на границе между фольклором и литературой. Как просветительские и дидактические, такие произведения, появившиеся в XVII—XVIII вв., существуют в болгарской литературе до середины XIX в.

Как уже отмечалось, болгарские писатели обращаются к народному творчеству в середине XIX в., когда фольклор утверждается как сокровищница болгарской национальной культуры. Они находят в нем поэтические образы, национальные характеры, изумительное художественное мастерство народных певцов и рассказчиков, сочетание героического и бытового начал, которые часто присутствуют в одном и том же произведении («Хаджи Димитр» Х. Ботева, «Источник белоногой» П. Славейкова). Сильно влияние гайдуцких песен в творчестве Г. Раковского («Лесной путник»), Н. Козлева («Черный арап и гайдук Сидер»), П. Славейкова («Бойка-воевода»), Х. Ботева («Гайдуки», «Девушка, сбежавшая к жениху», «Задалась темная туча», «Прощание»), Л. Каравелова (в его революционных повестях). Влияние фольклора ощущается в языке и поэтике. История болгарского стихосложения XIX в. в этом отношении дает интересные примеры. Болгарская поэзия последнего десятилетия эпохи Возрождения во многом использует фольклор. Это не исключает, однако, ее контактов с мировой поэзией, особенно русской, которая оказывает на нее благотворное воздействие. Корни болгарской поэзии восходят прежде всего к народной песне. Подтверждение тому — творчество Христо Ботева, которое является вершиной развития болгарской поэзии в эпоху Возрождения.

Необходимо отметить еще один процесс. В 60—70-х годах на основе народного творчества возникает поэзия, отражающая стремление эпохи и постепенно вытесняющая народные песни с патриотическими мотивами. Таким образом, редуцируется общественная роль народной песни. Народные песни о героях нацио-

нально-освободительного движения (Хаджи Димитре, Стефане Карадже, деятелях Апрельского восстания 1876 г. и др.), созданные во второй половине XIX в., по своему художественному уровню ниже стихотворений на те же темы поэтов Возрождения X. Ботева, Д. Чинтулова, И. Вазова и др.

Влияние фольклора на болгарскую литературу чувствуется вплоть до наших дней.

Особый интерес представляет философско-эстетическая концепция создания самобытной национальной литературы и культуры на основе фольклора (Пенчо Славейков, П. К. Тодоров, П. К. Яворов). Продолжая в этом вопросе возрожденческую тенденцию, эта концепция получает широкое распространение в теоретических изысканиях и художественной практике. Она затрагивает не только литературу, но и другие виды искусства — музыку, живопись и театр. Не всюду достигаются одинаковые успехи, но в живописи они особенно наглядны. Об этом свидетельствуют замечательные произведения художников И. Милева, В. Димитрова-Мастера, Ц. Лавренова, З. Бояджиева.

Путь развития национальной культуры сложен и специфичен. И все же в славянских культурах XVIII и XIX вв. можно обнаружить ряд близких моментов. Один из них — это определенная роль фольклора в формировании национальной культуры. Конечно, роль фольклора нельзя считать исключительным принципом, но значение фольклора безусловно, с его помощью легче происходит переход к новому типу культуры — культуре национальной. К сожалению, этот процесс в отдельных славянских странах все еще недостаточно исследован.

Р. Гурский
(ПОЛЬША)

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПОЛЬСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

ДОЛГОЕ время в фольклористике господствовало мнение, что собирание и исследование фольклора началось в Польше в значительной степени под влиянием Гердера, не ранее первой четверти XIX в. Возникновение интереса к фольклору связывалось с гердеровским апофеозом славян — восхвалением древности и привле-

кательности славянской культуры и высокой оценкой ее творца — славянского народа, нравы и характер которого вызывали восхищение и рассматривались как отличительные особенности славян. Многие придерживались мнения, что идеи Гердера и его собрание народных песен дали толчок деятельности первых славянских фольклористов периода романтизма, обративших внимание на славянскую народную песню, на славянский фольклор вообще. Следовательно, возникновение интереса к фольклору как в Польше, так и в других славянских странах объяснялось чужим влиянием, воздействием концепции автора «Голосов народов в песнях».

В свете фольклорно-исторических исследований, которые велись и ведутся в Советском Союзе¹ и в Польше² в послевоенный период, такое мнение представляется несостоятельным. В результате этих исследований накоплен богатый фактографический материал; они способствовали раскрытию самобытности славянской фольклористики в период романтизма, убедительно доказали, что начало собирательской и издательской деятельности относится к XVIII в.

Выяснилось, что первые сборники народных песен в России появились и были опубликованы до издания работы Гердера³. Так же было и в Польше, о чем в свое время писал О. Кольберг⁴ и что в наши дни подтвердил Ч. Хернас. Выводы последнего основаны на широком, впервые вводимом в научный обиход материале. Как известно, и В. Караджич стал собирать народные песни отнюдь не только под влиянием сборника Гердера.

Таким образом, в этих странах уже в XVIII в. можно отметить первые самостоятельные попытки в области собирания фольклора, тесно связанные с наблюдаемыми в литературе тенденциями не только к расширению диапазона художественных средств, но и к введению новых героев, в том числе героев из народа, а также с новыми веяниями в исторической науке этого периода, когда история начинает трактоваться не как история правителей и правящих классов, но как история общества в целом. Этому содействовало получившее право гражданства убеждение, что настоящий характер народа, его своеобразие определяют не космополитические высшие слои общества, а сам народ, простона-

¹ Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958, с. 121 и сл.

² Hernas Cz. W kalinowym lesie, t. I. U źródeł folklorystyki polskiej; t. II. Antologia polskiej pieśni ludowej ze zbiorów polskich XVIII w. Warszawa, 1965.

³ Кравцов Н. И. Проблемы славянского фольклора. М., 1972, с. 272—274.

⁴ Kolberg O. Melodie ludowe w operze Jana Stefaniego: Krakowiaczy i Górale. — Ruch Muzyczny, 1858, N 46.

родье, как говорили в Польше в XVIII в. То простонародье, которое, по словам Ф. Соле Езерского, «обуславливает различие народностей, поддерживает чистоту родного языка, сохраняет обычаи и придерживается неизменного образа жизни. Крестьянин не придумал моды ни в одежде, ни в утвари, ни в речи»⁵.

Итак, исследовательский интерес к фольклору возник по двум причинам: в связи с потребностью литературы, особенно лирики и драматургии, в использовании народных элементов; и в связи с новыми тенденциями, наметившимися в историографии, которая стала рассматривать определенные фольклорные жанры (исторические песни, предания, а также обычаи и обряды) как важный исторический источник, хотя и не равноценный письменным документам или археологическим данным, однако, бесспорно, служащий им серьезным дополнением.

На ценность фольклора как исторического источника в Польше обращали внимание многие: поэт и историк А. Нарушевич, автор «Истории польского народа», Т. Чацкий, создатель обширного труда «О литовских и польских законах», и прежде всего великодушный публицист и известный политический деятель, основатель Коллонтаевской кузницы Г. Коллонтай. В письме к краковскому книгоиздателю Яну Маю от 15 июля 1802 г. Коллонтай не только определил основные задачи, реализация которых должна предшествовать возникновению синтетической истории народа, но и подчеркнул, что, создавая ее, необходимо опираться на фольклор и обращаться к данным этнографии. Учитывая одностороннюю направленность собирательских работ того времени, сводящихся в основном к записям народных песен, и исходя из необходимости создания единой истории народа, Коллонтай выступил с новаторской программой исследований в области народной культуры. Одновременно он указывал, что эта программа может быть осуществлена путем использования новых исследовательских приемов — анкетно-опросного метода, широкой переписки (определения Коллонтая), которая позволит познать настоящую жизнь и культуру народа всех районов и гарантирует собрание ценного материала, необходимого для «объяснения нашей начальной истории» и «сохранения для следующих поколений подлинного свидетельства о том, каковы были обычаи нашего народа»⁶.

Коллонтай хотел, чтобы вся польская территория и все населявшие ее этнические группы были охвачены такими исследованиями.

⁵ *Jezierski F. S. Wybór pism.* Warszawa, 1952, s. 245.

⁶ *Kollątaj H. List do Jana Maja.* — In: *Wiek XIX. Sto lat myśli polskiej*, t. I. Warszawa, 1966, s. 94—95.

Традиция учитывать в исследованиях не только польский фольклор, но и творчество других народностей, живущих на территории прежней Речи Посполитой, уходит в далекое прошлое, за XVIII в. Предметом исследования был, в частности, фольклор польско-украинского пограничья. Сравнительно рано стали появляться сборники польско-украинских песен. В XVIII в. в Польше зарождается интерес к фольклору других славянских народов, что полнее всего проявилось в работе Я. Потоцкого, знаменитого путешественника и крупного ученого, собравшего интересные материалы в 1779—1798 гг. В 1783 г., например, он, «пребывая в Сербии, слушал «гусярей», восхваляющих действия Радослава», сопоставлял данные археологии, топографии и лингвистики, «не довольствовался . . . лишь тем, чтобы корпеть над картой в кабине», а — как полагается настоящему фольклористу — «шел в степь и к реке»⁷, т. е. к людям, носителям народного творчества. По его следам пытался идти Л. Сапега, который в своих «Путешествиях по славянским странам в 1802—1803 гг.» обращается к фольклору южных славян.

После потери независимости в Польше усилился интерес к национальному прошлому, в связи с процессом формирования национального сознания все интенсивнее становится обращение к собственной многовековой истории. Это способствовало быстрому развитию исторических наук, взоржению исторической тематики в литературу и искусство. Поиски исконных традиций, стремление создать глубоко национальную литературу, ибо только такая литература могла принести пользу обществу в тогдашней ситуации, помочь ему пережить последствия разделов и противостоять давлению космополитических тенденций, могла служить оружием в борьбе за свободу, — все это побуждало деятелей польской культуры обратиться к народным источникам, искать вдохновение в собственном и общеславянском фольклоре. Именно так формулировали эти вопросы романтики, выдвигавшие программу возрождения национальной литературы путем обращения к живительному источнику народного творчества и народной культуры. Осуществление этого требования влекло за собой необходимость познания и собирания народного творчества.

Интересы польских романтиков не ограничивались только отечественным фольклором. Их литературная практика и теоретические высказывания подтверждают, что в поле зрения представителей романтизма находился и фольклор других славянских народов. Пользуясь определением Л. Набеляна, можно сказать, что

⁷ Brückner A. Jana hr. Potockiego praca i zasługi naukowe. Warszawa, 1911, s. 119.

эти «древние памятники поэзии различных славянских племен» наравне с произведениями отечественного фольклора рассматривались как источники, из которых должна черпать и к которым должна обращаться литература романтизма⁸. Независимо от интереса к польскому и вообще славянскому фольклору той эпохи к памятникам древней славянской литературы польских историков и славистов начала XIX в., наравне с историей Польши, привлекали также такие вопросы, как происхождение славян, их история и культура до принятия христианства. Это увлечение вызывалось стремлением познать прошлое и настоящее славян, способствовать лучшему взаимопониманию славянских народов, представить пути их дальнейшего развития.

Из работ такого рода следует назвать «Трактат о способах дополнения истории и познания древних славян...» (1809) В. Суворовского; трактат З. Ходаковского «Славяне в дохристианскую эпоху» (1818), ставший своеобразным манифестом польской фольклористики эпохи романтизма; произведения Б. Раковецкого «Об общественном и семейном образе жизни у древних славян» и «Русская правда» (1820); публикации львовских ученых, например Ф. Сярчинского.

Параллельно с этим изучалась древняя и более новая славянская народная поэзия. Появлялись многочисленные журнальные сообщения и заметки о публикациях по фольклору (ср. отзывы и рецензии на сборники Кирши Данилова, Вука Караджича, Павла Иосифа Шафарика, Яна Смоляра и т. п.). Переводя на польский язык произведения фольклора других славянских народов или произведения, считавшиеся тогда памятниками народного творчества (например, «Слово о полку Игореве», сербская народная поэзия, украинские думы, «Краледворская рукопись» Вацлава Ганки), романтики тем самым обогащали польскую литературу. Большое значение имел международный успех древнерусской поэзии и сборников Караджича.

Уместно отметить и другое существенное явление, а именно использование элементов славянского фольклора в польской литературе периода романтизма. Достаточно указать на творчество представителей так называемой украинской школы (А. Мальчевский), поэтов так называемого круга филоматов (Я. Чечёт), писателей Галиции (Й. Борковский, А. Белёвский, Л. Семеньский).

Занимаясь литературной обработкой народных мотивов, польские романтики использовали не столько существующие фольклорные сборники, сколько личное знакомство с произведениями

⁸ *Górski R. Lwowski.* — In: *Dzieje folklorystyki polskiej 1800—1863. Epoka przedkolbergowska.* Wrocław, 1970, s. 323.

белорусского и украинского народного творчества. В этот период большинство собирателей и издателей фольклорных текстов относились к литературной среде. Наряду с писателями собиранием фольклора занимались музыканты и живописцы, оставившие ценный иконографический материал в виде портретов крестьян, зарисовок крестьянских жилищ и сцен крестьянского быта.

Следует отметить, что польская фольклористика первой половины XIX в. может гордиться значительными достижениями в области собирания, регистрирования, издания и популяризации славянского фольклора. Так, белорусским фольклором занимались Я. Чечёт («Сельские песни, собранные на Немане и Двине, некоторые пословицы и идиомы»), А. Рыпинский («Белоруссия») и А. Марцинковский («Украинский народ»); украинским (назовем лишь основных представителей) — З. Ходаковский, В. Залеский («Польские и украинские песни галицийского народа»), Ж. Паули («Песни украинского народа в Галиции»); южнославянским — Э. Корытко («Словенские песни народа Крайны»).

Продолжателем этих традиций стал знаменитый польский этнограф и фольклорист XIX в. О. Кольберг, автор монументального труда «Народ», вобравшего в себя все богатство народных обычаев, речи, предания, пословицы, обряды, суеверия, игры, песни, музыку и танцы. В самом начале своей деятельности, еще в первой половине прошлого столетия, он провозглашал: «Я не ограничиваюсь в своих планах только польскими песнями, а намерен впоследствии собирать украинские и чешские песни, но пока это еще слишком отдаленные планы; да и откуда деньги на это брать»⁹. И все-таки частично ему удалось осуществить свой замысел: в 1846 г. он опубликовал в Варшаве «Чешские и словацкие народные песни». Благодаря Кольбергу в дальнейшем был подготовлен и издан четырехтомный этнографический труд под заглавием «Покутье».

Славянский фольклор не только издавался тогда в Польше в виде отдельных сборников, но и часто привлекался в многочисленных публикациях по польскому фольклору в качестве примеров и сравнительного материала. Его издатели стремились показать связи польского народного творчества со славянской песней и басней, подчеркнуть универсальный характер фольклора, обширные области его бытования.

Тот факт, что сборники народных песен появились в других славянских странах раньше, чем в Польше, не только служил импульсом к подражанию, но и создавал возможность в какой-то степени проверить и оценить опыт других исследователей и при-

⁹ Kolberg O. Dzieła wszystkie. . . , t. 64, s. 6.

нятые ими методы издательской работы, позволял сослаться на привлекаемый в иностранных публикациях материал, использовать существующие принципы систематизации и публикации различных жанров народного творчества. К классификации В. Караджича обратился В. Залеский, ее достоинства превозносил К. Бродзинский, материалами, содержащимися в зарубежных славянских фольклорных изданиях, пользовались Ж. Паули и К. Вуйцицкий для определения происхождения, хронологии и территориального распространения некоторых народных песен¹⁰.

Первые польские издания фольклора были замечены и нашли отклик в других славянских странах. Появились не только положительные рецензии на них в зарубежной печати (например, на работы Залеского, Паули), но некоторые из этих текстов были переведены на другие славянские языки (так, на чешский язык была переведена часть песен из собрания Залеского).

Столь же положительно были оценены и программные выступления по проблемам фольклора, например вступительная статья Залеского к изданным им «Польским и украинским песням галицийского народа».

В скором времени славянский фольклор получил широкую европейскую известность благодаря лекциям Адама Мицкевича в *College de France*¹¹. Поэт дал яркую характеристику не только славянских литератур, но и устного народного творчества славян, показал его роль в процессе формирования отдельных славянских национальных литератур.

¹⁰ *Pauli Z.* Pieśni ludu polskiego w Galicji (Wydanie fototypiczne pierwodruku z 1838 r.). Wrocław, 1973, s. XXVII—XXXII.

¹¹ *Krzyżanowski J.* Literatura ludowa w prelekcjach paryskich. — In: *Ludowość u Mickiewicza*. Warszawa, 1958, s. 511—512.

Л. М. Соловей

(БССР)

МЕСТО ФОЛЬКЛОРА В НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ БЕЛОРУСОВ

В СЛОЖНОМ и многогранном комплексе явлений, представляющих в совокупности культуру каждого народа, каждой нации, роль традиционных, бытующих в устной передаче форм творчества чрезвычайно велика, хотя и не одинакова в разные исто-

рические периоды. Значение фольклора как средства самовыражения народа особенно возрастает тогда, когда в силу воздействия каких-то внешних обстоятельств складываются неблагоприятные условия для развития профессионального искусства, литературы, образования на национальной основе. Именно в таких сложных условиях, в обстановке национального угнетения развивалась культура белорусского народа в XVIII—XIX вв.

Вопрос о месте фольклора в культуре белорусской нации еще недостаточно изучен, хотя отдельные его аспекты нашли отражение в работах, посвященных другим проблемам, в частности в докладах на VII Международном съезде славистов в Варшаве (1973)¹. Отмечалось важное значение фольклора в развитии белорусской культуры, в формировании национального самосознания и др.

Белорусский фольклор отличается богатством идейно-тематического содержания, разнообразием жанровых форм, совершенством художественного воплощения образов. В нем мощно проявился яркий талант нашего народа, воплотились эстетические и нравственные идеалы. Исследователи неоднократно отмечали его цельность, сохраняемость в нем глубокого пласта древней поэзии. Все эти качества во многом обусловлены историческими обстоятельствами. Являясь ядром сильного Великого княжества Литовского, белорусские земли избежали разорительного татаро-монгольского нашествия. В Великом княжестве Литовском высок был авторитет культуры белорусской народности. Свидетельство этого — ведение государственного делопроизводства на белорусском языке, расцвет книгоиздательства, развитие светской и церковной письменности.

Определенная стабилизация государственной жизни благотворно сказывалась на процессе интеграции отдельных белорусских земель, развитие которых шло без резких разрывов с традицией. Эта непрерывность традиций отразилась и в фольклоре, что особенно важно: XII—XVI вв. были продуктивным его периодом.

Постепенная утрата государственной независимости Великим княжеством Литовским привела к усилению культурного влияния Польши. Высшие классы общества в значительной степени были полонизированы, а белорусский язык был вытеснен из сферы официального обращения.

Меньше всего эти изменения коснулись фольклора, поскольку данная область духовной жизни народа почти не поддается кон-

---

¹ Бандарчык В. К., Малаш Л. А. Беларуская этнаграфія і фальклор у працах славянскіх вучоных эпохі рамантызму (VII Міжнародны съезд славістаў). Мінск, 1973, с. 8—10.

тролю сверху; для внесения существенных изменений в его систему требуются длительные отрезки времени.

К началу XIX в. в результате трех разделов Польши Белоруссия вошла в состав Российского государства. Это событие, имевшее историческое значение для судеб белорусского народа в будущем, обострило и без того сложную обстановку в крае. Полонизованные господствующие классы и католическая церковь старались внушить массам, что Белоруссия неотделима от Польши, а царское правительство представляло дело так, будто бы присоединило исконно русские земли. По-прежнему отсутствовало печатное белорусское слово, национальный театр, школа.

В этих условиях фольклор выполнял роль компенсатора, заменяя в какой-то мере и национальную литературу, и театр, и школу. Аккумулировавший на протяжении столетий колоссальную творческую энергию народа, его талант, его поиски добра и справедливости, фольклор как бы излучал теперь яркий и благодатный свет, ставший для многих путеводной звездой.

Фольклор наполнял все ячейки народной жизни, сопровождая человека от рождения до смерти. Многочисленные семейные и календарные обряды — крестины, свадьбы, колядные и купальские празднования, «зажынкi» и «абжынкi», выполняя древнюю магическую функцию, были в то же время театрализованными зрелищами, сопровождалась музыкой, песнями, играми, танцами и т. п. Всеобщей любовью пользовался театр кукол — «батлейка», имевший свой характерный репертуар.

Обрядовую поэзию дополняли бесчисленные лирические песни, баллады и другие виды произведений, не имеющие строгого прикрепления к обряду и календарю. Каждое самое сокровенное движение души человека находило художественное выражение в этих песнях. Народная оценка всего песенного богатства заключена в распространенной белорусской пословице: «Песень столькі, што на валову скуру не спісаў бы». Каждая возрастная группа находила в народной сокровищнице произведения на свой вкус, в соответствии со своим жизненным опытом и настроением. Необыкновенной прелести исполнен детский фольклор. Сказки, легенды, предания, пословицы, загадки, как и песни, раскрывали перед человеком мир прекрасного, возбуждали фантазию, учили отличать «правду от кривды», были школой социального воспитания. Фольклор почти целиком удовлетворял духовные запросы трудового народа, сохраняющего таким образом свою национальную самобытность. Верность народной традиции тем неукоснительней сохранялась в этой среде, чем больше культура господствующих классов ассоциировалась с социальным угнетением, осознавалась как средство духовного порабощения.

Белорусская устная поэзия проявила жизнестойкость, ею интересовались не только социальные низы, но и мелкопоместные дворяне — шляхта. Она проникала даже во дворцы магнатов в виде колыбельных песен, песен «валачобнікаў», «калядоўшчыкаў», жней.

Уже в XVIII в. появились рукописные сборники народных песен, которые свидетельствуют об интересе к народной поэзии. Романтизм принес новое отношение к фольклорному наследию. Передовые представители белорусской дворянской интеллигенции стали смотреть на устнопоэтическое творчество как на самобытное искусство нации, бесценное общенародное достояние, необходимое для создания национальной литературы, театра, музыки и т. д. (Ромуальд Подберезский, Ян Барщевский, Игнатий Храповицкий). Вполне естественно, что поэты-романтики, родившиеся в Белоруссии, но писавшие по-польски (Томаш Зан, Александр Гроза, Тадеуш Лада-Заблоцкий и др.), черпали из белорусского фольклора темы, мотивы, образы. На фольклор как наиболее чистый образец национального поэтического опыта во многом опирались представители собственно белорусской литературы — поэты В. Дуний-Марцинкевич, Ф. Богушевич, А. Гуринович и др.

Обращение прогрессивно настроенной интеллигенции к фольклору способствовало выработке национального самосознания, поддерживало веру в творческие силы народа, в его право решать свою судьбу. Знакомство с сокровищами народного творчества убеждало, что белорусы — это самостоятельный славянский народ со своими богатыми культурными традициями. Фольклорное собирательство, равно как этнографические и вообще исторические изыскания в XIX в., — это поиск основ своей народности. Многочисленные представители белорусской интеллигенции брали на себя нелегкий труд собирателей фольклора — неопровержимого документа самобытности национальной культуры.

Результаты таких поисков — значительное количество публикаций фольклорных текстов в периодических изданиях, в научных сборниках. Все эти материалы опровергали всяческие измышления о духовной бедности и забитости белорусского народа.

Параллельно с собиранием и изданием устнопоэтического творчества предпринимались попытки осмыслить особенности белорусского языка. Последнее диктовалось практическими нуждами — необходимостью правильно, единообразно, без искажений подготавливать к публикации фольклорные тексты.

Будучи феноменом национального творчества, фольклор является тем звеном, которое осуществляет функцию культурного обмена, содействует взаимопониманию соседних народов, подтверждает общность их происхождения.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО
СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ
В ЭПОХУ ФОРМИРОВАНИЯ
СЛАВЯНСКИХ НАЦИЙ

Д. С. Лихачев

(СССР)

БЫЛА ЛИ ЭПОХА ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ ПЕРЕРЫВОМ В РАЗВИТИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ?

МЫСЛЬ о том, что царствование Петра явилось поворотным пунктом в истории России, когда ход государственного корабля резко изменился и при этом исключительно по воле державного властелина, вошла в сознание людей XVIII и первой половины XIX в. как непреложная истина.

Эта «непреложная истина» признавалась в равной степени как поклонниками Петра, так и его противниками — западниками и славянофилами (употребляя старую терминологию). Она была распространена в самой царствующей семье (особенно у Елизаветы Петровны, Екатерины II, Николая I) и в народе. Она проникла в литературу и фольклор, в официальную историографию и в легенды о царе-антихристе.

Это представление о царе-кормчем, о царе-шкипере было связано с цельным образом Петра: царя-плотника, царя-труженика, царя-ученого и учащегося, царя-преобразователя.

Сам Петр позаботился о том, чтобы создать о себе именно такое представление.

Петр постоянно говорил, что он труженик. В своей автобиографической записке он писал, что изучил в Голландии те «художества», которые надлежит «доброму плотнику знать». Петр подчеркивал свое гражданственное служение России, свое бесстрашие, народолюбие, любовь к наукам и пр.

Петр чувствовал, что находился в поле зрения не только своего народа, но и всей Европы. И он умел придать своим преобразовательным начинаниям демонстративный характер. В нем была своего рода артистичность. И гигантская фигура Петра действительно заслонила собой историческую перспективу. Только по мере удаления от петровской эпохи стали возможны более трезвые оценки Древней Руси и всего исторического развития России.

Петру бесспорно принадлежит смена всей «знаковой системы» Древней Руси. Он переделал армию, переделал народ, сменил столицу, перенес ее на Запад, сменил церковнославянский шрифт на гражданский, он демонстративно нарушил прежние представления о «благочестивейшем» царе и степенном укладе царского двора, не только внеся во дворец рабочие инструменты и станки, но и заведя «всешутейший и всепьянейший собор», общаясь с шкиперами и плотниками, работая на верфях и выполняя обязанности бомбардира. Он разрушил церемониальность и степенность иными темпами жизни, создал новые представления и о времени, и о пространстве. Он ходил быстро, ездил скоро и на большие расстояния, решал дела на ходу и в походах.

Петр сознательно стремился к тому, чтобы оборвать связи со старой Россией. Сохранившемуся же он придавал отличные от прежних формы.

Карамзин в речи, произнесенной в 1818 г. в Российской академии, сказал: «Петр Великий, могучею рукою своею преобразовав отечество, сделал нас подобными европейцам, жалобы бесполезны. Связь между умами древних и новейших россиян прервалась навеки».

А вот позиция современного автора: «В XVIII столетии русская литература порвала с древними национальными литературными формами. Следовательно, здесь на первый план выступают различия, а не общность»¹.

Действительно ли Петр и его эпоха были перерывом между старой и новой Россией? Действительно ли культура новой России пошла целиком за Западом, оборвав традиции и зачеркнув все наследие старой Руси?

Уже в XIX в. в этой точке зрения стали сомневаться историки русской литературы — А. Н. Пыпин, В. М. Истрин, А. И. Соболевский. Но и эти ученые не сомневались в том, что перерыв был, что он был вызван «западным влиянием». Речь шла только о том, чтобы этот «перелом» рассматривать на протяжении более длительного времени.

Между тем изучение закономерностей развития древнерусской культуры приводит нас к совершенно отчетливому представлению о том, что в течение нескольких веков, а не одного только XVII в. шел процесс перехода к новому этапу в развитии русской культуры со всеми его общеевропейскими чертами и особенностями.

В древнерусской литературе может быть отмечено несколько линий развития, приведших в конечном счете к по-

¹ Бурсов Б. И. Национальное своеобразие русской литературы. Л., 1967, с. 7.

явлению культуры нового времени. Среди этих линий на первом месте находится линия, связанная с проявлением личностного начала во всех видах творчества и в самых разнообразных формах.

Личностное начало, признание ценности человеческой личности, индивидуальные черты в стиле произведений, в характере творчества, приведшие к появлению гениев и талантов, профессионализация искусства, секуляризация культуры и т. п. — все эти ренессансные явления возникали на Руси постепенно, в течение нескольких веков и не были обусловлены четко выраженной эпохой Ренессанса.

Переход от средневековья к новому времени обычно совершается через Ренессанс. И хотя в России не было Ренессанса, однако в ней все же имелись заторможенные ренессансные явления, которые функционировали в течение очень длительного времени — начиная с конца XIV в. Так, барокко XVII в. тоже приняло на себя некоторые ренессансные функции, поскольку ему не предшествовал «нормальный» Ренессанс. Западное влияние в русской культуре в целом, и в литературе в частности, которое казалось ранее причиной перехода русской культуры на новые рельсы, на самом деле было следствием этого перехода.

Развитие индивидуального, личностного начала в творчестве, отход от средневековой традиционности, потребность в упорядоченных естественно-научных знаниях, специализация и профессионализация всех видов творчества, постепенная секуляризация культуры и многое другое — все это и сделало возможным появление западных форм культуры.

В ренессансных началах западное влияние нашло благоприятную почву и основу. Будучи следствием развития ренессансных явлений, оно в свою очередь ускорило переход от культуры средневекового типа к типу культуры нового времени.

Аналогичным образом следует рассматривать и эпоху петровских реформ. Петровские реформы были подготовлены не только отдельными явлениями XVII в. Они явились закономерным результатом всего развития русской культуры, начавшей переходить от средневекового типа к типу нового времени.

Закономерным был разрыв и во всей средневековой «знаковой системе» культуры, произведенный Петром. Переход до него неосознанный теперь стал осознанным. Осознание перехода и заставило сменить «систему знаков»: надеть европейское платье, новые мундиры, «скоблить» бороды, реформировать всю государственную и военную терминологию на европейский лад, признать европейское искусство. И эта смена «знаковой системы» ускорила развитие новых явлений в культуре.

Вопрос о том, что процессы, происходившие при Петре, могли совершиться и без Петра, поставил еще в XVIII в. историк М. М. Щербатов. Он высчитал, что для проведения таких реформ без Петра понадобилось бы семь поколений и что тогда преобразование в России закончилось бы только в 1892 г. В известном смысле Щербатов был прав. Исторические процессы без выдающихся исторических личностей не изменили бы своего направления, но были бы сильно замедлены; при этом замедлен был бы процесс перехода русской культуры от средневекового типа к типу культуры нового времени.

Однако сами исторические личности, как известно, являются порождениями закономерных процессов. В этом смысле и Петр в качестве своеобразного ускорителя процесса перехода русской культуры к типу культуры нового времени был порождением этого процесса.

Петр как личность был типичным порождением русской культуры конца XVII в. Уточняя, мы могли бы сказать, что он со всеми его противоречивыми чертами был порождением русского барокко конца XVII в., в котором особенно сильны были ренессансные явления: склонность к просветительству и реформаторству, к научному отношению к миру, к известному барочному «демократизму», к синтезу наук, ремесел и искусств, к характерной для русского барокко энциклопедичности образования, к барочному представлению о государственности и долге монарха перед своей державой и ее подданными, к пониманию истории как цепи героических событий и поступков, чувствительность к западным, европейским влияниям и т. д. Даже сама мысль Петра о переходе просвещения из одной страны в другую по часовой стрелке, высказанная им в его речи при спуске корабля «Илья пророк», была типично барочной.

В просветительной поэзии Симеона Полоцкого, Кариона Истомина, Сильвестра Медведева мы могли бы встретить многие идеи Петра.

Именно потому, что Петр был не исключением, а в известной мере закономерным порождением исторического процесса, он мог найти себе достаточное число сподвижников и при этом не в одной Москве.

От барокко в Петре были многие черты его характера: склонность к учительству, уверенность в своей правоте, «богоборчество» и пародирование религии в сочетании с несомненной религиозностью, доброта и жестокость и многое другое, что определяло противоречивость его натуры.

Эпоха петровских реформ была подготовлена разными линиями развития русской культуры, многие из которых восходят

еще к XIV в. Не один XVII в. подготовил собой переход к новому времени, но все развитие русской культуры. Петровская эпоха только потому была воспринята как кульминационный пункт этого перехода, что именно в это время произошла смена «знаковой системы». Обращение к Западу было не существом процесса, а лишь его естественным порождением.

Однако черты старого сохранялись и в XVIII, и в XIX в. Многие особенности культуры этого времени были логическим следствием развития русской культуры XVII столетия и предшествующих веков.

Чем больше мы изучаем изменения и развитие русской культуры в XIV—XVII вв., с одной стороны, и ее судьбу в новое время — в XVIII—XIX вв. — с другой, тем отчетливее цельность всего процесса. В этом цельном процессе эпоха петровских реформ была эпохой «осознания» совершающегося и поэтому эпохой очень важной, но не вносящей ничего катастрофического в развитие русской культуры.

Дальнейшее изучение этих процессов, подспудно совершавшихся в русской культуре, укрепит это положение и поможет нам по-настоящему понять эпоху петровских реформ.

Х. Шмидт

(ГДР)

КОГДА ЖЕ ЗАРОДИЛАСЬ «НОВАЯ» РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА?

ДЛЯ ВЫЯСНЕНИЯ ряда существенных аспектов развития русской литературы XVIII—XIX вв. немаловажное значение имеет вопрос, когда же и с чего, собственно, начинается развитие «новой» русской литературы. Этому вопросу — прямо или косвенно — касаются в своих трудах многие ученые. На него стараются ответить и участники дискуссии о периодизации русской литературы. За последнее время эта дискуссия вновь оживилась.

До сих пор открытым остается вопрос о месте русского классицизма в литературном процессе. В исследованиях ряда советских ученых (Е. Н. Куприяновой, К. В. Пигарева, П. Н. Беркова, Г. П. Макогоненко и др.) говорится о том значительном и важном вкладе, который внес в русскую литературу классицизм,

Напомним хотя бы о гуманизме, «душевном голосе» писателей-классицистов, о личностном начале в их творчестве.

Несмотря на эти и другие, более частные, свидетельства новых, бесспорно, раннебуржуазных веяний в философии и эстетике русского классицизма, принято все еще, однако, говорить о нормативности и абстрактности классицизма, а о XVIII в. — как о времени безусловного экономического и политического господства абсолютизма и дворянства, времени рабства и насилия над человеком.

Явное противоречие между частными факторами и общим теоретическим определением содержания эпохи и литературного процесса вынуждает иногда прибегать к вспомогательным концепциям. Новые идейно-эстетические элементы в литературе классицизма и вообще в литературе XVIII в. объясняются положительным наследством и пафосом петровских реформ или же влиянием других факторов, например Возрождения. Довольно часто классицизм и вся литература XVIII в. рассматриваются в чисто литературно-эстетическом плане, т. е. в отрыве от социально-экономического развития общества.

Дело, конечно, не в том, чтобы смягчить или приукрасить тот дикий произвол самодержавия и крепостничества, который господствовал в России XVIII в. Задача, видимо, в том, чтобы найти формулу, которая могла бы вместить все многообразие идейно-эстетических явлений по существу антифеодалного, прогрессивно-буржуазного типа.

Нам кажется, что отдельные литературные направления следует рассматривать не изолированно друг от друга, а исходить из единства всего поступательного литературного процесса эпохи, из единства хотя бы основных идейно-эстетических категорий, учитывая при этом русскую специфику общеевропейских в принципе процессов. На наш взгляд, было бы неправильным расценивать выше указанные факты как случайные. Необходимо дать им объяснение, исходя из теории отражения и тесной взаимосвязи литературного процесса с социально-экономическим процессом, т. е. с общественным развитием. И тогда выяснится, что развитие русской литературы определяла не самодержавно-официальная идеология крепостнического строя, а неумолимый ход истории, социально-экономические процессы, связанные с зарождением капитализма в недрах феодализма, рост самосознания, народные движения. Это нашло свое выражение в идеологии раннего Просветительства, а затем и Просвещения, в новых литературных явлениях эпохи, т. е. в русском классицизме — первой фазы «новой» русской литературы. Видимо, следует отказаться от мысли, что «литературная революция» (по словам Гете) начина-

ется только с литературы сентиментализма и романтизма, и признать, что в русской литературе она восходит к классицизму. К сожалению, здесь нет возможности излагать эволюцию литературно-эстетических категорий, которые характерны для всех этапов формирования русской литературы. Но думается, что категории «народное» и «национальное» занимают далеко не последнее место в системе категорий. Это относится и к идеалу человека, идеалу личности, выдвигаемому литературой XVIII в., а также к изображению характера.

Эпоха формирования «новой» русской литературы требует дальнейшего изучения. Есть основания полагать, что ее начало в литературе русского классицизма. Эта эпоха заканчивается, переходя в новую, зрелую фазу в середине 20-х годов (творчество А. С. Пушкина), к истинно демократической народности и реализму, преодолевая романтизм и обращаясь к критике буржуазного индивидуализма.

А. Н. Робинсон

(СССР)

ДОМИНИРУЮЩАЯ РОЛЬ РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ И ТЕАТРА КАК ВИДОВ ИСКУССТВА В ЭПОХУ ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ

В РУССКОЙ действительности конца XVII—первой четверти XVIII в. происходили такие постепенно подготавливавшиеся, но бурно проявившиеся изменения, традиционно называемые «петровские реформы»¹, которые до основания потрясли средневековый уклад и открыли прогрессивные пути развития нации, однако в пределах все более укрепляющегося феодального абсолютизма Российской империи.

Наращение прогрессивных явлений протекало далеко неравномерно по отношению к разным областям культуры. Среди этих явлений литература занимала обособленное положение. По определению Д. С. Лихачева, в «петровскую эпоху, занятую ускорен-

---

¹ Россия в период реформ Петра I. М., 1973; XVIII век. Сборник 9. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974.

ным развитием экономики и государственности, было «не до литературы». Петровская эпоха представляет собой в известной мере задержку в развитии русской литературы»².

В условиях переходного периода от средневековья к новому времени и прежние литературные традиции, и зарождающиеся явления новой литературы ориентировались на то, чтобы по мере своих возможностей показать разительные перемены в общественной жизни и в личном быте современников. Но эти стремления еще не получили адекватного своим целям художественного развития. Естественно, труднее всего поддавались описанию те перемены, которые уже наметились в духовном облике человека, в области социальной и индивидуальной психологии.

Древнерусские литературные каноны и стили для решения этих задач явно устарели, а новые нормы еще не сложились. Церковнославянский книжный язык утратил свое былое литературно-культурное значение, сохраняясь лишь в конфессиональной традиции, а живой русский язык, хотя он уже и вторгнулся в творчество некоторых писателей, все еще оставался литературно необработанным.

В это время на первый план словесного художественного искусства выдвигается драматургия, предназначенная для того, чтобы наглядно показывать в «лицах» саму жизнь (впрочем, чаще вымышленную, чем реальную)³. Актеры становятся посредниками между литературным текстом и его зрительно-слуховым восприятием. Немаловажную роль в подготовке такого восприятия сыграла и древнерусская традиция чтения вслух (или пения) разного рода произведений, а также представления скomoroxов, обладавшие определенными признаками театральности. Коллективность восприятия, а нередко и исполнения разных произведений (в обстановке церковной, дворцовой, домашней, рыночной, уличной и т. п.), несомненно, благоприятствовала утверждению коллективности восприятия театральных зрелищ. Поэтому специфические условия всякой театральной условности, новые для русской общественной среды, оказались и чрезвычайно эффектными, и легко усвояемыми. Этому в свою очередь способствовало обычное для русского средневековья доверие слушателей, читателей, зрителей ко всякого рода сочинениям (от Священного

² Лизачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973, с. 243.

³ См. академическую серию «Ранняя русская драматургия (XVII—первая половина XVIII в.)»: Первые пьесы русского театра. М., 1972; Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. М., 1972; Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974; Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975; Пьесы любительских театров. М., 1976.

писания до устного эпоса), воспринимавшимся в значительной мере как нечто правдивое, некогда совершившееся. В таких обстоятельствах сама действительность (или тот вымысел, который считался действительностью) «как будто» (по выражению того времени) оживала: все, что было на сцене (персонажи, мизансцены, даже реквизит), представлялось зрителям «как быть живы»⁴. Такое восприятие во многом еще отличалось непосредственностью, так как условность театральной иллюзии только начинала прививаться. Поэтому все то, «как будто» живое, что происходило на глазах театральных зрителей, усваивалось и быстрее, и легче, чем что-либо подобное в литературе. По самой природе своего искусства старинный театр (с его своеобразной драматургией) получил возможность создать такую доступную и привлекательную иллюзию зрелища, которая первоначально опередила возникновение в литературе новой иллюзии описания.

В новой ситуации выявилась характерная закономерность создания репертуара для старинного театра. Значительная часть пьес представляла собой «комедии» и «акты», составленные на основе переводных повестей (или в подражание им), в свою очередь восходящих к старой традиции западноевропейского романа (начиная от рыцарских романов). Искусство инсценировки текста (библейское предание или апокрифическая легенда, рыцарский роман или любовно-авантюрная повесть и т. п.) стало важнейшим условием деятельности ранних драматургов. Достаточно назвать в качестве примера следующие пьесы: «Акт о Калеандре и Нионилде» был переделкой для русской сцены переведенной с немецкого «Истории о Калеандре, цесаревиче греческом, и о Нионилде, цесаревне Трепизонской», которая восходила к популярному в Европе роману (1641) итальянского писателя Марини. «Комедия гишпанская о Ипполите и Жулии» тоже была основана на переводной «гистории», имевшей своим источником французский роман баронессы Д'Онуа «История Ипполита, графа Дугласа» (1690), «Акт о преславной палестинских стран царице» был инсценировкой популярной в XVII в. «Истории о цесаре Оттоне и цесаревне Алунде». Таким же образом были приспособлены к сцене переработки повестей, восходивших к рыцарским романам, — «Действие о короле Гишпанском», «Комедия об Индрикке и Меленде», пьесы «О Петре Златые Ключи», «О Евдоне и Берфе» и др. «Акт Ливерский» — пьеса оригинальная, но и она была построена по принципам, утвердившимся для подобных инсценировок. Все эти пьесы, сохраняя основы сюжетов, в значительной мере русифицировались: в них вводились свойственные

⁴ Первые пьесы русского театра, с. 47—48.

русской действительности реалии, названия придворных чинов, предметов обихода и т. п. В ряде случаев драматурги, как и ораторы, следовали привычным формулам русской литературной традиции, пользовались стилистическими средствами просторечия или, напротив, архаическими церковнославянизмами, а также вводили модные слова, взятые из разных западноевропейских языков.

На театральных сценах действовали великие монархи Артаксеркс и Навуходоносор, Кир и Александр Македонский, султан Баязид, а также король Гишпанский, королевич Калеандр, прославленные полководцы Олоферн, Сципио Африкан, Темир-Аксак (Тамерлан). Их окружали отважные и прекрасные героини Есфирь и Иудифь, Тамира и Неонилда и др. «Деяния» этих героев и героинь сплетались с их личными судьбами, гражданские подвиги — с любовными приключениями, счастье — с несчастьем, возвышение — с падением, богатство — с бедностью. Нередко трагическое перемежалось комическим, «высокое» — «низким».

На сценах придворных, любительских и школьных театров продолжали варьироваться ставшие уже излюбленными древнейшие сюжеты подобного рода. Например, вторая пьеса русского театра «Иудифь» (1673), «потешавшая» Алексея Михайловича, хранилась в собрании рукописей Петра I в обновленном варианте «Комедии о Юдифи и Олоферне»⁵. Зрители вновь восхищались патриотическим подвигом этой библейской героини в новой «Комедии Олоферновой», а затем в «Комедии о премудрой Иудифе». Когда палач ударял солдата-шута Сусакима «лисыим хвостом по шее его вместо меча», а вслед за этой фарсовой инсценировкой казни патетическая героиня Иудифь, притворно согласившаяся стать любовницей полководца-завоевателя Олоферна, «взяв меч Олофернов... и отсече ему главу», отдавала эту голову своей служанке Абре, и та ее «лобзала», то такие соседствующие сцены — казни заведомо шутовской и казни как бы действительной — нисколько не шокировали зрителей. Да и какие же театральные эффекты могли бы поразить или возмутить зрителей, если они слышали, например, о том, что великий государь Петр сам поднимал с земли по воле его отрубленную голову своей любовницы-иноземки и с театральной галантностью провожал ее в вечность последним поцелуем в окровавленные уста? Какие сказочные сокровища сцены могли бы удивить зрителей, если они знали, что стареющая государыня Анна Иоанновна из рук своих подносила своему преданному фавориту-иноземцу Бирону послед-

⁵ Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVII века. Л., 1973, с. 176.

ний дар — огромный золотой кубок, отделанный бриллиантами и содержащий в себе полумиллионное состояние в золотых монетах?

Острейшая для новой империи и для первого российского императора Петра, оставшегося без наследников, проблема престолонаследия весьма занимала зрителей и в жизни, и в «Акте о Калеандре и Неонилде», и в «Акте о преславных палестинских стран царице». Когда неповинная царица Алунда (Олунда) изгнана, зрители невольно вспоминали об изгнанной и заключенной в монастыре русской царице Евдокии — жене Петра. Если вокруг театрального «дукса» (князя) Сарпида кипела жестокая борьба за политическое влияние и чины, плелась сеть хитрых интриг, зрители вспоминали о такой же борьбе сначала вокруг светлейшего князя А. Д. Меншикова, а затем курляндского герцога Э. И. Бирона. Если раньше в «Артаксеровом действе» библейского персидского царя окружали актеры, одетые по-русски, бородатые князья, бояре, думные, спальники и зрителям это обстоятельство казалось совершенно реальным, так как оно в точности совпадало с современной им действительностью, то теперь, при Петре, с такой же степенью убедительности театральные постановки заполнялись своеземными и иноземными, непременно бритыми и в европейских костюмах герцогами, графами, сенаторами, фельдмаршалами, кавалерами и впервые появившимися дамами. Всякий сюжетный вымысел драматургов преподносился зрителям как действительность, и одна из самых фантастических пьес — «Акт о Калеандре и Неонилде» — была объявлена «исторической комедией».

В первой четверти XVIII в. создалась такая своеобразная обстановка, которая обусловила широкие возможности эффективного аллегорического отражения проблем современности в театральном искусстве. Актуальность ранней русской драматургии состояла в удивительном соответствии театральной условности условиям эпохи.

В это время формировалась важнейшая черта эпохи, которая способствовала ее театрализации и на сцене, и в непосредственном восприятии современников. Во времена абсолютизма общественное сознание персонифицировало многие обстоятельства действительности, отчетливо проецируя их на «персону» монарха. Острая социальная ситуация не терпела равнодушия и спокойствия: с контрастностью почти театральной в сознании современников возникали в зависимости от интересов каждого два образа Петра I — царя-героя и царя-антихриста. Трагичность ситуации состояла в том, что оба эти «лика» превосходно совмещались в личности «великого государя».

Впечатления друзей и врагов сводились к одному: государь

с самого детства жил не по обычаю своих прародителей. При Алексее Михайловиче немедленно казнили бы всякого за «поругание» царской чести, кто предложил бы ему, например, курить табак или пить водку с иноземными моряками, ковать железо или лазить на мачты. А очень скоро, при сыне его — Петре Алексеевиче, казнили бы того, кто посмел бы воспрепятствовать ему в таких действиях.

Общественно-психологический эффект, вернее, даже эффект петровской новизны усиливался еще тем обстоятельством, что государь в отличие от своих предков впервые стал жить «публично», появляться перед людьми (дворянством, духовенством, купечеством, крестьянством) то в облике героическом, то обыденном. Государь ловко владел топором плотника, а по рассказам очевидцев — и топором палача⁶. Не щадя «живота своего» для отечества, он скакал на коне по бранному полю и сам стрелял из пушек и т. п. Вместе с такой новой героикой в старый феодальный быт широко входила и «комедия», не раз граничившая с фарсом. Для «общей пользы» соотечественников государь азартно рвал им зубы и стриг бороды. Все это поражало умы современников, было невиданным зрелищем.

Следует отметить еще одну важную особенность «театрализации» придворного быта, в ряде случаев вообще характерную для абсолютизма: Петр всегда вносил элементы «игры» в свое правление. Например, наделив князя Ф. Ю. Ромодановского вымышленным титулом князя-кесаря, он многие годы отдавал ему (а затем и его сыну) царские почести, посылал ему челобитные, подписывая их так: «вашего величества нижайший слуга Петр»⁷. В окружавшей Петра «компании», по существу — в правительстве, все сохраняли свои высокие чины и звания, и только его запрещалось именовать царским титулом: Петра называли то шкипером, то бомбардиром и т. п. Известно, что, отправляясь в Голландию, Петр состоял при русском посольстве то в качестве матроса, то плотника.

В столичной жизни ярко выраженный театрализованный характер имели введенные Петром и проводившиеся при его личном участии торжественные шествия по случаю военных побед, великолепные фейерверки, веселые маскарады. Все эти явления действительности тесно сближались с театральными принципами организации сюжетов пьес, с характерными для них передева-

⁶ Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906, с. 192.

⁷ Павленко Н. И. Петр I (к изучению социально-политических взглядов). — В кн.: Россия в период реформ Петра I. М., 1973, с. 56—58.

ниями персонажей, с обычными ситуациями «неузнавания» ими друг друга (хотя зрителями как в театре, так и в действительности все герои сразу узнавались). «Зрелищные» эффекты действительности по своим масштабам и силе воздействия на современников нередко затмевали самую буйную фантазию драматургов.

Наши наблюдения находят подтверждение в том, что отмеченная выше театральность действительности осознавалась просвещенными людьми эпохи. Были изданы переводы сочинений популярных западноевропейских историков, в которых культивировались представления об исторической реальности как о мировом театре. Так, в переводном издании «Анналов» итальянского кардинала Цезаря Барония автор русского предисловия обращался к читателю со следующими словами: «Хочеши ли видети, аки на позорищи, комедию мира сего, пременение и пагубу великих царств и цезарей и непостоянное их благополучие?»⁸ Это издание было осуществлено по «повелению» Петра. По его же указу было издано сочинение Стратемана «Феатрон, или Позор исторический, изъясняющий повсюдную историю...» Уже в самом названии книги, как и в предисловии к ней, настойчиво утверждалась восходящая еще к античности и характерная для эпохи барокко историософская концепция: вся история человечества представляла собой нравоучительный «Позор», т. е. зрелище, которое и «есть Феатров [театров] намерения... увидит всяк в сем Феатре всяя жизни своея состояние...»⁹

Таким образом, социально-историческая психология русского общества (главным образом придворного) получила немало стимулирующих влияний (вплоть до историософских концепций и преднамеренных образцов театрализации придворного церемониала) для возникновения у современников и философских представлений, и ярких впечатлений об определенных, аллегорически ориентированных связях между жизнью и сценой. Свойственная эпохе атмосфера театральности влияла на деятельность драматургов, режиссеров, актеров и в целом содействовала расцвету рукописной драматургии, которая сравнительно быстро, хотя и не надолго (до подъема классицизма), выдвинулась на ведущее место в развитии словесного искусства.

⁸ Деяния церковная и гражданская... Из летописаний Кесаря Барония собранная... М., 1719, л. 2.

⁹ Феатрон, или Позор исторический, изъясняющий повсюдную Историю священного писания и гражданскую... чрез Вильгельма Стратемана собранный... СПб., 1724, л. 2 об.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В РОССИИ (XVIII—ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX В.)

ПРОБЛЕМЫ взаимосвязей и взаимодействия различных искусств, включая и литературу как искусство слова, давно уже привлекают к себе литературоведов и искусствоведов всех стран. И это понятно. По мере расширения наших литературоведческих и искусствоведческих знаний становится все более и более очевидным, что полное и всестороннее изучение национальных художественных культур невозможно без привлечения обширного круга вопросов, связанных с сопоставительным анализом отдельных искусств. Такое комплексное изучение искусств, естественно, сопряжено с большими трудностями, вызванными прежде всего неразработанностью самой его методологии. Порой за чисто внешними, хотя бы и заманчивыми, сближениями может утратиться ощущение специфики того или иного искусства. Нередко ученого подстерегает опасность простой «иллюстративности».

Было бы невозможным в пределах небольшой статьи сделать даже поверхностный обзор того, что уже достигнуто в этом направлении советскими литературоведами и искусствоведами. Но нельзя не отметить, что из литературоведов наиболее последовательно и систематически обращаются к сравнительному анализу литературы с другими искусствами историки древнерусской литературы. А поэтому накопленный ими богатый опыт во многом может оказаться плодотворным и при осмыслении некоторых фактов русской художественной культуры более позднего времени.

В работах академика Д. С. Лихачева разрабатывается очень важное положение о «своеобразном синтезе искусств» в древнеславянских культурах. На Руси это явление, позволяющее говорить о «стиле эпохи», в особенности характерно для X—XIII вв. Однако это положение с определенными поправками может быть распространено и на некоторые позднейшие периоды русского художественно-культурного развития.

Так, например, своего рода «синтез искусств» наблюдается в России первой половины XVIII столетия, когда она становится активной участницей общеевропейского культурного процесса

нового времени. Ведущую роль в эту пору играют «официальная» литература и «официальные» искусства (архитектура, скульптура, живопись, графика, прикладное искусство). Насаждаемые «сверху», они не только отмечены общими чертами стиля, но и выступают зачастую в своеобразном единстве, дополняя друг друга и даже теряя смысл в отрыве от целого. Это очень наглядно прослеживается на оформлении широко распространенных в первой половине века и до деталей разработанных публичных зрелищ и придворных церемоний (от триумфальных арок на городских площадях, сооружаемых в честь крупнейших событий общегосударственного значения, до убранства «фюнерального», т. е. погребального зала, в котором покоилось в Зимнем дворце тело умершего Петра I). Словесное искусство, и в частности стихотворство, выполняло в данных условиях чисто утилитарную функцию, призванное в рифмованных надписях и афористических изречениях разъяснять содержание живописных и скульптурных изображений. Но обилие аллегорий, символов и эмблем, определявших собой «стиль эпохи», было доступно сравнительно небольшому кругу «посвященных». Вот почему потребовалось, например, издание специальных книжек, содержавших «толкования вратам», т. е. разъяснение эмблематики триумфальных арок остальной грамотной публике. Прецеденты подобных изданий к тому времени уже существовали на Западе.

Главенствующим признаком этого «стиля эпохи» была панегиричность во всех ее проявлениях. Основой для такого «синтеза искусств» служила теперь уже не религиозно-церковная идеология и связанные с нею внешние формы культа, как в Древней Руси, но вполне «секуляризованное» мирское сознание, подчиненное задачам пропаганды военных побед и преобразовательной политике абсолютизма. Единству стиля способствовали такие факторы, как эстетическая неразвитость нового русского общества, отсутствие оформившихся художественных направлений и как следствие этого отсутствие индивидуальных творческих стилей.

До начала второй половины XVIII в. одним из препятствий на пути органического приобщения русской литературы к современному литературному движению Запада было то, что критик Н. И. Надеждин метко определил словом «безъязычие». Выражение новых понятий, нахлынувших в русскую жизнь, было затруднено неупорядоченностью и неразработанностью литературного языка. М. В. Ломоносов расковал русскую речь. Он создал условия, при которых в русской литературе стало возможным возникновение художественных форм, соответствующих ее новому содержанию.

Для самого Ломоносова литература была лишь одной из граней его многосторонней деятельности. При этом литературное творчество Ломоносова, быть может, в большей степени, чем у кого-либо из его современников, имело «служебный», «заказной», «прикладной» характер. И вместе с тем благодаря выдающемуся поэтическому таланту Ломоносова и подлинному дару слова его оды, его речи в прозе, его «надписи» на иллюминации, технической стороной которых он сам руководил, в своих лучших образцах зажили самостоятельной жизнью, оторвавшись от той церемониально-официальной обстановки, на которую были рассчитаны.

В то же время Ломоносов всегда питал склонность к «синтезу искусств», характерному для художественной культуры петровской эпохи и ближайших за ней десятилетий. Примером тому служит разработанный им в 1758—1760-х годах грандиозный проект мавзолея Петра I. Он предусматривал почти полную перестройку Петропавловского собора и представлял собой сочетание скульптурных, живописных (в данном случае мозаичных) и текстовых компонентов. Единственным уцелевшим фрагментом этого неосуществленного замысла является огромная мозаичная композиция «Полтавская баталия», помещенная в настоящее время на лестнице здания Академии наук в Ленинграде.

Сравнительно поздно приобщившись к общеевропейскому процессу культурного развития нового времени, Россия ускоренно воспринимает многовековой опыт передовых стран Запада. Естественно, что она не могла не пройти и через стадию «ученичества», которое некогда было принято рассматривать под знаком «подражательности» и тем самым как бы зачеркивать весь этот период в истории русской культуры. Теперь подобная точка зрения может считаться изжитой. К чужому Россия с самого начала сумела подойти творчески, и усвоение нового вовсе не означало для нее разрыва с отечественными традициями.

Общепризнано, что самым убежденным, самым последовательным представителем классицизма в русской литературе был А. П. Сумароков. Из-под его пера вышел такой программный теоретический документ, как эпистола «О стихотворстве» (1748). Образцом для нее послужил стихотворный трактат Буало «L'art poétique» («Поэтическое искусство»). Сравнение этих двух поэтических произведений показывает, что эстетика французского классицизма, утверждаемая Буало, ригористичнее и аристократичнее эстетики русского классицизма, изложенной Сумароковым. Показательно, что свой перечень литературных авторитетов Буало ограничивает античными и французскими авторами; Сумароков расширяет список «образцовых» писателей, придавая своему «Ге-

ликону» многонациональный характер. Любопытен и тот факт, что основоположник русского классицизма переводит сонеты французских поэтов барокко.

Русский литературный процесс XVIII в. очень противоречив. В нем одновременно существуют различные антагонистические художественные направления и стили. Русский сентиментализм не сменил собой классицизм, как думали когда-то, а зародился в его недрах, едва только тот завоевал господствующие позиции в литературе. Так же произошло впоследствии с романтизмом, который на ранней стадии почти неотделим от сентиментализма. Сочетание в творчестве многих писателей стилистических признаков разных направлений, вплоть до их переплетения в пределах одного произведения, делает подчас крайне трудным определение художественного метода того или иного писателя.

До сих пор, несмотря на большое количество работ, не сложилась единая точка зрения на творческий метод таких корифеев русской литературы XVIII в., как М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, А. Н. Радищев. Еще более сложный пример своего рода эклектизма представляет собой М. М. Херасков, в творчестве которого спокойно уживаются произведения, стоящие у истоков русского сентиментализма, с произведениями, выдержанными в канонах классицизма. Автор «слезной» драмы «Друг несчастных» создает недоставшую русскому классицизму эпическую поэму «Россияда».

Аналогичные примеры обнаруживаются и в изобразительном искусстве. Наряду с портретами, овеянными атмосферой сентиментализма (таков, скажем, пленительный образ М. И. Лопухиной), В. Л. Боровиковский пишет в полном соответствии с традициями классицизма парадные портреты Павла I или князя А. Б. Куракина.

Нельзя не учитывать ограничительных и сковывающих творческую индивидуальность художника эстетических теорий, норм и правил, которым он волей или неволей должен был подчиняться. Но вопреки этому подлинное искусство неуклонно прокладывало себе путь к воспроизведению действительности. На всем протяжении рассматриваемого периода, иногда подспудно, иногда явно прорываясь наружу, давали о себе знать реалистические тенденции.

При сравнительном изучении литературы и изобразительного искусства следует помнить, что типологически родственные явления, в том числе и обусловленные взаимозависимостью, могут развиваться синхронно, а могут и не совпадать между собой хронологически. Как правило, синхронный анализ литературного и изобразительного материала наиболее возможен на ранних ста-

дних развития соответствующих видов искусств. Некоторые параллели могут быть в особенности разительными. Так, например, эволюция жанра торжественной оды от В. К. Тредиаковского до Г. Р. Державина находит достаточно близкое соответствие в эволюции жанра парадного портрета от И. Я. Вишнякова до В. Л. Боровиковского. Но бывают такие художественные достижения, которые как бы опережают свое время даже в период господства единого «стиля эпохи». Например, портреты кисти И. М. Никитина, относящиеся к 20-м годам XVIII в.

Напрашивается естественный вопрос: нашел ли русский человек XVIII столетия во всей сложности и противоречивости своего идейного и нравственно-психологического облика адекватное воплощение в словесных и пластических *художественных* образах?

Самое жизненно убедительное, что в этом отношении дала литература, заключается в сатирических произведениях, прежде всего в персонажах комедий Д. И. Фонвизина. Эти образы получили *такими* в силу привычки писателя всюду «сторожить природу», но они все же ограничены сатирическим заданием. Русские портретисты, зависевшие от заказчика, не могли творить подобного заведомого «суда» над своей моделью, и тем не менее в своих лучших творениях они высказали пронизательное умение «сторожить природу». Ф. Шубин в своих скульптурных портретах развернул такую многоликую по глубине индивидуально-психологической характеристики галерею своих современников, какой тогда не знала литература. Образ русского вельможи, равный по силе типического обобщения шубинскому Голицыну, был создан только более полувека спустя Пушкиным в его послании «К вельможе».

Превосходен также изваянный Шубиным ретроспективный портрет Ломоносова (выполнен через двадцать семь лет после его смерти). В нем не только воплощен индивидуально-психологический образ человека интеллектуального труда, но и запечатлены национальные черты модели.

Для литературы и изобразительного искусства развивающейся молодой нации очень знаменательно особое внимание к национально-исторической тематике. И в этом отношении литература своим примером оказывала самое прямое воздействие на изобразительное искусство.

Первенствующее место в репертуаре русского театра от А. П. Сумарокова до В. А. Озерова занимают, как известно, трагедии на сюжеты из истории Древней Руси. Правда, историзм их крайне условен, но само по себе обращение именно к отечественному прошлому очень показательно. В этом заключалось, в част-

ности, национальное своеобразие русского классицизма, отличавшее его от классицизма французского, который служил для русских драматургов образцом. Французские поэты пользовались сюжетами из истории Франции редко. К тому же хронологические рамки прошлого в сознании русских авторов были широко раздвинуты: их исходные границы терялись в полупоэтической мгле далеких столетий («Синав и Трувор» А. П. Сумарокова, «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина), конечные включали недавнее время Петра I (незавершенные эпические поэмы «Петрида» А. Д. Кантемира и «Петр Великий» М. В. Ломоносова). Во всем этом чувствовалась определенная тенденция связать прошлое с настоящим.

О неоднократном стремлении русских писателей воздействовать на тематику исторического жанра в отечественной живописи говорит ряд фактов.

В 1764 г. Ломоносов составил записку «Идеи для живописных картин из российской истории». Призывая русских художников разрабатывать национально-исторические сюжеты, «служащие к чести российских предков», он именно в этом видел залог того вклада, который внесет его родина в мировое изобразительное искусство. Русская живопись ответила на этот призыв историческими полотнами А. П. Лосенко «Владимир перед Рогнедой» и Г. И. Угрюмова «Торжественный въезд Александра Невского во Псков после победы над немцами».

Особенный интерес к национально-исторической тематике проявляется в сложной для России международной обстановке первого десятилетия XIX в. Статью «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств» печатает в 1802 г. Н. М. Карамзин. «Чувствительная» в духе сентиментализма интерпретация предложенных сюжетов тогда же оспаривается Ал. И. Тургеневым (статья «Критические примечания, касающиеся до древней славяно-русской истории», 1804), ратующим за сюжеты героические. Среди исторических образов, заслуживающих внимания художников, он называет Марфу Посадницу, которая «не хочет пережить вольности новгородцев». Идеализированное представление о «республиканских» доблестях новгородцев, намечающееся в этом сюжете, в дальнейшем войдет в историческую концепцию декабристов.

Сотрудничество и содружество писателей и мастеров изобразительного искусства находит свое выражение в деятельности Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (возникло в 1801 г., официально утверждено в 1803 г.). Характерно самое название этого общества, указывающее на равноправное место, которое занимали в сознании его членов литератур-

ные, научные и художественные интересы. В состав общества входили как поэты, публицисты и ученые, так и скульпторы и живописцы. Видя свою цель в «споспешествовании общему благу» средствами слова, кисти и резца, члены Вольного общества придавали большое общественно-воспитательное значение национально-исторической тематике. Не случайно в среде Вольного общества любителей словесности, наук и художеств зародился и получил широкую поддержку замысел памятника Минину и Пожарскому. При этом, согласно идее, пропагандировавшейся именно членами Вольного общества, главное действующее лицо в монументе — «отечества истый сын», «русский плебей» Минин. Памятник, над которым долгие годы работал скульптор И. П. Мартос, член Вольного общества, был открыт в 1818 г. на Красной площади в Москве. Это талантливейшее творение Мартоса соиздано в годы подъема русского национального самосознания, пробужденного войнами с Наполеоном и одержанной победой над ним. В этих исторических условиях памятник Минину и Пожарскому, освободившим в начале XVII в. Москву от иноземных поработителей, приобретал современное символическое значение.

Активное участие в деятельности Вольного общества любителей словесности, наук и художеств с самого начала принимал «почетный любитель» Академии художеств А. А. Писарев. Ему принадлежит своеобразное руководство в двух частях «Предметы для художников, избранные из российской истории, славянского баснословия и из всех русских сочинений в стихах и в прозе» (СПб., 1807). О воспитательных задачах искусства заявлено в предисловии: «Непреренно надобно, чтобы художества проповедовали нравственность, возвышали и укрепляли дух народный, чтобы они вместе утешали и поучали». Именно такие идейные принципы и положены в основу сюжетного решения ряда картин, написанных в эту пору русскими живописцами: «Дмитрий Донской по одержании победы над Мамаем» О. А. Кипренского, «Марфа Посадница» Д. И. Иванова, «Подвиг молодого киевлянина при осаде Киева печенегами в 968 году» и «Единоборство князя Мстислава Удалого с косоожским князем Редедей в 1022 году при Переяславле» А. И. Иванова и др. Все эти сюжеты «литературны», так как они «повествовательны» по своему художественному решению, а иногда и прямо восходят к литературным образцам.

Проблема общественно-воспитательного значения национально-исторической тематики в искусстве сохраняла свою актуальность вплоть до середины 1820-х годов. Напоминанием о подвигах предков стремился воздействовать на умы и сердца потомков К. Ф. Рылеев в своем цикле «Дум».

Так многие явления и тенденции в литературе и изобразительном искусстве, наметившиеся еще в XVIII в., продолжают жить и развиваться в течение первых десятилетий XIX в. Это касается, в частности, проблемы национального пейзажа, в разработке которого декабристская критика видела один из залогов национального своеобразия как словесного, так и изобразительного искусства.

Проблема русского национального пейзажа в том его понимании, какое вкладывали в него романтики, теоретически обоснована критиком О. М. Сомовым, в ту пору близким к кругам декабристов, в статье «О романтической поэзии» (1823). В отличие от западноевропейских романтиков, искавших пейзажную экзотику далеко за пределами своих стран, русские романтики находили ее в географически разнообразном пейзаже своей родины. Особый колорит придавало ему в их глазах многообразие населявших Россию народов. Таким образом сибирская природа в поэме Рылеева «Войнаровский», крымская — в «Бахчисарайском фонтане» Пушкина, кавказская — у того же Пушкина и позднее у Лермонтова равно отвечали романтическому представлению о русском национальном пейзаже. Но поскольку, несмотря на обилие в нем конкретных реалий, он все же невольно превращался в своего рода эстетизированный пейзаж, то в качестве общей реакции на романтизм еще во второй половине 1820-х годов возникло иное понимание русского национального пейзажа, утвержденное в творческой практике Пушкина (картины времен года в «Евгении Онегине»).

Отразившее новое, реалистическое восприятие «поэзии действительности», обусловленное стремлением избежать в образах природы романтической красоты, это представление о русском национальном пейзаже как пейзаже «обыкновенном», географически ограниченном средней полосой России, надолго окажет определяющее воздействие на русскую литературу. Опосредствованным образом отзовется оно и в русской пейзажной живописи.

Если же говорить о типологических соответствиях между литературой и живописью в создании художественного образа русской природы и через нее образа родины, бесспорно, что в рассматриваемый период живопись отстает от литературы. То, что в произведениях слова выступает как достижение, в произведениях кисти обнаруживает себя лишь как тенденцию будущего развития.

Исчерпать в этой статье сложную проблему взаимодействия литературы и изобразительного искусства в эпоху формирования и развития русской нации, разумеется, невозможно. В заключе-

ние хотелось бы высказать твердое убеждение, что одной из очередных задач литературоведов и искусствоведов должно явиться изучение общих закономерностей развития и сопоставительный анализ взаимодействия искусств в России и других славянских странах.

А. Н. Савинов

(СССР)

РУССКОЕ ИСКУССТВО XVIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

ВЫСОКИЕ достижения русского искусства и их жизненность прямо связаны с его видной ролью в формировании русской нации, с воплощением представлений, рожденных возраставшим самосознанием общества. Связь искусства с развитием страны, с утверждением чувства национального достоинства народа доказана всем течением историко-художественного процесса XVIII и первой половины XIX в. Русское искусство этого периода — яркое проявление национальной духовной культуры, имеющее все основания быть рассмотренным в свете комплексного изучения славянских культур.

Преобразования начала XVIII в. утвердили в России главенство светских начал в сфере художественного творчества и, более того, решительно связали архитектуру, живопись, скульптуру, гравюру с требованиями интенсивного государственного строительства. Историческая действительность заставляла искусство не только усваивать новые для него содержание и формы, но и применять их в интересах общенационального дела. Искусство стало орудием и зеркалом новизны, которая стремительно утверждалась в России с самого начала XVIII в. Показательно для темпов эпохи создание в кратчайший срок архитектурного облика столицы, основанной в 1703 г.: новые принципы рациональной планировки города и европейская стилевая система определили характер Петербурга в первые же двадцать лет его существования. Ценно то, что утверждение нового не отрицало отечественной традиции, не порывало с ней.

Строительство XVIII в. демонстрирует плодотворную синтетичность архитектурных принципов эпохи: мотивы европейского барокко, а позднее классицизма органически сочетались с тем лучшим, что уже было накоплено зодчеством Руси на предыду-

щих этапах его существования. Ясная композиция внешних масс, выражающая внутренние объемы зданий, соизмеримость здания и человека, гуманистическая основа архитектурного образа — все принадлежит одновременно и наследию древнерусского зодчества, и новым завоеваниям российской архитектуры. Архитектура XVIII столетия, были ли ее создателями И. Зарудный или Д. Трезини, М. Земцов или В. Растрелли, Д. Кваренги или В. Баженов, М. Казаков или И. Старов, служит примером жизненности русской художественной традиции. Значительность новых идей разделяли с русскими зодчими и выдающиеся иностранные мастера, ценившие размах архитектурного творчества в России XVIII в. Так, В. Растрелли в середине столетия писал, что строительство Зимнего дворца производится для «славы всероссийской».

Аналогичные процессы характерны и для других искусств. Живопись Ивана Никитина, основоположника русского реалистического портрета, вначале явно опиралась на опыт парсун — еще во многом условных портретов XVII в., но в целом уже принадлежала будущему, используя приемы, родственные европейскому барокко. В работах Никитина живопись утверждала достижения своего времени. То же выполняла и гравюра, которая была необходима в ландкартном деле, в книгах по артиллерии и по строению кораблей и даже в дипломатической области. Гравюра показывала новое эпохи «в лицах», «с живства». У крупнейшего гравера начала столетия А. Зубова был обширный и увлекательный круг сюжетов. Он изображал морские баталии, архитектуру Петербурга, бракосочетание Петра I и Екатерины и вместе с тем сцены из повседневной жизни столицы.

Ценность искусства начала XVIII в. заключена, однако, не в иллюстративности его произведений, а в том, что оно уже стало системой художественного мышления и эстетической ценностью, воплощавшей в общенациональной перспективе идеалы эпохи.

Вторая треть столетия знала частичные потери в непосредственности выражения и в мастерстве живописи. Но все же И. Вишняков и А. Антропов возмещали их реалистичностью своего искусства: в их портретах, иногда несущих следы парсунного письма, ясно выражено стремление к жизненной конкретности.

В условиях подъема русской духовной культуры в середине XVIII столетия, в годы многогранного творчества М. Ломоносова, театральной деятельности А. Сумарокова и Ф. Волкова перед русским изобразительным искусством были выдвинуты задачи идейной значительности, сюжетного разнообразия, профессионализма. В 1757 г., почти одновременно с Московским университетом, была основана Академия художеств. Она должна была выявлять народные таланты, выдвигать тех, «кто умел бы что делать» в раз-

личных видах и жанрах искусства. В первые годы своего существования Академия художеств — единственная из академий Европы — требовала от своих питомцев работы не только на библейские и античные сюжеты, но и на темы родного прошлого, так как они «умножают геройский огонь и любовь к отечеству». Академическая живопись стремилась внести в жизнь идеи просвещения, гуманности и добра: эстетическая программа не отделялась от этической.

Искусство второй половины столетия развивалось успешно, мысль Петра I: «Есть и из нашего народа хорошие мастера» — была подхвачена русскими патриотами, горячо опровергавшими тех, кто не верил в одаренность русских художников. «Никто вам не поверит, что в России не могут родиться великие люди!» — эти слова были сказаны о художнике А. Лосенко, который дал направление и педагогической системе Академии художеств, и историческому жанру живописи. В немногих картинах, которые Лосенко успел создать, ясно звучат ноты искреннего патриотизма и осуждения произвола. Продолжатель Лосенко, Г. Угрюмов, в картинах конца 1770-х годов основное внимание уделил уже не эпизодам из жизни русских князей, а историческим эпохам и даже простым людям, участникам исторических событий (таков киевский кожемяка Ян Усмарь, «оттеснивший» в картине князя Владимира на второй план).

Развитие русской культуры второй половины XVIII в. неотделимо от все большего признания ценности человеческой личности. Духовность человека, его внутреннюю глубину воплотил Ф. Рокотов в своих живописно совершенных портретах 1760—1780-х годов. Рядом с ним стоят такие гиганты русского портретного искусства, как живописец Д. Левицкий и скульптор Ф. Шубин. Содержательность и захватывающая выразительность создаваемых ими образов, высокое мастерство принесли им заслуженное признание — но только не в их эпоху. Дворянское общество XVIII в. не оценило искусство Рокотова, Левицкого, Шубина, оно ставило их ниже иностранных мастеров. Это унижало русских художников, однако они не теряли своего достоинства, сохраняли свою национальную честь. Показательно, что Левицкий написал дочь в народном костюме, а в прекрасных портретах воспитанниц Смольного института запечатлел типично русские черты. В своей картине «Екатерина-законодательница» Левицкий воплотил идеал монарха-гражданина — утопический, но благородный, который воодушевлял и его друзей — поэта Г. Державина и архитектора Н. Львова.

Искусство XVIII столетия слишком долго считалось всего лишь дворянским. Теперь ясно, что его никак нельзя мерить уз-

кой меркой сословных интересов. Связанное с идеями просветительства, оно является частью национальной культуры, продолжая ее лучшие традиции и предугадывая ее перспективы.

В конце XVIII в. и в начале следующего в русском искусстве сформировался стиль классицизма. Важно то, что на русской почве он приобрел отличительные особенности, не столько внешне ориентируясь на архитектуру и скульптуру античного мира, сколько выражая идеи гражданственности (о работе «для пользы и славы отечества» постоянно говорили и писали в ту пору).

Мощным стимулом подъема национального чувства послужили события Отечественной войны 1812 г. В ту пору в Академии художеств были созданы произведения, прославлявшие как подвиги предков, так и современные подвиги народа: «Единоборство Мстислава Удалого с Редедю» и «Подвиг молодого киевлянина» Ан. Иванова, «Расстрел французами русских патриотов в Москве» — две картины В. Сазонова и М. Тихонова, «Благословение на ополчение» И. Лучанинова, статуя «Русский Сцевола» В. Демута-Малиновского, знаменитый памятник Мипину и Пожарскому И. Мартоса и др. По инициативе самих художников родилась патриотическая графика — гравированные листы на темы войны. Во многих случаях они прославляли участие крестьян в изгнании оккупантов с русской земли. Листы пользовались большой популярностью, они во множестве расходились в самых широких кругах населения.

Героизм эпохи обусловил романтическую эмоциональность произведений О. Кипренского и создание им прекрасных в своей жизненности портретных рисунков 1812—1814 гг. Эмблемы ратной славы народа в декоре зданий и памятники героям войны образовали своего рода музей скульптуры на улицах и площадях столицы, доступный всем и служивший делу воспитания как национального чувства, так и эстетического.

История страны и завершение войн с Наполеоном наложили свой отпечаток на содержание архитектуры первой трети XIX в. (здания Адмиралтейства, проектированного А. Захаровым, Главного штаба — К. Росси и др.). В их скульптурном убранстве были широко использованы и героические образы античности, и предметы старинного русского вооружения. Архитектура классицизма вошла не только в градостроительную практику, но также в сельское и поместное строительство: в храмах и усадьбах охотно использовались ее формы, гармонично сочетавшиеся с русским пейзажем.

Победоносное завершение войны с Наполеоном вызвало стремление наглядно воплотить саму идею нации и ее возможности, сделать обозримым ее достижения. Уже в 1817 г. историк Ф. Аде-

лунг опубликовал проект национального музея. В 1820—1830-е годы появилось еще несколько сходных проектов. В них ставилась задача создания музея синтетического, комплексного, знакомящего сразу с искусством, историей, техникой, хозяйственными успехами и природными богатствами страны. Однако такой всеобъемлющий музей открыт не был, зато художественные появились в самом скором времени: уже в 1820-е годы был систематизирован музей Академии художеств и в Эрмитаже организована галерея русской художественной школы. Но ни ведомственный академический музей, ни небольшая галерея императорского Эрмитажа не отвечали запросам общества. На более высоком уровне находилось частное собрание — Русский музей П. П. Свинына. В нем можно видеть прообраз позднейших Третьяковской галереи и Русского музея (в которые со временем поступила часть экспонатов музея). Критерием при отборе материалов для этого собрания Свиныну служило их отечественное содержание. Так, горячо приветствуя появление Венецианова, Свинын подчеркивал ценность его искусства: «Наконец мы дождались художника, который прекрасный талант свой обратил на изображение одного отечественного, на представление предметов, его окружающих, близких к его сердцу и к нашему... Подвиг г. Венецианова тем значительнее, что, без сомнения, обратит многих художников к последованию ему»¹. В поисках материалов Свинын совершал поездки по России. Узнав о бумагах Ломоносова, находившихся у потомков ученого, он предпринял нелегкую в ту пору поездку на Север. Существенным было и то, что Свинын приобретал работы не только петербургских художников, но и мало ценимых тогда московских и провинциальных. Важно также то, что он собирал произведения искусства и XVIII столетия, и только что появившиеся, еще ждавшие признания. Распродажа Русского музея в 1834 г. вовсе не означала, что пришел конец собиранию произведений русского искусства. Наоборот, она дала толчок к возникновению новых собраний — настолько уже окреп интерес к ним.

Развитие русской художественной культуры не было прямолинейным, в ней сталкивались различные эстетические концепции, оно было обусловлено разными социальными факторами. Так, например, противоречия эпохи сказались в том, что в живописи и графике все чаще именно образы крепостных крестьян воплощали представления художников о моральной чистоте и духовном здоровье простого народа. Изображения крестьян, го-

---

¹ Свинын П. Взгляд на новые отличные произведения художеств, находящиеся в С. Петербурге. — Отечественные записки, 1824, ч. XVIII, с. 163—164.

родских ремесленников, солдат и матросов мы встречаем в картинах А. Венецианова и его учеников, В. Тропинина и др. Перед взорами посетителей художественных выставок начиная с 1830-х годов предстают картины, изображающие сцены повседневной жизни городов и деревень.

Художественные выставки стали открываться систематически (сначала только в Петербурге) — раз в три года — с 1820 г. Кто посещал их, для кого работали художники? Вопрос о составе зрителей еще не нашел у нас обстоятельного ответа, но встречающиеся в различных источниках суждения современников показывают, что зрителя-дворянина теснил зритель простонародный, стремившийся к труднодоступной для него сфере искусства. У многих это не встречало одобрения. Поэт Н. Гнедич с негодованием восклицал в обзоре выставки 1820 г., открывшейся в Академии художеств: «Эти матросы, извозчики, лакеи... эти женщины в лохмотьях ... толпа зевающего народа зачем вошла сюда и что вынесет для ума и для сердца?»² Но спустя пятнадцать лет появляются уже иные мнения. В 1836 г. писатель Н. Кукольник с удовлетворением сообщал о нелепой гравюре, уродливо передававшей «Последний день Помпеи» К. Брюллова: «Гравюра имела огромный успех, и, признаюсь, в этом отношении она для меня важнее многих лучших гравюр наших и литографий. Виноват ли голодный, если его заставляют есть хлеб с мякиной и пить гнилую воду?! — Но эта любовь к отечественной славе, эта жажда, по необходимости еще слишком доверчивая, увидеть, чем гордится отечество, что заставляет Европу говорить об нас с удивлением... трудно бы было подозревать в нашем народе это чувство в художественном отношении»³.

В тяжелых условиях 1830—1840-х годов, в период реакции, изобразительное искусство, подобно великой русской литературе, находило в себе силы для создания выдающихся произведений, даже в области исторической живописи, издавна подчиненной надзору официальной академической школы. Надо было преодолеть инерцию Академии художеств и нападки представителей консервативных кругов, чтобы создать такие новаторские картины, как «Последний день Помпеи» К. Брюллова и «Явление Христа народу» Ал. Иванова. Впечатление, произведенное ими, и

² Гнедич Н. Академия художеств. — Сын отечества, 1820, ч. XXXIX, с. 255—256.

³ Художественная газета, 1836, № 5, с. 86. Это сообщение звучит подобно декларации о праве народа на приобщение к национальной художественной культуре. Кукольник не решился бы напечатать его, если бы оно не выражало мнения самого автора картины, с которым он был в приятельских отношениях.

их значение в русской культуре определены не фактом «иллюстрирования» Евангелия или изображением извержения Везувия, а историзмом мышления, социальной направленностью, совершенством художественной формы. Недаром А. Герцел находил в «Помпее» удручающее «вдохновение Петербурга» времени Николая I, а Н. Гоголь — живую связь с современностью: «Мысль ее принадлежит совершенно вкусу нашего века, который вообще, как бы сам чувствуя свое страшное раздробление ... выбирает сильные кризисы, чувствуемые целую массою»⁴, т. е. социально-политические кризисы XIX столетия. В «Явлении Христа народу» заложена мысль об отказе от канонизированного образа жизни. И. Репин говорил о картине Ал. Иванова: «Она близка сердцу каждого русского. Тут изображен угнетенный народ, жаждущий свободы». От картин Иванова и Брюллова закономерно тянутся нити к картинам Сурикова и Репина, к высшим воплощениям народной темы в русской живописи.

Рядом с этим сложилось совсем иное, социально дерзкое искусство П. Федотова, с его «нравственно-критическими сценами». В искусство вошли расчетливые купцы, взяточники, полицейские, наглые чиновники, погибающие в нищете художники, девушки-швей, юные вдовы. Творчество Федотова родственно творчеству Н. Гоголя, Н. Некрасова, А. Островского, Ф. Достоевского. Художник, у которого была «совесть гениальная», заплатил душевной болезнью и ранней гибелью за желание средствами сатиры «народ научить».

Мастера изобразительного искусства 1820-х годов и последующих лет являлись современниками А. Пушкина, А. Грибоедова, М. Лермонтова, Н. Гоголя, В. Белинского. Изобразительная и литературная линии переплетались между собой. Этот вопрос предстоит еще внимательно исследовать.

* * *

От творческого подъема художников XVIII в., от поэтической правды Кипренского и Венецианова к идейной напряженности созданий Брюллова и Иванова, к сатире Федотова проходит генеральная линия утверждения русского искусства, успешно помогавшего развитию лучших сил нации и ее духовной культуры.

---

⁴ Гоголь Н. В. Последний день Помпеей (картина Брюллова). — Полн. собр. соч., т. VIII. М., 1952, с. 109.

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

ИЗВЕСТНО, что чешский писатель К. Чапек создал слово «робот», вошедшее затем во все языки мира. Но далеко не все знают, что чешский язык, на котором писали свои всемирно известные произведения К. Чапек, Я. Гашек, В. Незвал, всего за каких-нибудь сто лет до этого даже такому крупному чешскому языковеду, как Й. Добровский, казался порой чуть ли не мертвым, подобно латинскому и старославянскому. Если в XX в. чешский язык дал миру слово «робот», то при возрождении этого языка в конце XVIII—начале XIX в. даже такие слова, как «воздух» и «природа», были заимствованы из родственных славянских языков.

Но, может быть, еще более поразительно, что всего через два-три десятилетия после столь бедственного состояния чешской письменности она уже достигла такого уровня, что появилась большая поэма Я. Коллара «Дочь Славы» (1824), выдержанная в изысканной форме сонета, а затем и поэма К. Махи «Май» (1836), художественная форма которой, основанная на тончайших нюансах эмоционально-смысловых значений и ассоциативных оттенках слов и звуков, предвосхищает уже поэзию XX в. и выдерживает сравнение с ней, о чем писали крупнейшие чешские поэты В. Незвал, Ст. К. Нейман, Й. Гора.

И еще один пример. Наверное, нет другой европейской литературы, кроме болгарской, в которой еще в начале XIX в. самым известным из современных отечественных произведений было произведение, тяготеющее к жанру бытия (мы имеем в виду «Житие и страдания грешного Софрония», написанное Софронием Врачанским в 1804 г.). А в 70-е годы в болгарской литературе уже творил такой большой поэт, как Х. Ботев, заявлявший (в «Символе веры болгарской коммуны» и др.) о своей горячей приверженности к самым смелым тогда идеалам революционного коммунизма.

Думается, что приведенных примеров достаточно, чтобы видеть, какой огромный путь проделали эти литературы за столь короткий срок. Нечто подобное можно было бы показать и по отношению к сербской, хорватской, словенской, словацкой литературам. Говоря, например, о филигранном «Венке сонетов» (1834) Ф. Прешерна, можно полностью повторить сказанное о Колларе:

эти сонеты были написаны на языке, который еще слыл в общественных верхах «языком прислуги».

Все литературы западных и южных славян, кроме польской, прошли в своем развитии через стадию так называемого национального Возрождения. Этой эпохе, охватывающей конец XVIII и значительную часть XIX в., предшествовал в жизни названных народов длительный период тяжелого иноземного гнета, когда на карту было поставлено само их существование. Были резко ослаблены отечественные культурные традиции. Пришел в упадок язык. Сфера его употребления все больше сужалась, пока он не сделался языком деревни. Почти полностью уничтожен был и тот образованный слой общества, который позже стали называть интеллигенцией. Захирела некогда богатая письменность. Эти народы оказались в значительной степени лишенными тех благ, которые дало человечеству изобретение печатного станка. Все реже появлялись печатные издания. Часть старых сочинений из небольшого числа уцелевших переписывалась неизвестными энтузиастами от руки. Казалось, что очередная волна насильственной ассимиляции вот-вот полностью захлестнет и навсегда поглотит до предела ослабленные культуры. Уже сам стихийно сложившийся образный термин «национальное Возрождение» подчеркивает, что культура этих народов как бы возрождалась тогда заново, чуть ли не из небытия.

Стремительный процесс национального Возрождения в истории славянских народов, так же как и близкие процессы в жизни венгров, румын, албанцев, итальянцев (рисорджименто), может служить наглядным подтверждением тех поистине неистощимых жизненных и творческих сил, которые таятся в глубинах народного коллектива и особенно активизируются на переломных этапах истории. В данном случае таким этапом был этап ломки и разрушения старого феодального строя и рождения новой, буржуазной социально-экономической формации. Составным элементом этого процесса стало формирование и самоутверждение современных наций со своей собственной национальной культурой.

Как само «возрождение» славянских литератур, так и родовые их особенности на этом этапе определялись предреволюционным подъемом освободительного движения. О силе и интенсивности этого процесса говорит тот факт, что в течение всего нескольких десятилетий почти утраченная письменность не только возродилась, но и дала значительные художественные ценности. Назовем лишь имена Я. Коллара, Ф. Челаковского, К. Г. Махи, Й. К. Тыла, К. Гавличка-Боровского, К. Я. Эрбена, Б. Немцовой, Я. Краля, А. Сладковича, Я. Халупки, Я. Ботто — в Чехии и Сло-

вакии, П. Негоша, Б. Радичевича, Й. Йовановича-Змая, Ф. Прешерна, С. Врза, И. Мажураича — в литературах народов нынешней Югославии, П. Славейкова, Л. Каравелова, В. Друмева, Х. Ботева — в Болгарии.

С относительно небольшой долей преувеличения можно сказать, что за короткий срок в стяженном и сокращенном виде эти литературы как бы повторяли весь путь развития мировой литературы от первичных художественных форм и фольклора к стадии развитой профессиональной литературы.

Поражает объем и сложность задач, которые решались на протяжении всего нескольких десятилетий. Одновременно шел процесс формирования литературного языка, выработки литературной техники, в том числе просодии, выделения художественной литературы из нерасчлененной синкретической письменности, становления светского художественного сознания, формирования поэзии, прозы, драматургии и различных жанров в каждом из родов литературы, осмысления и усвоения опыта более развитых европейских литератур, освоение богатств национального и общеславянского фольклора. С очень небольшой разницей во времени, а во многом и одновременно в этих литературах проявились рационалистически-просветительские, романтические и раннереалистические тенденции, нередко взаимопроникавшие в творчестве одного писателя и в одном произведении. (Поэтому зачастую так трудно определять те или иные явления этих литератур в категориях и терминах привычных литературных направлений и стилей.) По сути дела совершалось формирование новой сферы национальной духовной жизни — сферы художественного освоения мира и воздействия на него.

Литературы эпохи национального Возрождения можно назвать литературами не только стремительного развития, но и интенсивного синтеза. Однако этот синтез не был простым усвоением идей и литературных форм, существующих в других литературах, хотя опыт их и имел очень большое значение. Основу и главное слабое звено синтеза составляло новое сознание, складывавшееся и получавшее развитие в условиях предреволюционных общественно-исторических процессов. Почвой и источником была прежде всего сама пришедшая в движение жизнь, когда после отмены крепостного права или иных реформ все преобразовывалось и бурлило, появлялись новые социальные силы, пришли в соприкосновение ранее замкнутые общественные круги, рождались новые общественные явления, тенденции, интересы, связи, менялись судьбы людей и классов. Соответственно возникали и тенденции нового отношения к жизни в искусстве и их взаимодействие. В конечном счете новые общественные процессы определяли и

проблематику, и характер возникающих литератур, и избирательную направленность самого синтеза.

Так, например, литература формировалась как светская не только в силу усвоения идей общеевропейского Просвещения, но в первую очередь в силу логики освобождения от религиозно-средневекового склада мышления, а это явление уже уходит своими корнями в общественно-исторические, а еще глубже — в социально-экономические изменения (при всем огромном значении опыта других народов).

В процессе синтеза многие явления меняли свою функцию. Довольно странно выглядят, например, в очень слабо развитых литературах, буквально осваивавших азы литературного искусства, элементы поэзии рококо, которая обязана своим происхождением аристократическим салонам и отвечала жизненному стилю галантных и игривых развлечений. Авторы прежних историй литературы немало иронизировали по адресу чешских и словацких поэтов, тихих кабинетных тружеников, сочинявших игривые стихи о женщинах, о любви, о вине в духе рококо и анакреонтики. Этим поэтам едва ли даже приходилось бывать в дворянских салонах, где культивировалась такая поэзия. Во всяком случае они не чувствовали себя там как дома. Однако все это начинает выглядеть иначе, если обращение к подобным жанрам поставить в связь со становлением светской лирики. Новая функция, казалось бы, чуждых поэтических элементов с большой наглядностью предстает в одном из стихотворений В. Тамма, возникшем как переделка более раннего стихотворения с религиозными мотивами. Устраняя эти мотивы, Тамм бесперемонно заменил Иисуса Христа Амуром, а Марию Магдалину Хлоей. Случай этот относится к 1775 г. Пройдет немного времени, и песни о пастухах и пастушках уступят место освоению подлинных пастушеских песен и образам настоящих пастухов (назовем, к примеру, поэму «Детван» словацкого поэта А. Сладковича). Жанры анакреонтики и рококо оказывались одним из мостиков на пути от средневековой литературы к светской национальной поэзии.

Ускоренный темп исторического развития породил взаимодействие идей, представлений и художественных форм, в других условиях отделенных обычно большими промежутками времени и возникавших самостоятельно в разной социальной среде. Так, многие явления литературы национального Возрождения родственны были не только общеевропейской литературе Просвещения (это родство отчетливо видно в деятельности И. Добровского, Д. Обрадовича, Софрония Врачанского и др.), но и, скажем, литературе Ренессанса. Любовная лирика Я. Коллара и Ф. Прешерна, например, по своему типу, по духу, пожалуй, не в мень-

шей степени, если не в большей, близка Петрарке, чем современному романтизму. И в то же время это — оригинальное и новое явление, рожденное своей эпохой, причастное уже к Просвещению и к романтизму. Упомянем лишь об органическом слиянии любовной и национально-патриотической темы вплоть до того, что и сам образ любимой женщины развивается (причем на протяжении целого большого произведения) одновременно и как образ родины.

Нередко в синтезе участвуют явления, аналогичные в чем-то и еще более ранним стадиям развития, чем Ренессанс. Зададимся, например, вопросом, какой тип поэта представляет Петр Негош. Несомненно, мы найдем у него черты, связывающие его деятельность и творчество с литературой Просвещения, найдем что-то, роднящее его с романтизмом. Но одновременно автор «Горного венца» — это почти народный сказитель, еще как бы не отделившийся от той, живой тогда в Черногории, среды с эпическим сознанием, в которой реально существует, слагается, живет юнацкий эпос, в которой, говоря словами самого Негоша, герои, павшие на поле битвы, «поднимаются в светлое царство песен».

Представляется не лишенным оснований, но все же не охватывающим всех компонентов встречающегося определение литературы эпохи национального Возрождения как симбиоза просветительства и романтизма. При всей кажущейся простоте картина литературного развития здесь сложнее и спектр слагаемых литератур шире и разнообразнее. Однако существуют и доминирующие тенденции, определившие само направление развития и синтеза.

Основной чертой всех литератур и художественного сознания эпохи национального Возрождения было утверждение единства национального коллектива — в национально-этнографическом и историческом смысле. В качестве протестующего и утверждающего себя субъекта здесь выступала (в отличие от романтизма в Западной Европе) не столько личность, сколько национальный коллектив.

Демократизм и гуманистическая направленность литературы, целью которой являлось осознание специфики нации, выражались двояко. В литературе поработенных народов был ощутимо выражен идеал равноправия народов — не только как желанная цель для своего народа, но и как норма человеческих отношений вообще. Ян Коллар воплотил этот идеал в афористических строках:

Тот, кто свободы достоин, оценит свободу другого,
Цепи кующий рабам сам есть невольник и раб¹.

¹ Kollár J. Básně. Praha, 1952, s. 16.

Напомним и слова Христо Ботева, относящиеся уже не к начальному, а к завершающему этапу национального Возрождения, сказанные в обстановке нарастающей вооруженной борьбы: «Только разумный и братский союз между народами в состоянии уничтожить страдание, нищету и паразитов рода человеческого, и только такой союз в состоянии водворить истинную свободу, братство, равенство и счастье на земном шаре»².

Второй гуманистический аспект связан с тем, что ведущую силу нации деятели литературы эпохи национального Возрождения видели в простом народе, в крестьянстве, которое сохранило родной язык, самобытные обычаи, пронеся их через века чужеземного гнета. В связи с денационализацией высших сословий национальный гнет в названных странах во многом переплетался с социальным. Дворянство здесь отсутствовало или почти отсутствовало. Не было и этапа дворянской революционности. Не было или почти не было и литературы, которая бы развивалась в дворянской среде. В некотором смысле эта литература создавалась разночинцами (с поправкой, конечно, на своеобразие разночинцев начала XIX в.). Носителями национального движения, как правило, выступали демократические слои населения.

Сильно выраженное народно-коллективистское начало — вторая отличительная черта литератур эпохи национального Возрождения, наложившая, в частности, существенный отпечаток на тенденции романтизма в этих литературах, в которых личность выступает в слиянии с коллективом. Можно даже сказать, что в качестве своеобразной личности в этой литературе предстает, собственно говоря, национальный коллектив. Не случайно polemическое отношение словацких романтиков к романтизму байронического типа. Л. Штур писал, что «страсти индивидуума не суть предмет нашей поэзии... У нас любовь, честь, страсть и т. д. отдельного человека никогда не могут быть главными, а только побочными. У нас индивидуум как индивидуум не может жить только для себя, а служит истинной всеобщности»³.

Одним из главных компонентов упомянутого синтеза был фольклор, который становился важнейшим источником национальной индивидуализации литературы, а одновременно как нельзя лучше соответствовал и ее народно-коллективистской ориентации. В качестве аутентичного творчества простого народа, основного носителя национальной специфичности, фольклор в эстетике того времени зачастую ставился выше индивидуального творчества. Задача литературы на определенном этапе усматривалась

² Ботева Х. Избр. соч. София, 1948, с. 76.

³ Štur L. Prednášky o poesii slovanskej. Bratislava, 1875, s. 191.

в том, чтобы подняться до уровня фольклора. Отсюда дух соревнования с фольклором. Поэты — составители песенных сборников нередко состязались в создании стихотворений, неотличимых от народных песен, и мистифицировали друг друга в частных письмах (например, Челаковский и Камарит), выдавая за народные песни свои сочинения. Более того, к огорчению позднейших исследователей, они нередко включали свои стилизации в качестве народных песен и в собрания фольклорных произведений. По сути дела того же происхождения и так называемые Краледворская и Зеленогорская рукописи В. Ганки и В. Линды, выданные за старочешские памятники. Поэты мечтали, чтобы их собственные творения разделили судьбу фольклорных произведений. Нередко автор указывал мотив, на который должно исполняться его сочинение, независимо от того, напечатано ли оно под его собственным именем или анонимно.

В литературе западных и южных славян немало поэтов, близких Т. Шевченко и М. Кольцову, если проводить параллели с восточнославянскими литературами. Творчество таких поэтов естественно и органично выросло из стихии народного художественного сознания, с которой они были тесно связаны уже своим происхождением и условиями жизни. Напомним, что мать Христо Ботева лично умела исполнять более 400 народных песен. И, говоря о своеобразии его поэзии, нельзя не учитывать этого. Его знаменитые слова: «Гремят Балканы гайдуцкой песней» — не только прекрасный образ разгорающейся борьбы болгарского народа, они указывают и на генезис индивидуальных свойств его поэзии.

Вместе с тем ориентация на народное творчество зачастую имела программный характер, сознательно культивировалась и развивалась, сопровождаясь целеустремленным собиранием и изучением фольклора, постижением специфики его жанров, своеобразия фольклора разных народов и т. д. Наряду с огромной деятельностью по собиранию фольклора (В. Караджич, Ф. Челаковский, Я. Коллар, бр. Миладиновы) возник особый тип произведения «ohlas», т. е. «отзвук», «отголосок» народных песен, когда выдерживался жанр и стиль народных песен (сб. «Отзвук русских песен» и «Отзвук чешских песен» Челаковского).

С фольклором в литературу вошел целый мир народной культуры, неведомый ей ранее и лишь стихийно проникавший в нее. Литература прошла через полосу фольклоризации, во многом способствовавшей обогащению художественного мышления, освоению новых возможностей художественного образа. Фольклор содействовал, в частности, преодолению некоторой односторонности рационалистически-просветительской и классицистической поэтики

(к тому же слабо развитой здесь) с ее акцентом на рассудочности, на логизированной конструкции образного построения, с ее риторикой и высоким стилем. Обобщенность и предметная конкретно-чувственная форма, свойственные фольклорному образу, служили в данном случае своего рода коррективом. Из фольклора черпала литература и национальный колорит, самобытную национальную образность. У народного гения, как тогда говорили, писатели учились создавать национальные типы. Для литературы этого времени характерны образы гайдуков и юнаков у южных славян, Яношика у словаков. Вспомним также образы русских богатырей или «удалого молодца» и «красной девицы» у Челаковского и т. д. Деятельность писателей, ориентировавшихся на фольклор, выступала как продолжение коллективного творчества народных масс, как продолжение отбора, селекции материала, типизации.

Однако со временем стала ощущаться и ограниченность возможностей фольклорного образа. Уже в силу особенностей устного бытования произведений народного творчества и необходимости их запоминания фольклорный образ обладает своей спецификой. Его сильные стороны — обобщенность, конкретность, предметность. Но часто он тяготеет к устойчивым, стабильным формам и не столь индивидуализирован (ибо уже запоминание само по себе затруднительно при индивидуальной новизне каждого образа). В фольклорном образе чаще фиксируются, так сказать, видовые, нежели индивидуальные признаки. Его субъективность также не выходит обычно за известные пределы. Отчасти это компенсируется тем, что словесный фольклорный образ в реальном бытовании не отделен от иных видов искусства и дополнительно индивидуализируется и субъективируется уже в процессе исполнения, например за счет песенной мелодии или за счет конкретной «актерской» манеры исполнителя — сказителя, певца и т. д. Но тем не менее в фольклоре вы не встретите сравнения паруса с водяной лилией или с крылом аиста, как в поэме К. Г. Маха «Май», или сравнения пропасти в горах с бездонным бюджетом австрийской армии, как в сатирической поэме К. Гавличка-Боровского. Такие сравнения уже являются продуктом индивидуального творчества, индивидуального видения. Конечно, последнее отражается не только в частных художественных деталях, а и во всей системе произведения, в творчестве писателя в целом. Усиление личностного начала в литературе означало возрастание роли индивидуальной инициативы и активности писателя в познавательно-оценочном освоении жизни.

Вообще, если окинуть взором развитие мировой литературы, то легко заметить, что не только в фольклоре, но и в древней

письменности гораздо больше общих мест и клише, чем в позднейшем искусстве. Основная причина кроется в особенностях художественного сознания разных эпох. Повышение роли индивидуального творческого начала, особенно заметное с эпохи Ренессанса, имело главным своим источником гуманистические тенденции, самоутверждение человека, человеческой личности. Но значительную роль сыграло и такое, казалось бы, привходящее и чисто техническое обстоятельство, как изобретение печатного станка. Еще до этого развитие и распространение письменности несколько изменило характер бытования произведений по сравнению с дописьменной, фольклорной стадией. Тексты стали фиксироваться. Однако подвижность текста сохранилась, и, как это ни парадоксально, именно эта подвижность порой приводила к нивелировке неповторимо индивидуальных черт. Вмешательство переписчиков, нередко видоизменявших текст в соответствии с «этикетом» и представлениями той или иной эпохи или среды, до известных пределов может быть приравнено к практике «новителей» фольклора. Изобретение печатного станка создало условия для распространения произведений во множестве экземпляров с полным сохранением их индивидуального своеобразия. Тем самым надежно обеспечивались и формы бытования художественных произведений, адекватные усилению личностного начала в литературе.

На каждой из названных стадий осваивались, таким образом, разные стороны художественного мышления, разные возможности художественного образа. Когда в начале нашей статьи говорилось о том, что поработанные народы восточной Европы были почти лишены тех благ, которые принесло человечеству изобретение печатного станка, то имелось в виду не только отсутствие возможности печатать произведения, но также и известная задержка самого развития художественного мышления. Когда наступила эпоха национального Возрождения, то литературы как бы повторили описанный процесс. Освоив достоинства фольклорного образа, его сильные стороны, так сказать, научившись мыслить в обобщенных, конкретно-чувственных формах, литература постепенно отходит от непосредственного соревнования с фольклором. Обращение к нему становится менее регулярным, более свободным и разнообразным и сильнее подчиняется особенностям творческой индивидуальности. В этом смысле показательным было бы сопоставление творчества, скажем, Челаковского и Эрбена в чешской литературе или Петко Славейкова и Ботева в болгарской.

Как мы уже сказали, для литературы национального Возрождения характерно осознание единства национального коллектива не только в этнографическом, но и в историческом смысле. Иначе

говоря, характерно осознание единства национального коллектива во времени, осознание преемственности жизни народа и его борьбы за свободу. Именно в эту эпоху во весь голос зазвучала историческая тема и начал формироваться историзм художественного мышления — в начале со значительной долей романтической идеализации прошлого. Позднее кристаллизуется реалистическое осмысление истории. Ощущение жизни народа во времени простиралось и на будущее. Для рассматриваемой исторической эпохи с ее бурными сдвигами и переменами вообще характерно освоение идеи развития, которой почти не допускало прежнее религиозное сознание. Прежде развитие в лучшем случае рисовалось как движение по замкнутому кругу. Теперь идея развития — развития мира, человечества, народов — все более овладевает умами. В сознании поработенных народов идея развития, прогресса укрепляла веру в будущее нации и в будущее угнетенных слоев населения. Художественное сознание периода национального Возрождения по преимуществу оптимистично. Основой этого оптимизма были накапливавшийся в обществе революционный потенциал, нарастание освободительного движения. На завершающем этапе национального Возрождения, а в ряде случаев и раньше, идея развития конкретизируется как идея революционной борьбы (Л. Каравелов и Х. Ботев — в Болгарии, К. Гавличек-Боровский, Й. К. Тыл, К. Сабина — в Чехии, Л. Штур, Я. Краль — в Словакии, С. Маркович — в Сербии и т. д.).

Идея развития в литературе национального Возрождения еще не была омрачена противоречиями послереволюционного этапа, как они проявились в Западной Европе, где индивидуум, вырвавшись из плена сословно-кастовых отношений и познав вкус свободы, вместе с тем ощутил уже власть иных, еще неведомых сил, сковывающих свободное и естественное бытие личности, за которое ратовали просветители, и вновь разделивших общество на сильных и слабых, имущих и неимущих. Конечно, противоречия, проявившиеся в Западной Европе, не ушли от внимания передовых умов и в тех странах, которые еще только приближались к революции. Проблема личности и общества, постепенно заявлявшая о себе в этих странах, сильно зазвучала, например, в творчестве К. Г. Махи, И. Мажуранича, Я. Краля, отчасти сближая их с западноевропейским романтизмом байронического типа. Трагическими переживаниями отзывались в литературе поражение польского восстания 1830 г., поражение революции 1848 г. Но в условиях подъема освободительного движения, при нерешенности основных задач антифеодальной революции, при слабо еще обозначившемся буржуазном развитии вопрос о противоречиях буржуазного общества отодвигался на второй план. Нередки и,

пожалуй, типичны были иллюзии о возможности избежать этих противоречий (Х. Ботев, К. Сабина, Я. Краль). (Это свойственно было и идеологам русского освободительного движения, например Герцену, а отчасти и Чернышевскому.) При всем том в определенные моменты осмысление перспектив развития стало сближаться с идеями антибуржуазного движения и с новыми социалистическими идеями (Х. Ботев, С. Маркович).

На завершающем этапе национального Возрождения в литературе заметно дают о себе знать тенденции реализма с характерным для него социально-аналитическим восприятием действительности. Реалистические тенденции не были простым результатом воздействия иных литератур. Более того, даже позже в литературе Чехии, Словакии, Сербии, Хорватии воздействие этих литератур не в состоянии было полностью превозмочь сильных национально-идеализирующих тенденций, покоившихся на иллюзии о единстве нации и сдерживавших развитие реализма. В противовес этому уже первые тенденции реализма во многом были стимулированы именно возрастанием социальных противоречий в самом национальном коллективе.

Реалистические тенденции не были и простым отрицанием предшествующего этапа развития. Это опять-таки было явление избирательного синтеза, переосмысления и ассимиляции многого из достигнутого ранее на основе новых творческих принципов. Литературный опыт национального Возрождения незримо присутствует и в последующем развитии западно- и южнославянских литератур. Лучшие произведения, созданные в это время, стали достоянием всех последующих поколений читателей. Достижения литератур национального Возрождения в форме определенных ассимилированных элементов вошли в последующее художественное творчество.

М. Янион

(ПОЛЬША)

ПОЛЬСКИЙ РОМАНТИЗМ И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

У ИСТОКОВ польского романтизма находится одна из наиболее жизненных его проблем, сформулированная в заголовке известной брошюры, изданной в начале XIX в.: «Могут ли поляки добиться независимости?» На этот драматический вопрос романтизм давал однозначно-утвердительный ответ на всех фронтах «подне-

бесных боев, которые ведутся во имя нашей национальности» (Ю. Словацкий). Непокколебимая вера романтиков в то, что утраченную независимость Польши не только следует, но можно и должно восстановить, составляла самую суть романтического мировоззрения.

Третий раздел явился мощным ударом не только по политической, но в значительной мере и по социальной структуре прежней Польши. Начавшиеся в XVIII в. процессы модернизации этой структуры вследствие потери государственности вступили в новую фазу развития. В некоторых моментах они пошли быстрее, однако ход их в высшей степени усложнился, так как земли Польши были поделены между тремя различными государствами с разной степенью общественного развития. Между тем Польша на какое-то время была вовлечена в орбиту влияния революционной Франции и связала свою судьбу с историей почти всех освободительных движений XIX в. Польское национальное самосознание с этого момента будет являть собой пример взаимодействия, с одной стороны, традиций существования Польши как независимого государства, а с другой — стремления к всесторонним преобразованиям общественно-политической жизни и к исправлению ошибок, которые было принято считать причиной утраты независимости.

Потеря Польшей независимости резким рубезом отделила ее многовековую историю от действительности, которая принесла с собой политическое порабощение, угрожавшее, по убеждению многих современников, самому существованию нации. Новое национальное самосознание поляков приводило их к мысли, что существование нации прямо зависит от того, будут ли они иметь собственное государство. Кароль Либельт доказывал: «Без политического бытия не может быть государства, но родину можно иметь и без политического бытия, и в этом заключается огромное различие между родиной и государством». И в другом месте: «Политическая смерть еще не равнозначна смерти исторической. Первая — это паралич, который не всегда бывает смертельным, но подобен сну народа, вызванному опиумом, — можно уже больше не проснуться, но можно и проснуться».

Несмотря на то, что страна потеряла политическую независимость, национальное самосознание характеризовалось гораздо большим внутренним единством, чем во времена феодальной Речи Посполитой. В то же время процессы общественно-экономические и потребности борьбы за независимость привели к тому, что выкристаллизовалась — хотя и не без противоречий и регресса — новая модель национальности, противопоставлявшаяся прежней, шляхетской модели. Простой народ составлял важную ее часть,

а по мнению радикалов — основную или даже единственную. Связующим звеном, объединяющим нацию, лишенную независимости и политического единства, теперь стали считать общности исторической традиции и политических взглядов, устремленных в будущее (которой приписывалось даже большее значение, нежели общности этнической), а также единство языка и культуры.

Литература в эту эпоху — как и в предыдущую — составляла в Польше наиболее важную часть национальной культуры. Ее значение с годами возрастало. По мере усиления иноземного гнета, по мере постепенной ликвидации или ограничения деятельности культурных учреждений и общественной инициативы литература становилась для поляков главной трибуной духовной жизни. Она свидетельствовала о жизнестойкости народа и его вольнолюбивых стремлениях. Сферой ее действия стали, в частности, новые стереотипы коллективного национального самосознания. Особенно значительную роль в новой кодификации национальной символики сыграл романтизм, создавший из нее нечто вроде нерушимого духовного фонда для грядущих поколений.

Польский романтизм принял вызов, брошенный эпохой, когда была утеряна государственная самостоятельность страны, и сумел не только прямо ответить на него, но и по-своему преобразовать действительность, не подчиняясь ее «эмпирическим» канонам. Нации, утратившей государственность, романтизм предлагал независимый духовный мир. Мало того, романтизм выявил также контуры будущего — человека, Польши, человечества — и указал пути, ведущие в это будущее. Романтизм во всех своих интеллектуальных и эмоциональных стремлениях был выходом за пределы повседневной действительности и гарантировал существование поляков как индивидуумов и Польши как духовного единства и общности.

Потеря Польшей независимости наложила неизгладимый отпечаток на несколько поколений романтиков. Она стала для них неизлечимой раной, о которой нельзя забывать ни на минуту и которая кровоточит, беспрестанно напоминая о горькой правде. Реакция на потерю независимости была весьма разнообразна, как и попытки ее историко-философской интерпретации. Литературные произведения, созданные в 1795—1796 гг., под свежим впечатлением разгрома, характеризовались подчас исполненным отчаяния пессимизмом, продиктованным убеждением в неуклонно приближающейся гибели народа. Ведь утрата государственности в сознании многих поляков отождествлялась с уничтожением народа. «Когда какой-либо народ теряет самостоятельность, — писал Тадеуш Чацкий в 1800 г. в труде «О литовских и польских законах», — то сменится несколько поколений — и презрение

к несчастью, равнодушие к несуществующей стране обрекут его на забвение». Уже не раз высказывалось предположение, что слова польского национального гимна:

Перейдем Вислу, перейдем Варту,
Будем поляками

— выражают убеждение, что мы «будем поляками» лишь тогда, когда вновь обретем государственную независимость. Цитировались также слова, якобы произнесенные раненым Тадеушем Костюшко на поле битвы под Мацевицами: «*Finis Poloniae!*...», пророчествовавшие, как считали, окончательную гибель Польши.

В этой обстановке новые историко-социологические воззрения позволяли уловить разительную перемену в общественной ситуации и найти способы противодействия. Кардинальный интеллектуальный переворот, который был произведен в европейской культуре историзмом, давал возможность применить к истории Польши такие исторические категории, как детерминизм, свобода и необходимость, личность и коллектив, эволюция и революция. Пользуясь этими понятиями, европейский романтизм выступил против наднационального универсализма эпохи Просвещения (который, по мнению романтиков, был проникнут космополитизмом) и создал иную формулу универсализма (который в этом аспекте часто именуют интернационализмом).

Сложившаяся в эпоху Великой французской революции — когда нация, как отмечают французские исследователи, проявила себя как «коллективное бытие», высшее, нежели монарх, — «врожденная идея народа» (так ее определяли романтики) получила свое наиболее полное выражение в индивидуализме и историзме, которые составляли основу романтического миропонимания. Исходя из понимания нации как «врожденной идеи», романтики отвергали все теории, превращавшие нацию в чистый продукт идеологии, произвольную политическую конструкцию. Нация представлялась им воплощением величайших — по романтическим масштабам — ценностей: того, что конкретно, и того, что индивидуально. «Индивидуальность нации» — определение, созданное романтизмом, — раскрывает выдвинутое им понимание нации как «коллективных индивидуальностей», имеющих каждая свою, особую преемственность самосознания. В свою очередь излюбленный романтиками термин «дух нации» указывает на неповторимость ее облика, в котором можно распознать историческое прошлое нации (понимаемое как процесс самоосуществления и самоосознания), ее настоящее, отраженное прежде всего в природе, в пейзаже (отсюда регионализм), в людях (отсюда понятие «нацио-

нальный характер»), а особенно в литературе (ее специфические, национальные черты как раз в этот период становятся предметом пристального интереса). Нация в понимании романтиков отличается устойчивостью, являющейся феноменом, который не может быть уничтожен никаким физическим насилием. Именно поэтому польский романтизм сумел преодолеть теории, согласно которым падение государственности отождествлялось с гибелью нации, и выдвинул идею, которую, безусловно, можно отнести к излюбленным идеям романтизма, — идею бессмертия нации.

Весьма ярким примером, на котором можно продемонстрировать, как формировались романтические представления о нации, является отношение романтиков к организованной во второй половине XVIII в. Барской конфедерации, рассматривавшейся ими как первое польское национально-освободительное восстание. Разумеется, представления романтиков о Барской конфедерации были далеки от действительности, но в данном случае важно не то, какова была конфедерация в действительности, а то, как «мифогенно» она действовала на романтиков, выступавших в качестве соавторов мифа. Исключительное значение этого исторического события для романтиков станет ясно, если принять во внимание, что Барская конфедерация была создана в момент наполнения новым содержанием понятий «свобода» (*wolność*) и «независимость» (*niepodległość*). Эти понятия в Польше начали четко дифференцироваться как раз во второй половине XVIII в. Свобода в ту эпоху означала «золотую шляхетскую вольность», которая не раз обращалась против короля и реформаторов. Независимость же понималась как независимость от другого государства, как ликвидация «чуждого гнета», «независимое существование без каких бы то ни было оскорбительных гарантий», как писал выдающийся историк Барской конфедерации Б. Конопчинский, который сказал о ней, что она начиналась «под знаком веры и золотой вольности, а кончилась в окопах борьбы за независимость». Конфедерация выступила в защиту католической религии и старых порядков, против короля, против царского правительства, впоследствии же — под давлением событий — начала борьбу во имя национальной независимости.

Романтическая интерпретация национальной истории извлекала из исторических событий прежде всего то, что говорило о героическом величии предков, красочности рыцарских подвигов, вместе с тем подчеркивалось, что, даже не обладая большой силой, люди, мощные духом, способны преодолевать огромные препятствия. Величие духа, чувство собственной правоты, пафос борьбы за свободу — все это вдохновляло воображение романтиков, поклонников Барской конфедерации, придавало характерный

колорит воодушевлявшей их идее — идее независимости. Вера — сила, творящая чудеса, — стала в глазах романтиков основным достоинством рыцарей-конфедератов. Мицкевич в парижских лекциях рассматривал ее как противоядие «системе рационализма», приверженцы которой утратили «веру своих отцов». Беззаветная религиозная страстность, воплощением которой являлся в первую очередь ксендз Марек, один из вождей и пророков Барской конфедерации, была вознесена на пьедестал в качестве высшей этической ценности, способной — сама по себе — изменить действительность. В то же время «простая вера» участников Барской конфедерации возбуждала симпатию и восхищение романтиков, с одной стороны, как выражение подлинного чувства, пронизанного верой в чудеса, в проявляющееся на каждом шагу «чудесное» (верой, которая была существенным элементом романтического мировоззрения), с другой стороны, как составная часть красочной региональной, шляхетской и окраинной («кресовой») живописности. Это качество — слияние веры в «чудесное» и шляхетской красочности, — которое доминировало, по мнению романтиков, именно в период Барской конфедерации, было чрезвычайно характерно для романтического мессианизма.

В романтических теориях мессианизма смерть связана с возрождением. Польский мессианиззм, который принято считать классическим для XIX в., детально разработал положение о том, что история человечества является многократным повторением священной истории. История Польши после разделов рассматривалась как повторение мук и воскресения Христа. Провозглашалось фигуральное тождество Польши и Христа в искуплении грехов мира. Народ, который принял на себя гнев и преследования тиранов, якобы должен быть признан невинной жертвой, муки и воскресение которой положат начало эре свободы в истории человечества. То, что произошло с Польшей в сфере истории, с точки зрения мессианизма, могло быть понято, только если обратиться к сфере надысторической. Польский мессианизм был, несомненно, попыткой перешагнуть и преодолеть историю, попыткой сформировать новую идею нации.

Мицкевич придавал огромное значение этому новому повороту в области мысли. Для него Барская конфедерация означала водораздел между бессильным «разумом» эпохи Просвещения и беззаветной, сдвигающей горы «верой» новой эпохи — эпохи деяния. Барскую конфедерацию Мицкевич рассматривал как противодействие тому, что он считал величайшей опасностью, угрожающей успеху борьбы за свободу, как противодействие дипломатам различных государств, их убеждению, что Польшу можно «выдипломатничать». Барская конфедерация являлась, по его мнению, на-

чалом беспощадной, бескомпромиссной борьбы за независимость, борьбы, опрокидывавшей всю европейскую политику, борьбы универсальной, борьбы за победу свободы, во имя которой было смело «поднято польское знамя против всей Европы».

Такая борьба, открытая Барской конфедерацией, знаменовала для Мицкевича разделение польской истории на «старую» и «новую». Поэтому в парижских лекциях он говорил, что Барская конфедерация пыталась сокрушить «политический строй старой Польши и возвещала новую Польшу», «разграничивала навсегда старую историю Польши и новую». Фанатизм конфедератов Мицкевич рассматривал как единственный способ сломить королей и их «систему европейского равновесия». О Барской конфедерации он отзывался так, как в 1848 г. он будет писать в «Трибуне народов» о европейской революции, — восхваляя фанатизм романтического действия, который никогда не смогли понять «мудрецы» и «дипломаты». Подобный подход к Барской конфедерации — сквозь призму европейской революции — бесспорно свидетельствует об арбитральности, столь характерной для отношения романтиков к истории. Однако он в то же время указывает на своеобразные права романтизма, который впервые, идя по пути Великой французской революции, поставил целью придать новый смысл прошлому, настоящему, будущему.

Идея свободы, претерпевшая в Польше столь знаменательные изменения и долгое время связанная со специфическим ее пониманием в период «шляхетской вольности», у романтиков кристаллизовалась в новой, современной форме. Достоинно внимания, что в соответствии с романтическим приматом творчества она была включена именно в его сферу. Романтическая идея-свободы, являясь краеугольным камнем философской антропологии романтиков, предполагала рассмотрение человека как существа неисчерпаемо творческого, реализующего свою ценность в историческом действии, входящем в систему космических и трансцендентных связей.

«Креационизм» романтиков, называвшийся часто «прометеизмом», был устремлен на создание и воплощение в жизнь идеала человека, борющегося с реальными, историческими силами во имя свободы личности и свободы народов. Политическая свобода играла исключительную роль, особенно в Польше, где в период утраты независимости вновь у романтиков обрела цену прежняя шляхетская демократия с ее духом республиканских свобод. Романтизм на основе новой концепции «политического человека» объявил беспощадную войну всякому деспотизму, провозглашая демократические идеи, защищая интересы всех угнетенных, стремясь соединить национально-освободительную борьбу с социаль-

ной. Различные политические заговоры, в которых принимали участие романтики, различные социальные проекты, выдвигавшиеся ими в борьбе за освобождение как целых народов, так и угнетенных классов, свидетельствуют не о бесплодных фантазиях утопистов, а о конкретной политической борьбе за права человека и гражданина, о твердом убеждении, что полная свобода человека не может быть достигнута без национальной независимости, которая рассматривалась как необходимое условие развития человечества.

Романтики не разделяли точки зрения своих современников-реформистов, которые проповедовали различные политические компромиссы. Романтики хотели изменить эти условия и изменить силой, если нельзя иначе. Поэтому М. Мохнацкий писал о «грозах и громах», которые характерны и для польского, лишь внешне идиллического, пейзажа. А участники восстания 1830 г. говорили, используя метафору из «Конрада Валленрода» Адама Мицкевича: «Мы отбросили книги, и меч архангела блеснул в наших руках». Романтическое деяние, подчас отмеченное трагическим надрывом, как правило, противостояло оппортунизму «благоразумных людей» (определение Мицкевича), требовало от «безумцев» быть революционным импульсом для грядущих времен. У романтиков благодаря их враждебности «золотой середине» и дипломатическим мудрствованиям появилось множество ярких противников. Но и в этом ярко проявились черты романтического радикализма, революционности, «прометеизма».

Идеи романтизма были порождены действительностью, прежде всего Великой французской революцией, наполеоновскими войнами, потерей Польшей государственности. Эти идеи в свою очередь влияли на действительность XIX в. и определяли ее духовный облик. Особенно большое влияние в этом плане имела романтическая идея полного примата духа над действительностью, ибо именно она препятствовала примирению с действительностью, подчинению плоской «эмпиричности». Мохнацкий так говорил о «родословной» польского романтизма: «Политические потрясения повлияли на характер польского народа. Мы были свидетелями необыкновенных событий. Однако люди, которые при помощи землемерных приборов, логики и силлогизмов Аристотеля пытаются объяснить феномены чувства и воображения, внушают молодежи отвращение к романтической поэзии, не зная, что только ее глубокая мысль и смелое вдохновение воздают должную честь праху прошлого».

Так романтизм становился стилем новой, творческой жизни.

Мессианистские концепции значительно усилились в Польше после поражения Ноябрьского восстания. Следует признать, что

некоторые приверженцы этих концепций погружались в фаталистическую пассивность, они надеялись на милосердие божье и свершение предназначенного. Следует также признать, что идея особой жертвенности и исключительной миссии польского народа иногда приобретала черты опасного партикуляризма, а подчас и явного национализма. Однако надо всегда принимать во внимание те различия, которые существуют между национализмом угнетенных и национализмом угнетателей. Польский мессианизм отличался революционной активностью и универсализмом, провозглашал необходимость освобождения всех народов Европы и возрождения всего человечества. В основу этого универсализма легла мысль о необходимости «сделать этичными политические отношения» (А. Валицкий) — главная идея польского романтического мессианизма. Убежденность в том, что политическое существование народов может и должно опираться на принцип справедливости и права, резко противостояла националистическим программам и лозунгам, которые (не говоря уж о том, как это выглядело на практике) открыто провозглашали приоритет силы над законом.

Мессианизм двух великих польских романтиков — Мицкевича и Словацкого часто называют революционным. Действительно, у них мессианизм и национализм не находились в противоречии. У Мицкевича они объединялись в единой революционной перспективе, которую сам поэт, говоря о социальном чувстве, определил как «порыв духа к лучшему бытию». «Современный социализм, — доказывал Мицкевич на страницах «Трибуны народов», — есть не что иное, как выражение чувства, столь же древнего, как чувство жизни, — это ощущение всего несовершенного, уродливого, ненормального в нашей жизни, то есть всего, что делает ее несчастной... Мы признаем, что чувство это проявилось с совершенно новой силой; это новое ощущение, которое духовному человеку удалось создать в себе, это новая страсть... Социализм — явление совершенно новое, он движим новыми стремлениями и новыми страстями»¹. Итак, по Мицкевичу, социализм священ — что очень важно для романтизма, — с одной стороны, святостью давности, «старины», с другой — святостью новизны. Он стремится к воплощению абсолюта — «человека-синтеза». Именно благодаря своей интегральной антропологической концепции устремленного к будущему «человека-синтеза» Мицкевич может считаться наиболее ярким представителем так называемого романтического социализма или социального романтизма. Ибо это был социализм, охватывающий все человечество.

---

¹ Мицкевич А. Соч. в 5-ти т., т. 5. М., 1954, с. 142—143.

Мессианиззм и социализм, как их понимал Мицкевич, имели одну цель — завоевание права на полноценную жизнь для всех, кто был лишен этого права. Высший этический принцип (а приоритет этики относится к определяющим признакам романтизма) должен руководить жизнью человечества, в рамках которого народы составляют интегральные, но всегда подчиненные универсальным и наднациональным императивам составные части. Боготворя свой народ, польский романтизм видел его главное призвание в служении человечеству.

И. И. Свирида

(СССР)

ХУДОЖНИК В ПОЛЬШЕ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИИ

СРЕДИ типологических явлений, определяющих развитие художественной культуры в эпоху складывания наций¹, как одно из важнейших можно выделить формирование национальной творческой интеллигенции. Отвечая на вопросы, что и в каких условиях было создано в художественной культуре той эпохи, необходимо выяснить также, кто был творцом художественных ценностей, вошедших в национальный фонд культуры, кем был как творческая и социальная личность писатель, художник, музыкант, артист, сумевший стать выразителем художественного сознания своего народа в период складывания его национальной общности.

Эпоха формирования наций характеризовалась принципиальными изменениями в судьбе людей творческих профессий, что было связано с развитием капиталистических отношений, образованием новых социальных групп и классов, возникновением мировоззренческих концепций нового времени.

Появление национальной интеллигенции определялось внутренними потребностями развивающейся нации. Это процесс объективно-закономерный, свойственный всем странам. Вместе с тем

---

¹ Систематизацией этих явлений автор занимался в статье: К характеристике понятия «национальная художественная культура». — Советское славяноведение, 1974, № 5.

он не стихийный, а в значительной степени регулируемый обществом, в частности путем создания системы образования, функция которой — подготовка специалистов в различных областях деятельности.

Представители интеллигенции имели как старые, так и молодые профессии. Можно отметить, что творческие профессии относятся к числу наиболее древних. Однако и между ними существовали различия. Занятия живописью или скульптурой, требующие практического умения для реализации творческих замыслов, связанные с ручным трудом (что еще с античных времен было одной из основных причин отождествления творчества живописца, скульптора, гравера с ремеслом), определили необходимость специализации в этой области уже на ранних исторических этапах. Весьма рано выделяется также профессия музыкантов-исполнителей, актеров. Позже этот процесс охватывает и «сочинителей». Так, в XVIII—начале XIX в. профессионализируется литературное дело. Композиторский труд, хотя и аналогичный писательскому (тот и другой являются «сочинительскими»), профессионализировался много раньше, но лишь потому, что сочинение музыки обычно входило в обязанность музыканта, игравшего на каком-либо инструменте или руководившего капеллой. В чистом же виде специальность композитора обособилась позже писательской и до настоящего времени часто совмещается с дирижерской или исполнительской деятельностью.

Эти различия были одним из факторов, определивших специфику социального состава отдельных групп творческой интеллигенции. Анализируя его, можно заметить следующую закономерность: чем раньше профессионализировалась та или иная область творческой деятельности, тем более «плебейским» был социальный состав ее представителей.

Если попытаться наметить черты, характеризовавшие положение творческой интеллигенции во всех странах в эпоху формирования наций, имея в виду не хронологическое, а синхростатальное соответствие, то среди важнейших можно отметить: превращение творческих профессий в так называемые свободные; распространение в обществе представлений о писателях, художниках, артистах как творцах национальной культуры, носителях общественных идеалов, а не слугах или ремесленниках; утверждение ведущей роли национальных мастеров в культурной жизни в противовес иностранным; значительный количественный рост творческой интеллигенции как результат возросших культурных потребностей формирующихся наций; доминирующая роль светских мастеров; изменения в социальном составе представителей творческих профессий. Эти черты (в тех или иных

вариациях) свойственны различным группам творческой интеллигенции.

В Польше также можно констатировать наличие этих явлений, однако их реализация проходила в специфических условиях. Отметим наиболее существенные из них:

1) длительное сохранение феодальных пережитков в развитии польского общества, замедленные темпы экономического развития, тормозившие складывание форм культурной жизни, свойственных капиталистическому обществу;

2) крушение самостоятельного государства; развитие польской нации в системе инациональных государств, которые выступают как сила, противодействующая развитию польской культуры;

3) раздел национальной территории, создание политических границ на пути национальной культурной интеграции;

4) образование центров развития польской культуры вне национальной территории (Париж, Петербург, Вильно и др.);

5) неоднократные массовые эмиграции интеллигенции;

6) нарушение в результате разделов Польши некоторых процессов, в частности непрерывности развития профессионального образования²;

7) значительная роль инациональных элементов в политической и экономической жизни страны, что влияло на характер меценатской деятельности.

Эти условия, определив профессиональную судьбу польской творческой интеллигенции, породили и некоторые специфические явления, характеризовавшие положение художников.

В Польше, как и в других странах Западной Европы, со времен средневековья художники были объединены в цеха. Цех давал художнику и профессиональную подготовку, и возможность получения работы, регулировал его образ жизни и характер творческого труда.

Цеховой системе в значительной мере была свойственна обезличка творческого процесса. Хотя «эпоха Возрождения не знала профессионального расслоения художников, даже самые выдающиеся мастера считали себя ремесленниками и действительно были ими в профессиональном смысле этого слова»³, однако именно Ренессанс, поставив в центр мировосприятия человека, создал социально-психологические условия для персонализации

² Большинство польских учебных заведений не имеет непрерывной истории развития, так как они подвергались репрессиям со стороны оккупировавших Польшу держав.

³ Вингер В. Р. Борьба течений в итальянском искусстве XVI века. М., 1956, с. 10.

работы художника, для перехода от анонимного творчества, понимаемого как одна из форм служения божественному идеалу, к деятельности творческой личности, в полной мере осознающей свою индивидуальную значимость. Социально-экономические процессы, протекавшие в эпоху Возрождения, привели к ликвидации цеховой ремесленной организации, определили новые взаимоотношения в среде художников, их иное социальное и общественное положение.

Разрушение цеха, завершившееся в Западной Европе к XVII в., в Польше задержалось намного дольше⁴. Отдельные его признаки можно, правда, отметить и в польской культуре эпохи Возрождения (так, например, в привилегиях католического братства художников во Львове, утвержденных Зигмунтом III в 1595 г., проявилось новое понимание творчества художников, деятельность которых сравнивалась с трудом поэта или ученого и подчеркивалась роль живописи как свободного искусства)⁵. Однако отсутствие прочной социально-экономической основы ренессансных явлений в Польше XVI в., упадок городов и феодально-католическая реакция XVII—первой половины XVIII в. затормозили естественный ход развития. И если в Италии выделение творческой личности из цеха началось уже в XIII—XIV вв.⁶, то в Польше этот процесс происходил позднее. Реальные предпосылки для окончательной ликвидации цеховой системы здесь возникают лишь во второй половине XVIII в. В это время в польской художественной жизни одновременно шли два взаимосвязанных процесса: с одной стороны, художник постепенно освобождался от сковывающего регламента средневекового цеха, ведя за это активную борьбу⁷, а с другой стороны, в связи с той общей переоценкой ценностей, которая происходила в эпоху Просвещения, преодолелась отношение к художественному творчеству как к ремеслу.

Характеризуя эти процессы, следует иметь в виду, что они отличались неравномерностью. Наибольшее развитие они получили в Варшаве. С Варшавой в эпоху Просвещения было связано и формирование национальной интеллигенции, которая тогда еще не стала общепольской прошлойкой.

⁴ Львовский цех художников существовал до конца XVIII в., краковский — до 1825 г., в Ченстохове цех действовал еще и во второй половине XIX в.

⁵ *Mańkowski T.* Lwowski cech malarzy XVI i XVII w. Lwów, 1936, s. 89; *Idem.* Walka o godność artysty. — *Przegląd współczesny*, 1938, N 5.

⁶ *Лазарев В. Н.* Происхождение итальянского Возрождения, т. 1. М., 1956, с. 51.

⁷ *Chamcówna M.* Walka malarzy krakowskich o wyzwolenie spod praw cechowych. — *Biuletyn historii sztuki*, 1954, N 2.

Первая половина XIX в. ознаменовалась принципиальными изменениями в социальном составе и положении художников, что было обусловлено общими структурными изменениями в польском обществе, которые на различных группах интеллигенции отражались по-разному. Так, в это время укрепилось политико-правовое и экономическое положение мещанства; оно все более активно начинает участвовать в работе государственного аппарата, вытесняя отсюда шляхту, заниматься управленческой деятельностью, которая, как и военная служба, была одной из исконных привилегий польского дворянства (еще в 1792 г. 87,9% чиновников были шляхетского происхождения⁸). В творческих кругах можно наблюдать обратную картину. Здесь происходит «шляхетизация» свободных профессий. Художественная интеллигенция на протяжении веков в основном вербовалась из мещанства, а в это время она начинает усиленно пополняться за счет выходцев из шляхетской среды.

Что касается «низших» слоев польского общества, то в тот период «проникновение крестьянства в интеллигентскую среду было практически невозможно»⁹. Имевшиеся исключения лишь подтверждали общие правила¹⁰.

Эпоха формирования польской нации отмечена существенными изменениями в художественной жизни. Начался процесс ее демократизации (как результат включения в культурную деятельность средних слоев общества), распространения ее публичных форм¹¹. Тем самым были созданы предпосылки для превращения профессии художника в «свободную». Однако замедленное экономическое развитие Польши, длительное сохранение остаточных явлений феодализма сказались и здесь. Они затормозили процесс создания национального художественного рынка, что, с одной стороны, явилось причиной материальных трудностей, испытывавшихся польскими художниками, а с другой — задержало профессионализацию творческой деятельности.

Среди художников, определявших облик польского искусства в первой половине XIX в., порой весьма трудно провести клас-

⁸ *Łepkowski T.* Polska — narodziny nowoczesnego narodu. Warszawa, 1967.

⁹ *Kieniewicz S.* Przemiany społeczne i gospodarcze w Królestwie Polskim (1815—1830). Warszawa, 1951, s. 20.

¹⁰ Я. Щепанский, исследовавший социальное происхождение польской интеллигенции, работавшей в 1760—1880 гг., приводит следующие данные: лишь 1,8% ее представителей были крестьянского происхождения. (*Szczepański J.* Z badań nad inteligencją polską XIX w. — *Kultura i społeczeństwo*, 1960, N 3, s. 135.)

¹¹ Более подробно см. об этом нашу статью: Некоторые особенности польской художественной жизни первой половины XIX в. — В кн.: *Культура и общество в эпоху становления наций.* М., 1974.

сификацию, выделить художников-любителей и художников-профессионалов. В Польше для всего прошлого столетия типична переходная форма от любительства к профессионализации.

Для рассматриваемого периода характерна борьба за полонизацию творческих сил. Причем этот процесс в разных областях искусства совершался несинхронно. Раньше всего это произошло у живописцев, архитекторов, позже — у скульпторов, граверов. Развитие системы художественного образования, создание публичных выставок были факторами, благоприятствовавшими полонизации. Они повысили престиж польских мастеров, открыли их произведениям путь к более демократическим, средним слоям общества, которые в то время были наиболее последовательными выразителями патриотических идей.

Юридически положение польских художников закрепила Конституция Королевства Польского (1815). Согласно ей, художники получили политические права именно благодаря своей творческой деятельности. Статья 131 гласила, что к выборам будет допущен «каждый художник, известный талантами, знаниями и услугами, сделанными для торговли или искусства».

В конце XVIII—первой трети XIX в. складывается облик художника-гражданина. Прямым выражением этого стало участие творческой интеллигенции в национально-освободительном движении, отразившееся и на ее профессиональной судьбе. Многие представители польской культуры отодвигали на второй план свою творческую работу, посвящая себя общественно-патриотической деятельности. Ряд художников участвовали в восстании под руководством Т. Костюшко. Многочисленны они были среди борцов 1830—1831 гг. Художники являлись членами различных тайных организаций, масонских лож, обществ филоматов и филаретов в Вильно, поддерживали связь с движением карбонариев, были они и в числе руководителей краковского студенческого движения 20-х годов. Однако наиболее весомым был творческий вклад художников. Созданные ими произведения не только непосредственно запечатлели события вооруженной борьбы за независимость, но отразили национально-патриотическое сознание своей эпохи.

Пафосом гражданственности было наполнено «Обращение к нашим живописцам и графикам», опубликованное в дни восстания 1831 г. В «Обращении» говорилось: «Братья! Природа наградила вас талантом на земле отчизны, на отчизне вы его развивали, так принесите же его в дар отчизне... со всем огнем души воссоздайте благородные картины, достойные грядущих веков. Изобразите все важнейшие сцены нашей революции, сделайте это правдиво, как правдиво это воспринимает сердце поляка... Увеко-

вечьте благородные лица наших героев, молодежь, которая принимала участие в первых минутах восстания, всех мучеников за свободу... всех, кто сейчас борется за прекрасное будущее своего народа. Потомки... будут вас благославлять, если вы достойно выполните свою святую обязанность...»¹².

¹² Gazeta Warszawska, 1831, 28.IV.

Д. С. Прокофьева

(СССР)

ПОЛЬСКИЙ РОМАНТИЗМ И КОНЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В УСЛОВИЯХ национального гнета польская литература и искусство выполняли важную функцию общенационального коррелята, консолидации, способствуя воспитанию патриотических чувств. Литература понималась как средство поддержания «национального духа». Главными задачами литературы и искусства было утверждение патриотических идей.

В публицистике начала XIX в. уже чувствуется озабоченность судьбами искусства, которое, как и литература, призвано быть властителем дум и душ. В 40-е годы вопросы национального искусства все больше занимают умы польской общественности. Как известно, А. Мицкевич и Ю. Словацкий наметили контуры программы польского национального искусства, определили его главные задачи. Мицкевич видел цель искусства в «поддержке высших стремлений эпохи», советовал художникам писать картины, которые отражали бы «положение страны». Идеи Мицкевича и Словацкого легли в основу концепции национального искусства, связанной с национально-освободительной борьбой. В эти же годы и другие литераторы, в их числе В. Поль и С. Гоциньский, выступали за «привлечение живописи к служению нации», имея в виду исторические жанры.

В эпоху романтизма в Польше, как и в ряде других стран Европы, пробудился интерес к истории, историческим жанрам. Для Польши в условиях потери национальной независимости обращение к прошлому было вызвано прежде всего стремлением сохранить самобытность и своеобразие национальной культуры.

В 30—40-е годы все усилия польской литературной критики были направлены на то, чтобы ограничить влияние культуры Запада. Это способствовало борьбе с угрозой денационализации.

В 50-е годы вокруг вопроса о самобытности польской культуры развернулась дискуссия. Дискуссия показала, насколько насущной была эта проблема. Она вскрыла, что в середине XIX в. еще существовала устаревшая концепция нация—государство, хотя в то время уже все шире распространялось мнение, что, кроме политической родины, есть еще другая, фундамент которой составляют национальность, общий язык, общее прошлое, общие обычаи, общие мысли и чувства — все то, что романтиками определялось как национальный дух.

Многие участники полемики развитие национального искусства связывали с историческими жанрами. Творчество Я. Матейко, А. Гроттгера и других воспринималось ими как напоминание о тех временах, когда Польша была независимой страной.

В защиту жанровой живописи, пейзажа, равноправия жанров выступил Ю. И. Крашевский. В дальнейшем против иерархии жанров в искусстве будет бороться Станислав Виткевич. Искусство как «проявление души нации» — эта концепция займет ведущее место в его теоретических трудах и выступлениях. Цель и задачи искусства Виткевич видел в сохранении национальной самобытности. Принадлежа другой эпохе, он неоднократно подчеркивал свою связь с романтизмом. Романтизм для Виткевича был направлением, отстаивавшим столь близкие ему идеи национального освобождения. В своем творчестве он воплощал эти идеи, обращаясь к национальной проблематике. С романтиками его сближало стремление к индивидуальности и творческой свободе художника¹.

Проблема самостоятельности национального искусства не потеряла своей актуальности и в конце XIX в., когда поиски общепольского национального стиля находились в центре художественных исканий этого времени.

Борьба за национальную культуру была начата в эпоху романтизма, когда была заложена основа концепции национального стиля, поборником которого выступал прежде всего Циприан Норвид. Искания романтиков были продолжены в новую эпоху.

Как справедливо писал один из крупнейших польских теоретиков и историков искусства, ныне покойный академик Юлиуш Стажиньский², кто хочет узнать правду о польской художествен-

¹ Nowakowska W. Stanisław Witkiewicz teoretyk sztuki. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1970.

² Starzyński Juliusz. Polska droga do samodzielności w sztuce. Warszawa, 1973.

ной культуре, понять ее сущность и самобытность, тот должен обратиться к эпохе романтизма. Романтизм был тем направлением, которое стремилось к созданию нового типа национальной культуры, нового идеала человека-гражданина, нового типа сознания и этики.

В Польше весь XIX в. прошел под знаком подчинения художественного опыта общенациональным целям и задачам. Литературная и художественная критика особое внимание обращала на содержание произведения. Более всего ценилась тема, а не исполнение. Признание художественных критериев уже было связано с необходимостью смены взглядов на сущность национального искусства, означало новый этап в развитии эстетической мысли, новый этап в развитии польской национальной культуры.

А. Витковская

(ПОЛЬША)

СЛАВЯНЕ И «СТАРАЯ ЕВРОПА»

*(Из проблематики парижских лекций
Адама Мицкевича)*

КОГДА Гегель в лекциях по философии истории формулировал свое понимание исторического процесса, его внимание привлекли германцы как племя, в котором наиболее полно воплотился дух «нового мира», иного, нежели средиземноморская античность. Это было обусловлено многими причинами, прежде всего строго историческим аспектом рассуждений ученого (в истории, утверждал Гегель, мы имеем дело только с прошлым), а также философской трактовкой динамики исторического развития.

При такой трактовке ведущим мотивом, вокруг которого строились рассуждения философа, оказывалась «цепь перевоплощений разума в мире», а также тесно связанное с этим процессом «воплощение абсолютной истины как бесконечно самоопределяющейся свободы». Это самоопределение и объективизация идеи свободы наиболее полно осуществлялись, по Гегелю, в юридически-политических государственных формулах. А поскольку прусское государство представлялось Гегелю наиболее гармоничным сочетанием индивидуальной и объективированной свобод, он считал правомерным и целесообразным проявить к германскому

началу особое внимание и, более того, отвести ему главное место в истории «нового мира».

В силу этих же причин славянские народы вообще не фигурируют в гегелевском синтезе. Гегель руководствовался при этом не расистскими побуждениями, которые заставили бы его превозносить германцев и унижать славян, а скорее ригоризмом своеобразно понятой диалектики и рационализма, тесно связывающего развитие свободы с совершенствованием разума. Согласно этим оценочным категориям, славяне ничего не внесли в баланс новой истории, так как не создали разумных форм государственности и не воплотили в них идеи свободы. Они выступали просто как человеческая масса, по необходимости оставляемая философ за пределами исторического анализа.

В историко-философской системе Мицкевича происходит радикальное перемещение ценностей и исследовательских интересов. Именно славяне наряду с французами станут альфой и омегой его романтического историсофского синтеза. И опять-таки, как у Гегеля, дело не в националистическом прославлении собственной племенной общности, а в более широкой аргументации. Совершенно новая точка зрения и система ценностей открывали перспективу перед славянами, выдвигая именно их на видное место в истории и превращая в субъект великой драмы идей.

В исторической концепции Мицкевича мы хотим подчеркнуть именно то, что позволило ему из огромного репертуара возможных исторических ролей выбрать роль славянина.

По Мицкевичу, история — это не только прошлое, но также и будущее, его предвидение и предсказание. Это, впрочем, является элементарной посылкой мессианизма, который посредством видения, предсказания, пророчества стремится выйти навстречу тому, что только еще наступит. С точки же зрения будущего иную оценку получают сегодняшний и вчерашний день истории. Мицкевич вообще считал, что только в перспективе будущего возможен осмысленный взгляд на прошлое, осмысленный в значении: сознающий нормы ценностей, сознающий цель исторического свершения. Предвидимая в будущем роль славян придавала большое значение их предшествующей истории, позволяя видеть в ней признаки их будущего призвания.

Мицкевич, романтик и мессианист, был равнодушен к основным (для Гегеля, например) методам философской систематизации истории — посредством таких категорий, как воплощения разума и объективизация свободы. Рассуждения Гегеля имеют отчетливый отпечаток цивилизационного прогрессизма, проявляющегося в культе налаженных учреждений, солидного законодательства, безусловно действующего государственного аппарата.

Мицкевича же не только не пленяли блага цивилизации, а, напротив, в исправном функционировании высоко организованных обществ и государств он видел проявления умирания духа, окостенелости и застоя, следовательно, и разложения, охватывающего изживающие себя культуры. Поэтому развитие, как понимал его Гегель, рассматривалось Мицкевичем как упадок, а свободу, олицетворенную в государстве, он трактовал как проявление разложения свободы.

Отказ от цивилизационно-правовых критериев прогресса позволил Мицкевичу усмотреть достоинства славян в том, в чем Гегель видел их главный недостаток, — в неучастии в цивилизационной и политической истории Европы. Мицкевич достаточно демонстративно подчеркивает относительную «младость» славян, с точки зрения цивилизации: они не построили своих готических соборов и не совершили крестовых походов. Он ставит славян вне тех крупных движений и деяний средневековья, которые сформировали духовное единство новой Европы. Он исключает их из ритма развития государственных структур «нового мира». Этот народ «занимает безмерное пространство на карте мира, а не имеет никакого значения в литературной, художественной и политической истории... в истории, записанной и отмеченной постройками».

Мицкевич явным образом преувеличивает. Он не хочет видеть многообразных нитей, которые не только связывают славянский Восток с Западной Европой, но в ряде отношений являются органической частью единого «куска ткани», если можно воспользоваться этой метафорой для определения целостности всего европейского общества. Он как бы приближает славян к «естественности» и «варварству», однако не в ходячем значении этого слова (варварство — явление дикости и примитивизма), а в значении свежести, юности, здоровья. Мицкевич в историко-философских рассуждениях опирается на силу литературного контраста. Мир делится на старый и молодой, больной и здоровый, обветшалый и динамичный. Старой, больной и обветшалой является Европа, молодыми и сильными — славяне. Отключение их от истории Европы не является, таким образом, деградирующим обособлением, как у Гегеля, а отсечением здорового от больного, противопоставлением юности теряющей силы старой Европе.

Метафора здоровья, применяемая нами и самим Мицкевичем, указывает на особую внутреннюю одаренность славян, на неизвестные миру или утраченные им в ходе развития духовные и нравственные качества. Когда поэт говорил о свежей крови, которую волеют славяне больной Европе, о здоровом зерне для нового посева, которое следует собрать со славянских полей, он неиз-

менно имел в виду духовные дарования, которыми обладают славяне и которых безвозвратно лишился старый цивилизованный мир.

О каких дарованиях идет речь? Прежде всего о тех, что указывают на духовность человеческого бытия и некоторые особенности субстанционального человеческого существования. Мицкевич здесь руководствовался, как очевидно, романтической антропологией и романтическим понятием о духовной субстанции человека, что отразилось не только на понимании им личности, но также на его представлениях о человеческой общности, о нормах общественных связей и о связях со всем внечеловеческим, прежде всего с природой и с космической целостностью бытия.

К таким славянским чертам, по мысли Мицкевича, относится в первую очередь подлинность. Имеется в виду, конечно, подлинность, присущая племени, но предполагающая и более широкий охват, дающая истолковать себя как представление о романтически понимаемом человеке. В современной цивилизации, считает Мицкевич, человеком подлинным является именно славянин. Сохранение подлинности славянами стало возможным благодаря тому, что между их прошлым и сегодняшним днем не пролегли века цивилизационных преобразований, деформировавших изначальный общий характер, нравственные черты и духовные свойства. Только славяне по-прежнему сохраняют спонтанную связь с традицией. Традицию эту Мицкевич понимает по меньшей мере двояко: иногда она обозначает сохранение подлинности благодаря неразрывной связи с прошлым; иногда выступает по сути дела как память человеческого рода, понимаемая как нечто, подобное коллективной бессознательности Юнга. Во втором истолковании традиции Мицкевичем славянин в сущности является архетипом человека.

Младший, с точки зрения цивилизации, славянин Мицкевича связывает человечество с его собственной праколыбелью и одновременно выступает как один из пророков будущего. Предназначением славян, согласно этой концепции, является избавительная миссия по отношению к старой, больной Европе. Миссия, понимаемая не как жестокость юноши, сталкивающего старое в могилу, а как жест любви, который должен пробудить омертвевший мир к новой настоящей жизни. Если оставаться в этом же метафорическом круге, можно было бы говорить о вливании молодой «варварской» крови. И в заключительном курсе парижских лекций, в сильной степени пронизанном мессианизмом, Мицкевич, прежде последовательно отвергавший обвинения славян в варварстве, демонстративно и с гордостью называет их «варварами современной эпохи».

Это была не только романтическая попытка определить современную роль славян, но, по-видимому, и сознательно противопоставленная, предпринятая со всей дерзостью, попытка внести поправки в баланс духовных достижений народов Европы.

М. Шицел
(ЮГОСЛАВИЯ)

ВКЛАД ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИРИЗМА В ФОРМИРОВАНИЕ ХОРВАТСКОЙ НАЦИИ

ПАВАО ШТООС в своем известном высказывании: «Другой народ себе радуется, а мой сын меня стыдится; уже хотят хорваты забыть свой язык и стать другим народом»¹ — точно определил сущность общественно-политического положения Хорватии в 20-е годы XIX в.: языковое и национально разъединение, трагическая отчужденность высших слоев общества от народа в результате влияния немецкого языка и активной мадьяризации.

С одной стороны, сложившаяся ситуация, а с другой — появление ряда национальных движений в Европе, бывших откликом на июльскую революцию во Франции, привели Хорватию к национальному Возрождению, или иллиризму, идейным вдохновителем которого был Людевит Гай².

¹ Это стихотворение Штооса Людевит Гай опубликовал в «Данице» (Danica horvatska, slavonska i dalmatinska, br. 3, 1835, s. 9—11) под названием «Образ Отечества в канун 1831 года» (первоначальное название — «Вот идет новый год») с кратким примечанием, где говорилось, что поэт посвятил его тогдашнему государственному секретарю Йосипу Кушевичу, предполагаемому автору брошюры «De municipalibus juribus et statutis regnorum Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae» (1830), защитнику хорватского государственного права от притязаний венгров.

² О самом движении в течение последнего десятилетия писали довольно много. Наряду с известной книгой А. Бараца (Hrvatska književnost, knj. 1. Književnost ilirizma. Zagreb, 1954) особый интерес представляют доклады симпозиума, состоявшегося в Загребе по случаю 130-летия хорватского национального Возрождения (Kolo, Zagreb, 1966, br. 8, 9, 10, s. 125—436). Отдельными проблемами этого периода больше всего занимаются Милорад Живанчевич, который писал о Людевите Гае (Zbornik za slavistiku, Novi Sad, 1972, br. 3, s. 66—87) и Димитрии Деметере (Grobničko polje. Zagreb, 1973, s. 5—198), а также Иво Франгеш (Mažuranić klasik. — Umjetnost riječi, Zagreb, 1964, br. 4). Из зарубежных работ об иллиризме укажем книгу И. И. Лещиловской «Иллиризм» (М., 1968).

Это явление уже окончательно определено современной исторической наукой и отнесено к 1836—1848 гг.³ После многочисленных дискуссий, она пришла к выводу, что «в настоящее время не подлежит сомнению тот факт, что хорватское национальное Возрождение как движение, имевшее собственную предысторию и предшественников, с самого начала, с первых шагов, предпринятых Людевитом Гаем по изданию газеты, ставило перед собой по сути дела задачу объединения всех южных славян, поскольку они имеют общий язык и общих предков»⁴. Установлено также, что иллиризм «сначала в борьбе за единый литературный язык и орфографию, а затем в постоянно нараставшей борьбе против венгерского национализма закладывал все более прочный фундамент хорватской нации»⁵. Исходя из установленных наукой данных о том, что иллирийское движение заложило основы хорватской нации, мы и попытаемся показать, что нового внесло литературное творчество того времени в этот процесс.

Таким образом, эстетические ценности литературных произведений, т. е. стилистический комплекс литературы периода иллиризма, о чем, кстати, написано уже немало⁶, не будут предметом нашего исследования. Мы остановимся лишь на рассмотрении тех компонентов литературного творчества, которые непосредственно связаны с основной идеей иллиризма — духовным и политическим объединением южных славян в борьбе за независимость и освобождение Хорватии. По той же причине мы не будем останавливаться на собственно литературной периодизации эпохи, ограничиваясь лишь определением иллиризма как общественно-политического движения, которое дано исторической наукой. Нас интересует также вклад художественного творчества в это движение.

Вне всякого сомнения, хорватское национальное Возрождение считало литературу прежде всего средством для достижения своих общественно-политических целей. Впрочем, это естественно: любое революционное движение для осуществления своих конечных целей использует все области духовной и общественной жизни, в том числе литературу, которая приобретает в этих условиях утилитарный, воспитательно-просветительский характер.

³ *Sidak J.* Hrvatski narodni preporod — ideje i problemi. — Kolo, 1966, br. 8, 9, 10, s. 137—157.

⁴ *Ibidem.*

⁵ *Ibidem.*

⁶ *Flaker A.* Nacrt za periodizaciju novije hrvatske književnosti. — In: *Književne poredbe.* Zagreb, 1969; *Sicel M.* Književni problemi u doba hrvatskog narodnog preporoda; *Idem.* Prilog problematici romantizma u hrvatskoj književnosti. — In: *Stvaraoci i razdoblja.* Zagreb, 1971.

Подавляющее большинство деятелей иллиризма были убеждены в том, что современную нацию можно создать только при условии решения вопроса о национальном языке. Несмотря на то, что в действительности эта гипотеза оказалась неточной, так как содержала лишь часть истины, она все же имела — при языковой разобщенности хорватов — решающее значение для дальнейшего развития хорватской литературы, поскольку ставила на повестку дня вопрос о создании единого литературного языка, являющегося существенной предпосылкой для формирования единой культуры вообще и национальной литературы в частности.

Конечно, создание национального литературного языка не могло решить проблему хорватской нации. Это произошло позднее, в 50-е годы, когда иллиризм как политическое движение уже прекратил свое существование, но сохранилось его основное достижение — единая хорватская литература и единый хорватский литературный язык, что между прочим для большинства представителей иллиризма, особенно на первом этапе их деятельности — в 30-е годы, было главной целью в борьбе за политическое и национальное освобождение.

Что это именно так, может лучше всего подтвердить высказывание Людевита Гаю о языке, создателя хорватской орфографии, основателя и редактора первого хорватского журнала «Даница». Для него язык является «крепчайшей нитью единства и дальнейшей опорой национальной самостоятельности»⁷. Это его высказывание как бы продолжает мысль А. Михановича: «... язык хранит нам детство, в языке предстанут перед миром добродетели наших соотечественников»⁸.

Художественное творчество, прежде всего поэзия, тоже воспринималось деятелями иллиризма утилитарно, как средство просвещения, а не самостоятельное явление, обладающее своими эстетическими свойствами, развивающееся по особым законам.

Людевит Гай, сообщая в 1835 г. об издании со следующего года «Иллирийской народной газеты» и журнала «Даница иллирийская», так определяет основное направление своей деятельности: «Поскольку развитию языка и духа более всего способствуют разного рода народные и патриотические стихи различного содержания, то наша «Даница», как была ранее, так и впредь, будет всячески украшена избранными цветами поэзии»⁹. Семь лет спустя в обращении к читателям он опять предельно

⁷ Danica horvatska, slavonska i dalmatinska, Zagreb, 1835, br. 17—21 (в оде «Без любви к родному языку нет патриотизма»).

⁸ Građa za povijest književnosti hrvatske. Zagreb. 1933; kni. XII, s. 121.

⁹ Danica horvatska, slavonska i dalmatinska, 1835, br. 48.

точно формулирует свою главную идею: «Истинный патриотизм был и остается единственным направлением нашей газеты»¹⁰. И далее он еще раз подтверждает, что единственной целью литературы является развитие национального самосознания: ««Даница иллирийская» была и будет литературно-художественным журналом, вестником, информатором и защитником литературного единства иллирийского народа независимо от того, находится он под немецким управлением, хорватско-венгерской конституцией или турецким деспотизмом; в газете будет публиковаться все самое важное, что появится на литературной ниве у иллирийцев, а также у других славян, что будет способствовать развитию национального самосознания отдельных областей или всего иллирийского народа, что может и будет приносить ему пользу»¹¹.

Мысль об утилитарной функции литературы в формировании хорватской нации, которая прозвучала у Гая (что и не удивительно, поскольку он сам был публицистом, а не художником), мы находим и у других писателей, хотя выражена она у них не так определенно. В 40-е годы писатели считали литературу сложным явлением. Наряду с эстетической ценностью они отмечали и ее воспитательно-просветительский характер. Так, например, Людевит Фаркаш-Вукотинович, относя литературу к области художественного творчества, писал: «В литературе не может быть иного единства, кроме того, чтобы объединить все духовные силы для просвещения народа. Чем сильнее противоборствуют эти силы, чем больше высказывается различных мнений, чем больше пишут за и против, тем яснее становится дело и тем скорее оно ведет нас к истине, которая просвещает народ»¹². Далее Фаркаш-Вукотинович утверждает, что «в развивающейся литературе критика должна быть кроткой, дружелюбной и всегда назидательной, но никогда — злобной и насмешливой»¹³. Это еще нагляднее свидетельствует о том, что деятели иллиризма всегда требовали от литературы, чтобы она служила просвещению народа и воспитывала национальное самосознание хорватов.

Один из самых лиричных хорватских поэтов того времени Станко Враз считал, что «пора ... писателям оторваться от груди, сбросить пинетки и встать на свои молодецкие ноги»¹⁴. Это было не что иное, как призыв к автономии литературы. Вместе с тем Враз требовал, чтобы литература вернулась

¹⁰ Proglas. Hirske narodne novine, Zagreb, 1842, br. 98.

¹¹ Ibidem.

¹² Vukotinić L. Tri stvari knjiženstva: ukus, sloga, kritika. — Kolo, Zagreb, 1843, knj. III.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Vraz S. Sabrana djela, knj. V. Pjesme, pabirci, proza i pisma. Zagreb, 1877.

«к своему подлинному, чистому источнику, вытекающему из-под живых, родных корней, из сердца оставленного на лоне природы народа»¹⁵.

Таким образом, писатели иллиризма, единодушно требуя от литературы, чтобы она была пронизана народным духом и способствовала формированию хорватской нации, искали возможности просвещать хорватский народ с помощью хорошей книги. Теоретические положения хорватских деятелей иллиризма о значении и функции литературы, приведенные выше, естественно, отражались и в беллетристике, которая печаталась в двух журналах — «Данице» (с 1835 г.) и «Коло» (с 1842 г.).

Можно провести отчетливую грань между двумя этапами иллиризма: первый — приблизительно до 1840 г., второй — с 1840 г. и далее. Первый этап можно было бы назвать периодом Людевита Гая, когда преобладал утилитарный подход к вопросам литературы и решалась одна из важнейших проблем того времени — введение единого литературного языка на штокавской основе, тогда как большинство деятелей иллиризма говорили на кайкавском диалекте.

В рассматриваемый период не было создано крупных художественных произведений. Преобладали патриотически-приподнятые стихи — «будницы» и «давории», в которых звучали мотивы свободы и сплочения хорватского народа. В дальнейшем — на втором этапе — появляются значительные литературные произведения, созданные такими писателями, как С. Враз, П. Прерадович, Д. Деметер и И. Мажуранич, прославившийся своей поэмой «Смерть Смайл-аги Ченгича». Это обстоятельство свидетельствует, во-первых, о том, что хорватские писатели начали овладевать штокавским литературным языком, а во-вторых, что активность писателей в решении национальных проблем не только не снижается, но, напротив, усиливается.

Известный писатель «хорватского модерна» Антуан Густав Матош в одной из своих статей высказал следующую мысль: «Идея патриотизма, любовь к родине примирили зарождавшийся хорватский романтизм с обществом (народом) и природой (Хорватией), спасая таким образом нашу поэзию от мировой скорби, пессимизма и эгоистического индивидуализма, превращая нашу литературу в самое сильное средство национального возрождения и борьбы с засильем иностранщины»¹⁶.

Здесь дана сжатая характеристика хорватской литературы первой половины XIX в., выявлена специфика хорватского роман-

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Matoš A. G. Lijepa naša domovina. Zagreb, 1910.

тизма, обусловленная общественно-политической активностью литературы в период формирования хорватской нации. Эта тесная связь литературы иллиризма с общественными проблемами помогла художникам слова в поисках путей к лучшей жизни, наполняя их неисчерпаемой жизненной энергией.

А. А. Гершкович, Ю. И. Ритчик, Л. А. Софронова

(СССР)

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ТЕАТРА СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

ТЕАТР славянских народов эпохи национального Возрождения, прежде всего его художественная система, предоставляет богатейший материал для истории отдельных жанров, сюжетов и форм. В региональном отношении он является средоточием активных связей славянских народов. Культурно-исторический аспект исследования предполагает подход к театру различных славянских стран как к единому культурно-историческому феномену, изучаемому в стадиально-синхронном плане с точки зрения той общественной функции, которую он выполнял в развитии общественной жизни и культуры стран славянского региона.

Такой аспект позволяет проследить, как театр включался в общую подсистему национальной культуры, рассмотреть его на широком социальном, общественном и политическом фоне. Анализ театра как составной части культуры не ограничивается только констатацией фактов его взаимодействия с другими видами искусства и литературы или формами общественного сознания. Он обязательно включает выявление и описание механизма этого взаимодействия.

В каждой из славянских стран создание национального театра подготавливалось всем предшествующим развитием восточноевропейской театральной культуры, обладавшей в совокупности большим многообразием форм, жанров и видов театральной зрелищности. Будучи взаимосвязаны, национальные культуры и в области театра помогали друг другу. Важным свидетельством общности театрального развития в этих странах служил народный театр — как театр живого актера, так и кукольный (народные драмы, интермедии, шопка).

Одновременно с народным театром функционировал, особенно активно в католических странах, литургический театр, выросший на основе театральных элементов богослужения. Свое основное, религиозное назначение он нередко сочетал с чисто светскими задачами, обращался к злободневным проблемам. Например, в Болгарии, где турки вообще запрещали театральные зрелища, появились особые литургические диалоги, читавшиеся анагностами после службы. Они писались на болгарском языке и имели совершенно светское (патриотическое) содержание. Наиболее известными авторами таких диалогов были Н. Рильский и Н. Бозвели. Значительную роль литургический диалог как жанр сыграл также в Сербии, где еще в начале XIX в. ставились «Рождение и гонение Моисея», «Страдания Иосифа Прекрасного» и др.

В большой степени в этих странах был развит школьный театр. Помимо религиозного воспитания, этот театр выполнял и общекультурные функции. Так, в Сербии первое театральное представление было именно школьным спектаклем. В 1736 г. в Сремских Карловцах в Латино-славянской школе была поставлена «Трагедия, сиречь печальная повесть о смерти последнего короля Уроша V» И. Козачинского, предвосхищавшая цикл исторических «косовых» (по битве на Косовом поле) драм. Постепенно школьный театр менял свою жанровую структуру, обращался к светской трагедии и комедии, переходил на народный язык, вовлекал в представления не только учеников и преподавателей школ, но и зрителей. В XVII—XVIII вв. он активно действовал не только в крупных, но и в малых городах Польши и Чехии. Его зрителями были городское простонародье, а часто и крестьяне. Через школьный театр народ приобщался к европейской культуре. На его сценах впервые ставились пьесы Мольера, Расина, Корнеля, Гольдони. Он передал зарождавшемуся национальному театру опыт античной драмы, которую постоянно популяризировал.

В эпоху национального Возрождения в Польше и Чехии вопросы театра были ведущими в публицистике, где сосредоточивалась основная проблематика общественного и социального характера. Статьи, затрагивающие проблемы все более популярного в обществе театрального искусства, не сходили со страниц крупных просветительских журналов. Например, польский «Монитор» на протяжении 20 лет регулярно обращался к вопросам общественной функции театра. Театр называли трибуной, дающей возможность просветителям учить народ, сравнивали с проповедью, призывающей к добру и помогающей осуждать и уничтожать зло. Журнал обсуждал важные проблемы жанровой структуры театра, показывая преимущества комедии перед трагедией

как жанра более доступного для непосвященного зрителя, рассуждал об участии актера в общественной жизни и т. д. Неоднократно «Монитор» писал о «собрании замечательных талантов, которыми должен обладать совершенный актер», — это поднимает его в глазах общества, делает его полноправным членом.

Публицистика была чрезвычайно близка театру, о чем свидетельствует содержание пьес, шедших на национальной сцене. Фр. Богомолец, создавший основной репертуар польского Национального театра начального периода, даже написал специальную пьесу «Монитор», в которой говорилось о роли журнала в общественной жизни. Он представил журнал в качестве водораздела польского общества: одни его читают и поддерживают, другие считают клеветническим и стремятся его уничтожить, что подтверждает деление на отсталых сарматов и сторонников просвещения. Тематика пьес Национального театра постоянно перекликалась с тематикой статей «Монитора». В них критиковались те же пороки общества, что и в журнале, предлагались одинаковые их рецепты исправления. Достаточно обратиться к варшавской бытовой комедии, чтобы в этом убедиться.

Общность задач театра и публицистики объясняется отчасти тем, что в этих областях культуры работали одни и те же деятели эпохи Просвещения. Театр объединял писателей того времени. Понимая, какие у театра огромные возможности воздействия на общество, они почти все без исключения пробовали свои силы в драматургии, особенно писатели политического направления. Так, например, Ю. У. Немцевич, активный политический деятель, депутат Великого сейма, постоянно обращался к драме. Прибегал к драматическим жанрам и основоположник просветительского романа И. Красицкий, игравший видную роль в политической жизни страны.

Появлялись темы общие для драмы, прозы и поэзии, вырабатывался общий метод художественного воспроизведения действительности. Об этом убедительно свидетельствует сопоставление драматических опытов И. Красицкого с его прозаическим наследием.

Связь театра с литературой вообще характерна для эпохи национального Возрождения. Оставаясь искусством синтетическим, театр все настойчивее выдвигал на первый план литературную основу спектакля, слово подчиняло себе изобразительные и музыкальные средства выражения, ранее — в школьном и литургическом зрелищах — претендовавшие на центральное положение. Слово становилось главным средством общения с публикой. Все реже в драматические произведения включались музыкальные вставки. Литература теперь являлась основным источником

театра, она помогла ему найти способы художественного воспроизведения реальной действительности. Драма становилась все более самостоятельной за счет развития собственных выразительных средств, почерпнутых из словесного искусства, особенно прозы. Прозаические драматические произведения в театре отесняют стихотворные, хотя очень длительное время пьесы в стихах считались образцовой нормой драматического произведения. Проза овладевает не только комическим, но и трагическим жанром.

Связи театра с литературой особенно усилились в первые десятилетия XIX в. Распространился жанр драмы для чтения, о чем свидетельствуют чешские пьесы 30-х годов, польская романтическая драма. В южнославянском театре в это время также была сильна связь с литературой, но она объяснялась скорее слабой развитостью театральных форм в культуре этого подрегиона. Южнославянский театр переживал переходный период, о чем говорит, например, широкое распространение на болгарских и сербских сценах одной из первичных театральных форм — диалога. Южнославянские театры, соприкасаясь с литературой, проходили, таким образом, тот же этап развития, что и театр западнославянский, хотя и не синхронно с ним, отставая во времени. Помимо литературы, театр южных славян использовал также художественный опыт современных ему западноевропейских театров и — шире — театра европейского. Он, обратившись к общеевропейскому репертуару, усваивал то положительное, что было в деятельности представителей других славянских культур, которые по тем или иным причинам попадали в соседние славянские страны (вспомним, к примеру, роль польских эмигрантов в формировании болгарской театральной культуры в 50-е годы XIX в.).

Рассмотрение театра славянских народов эпохи национального Возрождения в сопоставлении с другими сферами общественной и культурной жизни в синхронном срезе позволяет говорить о нем как об искусстве многофункциональном. Театр этих стран обычно выполнял не только функции эстетические, но и воспитательные, политические. Соотношения, пропорции между этими функциями постоянно менялись в зависимости от изменений в социальном развитии общества, но на каждом его этапе театр всегда решал не только художественные, но и общекультурные, общеисторические задачи. Именно эта способность к активному и эффективному участию в общественной жизни выдвигала театр на передний край борьбы за национальное самосознание, за создание национальной культуры нового времени. Например, болгарский театр, складывавшийся в основном в XIX столетии в крайне неблагоприятных исторических условиях, решал многие задачи общест-

венного характера, которые при иных обстоятельствах должны были бы решаться в других областях духовной культуры.

Культурно-исторический аспект исследования славянского театра эпохи национального Возрождения предполагает изучение связей профессионального театра с народным театральным творчеством, которое органически влилось, в частности, в польский и чешский профессиональный театр в конце XVIII в. С этой точки зрения важно выявить связи профессионального театра с предшествовавшими ему видами театральной зрелищности — школьным и любительским театрами. Значительна роль школьного театра и драмы для становления польского Национального театра. Они передали ему выполнение общественных задач, преимущественно дидактического характера, подсказали способы связи с жизнью, продемонстрировали возможности слияния народного и профессионального искусства. Самодеятельный, любительский театр в болгарских и сербских землях непосредственно предшествовал появлению театра профессионального. Его актеры перешли впоследствии на постоянную сцену.

Изучение театра славянских народов эпохи национального Возрождения в диахронном плане раскрывает прочность его связей с романтическим и реалистическим театрами XIX в. Опыт обличительного, сатирического направления в его драматургии привел к созданию первых реалистических пьес (А. Фредро, Й. К. Тыл), линия же, идущая от барокко, — к созданию романтической драмы, в которой весьма напряженно вновь ставился вопрос о взаимоотношении личности и общества, об обязанностях гражданина по отношению к своей стране и народу.

Изучение театра в историческом плане ведет к необходимости постоянно учитывать то обстоятельство, что театры разных славянских народов в общем проходили сходный путь развития, но начинали и заканчивали его неодновременно.

При историко-культурном подходе не только выясняется значение театра в жизни общества, но также характер ее отражения в нем. Обращение к театру с целью выяснения общей культурной картины эпохи дает богатейший материал для историков культуры. В результате такого исследования можно отчетливо выявить множество важных, значительных элементов культурной жизни общества, начиная от его реакции на политические события в стране и кончая борьбой чужеземной и отечественной мод, нашедших свое отражение на сцене и в драме.

История славянского театра эпохи Возрождения показывает, что в театральное искусство были органически включены идеи французских просветителей и близкие к ним воззрения славянских национальных деятелей. Обращаясь к театральному насле-

дию, мы можем выяснить, в каком виде и в каком объеме они распространялись. Так, в речах персонажей пьесы В. Богуславского «Король Генрих VI на охоте» изложена целая программа просветительского толка. Действующие лица пьесы говорят о недостатках в системе правосудия, о дурных порядках в армии, затрагивают и другие животрепещущие проблемы национальной жизни. В пьесе Фр. Богомольца «Добрый барин» решается вопрос о взаимоотношении между сословиями: барин должен заботиться о крестьянах, помогать больным и бедным. На материале драматургии и театра ярко прослеживается, что век Просвещения — это век филантропии.

Для развития славянского театра на начальном этапе национального Возрождения характерно постепенное введение в традиционную систему намеков, ассоциаций, параллелей политически актуального содержания, хорошо понимаемого современниками и легко вычленяемого ими из условных сюжетов и абстрактных диалогов. Например, в комедийном, даже водевильном сюжете «Краковян и горцев» В. Богуславского было скрыто серьезное содержание, звучал призыв к восстанию. В другой пьесе того же автора («Король Иззахар») с внешне экзотическим сюжетом затрагивались моральные и политические проблемы, волновавшие тогдашнее польское общество. В южнославянском театре актуальные общественные мотивы успешно доносили до зрителя как аллегорические диалоги, так и драмы на сюжеты из древней истории («Райна, княгиня болгарская» Д. Войникова, драмы В. Друмева и др.).

По мере изменения общественной ситуации изменялись и способы выражения политического содержания драм. Со сцены звучат открытые призывы к борьбе, как, например, в Праге в революционные 1848—1849 годы. Каждый чешский спектакль того времени имел конкретное политическое значение. Особенно явно актуальная политическая тенденциозность прослеживалась в драмах Й. К. Тыла «Кровавый суд, или Кутногорские рудокопы» и «Ян Гус», в пьесах Й. В. Фрича, Э. Сверака. Таким образом, реакция на политические события в стране могла выражаться как непосредственно (чешская сцена 1848—1849 гг.), так и опосредованно (польский театр времени Великого сейма).

Театр славянских народов эпохи национального Возрождения способствовал распространению новых нравственных идеалов. Почти в каждой пьесе (чаще всего переводной) появлялся герой, представляющий модель идеального гражданина, наделенного добрым сердцем и разумом. Таковы пьесы «Игрок» Л. Мерсье, «Дезертир из любви к родителям» Г. Штефани, многочисленные драмы А. Коцебу, чрезвычайно популярные на западнославян-

ских и южнославянских сценах, и другие, входившие в основной репертуар английской и немецкой мещанской драмы. Они обошли все славянские сцены, и их популярность во многом объясняется предлагаемыми образцами идеальных героев, анализ которых позволяет нам представить, какие требования предъявляло общество к своим членам в эпоху национального Возрождения, какие нравственные нормы были приняты.

При выведении отрицательных персонажей драматурги обычно создавали условный тип носителя порока, но могли наделять его и конкретными чертами, хорошо знакомыми зрителям. Эта тенденция особенно усилилась в период размежевания прогрессивных и консервативных сил общества. Поэтому историк культуры, работая с театральными текстами, может восстановить характерные черты отдельных личностей, послуживших прототипами театральных героев (Я. Сухожевский и «Возвращение депутата» Ю. У. Немцевича), воссоздать тип консерватора, отягощенного неверно понятыми им традициями прошлого, полного недоброежелательства и недоверия к социальным переменам. Театральные деятели, стремясь к достоверному изображению своей эпохи, дополняли амплуа. Так, в польском театре возникает тип сармата и появляется целый ряд актеров, которые создают варианты этого типа на сцене. Открывает этот ряд К. Свержавский — *Primus Poloniae Actor*. Впоследствии этот тип нашел совершенное продолжение в драматургии А. Фредро, в чем еще раз сказалась преемственность в развитии славянского театра. Историк культуры, таким образом, увидит, на каком конкретном материале строились идеальные конструкции драматургов, на какой почве должны были прививаться их идеи, с чем сталкивались в реальной жизни теоретические концепции просветителей. Богатый материал в этом отношении предлагает варшавская комедия нравов, сербская комедия XIX в., пьесы чешского драматурга В. Клицперы, изобилующие многочисленными сценами из жизни провинции и столицы, описывающие этикет и моды, привычки и вкусы, раскрывающие общественные устремления того времени, показывающие, как воспринимались и оценивались литература, пресса, театр. Следовательно, исследуя театральные тексты с точки зрения заложенного в них историко-культурного материала, мы можем встретить множество подлинных реалий того времени, реконструировать повседневную жизнь эпохи.

Анализ театральных произведений приносит интересные результаты в плане изучения истории литературного языка и его столкновения с языком разговорным, с речью «высшего света». Оно помогает выявить и классифицировать те языковые нормы, против которых театр боролся, и те, которые он, напротив, при-

вивал. Это существенно дополняет картину анализа литературных произведений, так как театр, особенно комедийного направления, предпочитал разговорные нормы языка.

Следует также иметь в виду, что славянский театр эпохи национального Возрождения способствовал распространению национального в культуре общества, что выразилось, в частности, в борьбе иностранного и отечественного репертуаров. Укажем для примера на программное выступление А. Чарторыского в предисловии к его комедии «Девушка на выданье», на театральные статьи И. Красицкого и Митцлера де Колоф, на манифесты чешских актеров. Сначала на славянских сценах появляются адаптации, затем более решительные переделки иностранных пьес, которые сменяются подлинно национальным репертуаром, и он занимает основное место на сцене. В него входят пьесы на сюжеты из национальной истории, комедии из народной жизни, пьесы, откликающиеся на современные события.

Одним из важных моментов историко-культурного исследования следует считать относительность эстетической оценки театральных произведений. Она не должна быть решающей при формировании суждений об историко-культурном процессе в области театра. Она должна присутствовать при анализе художественных форм, бытующих на сцене, но не при выявлении того, как театр был связан с обществом и как запросы общества отражались на театральной жизни. Такое отношение к эстетическим достоинствам театральных произведений позволит привлечь большой по объему материал, обратиться к давно забытым и в художественном отношении, вероятно, слабым пьесам, разбор которых тем не менее может обогатить наши наблюдения над театральной культурой и культурой эпохи национального Возрождения в целом.

Включение театра в исторический контекст, в общую систему культуры изучаемой эпохи открывает возможности изучения этого вида искусства не только как явления со своими собственными законами, но и как части сложного общественного организма. Культурно-исторический аспект помогает глубже понять и вскрыть влияние социальных факторов на искусство и влияние искусства на общественную жизнь.

СОЗДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА КАК ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

ТЕАТР как один из видов искусства занимает весьма приметное место в историческом процессе формирования и развития национальной культуры. Это определяется свойствами театра, связанными с некоторыми его особенностями. Если даже и не все эти особенности — достояние только театра, то тем не менее именно в этой области художественной практики они проявляются с наибольшей отчетливостью и категоричностью.

Прежде всего необходимо их обозначить. Это: 1) утверждение театра как художественного института предполагает, помимо всего прочего, возникновение определенных организационно-материальных предпосылок (наличия специально оборудованного помещения, коллектива творцов, а не одиночек, объединенных в единое целое для создания произведения сценического искусства — спектакля, наличия и некоторых других вспомогательных компонентов, связанных с теми или иными материально-техническими аксессуарами); 2) синтетическая природа театра предполагает также определенный уровень развития литературы (без драмы нет театра!), изобразительного искусства, музыки и проч.; 3) коллективность творчества и коллективность восприятия: сценическое произведение создается каждый раз словно бы заново, в прямом и активном контакте со зрителем, а когда мы говорим о зрителе, то всегда имеем в виду коллектив, объединенный фактом соприсутствия, а в конечном счете и соучастия в событиях, разыгрывающихся актерами; 4) из ориентации на массового «потребителя» закономерно вытекает необходимость воспитания зрителя — той аудитории, без которой не может быть театра как устойчивого феномена социальной жизни.

В силу сказанного становление театрального искусства необходимо рассматривать как двуединый процесс: с одной стороны, как результат формирования и внушительный показатель уже достигнутого уровня национальной культуры; с другой — как весьма эффективный стимулятор, один из очень важных факторов воспитания национальной самосознания. Напомним, что А. И. Герцен, отмечая особую функцию театра, его неповторимые возможности, писал в своем дневнике 1842 г.: «Сцена, как выразился

кто-то, есть парламент литературы, трибуна, пожалуй, церковь искусства и сознания. Ею могут разрешаться живые вопросы современности, по крайней мере обсуживаться, а *реальность* этого обсуживанья в действий чрезвычайна. Это не лекция, не проповедь, а жизнь, развернутая на самом деле со всеми подробностями, с всеобщим интересом и семейственностью, с страстями и ежедневностью»¹.

Высокую действенность театра, его роль в духовной жизни общества можно наглядно проследить на примере развития культуры славянских народов в интересующую нас эпоху. При всем различии исторических судеб им всем приходилось активно бороться за преодоление иноземных влияний, нередко препятствовавших развитию самобытной духовной культуры. Так было не только в Польше и Чехии, и у некоторых других славянских народов, испытывавших иноземный гнет, но и в России, никогда не терявшей своей государственной суверенности.

История демонстрирует важную типологическую особенность формирования театра в славянских странах — в качестве своеобразного форпоста борьбы за передовую культуру, национальный характер которой был неотделим от ее демократических устремлений. Как правило, эти устремления резко противопоставлялись передовыми деятелями иностранным влияниям, отвечавшим в первую очередь интересам и вкусам верхов общества. В своей знаменитой Лекции XVI, прочитанной 4 апреля 1843 г. в Париже в Коллеж де Франс, Адам Мицкевич говорил: «... драма знаменует почти всегда завершение одной и начало другой эпохи. Коль скоро мысль, одушевляющая народ, уже нашла своих носителей в действительности, уже породила героев, то стремление к сохранению памяти о их деяниях в искусстве и рождает драму. Назначение этого искусства — побуждать, а скорее, если позволено так выразиться, направлять к действию павших духом»². Этот вывод, к которому приходил Мицкевич — профессор славянских литератур, был основан на опыте не только польского театра, но и театра других славянских народов.

История культуры славян дает яркие примеры того, как еще во второй половине XVIII в. явления театрального искусства органически перерастали в явление освободительной, политической борьбы. В этом отношении показательно, например, некоторое сходство деятельности Федора Волкова в России и Войцеха Богуславского в Польше. Недаром их обоих называют отцами отечест-

¹ Герцен А. И. Собр. соч., т. II. М., 1954, с. 227.

² Mickiewicz Adam. Dzieła, t. XI. Warszawa, 1955, s. 118—119.

венных театров. С их именами связано прочное утверждение в России и Польше постоянно действующего профессионального общедоступного театра.

История сценического искусства в России и Польше начинается не с Федора Волкова и не с Войцеха Богуславского. Но именно этим деятелям принадлежит заслуга создания национального театра как универсального общественного института, далеко шагнувшего за узкие рамки театра церковного, школьного и придворного, характерных для предшествующей поры.

До театральных начинаний, с которыми неразрывно связали свои имена Волков и Богуславский, и Россия и Польша знали уже немало явлений, легших в основу формирования национальной театральной культуры.

Народные потешники-скоморохи, чье существование еще в XI в. документировано знаменитыми фресками Софийского собора в Киеве, в Польше представлены были разнообразным искусством так называемых франтов. Церковный театр средневековой Руси не получил столь интенсивного развития, как мистерияльный театр в Польше. Однако значение такого рода действ, как «Пещное действо» и «Шествие на осляти», в утверждении зрелищной культуры на российской почве все же несомненно. Нет необходимости доказывать, какую большую роль сыграли театральные представления в специально приспособленных для этой цели помещениях, например постановки, осуществленные при царе Алексее Михайловиче в селе Коломенском, или спектакли в Королевском замке в Варшаве при Владиславе IV. Свой вклад в формирование и распространение сценического искусства внесли магнатские театры в Польше (театр Радзивиллов в Несвиже, для которого писала пьесы Урсула Радзивилл, и др.) и так называемые крепостные театры в России (театр Шереметевых в Останкине и др.).

Все эти линии развития театра — при всех отличиях в каждой из стран — вели к утверждению сценического искусства как института подлинно национального. Но в каждом из них была и своя исторически обусловленная ограниченность.

Зрелищная культура древних потешников (скоморохов и франтов) в ту пору еще не могла привести к созданию подлинного театра, как особого вида национальной художественной культуры. Их искусству были присущи черты праисторического синкретизма. Мистерияльный театр был важным шагом вперед, но все же это был еще переходный, промежуточный этап. В более позднее время уже наблюдается несомненная дифференциация театрального искусства. Возникают придворный и магнатский театры. Однако им свойственны черты элитарности.

Утверждение театра как органической составной части национальной культуры связано с деятельностью Ф. Волкова в России и В. Богуславского в Польше. Они синтезировали достигнутое в области театра и подняли его на новую, высшую ступень. Современники отмечали ценность их вклада в национальную культуру. В элегии А. Сумарокова, написанной на смерть Ф. Волкова, мы находим такие строки:

Пролей со мной поток, о Мельпомена, слезный:
Восплачь и возрыдай и растрепи власы!
Преставился мой друг; прости мой друг любезный!..
На веки Волкова пресекися часы ...
.....
Расинов я театр явил о Россы вам;
Богиня! а тебе поставил пышный храм:
В небытие теперь сей храм перенесется,
И основание его уже трясется³.

Таким образом, само существование российского театра после смерти Федора Волкова бралось под сомнение.

Не менее выразительна краткая эпитафия, которая была помещена на памятной плите Войцеха Богуславского в Варшаве. В ней подчеркнуто его значение в создании отечественного театра, оказавшегося способным преодолеть засилье иностранных театральных трупп.

Волков и Богуславский не замыкались в какой-то одной узкой области театрального творчества. Сама многосложность и синтезизм задачи, которая была поставлена перед ними временем, обязывали к охвату всех важнейших сфер театральной деятельности. Поэтому им пришлось быть и создателями, и руководителями театральных коллективов, и воспитателями актеров, и постановщиками, и актерами, и драматургами, и переводчиками. Их спектакли по своей направленности и целям были прогрессивными, вызывали общественно-политический резонанс. Достаточно напомнить о грандиозном маскарадном зрелище под открытым небом «Торжествующая Минерва», подготовленном Ф. Волковым по случаю коронации Екатерины II в 1763 г. Волков ввел в него антикрепостнические мотивы и использовал приемы народного площадного театра. В свою очередь В. Богуславский поставил на сцене Национального театра (Театр Народовы) в 1791 и 1794 гг. «Возвращение депутата» Ю. У. Немцевича и свою собственную

³ Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе... покойного Александра Петровича Сумарокова, ч. IX. М., 1787, с. 77.

комическую оперу «Мнимое чудо, или Краковяне и горы» — спектакли, активнейшим образом вторгавшиеся в жизнь. Опера «Мнимое чудо» была воспринята современниками чуть ли не как призыв к оружию. Богуславский и Волков, несомненно, были связаны с идеологией Просвещения, чье наследие имело значение и для последующего этапа развития национальной культуры.

В дальнейшем, уже в 20—30-х годах XIX в., подобное взаимодействие между передовыми идеями времени и национальной культурой можно проследить — если оставаться в пределах России и Польши — на примере творчества Пушкина и Мицкевича. И здесь, при очевидных различиях, столь же явственно проступают черты близости. Эта близость проявляется в активном противостоянии влиянию классицизма, прежде всего французского, хотя русский и польский поэты великолепно понимали его историческое значение и ценили его достижения. Она сказывается также в ориентации Пушкина и Мицкевича на Шекспира как носителя «народных законов» драмы и наконец, что особенно важно, в постулировании коренных реформ сценического искусства, связанных с преобразованием театра, — превращения его из утехи привилегированных классов в дело общенародное, истинно национальное.

Пушкин говорил о том, что дух века требует важных перемен и на драматической сцене. Мицкевич в своей упомянутой выше Лекции XVI дал обоснование реформы драмы и театра. В ней он призвал опираться на народное творчество, и в первую очередь на творчество славянских народов.

Пушкин говорил также о «судьбе человеческой, судьбе народной» как о главном предмете драмы. Мицкевич, мечтая о синтетическом, эпическом и монументальном театре — театре будущего, все в той же Лекции XVI подчеркивал, что во Франции только парижский Олимпийский цирк подошел бы для представлений драмы будущего, ибо там можно было бы показывать не только сцены «бурной жизни героев», но и массы, которые ныне, как утверждал поэт, имеют столь важное значение в общественной жизни. Упоминание о массах особенно знаменательно. Здесь нашли свое выражение глубоко демократические театральные-эстетические воззрения Мицкевича, роднившие его с Пушкиным.

Для некоторых славянских народов создание театра превратилось в своего рода символ — в утверждение права на развитие национальной культуры. В этом отношении показательна история создания чешского театра — от открытия театра на Ружовой улице в Праге в 1842 г. до строительства здания Национального театра во второй половине прошлого века.

Взаимодействие славянских театров с инонациональными, функционировавшими в славянских землях, нельзя всегда и всюду оценивать только как фактор отрицательный. Однако бесспорно, что славянские театры, как правило, вынуждены были отвоевывать себе право на жизнь в более или менее острых столкновениях с иноязычными театрами, чуждыми народным массам. Так было, кроме Польши и Чехии, и у народов Югославии. Например, в Сербии, когда в 1839 г. там начала свою деятельность сербская странствующая труппа в городе Нови Сад под руководством Иоакима Вуича, или в Словении, когда в Любляне возникла сначала полубюджетная труппа, из которой в дальнейшем вырос профессиональный театр, открывшийся в 1892 г.

Подобного рода факты и примеры можно было бы умножить. Все они в своей совокупности убедительно свидетельствуют о первостепенном значении театрального искусства как важнейшей составной части культуры славянских народов.

М. Брадистилова

(БОЛГАРИЯ)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ БОЛГАРСКОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

ФОРМИРОВАНИЕ болгарского театрального творчества определялось своеобразным переплетением элементов фольклора и религии. Так, например, танцевальная пантомима нестинарок, обладающая экспрессией определенного мистериального внушения, проводилась под знаком православного праздника святых Константина и Елены. Имеется и обратная связь: христианское богослужение заимствует некоторые черты своего ритуала из восточной дионисиевской оргастики и античного театра.

В фольклоре триада «исполнитель — произведение — зритель» проявляется как своеобразное диалектическое единство. На этапе театрализации отдельные компоненты этого единства расчленяются. Этот процесс, таким образом, получает характер «открытой системы» и развивается синхронно с развитием общественного сознания.

Обогащаясь фольклорными элементами, литургия со своей стороны до известной степени театрализуется. Литургическое действие является своеобразным подходом к действию театральному: оно ломает догматический церковный канон, выходит за пределы церкви — на площадь, на подмостки школьного театра. Торжественные ежегодные школьные акты превращаются в самобытное национальное явление, которое способствует развитию болгарской театральной культуры.

Дальнейшее своеобразное развитие театральной культуры в Болгарии в эпоху Возрождения было связано с бытованием форм школьного, читалищного театра и театральных обществ. Широкое участие народных слоев в деятельности театральных коллективов определило его демократический характер, просветительский и национально-освободительный пафос.

Процесс формирования национальной болгарской драматургии в период Возрождения также был связан с рядом специфических факторов. Так, народные притчи о святых, еретические легенды, апокрифы, дамаскины и поговорки активно входили в зарождающуюся профессиональную драму, тем самым как бы перебрасывая мостик от древнеболгарского фольклорного творчества к «письменной культуре» раннего Возрождения.

Синтез драматургических форм характеризует собой и переход от диалогичных форм к драматургии Возрождения. Развитие жанра диалога ведет в Болгарии к созданию новых структур, которые закономерно перерастают в многоактные драмы. Диалогические лиро-эпические и балладные фольклорные песни и диалоги культивируют Н. Геров, Д. Чинтулов, Г. С. Раковский, В. Попович, Т. Хрулев, Г. Парличев, Р. Жинзифов, Б. К. Петров, П. Славейков, Н. Козлев, Ц. Гинчев, Х. Ботев и другие писатели болгарского Возрождения. Тем самым они подготавливают болгарского зрителя к восприятию конфликта возрожденческой драмы. Особенно интенсивно диалогическая форма развивается в жанре гражданско-публицистической и школьно-просветительской.

Публицистический диалог мы впервые встречаем у Неофита Бозвели. В старинную форму плача (*ιρηός*) он заключает повое по духу содержание. Разрабатывая гражданско-патриотическую тематику, он призывает к борьбе против тирании. Бозвели воссоздает эпический образ народного страдания.

Публицистический диалог находит яркое выражение и в творчестве революционеров-демократов Г. С. Раковского, Л. Каравелова, Х. Ботева. Эти и другие художники делают его созвучным своему времени. Политическая пристрастность — его определяющая черта. Часто злободневное политическое событие получает

в нем сатирическое изображение, причем герои, ведущие диалог, резко противопоставлены друг другу.

Известную эволюцию претерпевает диалог школьно-просветительского вида, в котором намечается переход к одноактной и многоактной драматургии. Основное в них — разграничение и противопоставление моральных начал.

Необходимо также добавить, что болгарский театр, путь развития которого был довольно сложным, сыграл значительную роль в истории становления болгарской нации.

Н. Инджева

(БОЛГАРИЯ)

ФОРМИРОВАНИЕ КОМЕДИЙНОГО ЖАНРА В БОЛГАРСКОЙ ДРАМАТУРГИИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

ФОРМИРОВАНИЕ болгарского театра происходит в середине XIX в. На него оказывает влияние европейская театральная культура. Ее драматургические образцы получают широкое распространение не только благодаря переводам, но и в результате болгаризации — своеобразного приспособления зарубежных литературных произведений к вкусам болгарского народа. Это способствует обогащению драматургических жанров.

Процесс формирования комедийного жанра в болгарской драматургии динамичен. Активизирующий фактор этого процесса — политическая, социальная и культурная атмосфера эпохи болгарского Возрождения, когда театр стал общественной необходимостью и оказался тесно связанным с просветительскими и революционными тенденциями. Он выполнял тогда не столько культурно-эстетические функции, сколько был средством пропаганды идей Возрождения.

С той же динамичностью в это время идет и процесс формирования фольклорных жанров (в многообразном зрелищном и словесном народном творчестве, в структурных принципах фольклорного игрового начала). Театральные элементы широко представлены в праздничных и семейных обычаях, в обрядовых и развлекательных играх. Драматические моменты выражены в действиях, состоящих из эпизодов, которые находятся в тра-

диционной последовательности; участники исполняют строго определенные роли.

В различных формах фольклорной зрелищности можно выделить два основных элемента — перевоплощение и действие. Центральная фигура зрелища — рассказчик, который перевоплощается в другой персонаж или передает настроение, отличное от того, которое присуще ему. Таким образом, он по существу находится в положении актера, т. е. одновременно существует как бы в двух мирах — в своем, действительном и в придуманном мире персонажа, стремясь голосом, мимикой и пластикой создать другой образ.

Фольклорные зрелищные формы имеют свою систему изображения. При передаче даже самой простой фольклорной формы, например сказки, рассказчик находит особую художественную характеристику, интонацию, ритм, жест. А при более объемных фольклорных формах (свадебный ритуал, «кукери» — ряженые), где от участников зрелища требуются более быстрая оценочная реакция, экспрессивность и точность выражения, игра становится богаче и выразительнее: используются богатство мимики, пластики движения, разнообразие костюмов (например, цветная корона лазарки — девушки, поющей лазарские обрядовые песни с пожеланием здоровья и счастья; стилизованная обобщенная маска — «кукера»).

Богатые фольклорные формы создавали психологические предпосылки для восприятия зрелищной игры, способствовали ее творческой настройке — участию в ней. Это психологическое приобщение к зрелищным играм находило выражение в том, что каждый зритель фольклорного представления чувствовал себя подготовленным принять участие в нем. Здесь не существовало никакого психологического барьера.

Эту психологическую настройку отчасти можно объяснить широкой популярностью театра среди почти неграмотного болгарского народа.

Диалектическая связь фольклора и театра ощутимее всего проявлялась в жанре комедии. Характерно, что определенные структурные элементы фольклора составляют структурную основу комедийного жанра.

Боян Ничев, исследовавший специфику анекдота в южнославянском фольклоре, считает, что анекдот представляет ту питательную среду, в которой формируется драма. Но в еще большей степени это относится к комедийному жанру. Анекдот не декларирует идеи автора, а внушает их, он не описывает, не комментирует события, а с помощью диалога и действия представляет как конкретный эпизод, так и характеры. В нем намечены основ-

ные структуры образа-характера и случая-ситуации. Эти структуры воспроизводятся в комедийном жанре обычно в диалоге.

В фольклоре комедийные формы, свободные от обрядовых, церемониальных или других функций, представляют собой непосредственную реакцию на окружающую среду. Они основаны на знакомых, передаваемых из поколения в поколение, «сценариях», но более гибки и динамичны, чем обряды и ритуалы, и свободно используют импровизацию. Они представляют богатые возможности для осмеяния и пародирования различных недостатков. Нюансы комического в фольклоре многообразны: юмор, шутка, ирония, сатира, сарказм, пародия. При этом расширяются границы перевоплощения, требующего более острой, экспрессивной образности, доходящей порой до гиперболы и гротеска.

Интерес представляет и своеобразное движение зрелищных фольклорных форм к комическому. Комическое вторгается в обряды, которые постепенно теряют свое первоначальное значение: под воздействием комического их магическая функция утрачивается и заменяется театрально-эстетической, они продолжают существовать уже как занимательные зрелища.

Процесс формирования театральной комедии был вместе с тем и процессом отрыва от фольклорных форм. Новый тип театральной игры разрушает единство зрителя и актера, автора и исполнителя. Появляется сцена, которая в отличие от места, где происходит фольклорная игра, строго фиксирована. Она снимает коллективизм творчества, отделяя зрителя от актера, четко распределяя их функции в игре. Распадается и единство автора и исполнителя: теперь их функции в спектакле разграничены. Нарушается и синкретизм фольклора: игра освобождается от музыки и танца и сосредоточивается на слове и действии. Процесс распада намечается и в литературе. Хотя комедийный жанр воспроизводит почти в том же виде некоторые фольклорные структуры, типизация в нем уже иная, характеры индивидуализированы, а ситуации связаны с конкретными событиями. Комедийный жанр не достигает высоты обобщения и лаконизма фольклорных форм, он более обстоятелен и менее действен, но зато актуален.

Обособление имеет интенсивный, почти взрывной характер и выражается в проявлении как отдельных диалогов, так и многоактных форм. Так, в 1857 г. появляются сатирические диалоги П. Славейкова и многоактная комедия Ф. Икономова «Владыка из Ловеча». В жанровом и идейном отношении они не имеют предшественников в болгарской литературе. В диалогах Славейкова «Отец и учитель», «Разговор философа с мальчиком», «Во-

просы и ответы» затронуты актуальные проблемы. Автор направляет острые сатиры на консерватизм и предрассудки, препятствующие развитию просветительского дела. Комедия Ф. Икономова «Владыка из Ловеча» ставит другую, тоже актуальную проблему — проблему преступлений фанариотов против болгарского народа. Автор использует для воплощения своего замысла как фарсово-сатирическую, так и трагическую форму. Это обстоятельство можно объяснить не столько недостаточным владением жанром, сколько влиянием фольклора, где, например, в персонаже обрядовых игр органично сочетаются ярко выраженные комические и драматические черты.

Диалог является не только основой театрального зрелища, но и существует вполне самостоятельно как литературная форма. Проблематика диалога гораздо разнообразнее и актуальнее, чем более развитых форм комедийного жанра. При помощи диалога можно категоричнее показать идейные столкновения. В этом отношении самым лучшим примером могут служить диалоги, опубликованные в газете «Барабан», авторство которых приписывается Х. Ботеву. В них комедийность граничит с непримиримостью политической сатиры. Подобную сатирическую насыщенность мы находим также в произведениях Л. Каравелова «Сцена из жизни болгарских чорбаджиев». Автор стремится раскрыть социальную сущность этого явления. Чорбаджийство и его отрицательное воздействие на общественную жизнь являются объектом разоблачения в комедии Д. Войникова «Чорбаджия».

Одна из наиболее распространенных тем эпохи Возрождения — тема протеста против мнимой цивилизации, проникновение которой ведет к деформации нравственных ценностей. У разных авторов эта тема получает различное социальное звучание. В одноактной комедии Славейкова «Малаков» разоблачаются невежество, алчность и глупость, высмеиваются причуды моды. Автор выводит фольклорные типы злой жены и находящегося у нее под башмаком глухого мужа. О связи с фольклором свидетельствует и диалог, написанный Славейковым в 1863 г. В нем писатель разрабатывает тот же сюжет, целиком сохраняя структуру анекдота. Основным действующим лицом в соответствии с анекдотом является один из популярных фольклорных героев — Хитрый Петр.

Созданная в 1871 г. Войниковым комедия «Ложно понятая цивилизация» является своеобразной кульминацией в развитии комедийного жанра. Это произведение целиком построено на обнажении комической несостоятельности героев и их поступков. Комедия и в наши дни вызывает интерес. В ней проблема мнимой культуры раскрыта еще глубже: отрицательное влияние

привело к нравственному упадку, к разрушению национальных устоев.

В период болгарского Возрождения был написан еще ряд произведений комедийного жанра, но указанные здесь дают возможность особенно наглядно выявить диалектическую связь комедийной и фольклорной форм.

Ю. Стажиньский

(ПОЛЬША)

ИСКУССТВО И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ В 1850—1900 ГГ.

ПРИ СРАВНЕНИИ художественных культур славянских стран в их исторической перспективе поражает явление, которое возникло в XIX в. в эпоху романтизма и особое развитие получило во второй половине прошлого столетия. В это время появляются новые тенденции и можно наблюдать процесс, в котором очень четко обозначаются идеологические и художественные схождения между славянскими странами. Прежде всего это зарождение и кристаллизация национальных школ живописи у поляков, русских, чехов, словаков, так же как у славян Южной Европы. У этих народов национальные школы возникают приблизительно в один и тот же хронологический период и обладают многими общими чертами. Одна из принципиальных и определяющих черт этих школ состоит в том, что они являются средством выражения пробудившегося национального самосознания. Тогда же появляются мастера высокого класса, такие, как Я. Матейко в Польше, В. Суриков и И. Репин в России, Й. Манес в Чехии. У них много общего как в выборе сюжетов, так и в средствах выразительности.

Нужно отметить, что те жанры, которые в немецком или французском искусстве не имеют основополагающего социального и национального значения, приобретают его именно в искусстве славянских стран. Так, например, историческая живопись во Франции достигла своего апогея в огромных полотнах, прославлявших сначала монархию Бурбонов, а позднее наполеоновскую эпопею. Однако после революций 1830 г. и 1848 г. она перестает играть ведущую роль и отходит на второй план. Что ка-

саются Польши, России и Чехии, т. е. тех стран, где историческая живопись остается связанной с национальным или социальным движениями, то этот вид художественного творчества во второй половине XIX в. развивается со всей интенсивностью и становится важным элементом в национальном воспитании народов этих стран.

Идеологическая функция присуща и другим жанрам живописи, например, пейзажу. Во французском искусстве пейзаж занимает большое место, но характеризуется главным образом формальной новизной и импрессионистскими колористическими принципами.

Пейзаж русских передвижников и представителей польской национальной школы (я думаю о таких художниках, как Хелмоньский или братья Герымские) всегда проблемен. Это же отличает и жанровую живопись, сюжеты которой часто взяты из сельской жизни. Эта тенденция свойственна искусству славянских стран, и особенно польской и русской живописи того времени.

Я не побоюсь назвать факты, которые наверняка знают мои коллеги. Именно русская прогрессивная критика, связанная с реалистической школой передвижников, одна из первых с энтузиазмом встретила рождение польской национальной школы в 1873 г. Многочисленную группу польских художников, среди которых был Максимилиан Герымский, экспонировавший свои произведения на Всемирной выставке в Вене, приветствовал русский критик В. Стасов. Талант Александра Герымского прославлял И. Крамской. И. Репину мы обязаны особо тонким анализом творчества Я. Матейко. Репин неоднократно выражал желание встретиться с великим польским живописцем, но его желание так и не осуществилось. Ему пришлось только принять участие в похоронах Матейко. Известно письмо Репина, где он анализирует творчество польского живописца. В свою очередь великий польский писатель-реалист Болеслав Прус, автор «Куклы», сделал прекрасный анализ полотна Репина «Крестный ход в Курской губернии», глубоко проникнув в суть картины, показанной на выставке передвижников в 1885 г. в Варшаве.

Можно проследить творческие связи, объединяющие польских художников с художниками других славянских стран, в частности с чешскими. Кроме того, имела место целая серия контактов между выдающимися представителями польской национальной художественной школы и соответствующими ей течениями в России, Чехии и других славянских странах.

Наши совместные исследования в области истории искусства показали, что возникла настоятельная необходимость проанали-

зирать близость и отличия в искусстве славянских стран в различные периоды. Это не просто дань дружбе, но также исполнение долга. Следует отметить, что наша наука об искусстве, особенно XIX и XX вв., находится в плену явления, которое я бы назвал «теорией влияний». Так, развитие искусства XIX в. мы часто рассматриваем как следствие доминирующего французского влияния, и этот критерий становится главным в оценке художественных явлений в наших собственных странах. Эта пристрастная оценка приходит в противоречие с исторической правдой. Ей нужно противопоставить не теорию влияний, а параллели: одновременное возникновение явлений в различных странах, но не в идентичной форме. Речь идет о том, чтобы рассмотреть художественные процессы этой эпохи скорее в аспекте параллелизмов, чем зависимостей. Действительно, важным является развитие, а не констатация, впрочем зачастую проблематичная или неточная, новых формальных моментов. Суть заключается не в дате появления того или иного художественного феномена, а в его ценности, идеологической направленности. Принимая эту точку зрения, можно заметить, что некоторые проблемы истории искусства в Европе — и, может быть, не только в Европе — заслуживают более углубленного рассмотрения с учетом концепции синтеза искусств.

Кроме того, проблемы близости или отличия между искусством различных стран должны быть проанализированы с точки зрения внутренних причин или, если можно так сказать, исторических связей между искусством разных народов. Только таким способом можно определить эти схождения и различия, которые, однако, далеко не идентичны непосредственным личным связям художников. Эти наблюдения касаются не только искусства славянских народов, но и вообще искусства XIX в.

Схождения в эту эпоху были многочисленны и значительны. Их идеологическая дифференциация и адекватная интерпретация являются необходимым условием для включения в исторический контекст какого-либо художественного явления или произведения. Что касается сравнительного исследования искусства славянских народов в XIX в., то сначала важно проанализировать параллели в комплексе явлений культуры — и не только художественной, — а затем уже внутри отдельных видов искусства, например живописи.

Я сознаю, что пожелания, которые я высказываю, находятся несколько в стороне от исторической проблематики. Но мне кажется, что разработка этих идей поможет глубже изучить славянские культуры. Усилия, предпринимаемые до сих пор, пока еще не увенчались успехом. Предлагаемая форма анализа, по

моему мнению, наиболее действенная, и мы должны ей следовать.

Попытка подобного рода была уже предпринята редколлекцией альбома «Дерево в архитектуре и скульптуре славянских стран». Она объединила группу исследователей из различных стран — Советского Союза, Польши, Чехословакии, Югославии, Болгарии. Они поставили перед собой цель установить сходство произведений, которые возникли в результате применения идентичной техники резьбы по дереву и развитие которых было обусловлено сходными историческими условиями.

Наши исследования восходят к более ранним эпохам, вплоть до феодальной, но столь же важно проанализировать эти параллели в новое время и в современную эпоху.

В качестве примера сравнительного исследования возьмем творчество двух выдающихся мастеров Польши и России, которые жили почти в одно и то же время, — Высяньского и Врубеля. Можно констатировать наличие многих одинаковых явлений в их творчестве, даже в выборе сюжетов. Общей чертой является интерес к фольклору, обычаям, костюму. Обоих художников объединяет народная, крестьянская в своей основе, традиция. Они были представителями художественного течения, целью которого было радикальное обновление искусства на рубеже XIX и XX вв. Это течение, как некогда романтизм, искало новые пути.

Я позволил себе привести ряд примеров в подтверждение своих мыслей. Я хотел бы обратить особое внимание на необходимость выявления принципиальных параллелей в развитии культуры, которые нас могут привести к новым выводам и даже к открытию неизвестных еще фактов в области творческих инспираций и аналогий искусства XX в.

Все эти вопросы заслуживают более углубленного изучения. Следовало бы также определить, существуют ли сходство и различия в развитии искусства Западной Европы и славянских стран.

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОЙ ЖИВОПИСИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

РАЗВИТИЕ белорусского изобразительного искусства в первой половине XIX в. имело свои отличительные особенности, определявшиеся, в частности, тем, что в этот период Белоруссия не имела своей государственности. (После третьего раздела Речи Посполитой она вошла в состав Российской империи.) Исторические обстоятельства были таковы, что в становлении белорусской культуры большая роль принадлежала городу Вильно (Вильнюсу), где вокруг Виленского университета группировались передовые круги не только польской и литовской, но и зарождавшейся белорусской интеллигенции. Это позволяет нам говорить о культуре города Вильно как о культуре, имеющей непосредственное отношение к истории изобразительного искусства Белоруссии. Значение этого факта трудно переоценить. Существовавший при Виленском университете факультет живописи, скульптуры и гравюры, или, как его принято называть в современной искусствоведческой литературе, Виленская художественная школа, подготовил немало художников и учителей рисования для гимназий в белорусских городах Минске, Витебске, Новогрудке. На деятельности этого факультета следует остановиться особо.

Первыми профессорами живописи в Виленском университете были Франтишек Смуглевич и Ян Руستم. Они далеко вперед продвинули дело художественного образования на белорусско-литовских землях.

Усиление национально-освободительной борьбы народов, находившихся под гнетом царского самодержавия, высокий гражданский пафос литературы дворянских революционеров вызвал к жизни наиболее прогрессивное по тому времени направление в литературе и искусстве — романтизм.

Ведущим жанром в творчестве живописцев Виленской школы первой половины XIX в. был портрет. В его развитии можно выделить две ярко выраженные линии: первую, основанную на традициях классицизма, и вторую, содержащую черты сентиментализма и романтизма.

Наиболее видными представителями первого направления в живописи были портретисты Даниил Кондратович, Федор Ту-

лов и Антон Гловацкий. В творчестве этих живописцев еще заметно сильное влияние церковной и парсунной живописи, выразившееся в статичности поз, однообразии композиционных решений и некоторой условности колористической гаммы. Тем не менее уже в этот период ими были созданы высокохудожественные произведения, в которых классическая условность хорошо сочетается с глубиной проникновения во внутренний мир портретируемых.

Представителями второй линии развития живописи были в основном воспитанники Виленской школы — Валентий Ванькович, Кароль Рыпиньский, Адам Шемеш, Поликарп Етейко и др. Некоторые из них (как, например, Ванькович) получили затем прекрасную подготовку в петербургской Академии художеств. Кисти Ваньковича принадлежат такие полные романтического пафоса произведения, как «Портрет Адама Мицкевича у скалы Аю-Дага», «Портрет писателя Антона Горецкого», «Автопортрет», «Портрет старика Соплицы» и др. Шемеш является автором проникновенных портретов писателя Владислава Сыромкли и композитора Станислава Монюшко. Рыпиньский — автор портретов культурных деятелей бывшего так называемого Северо-Западного края.

К этой же плеяде относится и воспитанник петербургской Академии художеств, уроженец села Захарничь Полоцкого уезда (бывшей Витебской губернии) Иван Хруцкий, создавший такие замечательные произведения, как «Портрет жены», «Портрет сына», «Портрет писателя Плакида Янковского» и другие, в которых романтическая взволнованность образов прекрасно сочетается с реалистической формой. На творчестве этого живописца сказалось сильное влияние живописи А. Венецианова.

Одной из особенностей развития портретного жанра было появление групповых портретов («Семейный портрет» Хруцкого, «Портрет семейства князей Шаховских» Тулова и др.), что явилось следствием возросшего мастерства живописцев в области композиции.

В развитии исторического жанра наблюдается обращение к сюжетам из русской, польской и античной истории, как следствие того, что собственно белорусская история была в то время еще недостаточно изучена. Однако следует отметить, что белорусские живописцы Виленской школы в своих полотнах стремились отображать те исторические события, которые так или иначе были связаны с историей Белоруссии.

Наиболее крупным историческим живописцем был художник Ян Дамель. Ему принадлежат полотна «Смерть Глинского в темнице», «Освобождение Костюшко из неволи», «Гибель пред-

водителя крестоносцев Ульриха в Грюнвальдской битве», «Отступление французов через Вильно», эскиз картины «Отступление Наполеона через Березину» и др. Эти картины отличались высоким гражданским пафосом и верностью отображения исторических событий.

В первой трети XIX в. возникают и произведения бытового жанра. Их появление связано с проникновением в искусство идей Великой французской революции, на знамени которой были начертаны слова «Свобода, равенство и братство». Передовая часть художественной интеллигенции начинает со вниманием относиться к жизни простых тружеников — крестьян, ремесленников и городской бедноты. От первоначальных бытовых зарисовок с натуры (Дамель, Бахматович) живописцы постепенно переходят к бытовым полотнам, в которых с сочувствием изображают представителей «низших сословий». Примером могут служить картины «Гадалка предсказывает судьбу», «Музыкант, настраивающий виолончель» Тита Бычковского; «Русские солдаты в деревне», «Привал улан у переправы через реку» Константина Кукевича; «Вербное воскресенье», «Жнея» Канутия Русецкого и др.

Белорусские живописцы в своих полотнах и бытовых зарисовках стали показывать жизнь и быт различных этнических групп Белоруссии — поляков, литовцев, евреев и других, тем самым проповедают идею интернационального единства всех народов вопреки политике царского правительства, которое всячески поощряло национальную рознь.

В картинах некоторых бытовых живописцев первой половины XIX в. уже появляются черты социального протеста (например, в полотнах Горецкого «Последнее причастие», «Мать у постели умирающей дочери», «Нищий с поводырем» и др.).

В пейзаже первой половины XIX в. заметно быстрое усиление реалистических черт. От классических пейзажей Садовникова, Русецкого, Хруцкого, в которых идеализировался патриархальный уклад жизни мелкопоместного дворянства, художники переходят к изображению наиболее поэтических уголков белорусской природы. В пейзажах Викентия Дмоховского «Озеро Свитязь», «Усадьба в Тугановичах», «На родине» с большим мастерством показаны закат солнца, сумерки, рассвет и т. д.

Творчество живописцев первой половины XIX в. явилось важным этапом на пути к искусству критического реализма, развитие которого происходило уже во второй половине XIX в., на пути к формированию белорусской национальной школы в искусстве.

О ЗАДАЧАХ ИЗУЧЕНИЯ ЧЕШСКОГО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

ЧЕШСКАЯ культура представляет собой важную и интересную главу в истории славянских культур и, несомненно, заслуживает пристального внимания. Несмотря на то, что она формировалась в окружении более развитых неславянских культур, а в XVIII—XIX вв. была зажата ими в тиски, она с честью выполняла свою миссию и осуществляла последовательно славянскую программу.

Другая ее важная особенность — глубокий демократизм. Поскольку в эпоху Возрождения дворянство в Чехии было иностранным, а богатые городские слои онемечены, национальное Возрождение могло опираться лишь на немногочисленную интеллигенцию, вышедшую из народных кругов. Это усиливает демократический характер чешской культуры.

Необходимо подчеркнуть, что взгляды на роль чешской культуры эпохи Возрождения не оставались неизменными. В этой связи нам хотелось бы кратко остановиться на задачах изучения чешского искусства эпохи национального Возрождения, стоящих перед Институтом теории и истории искусства ЧСАН.

Чешская художественная культура опирается на традиции готики и барокко. В силу общественно-исторических условий Ренессанс и классицизм получили в ней меньшее развитие. Этим можно объяснить сильные позиции романтизма в чешской культуре XIX в. Именно романтизм помог ей в дальнейшем перейти на позиции реализма в области чешского изобразительного искусства.

Однако неправильное понимание национальной специфики чешского искусства и его места в мировом культурном процессе привело к сужению понятия «романтизм» в трудах основателей теории и истории чешского изобразительного искусства. Некоторые из них, всю свою жизнь посвятив изучению культуры эпохи Возрождения, пришли к убеждению, что чешское искусство вошло в европейскую культуру лишь своей готикой и частично искусством барокко. Признавая, что искусство XIX в. может вызывать чувство восхищения, они в то же время считали, что будительская идеология связывает его, не позволяя разрабатывать темы и жанры подобно тому, как они были разработаны в европейском классицизме, романтизме, реализме и импрессионизме. Они счи-

тали, что чешское искусство эпохи Возрождения имеет узлокальное значение и его результаты несоизмеримы с достижениями европейской культуры.

С течением времени теряли свою привлекательность национальный и патриотический моменты чешского искусства Возрождения, вдохновлявшие исследователей культуры этой эпохи еще в первые десятилетия после провозглашения Чехословацкой Республики. К этому прибавилось еще одно обстоятельство. Значительно возрос интерес к современному чешскому изобразительному искусству, которое, преодолев свое отставание, достигло европейского уровня развития и вновь получило признание. Повышенный интерес к современному искусству вызвал ослабление внимания к искусству XIX в. Заметный уход от тематики XIX в. в Чехословакии продолжается и поныне, в то время как весь культурный мир переживает увлечение искусством прошлого столетия. Это увлечение объясняется тем, что сущность этого искусства осталась нераскрытой. На примере этого искусства, которое вплоть до последнего времени казалось таким понятным и всесторонне изученным, ясно видно несовершенство существующих методов исследования, необходимость более глубокого понимания проблематики, касающейся как отдельных национальных школ, так и европейской культуры в целом.

Славянские культуры, в том числе чешская, внесли огромный вклад в сокровищницу мировой культуры, в реализацию прогрессивных идей XVIII—XIX вв. Однако мы еще не сумели в полной мере познакомить общественность с чешским искусством того времени, хотя бы в форме публикаций. Иначе оно давно бы заняло в европейском сознании такое же место, какое по праву заняли лучшие произведения чешской музыкальной культуры. Еще существует неправильное представление, что славянская культура настолько своеобразна, что ее трудно постичь человеку неславянского происхождения, и в то же время настолько отстает от уровня европейской культуры, что ее можно обойти молчанием.

Следует подчеркнуть, что исследование чешского искусства XIX в., которое до сих пор вызывает огромный интерес, требует принципиального марксистского подхода к национальному вопросу.

В течение долгого времени высказывались ошибочные суждения по поводу культурного наследия 20—30-х годов XIX в. Основное внимание исследователей было направлено на изучение наследия Йозефа Манеса и представителей так называемого поколения Национального театра, в творчестве которых, исходя из существующих воззрений, был завершен процесс формирования собственно чешского искусства, независимого от искусства не-

мецкого. Что же касается периода национального Возрождения, то, согласно ложным концепциям, чешский романтизм в области изобразительного искусства вплоть до 1830 г. полностью зависел от немецкого романтизма. Таким образом, отрицалось само понятие «чешский романтизм», его национальная специфика.

В настоящее время в Институте теории и истории искусства ЧСАН подготовлены и опубликованы работы, полемизирующие с подобными взглядами. Чешское изобразительное искусство эпохи Возрождения рассматривается как составная часть всей чешской национальной культуры. Институт концентрирует свои усилия на изучении взаимодействия различных видов искусства — музыки, изобразительного искусства, театра, а также литературы. Это создает условия для плодотворного сотрудничества ученых разных специальностей, для обмена мнениями по проблемам, касающимся общих закономерностей искусства.

Институт успешно разрабатывает проблематику чешской художественной культуры 1780—1890 гг., в том числе проблему наследия пяти художников из семьи Манесов, которые оставили большое количество значительных произведений и на протяжении более 70-ти лет оказывали большое влияние на развитие чешской культуры. Подготавливаются фундаментальное исследование о чешском романтизме, публикации о взаимоотношениях чешского и немецкого искусства, весьма важные для понимания характера чешского искусства.

Все эти работы, несомненно, помогут объективно оценить вклад чешского изобразительного искусства эпохи национального Возрождения в европейскую культуру.

Е. И. Кириченко

(СССР)

ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕГО И НАРОДНОГО ЗОДЧЕСТВА И АРХИТЕКТУРНЫЙ СТИЛЬ КОНЦА XVIII—НАЧАЛА XX В.

ИЗВЕСТНО, что судьбы отдельных народов или регионов существенно отличаются друг от друга. При этом историками зафиксированы тенденции к унификации исторического процесса и сближению художественных культур. Можно наметить основные

веки этого сближения. Эпохе эллинизма присущ синтез великих культур Востока и античности. В эпоху Возрождения понятие «европейская», точнее «западноевропейская архитектура» с завоеванием Северной и Южной Америки расширяется до понятия «мировая архитектура европейского круга». В XVIII в. в этот процесс включаются восточнославянские народы — на рубеже XVII—XVIII вв. Левобережная Украина и Россия, а примерно столетием позднее — Юго-Восточная Европа. Начинается процесс слияния восточноевропейской (византийской, греческой) и западноевропейской (римской) культур. Рассмотрение значения древней и народной традиций в формировании национальных славянских архитектур наталкивает также на мысль о необходимости определить соотношение и взаимосвязь таких феноменов, как Возрождение и славянское национальное Возрождение.

Термином «Возрождение» принято обозначать эпоху, переходную от средневековья к новому времени, отмеченную складыванием свободного от диктата церкви гуманистического мировоззрения и кристаллизацией национальных государств. В области художественного творчества происходит эмансипация от цеховой ремесленной традиции, дающая начало «ученому» (профессиональному в современном смысле) искусству, пути развития которого определяются теперь не столько религиозным фактором, сколько национальной принадлежностью. В соответствии с тем, какой класс является ведущим, в той или иной стране получает распространение определенный вариант стиля, наиболее ярко представляемый «национальным» типом зданий.

В эпоху великого перелома формируется не только художественный стиль (Ренессанс), но возникают и оформляются закономерности более широкие, сохраняющие действенность в изобразительном искусстве и архитектуре на протяжении культурно-исторической эпохи нового времени в целом (вплоть до рубежа XIX—XX вв.). Решение столь грандиозных задач, сопровождающееся крутой ломкой установившихся норм и новизной создаваемого, эпоха, напоминающая переходное время от античности к средневековью и требующая максимального напряжения всех творческих сил, заставляют обратиться за поддержкой к прошлому, диктуют переосмысление установившихся традиций и возвращение к забытым, их новое открытие — возрождение.

В Италии наиболее ярким проявлением этой тенденции стала ориентация на античную древность, в остальных европейских странах — переосмысление своего средневекового наследия. За ранней переходной стадией, в которой наметилась возможность преодоления средневековых норм и верований, должна была последовать другая, решительно с ними порывающая. В области

архитектуры средством преодоления прошлого стало освоение ордерной системы. В обращении к ордерной системе заключена вся радикальность и жизнеспособность Ренессанса в Италии, возрождавшего нечто существовавшее ранее, обладавшее в глазах его первооткрывателей тем бóльшим моральным авторитетом, что оно уже некогда противостояло тому, с чем необходимо было бороться и преодолевать, и существенно отличалось от норм средневекового зодчества и свойственных ему принципов формообразования. Остальным народам Европы предстояло осваивать язык ордерных форм через посредство Италии. Вследствие ряда обстоятельств для Испании, Португалии, Франции, Англии и Голландии Ренессанс стал подлинным началом развития национальной архитектуры, тогда как в странах Центральной Европы формирование ее отодвинулось на вторую половину XVIII в. В этих странах ренессансный гуманизм получил распространение по преимуществу в аристократическом или бюргерском варианте. Социальная база его оказалась слишком узкой, изменения в мировоззрении — недостаточно радикальными и доступными пересмотру, обратимыми, по определению некоторых исследователей.

Контрреформация, сопровождавшаяся экспансией стиля барокко, в ряде случаев означала поворот в сторону средневековья. В Италии это был поворот в рамках прочной гуманистической традиции, в Центральной Европе — в рамках традиции, недостаточно установившейся. Экспансия барокко приостановила или замедлила процесс формирования национальных архитектур. Барокко в своем возникновении обнаруживает тенденцию стать мировым стилем католической церкви. Поэтому функцию Ренессанса, давшего импульс созданию национальных архитектурных школ, в какой-то степени должны были взять на себя Просвещение и романтизм, эпоха национального Возрождения в славянских землях. Со второй половины XVIII в. процесс формирования светской национальной культуры принял необратимый характер.

К архитектуре Ренессанса генетически восходит расслоение единого прежде потока развития архитектуры. Сословному делению на зодчество, обслуживающее господствующие классы и народ (трудящихся), соответствует деление на профессиональную архитектуру, использующую язык ордерных форм, и непрофессиональную, народную, развивающуюся в русле древней ремесленной цеховой традиции. Одним из следствий контрреформации было закрепление цехового воспитания и работы артелями. Однако благодаря активности философско-эстетической позиции барокко, его стремлению воздействовать на массы людей не произошло поглощения нового архитектурного языка традиционным,

а родился своеобразный симбиоз традиционных и новых приемов, форм, принципов. При внедрении барочных форм в сельское, главным образом культовое, зодчество, а также в массовую жилую застройку происходит своего рода фольклоризация «ученой» ордерной архитектуры, ее упрощение и архаизация, но одновременно ее укоренение, распространение вширь. И когда в странах Центральной Европы приобрела актуальность программа создания национальной архитектуры, эта новая фольклорная традиция стала одной из основ ее формирования.

Романтизм лишь отчасти поколебал гегемонию ордерных форм в архитектуре Центральной Европы. Наряду с формами национальными, заимствованными большей частью из храмовой архитектуры средневековья, по-прежнему широко используются формы классицистической и ордерной архитектуры. Применение тех и других обусловлено ассоциативностью восприятия архитектурных форм, жестко связываемых с определенным кругом понятий. Формы «национальные», восходящие к средневековым прототипам, символизируют национальную идею, дух нации, неповторимость ее культуры, ордерные формы — общечеловеческие и общегосударственные идеи, идеи гуманизма, но в специфических условиях славян Центральной Европы — прежде всего идею государственности, интерпретируемую как идею свободного, независимого существования. Использование традиций народного и средневекового зодчества ограничивается применением отдельных элементов и форм, включаемых в систему композиции на основании тех же принципов, что и ордерные.

Иными путями развивалось зодчество славян, населявших Юго-Восточную Европу. При рассмотрении процессов развития архитектуры славян Юго-Восточной Европы необходимо разобраться в существе этих процессов, определивших своеобразие идейно-художественной проблематики, а следовательно, и национальную специфику каждой из стран или группы стран и тем самым своеобразие переживаемого ими этапа с точки зрения стадийной, независимо от сходства или несходства форм, которые для него характерны.

Думается, переворот в петровском зодчестве был длительным процессом, захватившим едва ли не целое столетие, типологически родственным Ренессансу как определенной ступени магистрального развития мировой культуры, к которому с опозданием присоединяется Россия. На эту мысль наводят разрешаемые русской архитектурой задачи в плане общественно-политическом, идейно-художественном, даже формальном — преодоление норм средневековой архитектурной системы и овладение нормами тогдашнего европейского зодчества, опиравшегося на традиции ан-

тичности. Сложность заключается в том, что переворот, родствен- ный ренессансному, совершается в формах и в обстановке, дале- кой от собственно ренессансной, и поэтому он неизбежно лишен определенности, отличающей архитектуру стран, стоявших во главе художественного процесса.

На Балканах этап, стадияльно отождествимый с Ренессансом, наступает еще позднее — в конце XVIII—начале XIX в., по- скольку именно в тот период начинаются отход от средневековья, освоение архитектурного языка, созданного Италией в эпоху Воз- рождения, являющиеся в свою очередь интегральной частью про- цесса формирования национальной культуры.

В непосредственной зависимости от переживаемой Юго-Вос- точной Европой стадии находится характер использования насле- дия прошлого. Задача создания национальной архитектуры не теряет актуальности в конце XVIII—начале XX в., но ее пони- мание и интерпретация заметно меняются. В конце XVIII и в первой половине XIX в. заново переосмысливается своя тради- ция в области народного жилища и культовой архитектуры пе- риода наивысшего расцвета государственности. Народный подъем помогает увидеть в привычных формах новое содержание. Этот взлет балканской архитектуры был рожден острой потребностью восстановить грубо разорванную связь времен, прочувствовать единство национального исторического процесса и свою сопряча- ность оваянному легендами свободному прошлому. Народная архитектура переживает в это время поздний расцвет, с тем чтобы навсегда уступить лидерство профессиональной, с которой уже с первой трети столетия были связаны основные достижения сербского градостроительства.

Парадоксальность архитектурного процесса XIX в. в Юго- Восточной Европе состоит в том, что формирование национальной школы и национального стиля как одного из вариантов общеми- рового (историзма или эклектики) идет по линии изживания той самой народной национальной традиции, за возврат к которой ратуют идеологи. В соответствии с переживаемым славянскими народами этапом исторического развития и под влиянием общих для времени эстетических норм требовалось применять формы по видимости национальные в системе стиля, по принципам фор- мообразования противоположного средневековому зодчеству. Только в этом контексте можно понять, почему, скажем, вен- ский архитектор Т. Хансен, далекий от собственно сербской тра- диции, а не славянский мастер А. Дамянов, один из последних ее представителей, сыграл такую важную роль в развитии серб- ского стиля второй половины XIX в.

Формирование национальных архитектурных школ южных

славян, протекающее во время интенсивного сближения и интернационализации культур, выглядит как почти непрерывная цепь усилий, направленных на изживание провинциализма и отсталости путем освоения опыта передовых стран. Значение элементов национально самобытных, обладающих визуальным своеобразием, неуклонно падает, и столь же неуклонно возрастает значение элементов интернациональных. Истоки этого процесса совпадают с началом культурного Возрождения югославянских народов во второй половине XVIII в. Особенно они активизируются в XIX—начале XX в. Национальное Возрождение в землях юго-восточных славян знаменует также конец векового расслоения архитектуры славянских народов, развивавшейся прежде в двух руслах, входившей в орбиту двух культурных традиций.

Поскольку зодчество Болгарии, Сербии переживает стадию, во многом аналогичную стадии, пройденной Россией в XVIII в., национальное Возрождение в этих странах неравнозначно архитектуре чешского Возрождения, связываемого с «поколением Национального театра». При бесспорной близости одушевлявших славянские народы идей нельзя рассматривать в качестве одноипшных рожденные патриотическим освободительным движением «национальные стили» (стили в понимании XIX в., или, точнее, использование форм средневекового и народного зодчества) в Польше и Сербии, Болгарии и России. Кроме того, национальная идея даже в XIX в., несмотря на присущее последнему убеждение в существовании материальных эквивалентов отвлеченных понятий, не всегда выражалась в национальных формах. Потребность выражения национальной идеи в национальных формах как специфическая проблема архитектуры возникает в эпоху романтизма, но сохраняет жизнеспособность на протяжении всего XIX в. по преимуществу в странах окраинных и зависимых. Однако и здесь проблема национальной стили по существу концепций, по выбору образцов и принципам использования последних претерпевает заметную эволюцию, ярко характеризую зарождающуюся в это время общность славянских архитектур и их разнообразие. Архитектура Возрождения и архитектура славянского Возрождения, национальное Возрождение как этап развития архитектуры славянских народов, борющихся за национальную независимость, наконец национальный «стиль» в архитектуре — понятия разнородные и разнохарактерные, обусловленные различными процессами социальной и культурной жизни и тем не менее взаимосвязанные, представляющие на разных уровнях и по-разному этапы формирования национальной культуры и национальной архитектуры. В частности, архитектура южных славян вплоть до первой мировой войны переживает период явной

перестройки, вступая во второй половине XIX в. в качественно иную фазу непосредственного освоения опыта тогдашней европейской архитектуры. Поскольку народы Юго-Восточной Европы осваивали архитектурную систему после Возрождения, в период, когда та близилась к своему историческому концу (эkleктика), им пришлось на протяжении немногим более столетия испытать два кардинальных перелома. Едва успев освоить архитектурный язык и систему зодчества после Возрождения, они были поставлены перед другой столь же сложной задачей приобщения к нормам рождающейся на рубеже XIX—XX столетий современной архитектуры.

МЕЖСЛАВЯНСКИЕ
КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

*

ВКЛАД СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ
В ЕВРОПЕЙСКУЮ
И МИРОВУЮ КУЛЬТУРУ

Г. Д. Вервес
(УССР)

СВЯЗИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛАВЯНСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР КАК ФАКТОР ПРОГРЕССА

В ПОСЛЕДНИЕ годы заметно усилился интерес к изучению взаимодействия славянских культур между собой и их связей с культурами других народов мира. Это объясняется стремлением раскрыть уходящие в глубь столетий традиции современных взаимоотношений, необходимостью новой оценки связей на уровне современной науки¹. И все же работ комплексного характера, интерпретирующих культуру как синтез творческих возможностей человека и его усилий, направленных на познание и преобразование мира, учитывающих диалектическое единство ее многообразных компонентов (теории общественного прогресса, эстетические учения, книгопечатание, взаимодействие гуманитарных и естественных наук, литература, искусство), появляется все еще мало, а от этого зависит успешное изучение и глубинных межнациональных культурных отношений.

Положительным моментом в освещении вопросов культуры явились разрабатываемые Институтом славяноведения и балканистики АН СССР проблемы формирования национальных культур народов Центральной и Юго-Восточной Европы, развития национального самосознания, формирования наций². Учитывая

¹ Межславянские культурные связи. М., 1971; Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973; Пути развития и взаимосвязи русского и чехословацкого искусства. М., 1970; Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения. М., 1968; O wzajemnych powiazaniach literackich polsko-rosyjskich. Wrocław, 1969; Slovenská a ruska literatúra. Bratislava, 1973; Міжслов'янські літературні взаємини, в. I—III. Київ, 1958—1962; и др.

² Марков Д. Ф. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. — Вопросы истории, 1973, № 10, с. 93 и сл.; Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974; Миллер И. С. Формирование наций. Место проблемы в совокупности процессов перехода от феодализма к капитализму в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. — Советское славяноведение, 1975, № 6, с. 93—98.

научные выводы и прогнозы советской науки, хотелось бы в общих чертах осветить вопрос, который возникает не на «второй», а в тот самый день, когда появляются и национальные славянские культуры, — о их связях и взаимодействии, ибо доказано, что развитие и международный резонанс национальной культуры прямо пропорциональны ее локальным и международным отношениям.

В конце XVIII—начале XIX в. славянские народы стояли на разных ступенях государственного, национального и культурного развития. Кроме России, могущественного славянского государства, и Польши, которая хотя и потеряла свою государственность, но была готова уже перед самыми разделами «перенести знамя французской революции на берега Вислы» (Ф. Энгельс) и обладала традицией государственной и культурной жизни, остальные славянские народы испытывали тяжелый национальный гнет, некоторые даже не точно обозначались на географических картах Европы, а функции их культуры были ограничены «домашним обиходом». Их язык изгонялся из школ и учреждений, а большие культурные завоевания прошлого предавались забвению. Социальная и национальная зависимость от стран, их угнетавших, — ими была и султанская Турция, и царская Австрия, и Пруссия — должна была поставить и их культуру в маргинальное положение.

Россия в этих условиях, именно как славянское государство, несмотря на захватническую политику царизма, сыграла важную роль в судьбах зарубежных славян; она оказывала не только моральную, но и материальную помощь деятелям славянского Возрождения. В противовес царизму передовая русская общественность содействовала нарастанию национально-освободительной борьбы в славянских землях.

В России, а также в Польше уже в XVIII в. происходят глубинные сдвиги в социальной и духовной жизни, которые могут быть охарактеризованы как явления сформировавшейся национальной культуры: повсеместно господствовал национальный язык, функционировали национальные учреждения, а все формы и виды культуры (наука, театр, пресса, литература, искусство и т. п.) выступали как единое целое, обслуживающее духовные потребности общества. Культуроформирующим фактором в этих странах выступило Просвещение, интенсивно влияющее и на формирование культур других народов славянского мира, доказательством чему может служить энциклопедическая деятельность Паисия Хилендарского, Григория Сковороды, Досифея Обрадовича и др. Однако, несмотря на известную роль этих мыслителей и философов в пробуждении национального самосознания своих

народов, они скорее прообраз будущего, чем духовные вершины настоящего.

Постепенно развитие капитализма захватывает и окраины. Приведенные в движение новыми складывающимися буржуазными отношениями, активизируются и «негосударственные» славянские народы. Свою культуру они должны были создавать ускоренно, создавать на местном материале, а также ориентируясь на опыт более развитых культур родственных народов. Национальным материалом оказалась выдержавшая испытания временем народная культура — устное народное творчество, привлекающее интерес представителей романтизма.

То, что главным культурообразующим фактором для большинства славян было народное творчество, несущее на себе печать предшествующих этнических общностей, и то, что оно воспринималось как связующее звено между «старыми и новыми временами», как «ковчег завета» (А. Мицкевич), носитель подлинного народного духа, сыграло огромную роль в судьбах национальных культур славянских народов.

Нарождавшаяся национальная культура не могла остановиться на уровне фольклорной культуры, поэтому возникает потребность в обращении к опыту других культур — русской, польской, чешской, хорватской, к опыту других европейских народов, тем более что сами они были заинтересованы в культурном обмене. Связи развиваются как по вертикали — обращение к собственным и инациональным традициям далекого и ближайшего прошлого, так и по горизонтали — вхождение в активные контакты в различных областях культуры в зависимости от того, какой из ее видов выполнял роль детонатора в воспринимающей национальной культуре. Чаще всего эти функции брала на себя литература, так как она обладала наибольшими возможностями массового воздействия путем распространения политических, идеологических, эстетических и этических концепций.

В это время большую популярность среди славян получают идеи чешских будителей, особенно идея «славянской взаимности» Я. Коллара. Под влиянием освободительной борьбы в России, в частности революционных идей декабристов, среди восточных славян и в Польше идеи «родства народов» распространяются несколько ранее. В 1817 г. З. Доленга-Ходаковский писал: «Если я перестану быть братом русинов, чехов, венгров, мне придется оставить свои планы, и польская древность исчезнет. Именно потому, что в прошлом каждый писатель и исследователь ограничивался только своим языком и областью... он ничего не мог заметить»³.

³ Biblioteka Warszawska, 1866, t. VI, cz. 5, s. 163.

Интенсификация культурных связей и вызвала у деятелей Возрождения чувство единой славянской общности, стремление не отстать от других и запечатлеть свое доброе, историей оправданное имя. «Мысль не отстать от других собратьев вдохновляет всех. Молодежь возбуждена к деятельности живой, патриотической», — сообщал, например, из Загреба в 1841 г. П. Прейс⁴.

Межславянские культурные связи, усиливающиеся с каждым десятилетием, в первой половине XIX в. возникают не между традиционно «излучающими» и «воспринимающими» культурами, а между равными партнерами. Уже с этого момента можно говорить о взаимодействии и взаимообогащении родственных культур. Кроме того, следует учитывать, что подлинно высокая, гуманистическая культура так называемых господствующих наций также подвергалась гонениям со стороны своей реакции, — мы заметим не только национальные, но и социальные элементы и тенденции. Поэтому следует различать связи в период формирования славянских наций и национальных культур (по времени этот период хронологически не совпадает для славянских народов) и в последовавший за ним период, отмеченный более четким разграничением борьбы двух культур, более тесным сближением прогрессивных деятелей разных стран.

У нас нет возможности подробно останавливаться на значении результатов культурного обмена первой половины XIX в., хотя такие явления, как взаимосвязанность собрания и издания народного творчества (Кирша Данилов — Караджич — Цартелев-Максимович — Вацлав из Олеска — Штур и др.), его использования (Гоголь — Шевченко — Прешерн — Каравелов), творческие связи в области музыки (Глинка — Монюшко — Дворжак)⁵, возникновение национальных «школ», занимающихся освоением инационального народного творчества (в частности, «украинская школа» польских романтиков, проявившаяся в поэзии, живописи и музыке), тесная связь героических и эпических начал в области изобразительного искусства, посвященной национально-освободительной борьбе поляков, сербов и болгар⁶, — говорят сами за себя.

Специфика связей родственных культур определила многообразие форм и способов усвоения инационального богатства, начиная от подражаний, стилизаций и кончая непосредственным

⁴ Живая старина, в. III. СПб., 1891, с. 41.

⁵ См. об этом: *Бэлза И.* Русские классики и музыкальная культура западного славянства. М., 1950.

⁶ История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973, с. 390 и сл.; История и культура славянских народов. М., 1966, с. 40—75.

участием в «чужом» культурном процессе. Этой же спецификой объясняется и своеобразие типологических схождений, а зачатую и последовательность их поэтапного проявления (собираание и издание памятников народного творчества, создание на фольклорной основе оригинальных художественных произведений и, параллельно, переводных, становление разговорного языка в качестве литературного, усиление роли театра, национальной музыки и изобразительного искусства, роли инославянской тематики во всех сферах культуры).

Связи содействовали ускоренному росту и «выравниванию» общеславянского культурного процесса, ликвидации отрицательно действующих «антрактов» в национальной духовной жизни угнетенных народов путем овладения ими «последним словом» наиболее развитых славянских культур. Отметим, что эти «антракты» порой были значительными; в результате их появились «пропуски» таких явлений, как классицизм и сентиментализм. Известно, что и романтизм в некоторых культурах проявлялся лишь в подражании народным песням. Иногда же все эти «пропущенные» направления сосуществовали в эмбриональном состоянии (порождая известный синкретизм). Но они немедленно приводились в движение, как только открывались новые возможности развития. Такие культуры не возвращались к исходной точке, а создавали духовные ценности наиболее современные, опираясь на опыт других народов. В этом отношении роль русской культуры в ликвидации «антрактов» в украинской и белорусской, а также сербской и болгарской и роль польской в развитии хорватской и чешской культур общеизвестны.

Выдающаяся роль в развитии всех культур славянского мира принадлежит русской культуре, в идейно-эстетической и нравственной атмосфере которой созрел гений А. Пушкина, А. Мицкевича, Т. Шевченко, К. Гавличка-Боровского, Х. Ботева. В то же время уже с 20—40-х годов XIX в. русская культура обогащается за счет культур западных и южных славян. При этом высокая трибуна, которая предоставлялась зарубежному писателю, композитору, драматургу в России (периодическая печать, концерты, театр и т. п.), требовала соответственно высокого профессионального, художественного уровня. Вот почему «втягивание» в орбиту передовой русской культуры явлений инославянских было признанием высоких эстетических и гуманистических ценностей литературы и искусства наций, лишенных своей государственности. Культура, выражающая большую степень национального самосознания, порождала патриотические настроения у соседей, активизировала процессы, связанные с возникновением новых национальных культур.

С одной стороны, раздаются голоса, призывающие славянские народы к объединению и консолидации, с другой — происходит своеобразное «отпочкование» новых национальных культур, в результате чего в предельно краткий срок (одно-два десятилетия) коренным образом меняется карта всего славянского мира: наряду с русской, польской, чешской и другими культурами возникают новые и в то же время древние, возрождающиеся культуры — украинская, сербская, словацкая, словенская и другие национальные культуры.

Конечно, эпоха национального Возрождения народов Центральной и Юго-Восточной Европы была порождена глубинными процессами социально-экономической и политической жизни каждой из славянских стран, сложными взаимодействиями социальных факторов и факторов, относящихся к сфере культуры. Но эта эпоха никогда бы не достигла таких разительных перемен без постоянного, непрерывающегося взаимодействия между «старыми» и «новыми» родственными культурами. Взаимоотношения между ними отмечены диалектическим единством противоречий национального и общечеловеческого, традиционного и новаторского, при котором «новое» не только связано со «старым», но зачастую и определяется им.

В 10—20-е годы XIX в. на Украине, уже после того как появились первые части «Энеиды» И. Котляревского (1798), ознаменовавшие собой начало новой украинской литературы на народном языке, в Харькове, а затем и в Киеве продолжают издаваться украинские журналы на русском языке. Украинские писатели П. Гулак-Артемовский, Г. Квитка-Основьяненко, а позже и Е. Гребенка продолжают традиции украинско-русского единения предшествующих столетий. Н. Гоголь также выступает в духе этой традиции.

Проблема языка в 10—20-е годы XIX в. не имела такого значения, какое она приобрела в 30-е годы у романтиков, а затем у Т. Шевченко. Удовлетворяя эту объективную потребность, русский ученый И. Срезневский принимает непосредственное участие в украинском культурном процессе: он издает альманах «Запорожская старина» и стихотворения на украинском языке. Срезневский выступает поборником украинской культуры. Шевченко, завершивший своим творчеством в 40-е годы процесс формирования украинской национальной литературы, считает русскую литературу «нашей литературой».

Как показали новейшие исследования советских и зарубежных ученых, чехословацкая и иллирийская языковые общности, исходившие во многом из учения Я. Коллара о «славянской взаимности», были только этапом в развитии культур западных

и южных славян. Учение Коллара в условиях борьбы против ассимиляторских воздействий было прогрессивно своей идеей культурного сотрудничества, а не практическими предложениями, выразившимися в идее «единого славянского народа», который состоял бы из «четырёх ветвей», имеющих право на отдельный литературный язык («О литературной взаимности», 1836). Эти рекомендации Коллара скорее сдерживали национальное развитие славянских народов, а объективная закономерность появления наций диктовала иное решение вопроса.

Воспитанное на колларовско-шафариковской традиции чешско-словацкой общности, молодое поколение словацкой интеллигенции сложившееся противоречие решало по-своему. «Мы находимся в настоящем чистилище, — отмечал Л. Штур в 1836 г., — ибо если мы пишем на чистом чешском языке, то мы закрываем путь к чтению нашему простому народу, а если мы прибегаем к наречию, то отрываемся от чехов»⁷. В труде «Наречие словацкого языка и необходимость писать на этом наречии» (1846) Штур дал такое определение: «Славянская жизнь — как разветвленная крона липы, народ один, но в многообразии, и пусть это многообразие, но в единстве, скажется отчетливо и в нашей духовной жизни. Это будет настоящая жизнь, построенная на хороших основах, ибо в ней ничего, что должно вырасти, не будет задумано или изуродовано». Выход, таким образом, был найден. «Мы — словаки, и только этим и именно этим мы — славяне», — формулировал суть вопроса Й. М. Гурбан⁸.

Идеологи иллиризма, как известно, перенесли на хорватскую почву не только учение Коллара о «едином славянском народе», но и чешские формы культурно-просветительной деятельности (развитие журналистики, театра, литературно-музыкальные вечера и т. п.). Они широко популяризировали культуру других славянских народов, прежде всего русскую, польскую и чешскую, что способствовало пробуждению национального сознания у хорватов, сербов, словенцев. Но прогрессивность этой культурно-языковой общности ограничена. Жизнь вносила существенные коррективы и в это движение. Такие явления, как поэзия Ф. Прешерна, свидетельствовали о том, что общий иллирийский кров для южных славян тесен.

Центростремительные тенденции сохранились, и их воздействие на формирование национальных культур продолжалось. Более того, несмотря на тяжелые условия, в которых развивалась

⁷ Listy L. Štura, I. Bratislava, 1954, s. 56.

⁸ Развитие капитализма и национальное движение в славянских странах. М., 1970, с. 10.

передовая культура славянских народов в рамках буржуазного общества, есть все основания утверждать, что связи между «старшими» и «младшими» культурами с десятилетиями усиливались. Они дополняли друг друга, взаимообогащались, проявляли общую тенденцию к многообразию форм, стилей и течений.

И последнее. Связи культур в период формирования славянских наций никогда не стали бы фактором прогресса и взаимообогащения, если бы они функционировали исключительно в рамках славянского ареала, вне духовного обмена и передовых традиций Запада. Национальная обособленность то ли в формах, предлагаемых славянофилами, то ли в постулатах австрийских панславистов всегда вызывала осуждение со стороны передовых деятелей славянских стран. Революционно-демократическая концепция единения славянских и неславянских народов (А. Герцен, А. Мицкевич, Т. Шевченко, Н. Чернышевский, Я. Домбровский, Й. Фрич), сформировавшаяся в 40—60-е годы и противостоявшая славянофильским и панславистским доктринам, являлась наиболее передовой системой взглядов и в 70—80-е годы (М. Салтыков-Щедрин, С. Маркович, И. Франко). Универсализм, социальная точность и интернациональная озабоченность за судьбы родной культуры революционных демократов не потеряли своего значения и в наши дни. В 1898 г. И. Франко писал в статье «Интернационализм и национализм в современных литературах»: «Каждый подлинно современный писатель — славянин ли он, немец, француз или скандинавец, является как бы деревом, которое своими корнями врастает как можно глубже и крепче в свою родную национальную почву, старается впитать как можно больше ее живительных соков, а своим стволом и кроной уходит в интернациональную атмосферу идейных интересов, научных, общественных и моральных поисков. Только тот писатель может сегодня иметь какое-либо значение, кто умеет всему просвещенному миру высказать свое суждение по поводу тех больших вопросов, которые волнуют все человечество, тревожат его душу, причем высказать именно в той форме, которая наиболее соответствует его национальному характеру»⁹.

Связи и взаимодействия славянских национальных культур, возникшие на заре XIX в. и ставшие фактором прогресса, явились прообразом культурного единения народов стран социалистического содружества, направленного на укрепление мира и создание устойчивых социальных и гуманистических ценностей.

⁹ Франко *Ів.* Твори в 20-ти т., т. XVIII. Київ, 1951, с. 505.

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ РОССИИ
С СЕРБИЕЙ И ЧЕРНОГОРИЕЙ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

ИЗУЧЕНИЮ общественно-политических и культурных связей России с югославянскими народами русская историография уделяла большое внимание. Эта традиция продолжается и советской исторической наукой. Значительная работа проделана в этой области югославскими историками.

В трудах советских и югославских исследователей рассмотрено развитие русско-сербско-черногорских связей в XVIII в., раскрыт их характер, сделаны важные выводы. Однако, как неоднократно отмечалось, культурные связи России с Сербией и Черногорией в XVIII в. изучены недостаточно. По-видимому, необходимо привлечение новых источников. Думается, было бы полезно обратить внимание исследователей на три группы документов, каждая из которых может внести в изучение межславянских культурных связей определенный вклад.

К первой группе относятся документы, свидетельствующие о возрастающем в России в тот период интересе к истории и судьбам южных славян. В газетах и журналах появляются сведения о славянских странах¹. Еще в 1722 г. по заказу Петра I далматинец Савва Владиславлевич перевел книгу дубровчанина Мавро Орбини «Славянское царство», Я. Княжнин — «Записки исторические Мореи, покоренной оружием Венецианским», вышла «История возвышения и упадка Оттоманской империи» Д. Кантемира. По заданию Коллегии иностранных дел готовятся доклады и сообщения «о состоянии балканских народов под игом Порты Оттоманской»². В донесениях, рапортах, личной переписке

¹ В журнале Академии наук «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» за июнь 1764 г. были опубликованы «Семь писем в Москву бывшего в Константинополе в 1760 г. дворянином посольства сержанта Преображенского полка М. П.»; в журнале «Парнасский щепильник» (1770) были напечатаны «Острова архипелага, на которых живут христиане под властью турков», и т. п.

² Записка о Сербии. — ЦГАДА, Госархив, раз. XV, ф. 15, д. 226; Экстракт о черногорском народе. — АВПР, ф. Сношения России с Черногорией, оп. 95/1, д. 13; О состоянии дел в Далмации. — Там же.

русские дипломаты поднимали вопросы о помощи в развитии просвещения южнославянских народов и о развитии связей с ними.

Для изучения русско-сербско-черногорских связей большой интерес представляют донесения русских послов и видных дипломатов А. М. Обрескова³ и Я. И. Булгакова (в Стамбуле), М. П. Бестужева-Рюмина⁴ (в Вене), а также сообщения чрезвычайных посланников Ю. В. Долгорукова⁵ и других чиновников русских миссий (М. Тарасова⁶, С. Пучкова⁷ и др.). В этих документах содержатся данные о социально-экономическом и политическом развитии Черногории, Боснии, Герцеговины, Далмации, Сербии, сведения о их географии и культуре.

Материал для раскрытия контактов России с Сербией и Черногорией дают свидетельства русских людей, побывавших там во второй половине XVIII в.⁸

Хотя политика русского самодержавия на Балканах ставила задачу закрепить свое влияние в этом районе для достижения своих целей, объективно расстановка сил складывалась так, что народы, поработанные Османской империей, видели в России *«своего естественного освободителя и покровителя»*⁹.

Сближение с Россией для южных славян означало возможность более успешного ведения освободительной борьбы против Османской Порты за самостоятельное государственное развитие, создавало условия для приобщения к мировым достижениям культуры.

На сближение с Россией во второй половине XVIII в. направлены усилия многих государственных и общественных деятелей Сербии и Черногории. Об этом свидетельствуют многочисленные проекты¹⁰, деятельность черногорского митрополита Василия

³ См., например, донесения А. М. Обрескова в Коллегию иностранных дел о положении в Черногории. — АВПР, ф. Сношения России с Турцией, оп. 89/8, д. 420.

⁴ Экстракт из реляции обер-гофмаршала Бестужева-Рюмина из Вены о переселении сербов в Россию. — ЦГАДА, ф. 248, кн. 2667.

⁵ Журнальная записка происшествиям во время экспедиции е. с. князя Ю. В. Долгорукова... — Русский архив, 1886, № 4.

⁶ Журнал держанный Севского полку подпоручиком Михайлом Тарасовым во время бытности его в Черные горы. — АВПР, ф. Сношения России с Черногорией, 1765 — 69, д. 15.

⁷ Донесения С. Пучкова. — Там же, д. 11, 13.

⁸ Езда в Венецию и описание всево того, что в дороге примечания достойного нашлось. Путевые записки неизвестного автора. Собрание И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича. Описание. Составитель Я. Н. Щапов. М., 1952.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 32.

¹⁰ Представление Ивана Подгоричанина касательно славянских земель. — ЦГАДА, Госархив, раз. XV, ф. 15, д. 179; Ходатайство Симеона Рашке-

Петровича, трижды приезжавшего в Россию¹¹, публикация им книги «О Черные горы»¹², впервые познакомившей русского читателя с историей Черногории и вызвавшей чувство симпатии к мужественному народу.

В благоприятных внешнеполитических условиях после подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г., закрепившего право России защищать интересы православных в Турции¹³, глава Черногории Петр I Петрович Негош стремится расширить контакты с Россией, используя их для ведения освободительной борьбы против Порты и создания государства. Его литературно-общественная деятельность¹⁴, находившая отражение и в его переписке с государственными деятелями России¹⁵, служит немаловажным источником информации об общественно-культурных планах Черногории, связанных с ее надеждами на помощь России. Вторую группу документов составляют те, что дают представление о традиционных культурных связях России с южными славянами: материальная помощь монастырям, посылка книг в Сербию и Черногорию, помощь в устройстве школ, распространении педагогической литературы, подготовка национальных кадров светской и духовной интеллигенции южных славян. Документы этой группы изучены, пожалуй, наиболее полно. Однако и здесь остается немало невыясненных вопросов.

Во второй половине XVIII в. в соответствии с развитием политических связей меняется характер традиционного общения в области культуры. Как неоднократно отмечали исследователи, в сложном процессе развития югославянских культур влияние России сыграло немалую роль. Особенно следы русского влияния в области культуры заметны в 40—60-е годы¹⁶, однако причины этого явления в полной мере не выяснены. Традиционная материальная помощь, оказываемая Россией монастырям в югославянских землях, существенно влияла на развитие культурного общения. Как известно, с падением самостоятельных средневековых государств — Сербии (1459), Боснии (1463), Герцеговины

вича и Дм. Юровича за сербский народ. — ЦГАДА, Госархив, раз. XV, ф. 15, д. 215; Петиция черногорцев Екатерине II. — АВПР, ф. Сношения России с Черногорией, д. 28.

¹¹ Записки В. Петровича, поданные на имя М. И. Воронцова и Елизаветы Петровны. — АВПР, ф. Сношения России с Сербией, д. 2.

¹² *Владыка Василий*. О Черные Горы. — Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Моск. университете. М., 1860, кн. 2, ч. III.

¹³ *Дружинина Е. И.* Кючук-Кайнарджийский мир. М., 1955, с. 336.

¹⁴ *Негош П.* Фреске на каму. Титоград, 1965.

¹⁵ АВПР, ф. Сношения России с Черногорией, 1796, д. 27, 28, 29.

¹⁶ *Савић Павле*. Доба барока. Студие и чланци. Београд, 1971.

(1486), Черногории (1496) — часть сербов оказалась под властью Османской Турции, другая — под владычеством Габсбургской монархии, третья — Венеции. Границы между этими тремя государствами разрезали этнически единую территорию сербских земель. Но не была уничтожена единая для всех земель церковная организация, которой суждено было в условиях государственного и религиозного наступления на сербов стать в XVIII в. хранителем национального единства, славянских традиций, опорой освободительного движения.

В это время материальная помощь России монастырям в югославянских землях оказывалась систематически¹⁷ и хотя была невелика, все же способствовала тому, что в условиях османского гнета и экспансии католической церкви монастыри становились центрами культурного влияния, основными распространителями книги, в том числе и из России¹⁸. В условиях, когда славянские народы надолго лишились возможности печатать книги, отрыв от общеславянской культуры казался одной из форм утраты национальной самостоятельности. В этих условиях присылка русских книг приобрела важное значение. Русская литература распространялась в югославянских землях, создавала ту почву, на которой выросло славянское национальное Возрождение. Известный сербский мыслитель и просветитель Досифей Обрадович в автобиографии отмечал влияние русской книги на образованных людей¹⁹.

Для сербской литературы XVIII в., как и для русской, характерны тесная связь с древнеславянской традицией, обращение к национальной истории, народной поэзии, сознание славянской общности («История» И. Раича. Трношская летопись, «Житие Петра I» Захария Орфелини, «Стематография» Христофора Жефаровича, произведения Д. Обрадовича, Л. Мушицкого и др.).

Влияние русской живописи на искусство южных славян прослеживается с начала XVIII в. В югославянских землях в это время распространялись иконы русских живописцев, находившихся под явным влиянием Симеона Ушакова (1629—1686). В этот же период в Сербии и Черногории работают русские мастера Максим, Георгий Герасимов, Василий Романович, Степан Зограф, Джука Шереметьев²⁰. В Сланкаману иконостас также

¹⁷ ЦГАДА, ф. Сношения России с Сербией. 1711 г., л. 2; ЦГАДА, Госархив, раз. XV, ф. 15, л. 73; там же, л. 109; АВПР, ф. Сношения России с Черногорией. 1794—95 гг., л. 25; ПГИА, ф. 796, оп. 79, л. 588.

¹⁸ В 1753 г. библиотеки 16 монастырей Срема насчитывали 852 русские книги (Српска штампана книга. XVIII в. Каталог. Београд).

¹⁹ *Скерлић*. Живот Д. Обрадовића. Београд, 1911, с. 34.

²⁰ Грађа за исторју у Новог Сада. Нови Сад, 1951.

написан (предположительно) русским мастером²¹. К сожалению, мы мало знаем о них. Неизвестно, под их ли влиянием или благодаря прямому знакомству с работами русских мастеров непосредственно в России развивается новая ориентация, легко прослеживающаяся в произведениях сербских живописцев второй половины XVIII в. В стиле иконописи Ипатьевско-Костромского монастыря и Киево-Печерской лавры писали Васа Молер, Янко Халкаевич, Стефан Тенецкий и др. Работы выдающегося представителя сербского искусства XVIII в. Христофора Жефаровича, характер портретов его знаменитой «Стематогрфии» свидетельствуют о знакомстве с русским иконописным искусством. Русскую ориентацию в искусстве можно обнаружить в иконописи монастырей Водник, Крушедол, Бочаны и др. Своеобразным восприятием русского церковного барокко отмечены работы сербского художника Дмитрия Бачевича в монастырях Беочин, Ковилья, верхней церкви в Сремских Карловцах (1760—1770). Привлечение дополнительных материалов из архивов ЦГАДА²², Архива Академии наук в Сремских Карловцах²³ позволит полнее раскрыть тенденцию развития искусства в югославянских землях, показать, что оно шло рядом с искусством России, благодаря чему создавались условия для его равноправного положения в общеевропейском искусстве.

Третья группа документов освещает процесс переселения южных славян в Россию в XVIII в. и роль, которую он сыграл в развитии межславянских культурных связей. Многие из сербов, черногорцев, далматинцев становились в России видными дипломатами (например, Савва Владиславлевич — советник и друг Петра I), военными (подобно братьям Милорадовичам, Ивану Подгоричанину, Петру Текелии, Симеону Пишчевичу и многим другим²⁴), учителями и переводчиками²⁵. Были среди них мастера, ремесленники, виноделы, землепашцы. Одни из них навсегда остались в России, другие вернулись на родину. Ряд документов по истории поселений Новая Сербия и Славяно-Сербия дают возможность проследить влияние процесса переселения на развитие связей в области культуры, содержат сведения о строительстве школ, кадрах учителей, деятельности православной церкви²⁶.

²¹ *Савий Павле*. Доба барока, с. 115.

²² ЦГАДА, ф. Московская синодальная контора, т. 9—14.

²³ Архив АН Сербии в Сремских Карловцах, ф. ПМ «А» и «Б», 1750—90 гг.

²⁴ ЦГВИА, ф. 10, Гусарское повьежье, 1750—1800 гг.

²⁵ ЦГАДА, ф. 1183, оп. 1, т. 15, д. 74; там же, ф. 248, оп. 39, кн. 2564.

²⁶ ЦГАДА, ф. 248, кн. 2815, 2893, 2950, 3014, 3086, 3143 и т. д.

Выявление и использование новых архивных документов позволяют собрать более полную информацию о межславянских связях, расширят наши представления о них, дадут возможность с большей достоверностью выявить то главное, что характеризует культурное общение между нашими народами в прошлом и что позволяет утверждать, что связи России с южными славянами содействовали интенсивному обмену духовными ценностями.

Е. П. Кирилук
(УССР)

РОЛЬ ИДЕЙ «СЛАВЯНСКОЙ ВЗАИМНОСТИ» В СТАНОВЛЕНИИ УКРАИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ XIX В.

ИДЕЯ «славянской взаимности» проникает на Украину прежде всего через Россию, где уже были известны имена славянских гуманистов и просветителей Яна Длугоша, Юрия Крижанича и др. Кстати говоря, выдающийся хорватский мыслитель, гуманист и просветитель XVII в. Крижанич пламенно отстаивал идею объединения славянских народов вокруг русского государства.

Юрий Крижанич свое путешествие в Москву начал с Украины, останавливался во Львове, Дубно, Корце и с апреля по сентябрь 1659 г. жил в Нежине, принимая участие в общественно-политической жизни Украины. Здесь он написал два сочинения, распространенные в списках, — «Усмотрение о царском величестве» и «Беседа ко черкасом» (черкасами в те времена иногда называли украинцев). Впервые они были напечатаны только в 1903 г. «Беседа ко черкасом» является своеобразной прокламацией, листовкой, в которой описано грустное будущее украинского казачества в случае восстановления власти польской шляхты на Украине. Юрий Крижанич призывал украинский народ к единению с русскими. «Беседа» широко распространялась в списках. По выражению автора, «е чли и хвалили»¹.

Через Россию проникли на украинскую землю и идеи немецкого просветителя И. Г. Гердера, который призывал славян собирать народные песни, создавать словари, грамматику, историю

---

¹ Дациук Б. Д. Юрий Крижанич. Очерк политических и исторических взглядов. М., 1946, с. 50—51 и др.

своих народов, предсказывая им великое будущее. Будучи в Риге (в 60-х годах XVIII в.), он заинтересовался судьбой славянских народов. В своих дневниках Гердер писал: «Украина станет новой Грецией. Прекрасное небо, простирающееся над этим народом, его веселый нрав, музыкальность, плодородные нивы и т. д. когда-нибудь воспрянут ото сна. Из множества малых диких народов (Гердер имел в виду всех славян. — *Е. К.*), какими были когда-то и греки, возникнет цивилизованная нация. Ее границы будут простираться до Черного моря и оттуда по всему миру. Венгрия, все эти народы, часть Польши и России станут причастны к этой новой культуре. С Северо-Запада дух этот распространится по всей ныне погруженной в сон Европе и заставит ее служить тому же духовному началу»².

В обобщающем сочинении «Идеи к философии истории человечества» Гердер целую главу посвятил славянским народам. Он мечтал о том времени, когда в Европе восторжествует мирный труд и будет возможно спокойное общение между народами, и, обращаясь к славянским народам, писал: «Некогда деятельные и счастливые, пробудитесь тогда наконец от долгого праздного сна, освободитесь от цепей рабства и сможете пользоваться как своей собственностью вашими прекрасными землями от Адриатического моря до Карпатских гор, от Дона до Мульды и справлять на них ваши старинные празднества мирного труда и торговли!»³

В дальнейшем идея славянского единения получила распространение на Украине благодаря трудам А. Востокова и И. Добровского.

Многие славянские деятели проявляют живой интерес к украинской культуре. Так, Добровский во втором своем сборнике «Славин» (1808) поместил письмо «друга из России», подписанное криптонимом «А. С.» В. Ганка в переизданном в 1834 г. сборнике «Славин» раскрыл криптоним, принадлежавший А. Стойко-вичу, сербу по происхождению, профессору (позже ректору) Харьковского университета. В письме сообщалось о выходе в свет «Энеиды» И. Котляревского (1-е изд. — 1798 г., 2-е изд. — 1808 г.)⁴. Это первое упоминание в печати о выходе в свет второго издания «Энеиды». Во втором издании сборника «Слованка» (1815) И. Добровский уже лично дал краткую характеристику третьего издания «Энеиды» (1809). Следует отметить, что эта рецензия является первым откликом на произведение Котляревского.

² Гердер Иоганн Готфрид. Избр. соч. М.—Л., 1959, с. 324—325.

³ Там же, с. 268.

⁴ Полек В. Твори І. П. Котляревського серед чехів та словаків. Слов'янське літературознавство і фольклористика, вип. V. Київ, 1970, с. 94—95.

Распространение в России идеи «славянской взаимности» усиливается после Отечественной войны 1812 г. В процессе борьбы с полчищами Наполеона возросло национальное самосознание русского народа и понимание общности интересов и судеб славянских народов.

В Петербурге выходят из печати три издания украинской «Энеиды» И. Котляревского (1798, 1808, 1809) — первые вестники новой украинской литературы. А. Павловский, русский по происхождению, издает в 1818 г. в том же Петербурге «Грамматику малороссийского наречия, или Грамматическое показание существеннейших отличий, отдаливших малороссийское наречие от чистого российского языка...» В 1819 г. Н. Цертлев (Церетели) выпускает тоже в Петербурге первый сборник украинского песенного фольклора «Опыт собрания старинных малороссийских песней».

Д. Бантыш-Каменский, находясь с 1816 г. на службе в Киеве, заинтересовался историей Украины. Он начал исследовать архивные источники, консультироваться с Котляревским. В 1822 г. вышла в свет его «История Малой России» в четырех томах. Но более всего стала популярна «История русов, или Малой России», созданная в конце XVIII или в начале XIX в. Она была издана значительно позже (1846) и приписывалась Георгию Конисскому. Однако доказано, что названный писатель не был ее автором. «Историю русов» положительно оценивали декабристы. Ее использовали Пушкин, Гоголь, Шевченко и др. Написанная как памфлет, «История русов» имела успех среди читателей и позже, хотя в ней содержатся ошибочные положения.

Появляются на Украине и периодические издания: «Харьковский еженедельник» (1812), «Харьковский Демокрит» (1816), «Украинский вестник» (1816), «Харьковские известия» (1817), «Украинский журнал» (1824). Все они печатались на русском языке. На русском языке издавались и первые альманахи — «Украинский альманах» (1831), «Утренняя звезда» (1833), «Украинский сборник» (1838), но во всех них печатались также литературные произведения и на украинском языке.

Новым явлением в украинской литературе была так называемая Харьковская школа романтиков, положившая начало украинско-славянским литературным связям. П. Гулак-Артемовский, правда не принадлежавший к этой школе, в своих баснях творчески использовал фабулы польского поэта-просветителя И. Красицкого. В журнале «Украинский вестник» он напечатал также перевод с польского на русский язык произведения неизвестного автора «Бен-Грианан, каледонская повесть» (1819). Оригинальной юмористической переработкой сюжета баллады А. Мицкевича

«Пани Твардовска» является баллада П. Гулака-Артемовского «Твардовский» (1827).

Большое значение для развития романтического движения на Украине имел маленький сборник «Малороссийские песни», изданный в 1827 г. в Москве выпускником Московского университета, а затем профессором ботаники этого же университета украинцем М. Максимовичем. Сборник открыл миру огромное богатство украинской народной поэзии.

Романтики первые выходят за национальные рамки и устанавливают связи со своими славянскими собратьями. Л. Боровиковский переводит и перерабатывает произведения Жуковского, Пушкина, Мицкевича; А. Метлинский (Могила) переводит Мицкевича, Челаковского, Витвицкого, Суходольского, словацкие и сербские народные песни; Н. Костомаров (И. Галка) — «Краледворскую рукопись»; А. Шпигоцкий перерабатывает произведения Мицкевича; в свою очередь Ф. Челаковский переводит Боровиковского, Метлинского, Костомарова и Шпигоцкого⁵.

К романтическому направлению принадлежал литературный кружок «Руська трійця», издавший альманах «Русалка дністровая» (1837 г., фактически увидел свет в 1848 г.). Его составители были хорошо знакомы с идеей «славянской взаимности», о чем свидетельствуют эпитафии из Я. Коллара, Ю. Б. Залеского, переводы «Краледворской рукописи», поэмы Я. Коллара «Дочь Славы», сербских народных песен из сборника В. Караджича и пр.

Таким образом, украинская культура развивалась в тесном контакте с культурами других славянских народов, испытывала влияние идеи «славянской взаимности».

Вместе с тем и украинский народ внес свой вклад в дело укрепления и развития идеи «славянской взаимности». Прежде всего это относится к тайному политическому обществу «Кирилло-Мефодиевское братство» (1845—1847) и Тарасу Шевченко. Главными организаторами общества были Н. Костомаров, П. Гулак-Артемовский и В. Белозерский. Заслуга Костомарова-историка в том, что он одним из первых в отечественной историографии определил роль народа как движущей силы истории, хотя и не смог сделать революционные выводы. Костомаров был основным автором политической программы общества — «Книг бытия украинского народа», «Статута (устава) славянского общества св. Кирилла и Мефодия». В «Книгах бытия» Костомаров несколько идеализированно изложил историю украинского народа. Там ска-

⁵ Подробнее об этом см.: Кириллюк Е. П. Український романтизм у типологічному виставленні з літературами західно- і південнослов'янських народів. Київ, 1973.

зано: «Ибо голос Украины не умолкнул, встанет Украина из своей могилы и опять воззовет к братьям славянам, и не останется ни царя, ни царевича, ни князя, ни графа, ни герцога, ни сиятельства, ни превосходительства, ни пана, ни боярина, ни крестьянина, ни холопа ни в Великой России, ни в Польше, ни в Украине, ни в Чехии, ни у хорутан, ни у сербов, ни у болгар»⁶.

Тарас Шевченко вступил в «Кирилло-Мефодиевское братство» приблизительно в конце декабря 1846 г. К кирилло-мефодиевцам он присоединился потому, что объективно программа общества была революционной. Для того чтобы объединить славянские народы в одну республиканскую федерацию, ликвидировать сословия, а по сути — антагонистические классы, необходимо было прежде всего ликвидировать четыре монархии и осуществить в каждой стране социальные преобразования. Близка была Шевченко и идея славянского единения, высказанная им еще до знакомства с Костомаровым (апрель 1846 г.) в поэме «Гайдамаки» (1841). Воскрешая кровавые события 1786 г., поэт совершенно определенно говорит о единстве славянских народов — польского и украинского:

... А за віщо,
За що люди гинуть?
Того ж батька, такі ж діти, —
Жити б та брататися.
Ні, не вміли, не хотіли,
Треба роз'єднатися!
.....
Болить серце, як згадавш:
Старих слав'ян діти
Впились кров'ю...

Концепция революционно-демократического единения, братства славянских народов, угнетенных и эксплуатируемых масс содержится и в его драме «Никита Гайдай», написанной на русском языке, отрывок из которой был напечатан в 1842 г. Но с наибольшей силой идея славянского объединения прозвучала в поэме «Еретик, или Иван Гус» (1845). В ней Ян Гус из проповедника в каплице, религиозного реформатора вырастает в пламенного патриота, борца за независимость Чехии. Его проповедь обращена непосредственно к народу, широчайшим народным массам. Гус смело обличает духовных и светских феодалов. В поэме Шев-

⁶ Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846—1847). М., 1959, с. 160.

ченко Гус — трибун, титан, он «еретик» с добрым сердцем и орлиным взглядом.

Царизм разгромил «Кирилло-Мефодиевское братство». Почти все его члены были арестованы. Больше всех пострадал Т. Шевченко за свои революционные стихи. Но идея демократического единения и братства славянских народов, популярная во всех славянских странах, была подхвачена и развита революционными демократами.

Д. В. Степовик

(УССР)

ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ СЕРБСКИХ И БОЛГАРСКИХ ХУДОЖНИКОВ С УКРАИНОЙ В XVIII—XIX ВВ.

ПОДЪЕМ национально-освободительной борьбы южных славян против османского феодального ига в XVIII—XIX вв. сопровождался ростом национального самосознания, оживлением культурно-просветительной деятельности, получившей название южнославянского Возрождения. Одной из примечательных особенностей возрожденческого движения было усиление внимания южных славян к внешнему миру, понимание ими необходимости общеславянской солидарности. Возрождаются старые и прокладываются новые культурные коммуникации как внутри балкано-славянского региона, так и за его пределами. Возникают хорошие предпосылки для налаживания более крепких взаимосвязей с культурой народов Российского государства. Это особенно ощущается в художественной жизни того времени.

Еще до основания в Петербурге Академии художеств молодежь из балкано-славянских стран стремилась попасть в крупные художественные центры России, в том числе украинские — Киев, Львов, Харьков, Одессу, Почаев, Унев, — с целью обучиться мастерству живописи, гравирования и книгопечатания. Особенно высокой была репутация Киева — украинского и общеславянского культурного центра. Здесь функционировала известная Могилянская академия, где обучали искусствам, а также иконописная, гравировальная, золотарская, ткацкая мастерские, типографии при Печерской Лавре, куда могли поступить желающие, в том числе иностранцы. В 1736—1738 гг. в Могилянской академии обу-

чалось 240 местных и 127 иностранных студентов. Большую часть общего числа иностранцев составляли сербы, болгары, македонцы, черногорцы и другие выходцы из балканских стран. Подобное соотношение местных и приезжих студентов наблюдалось и в последующие периоды истории Академии. Некоторые сербы и болгары, прибыв в главный город Украины, изъявляли желание, помимо занятий в классах Академии, учиться живописи, гравированию, художественным ремеслам в Печерской Лавре или в митрополичьих мастерских.

Сохранились сведения о том, что в XVIII в. в Киеве обучались художествам Захария Сербин, Яков Сербин, Исаия Новакович, Димитр Михайлов, Афанасий Попович, Николай Апостол, Герасим Зелич, Иов Васильевич, Захария Алексеев, Георгий Иванов, Димитр Петров. Кое-кто из них позже добился широкой известности, например Яков Сербин — тонко выполненными станковыми гравюрами на дереве, Димитр Петров — росписями в болгарском Калоферском монастыре, Иов Васильевич — настенной живописью в церкви Крушедольского монастыря в Сербии. Они получили хорошую для своего времени подготовку и внесли крупный вклад в развитие возрожденческого искусства своих стран. Так, Иов Васильевич был ведущим художником при сербском патриархе Арсении и работал в манере, близкой к традициям украинской монументальной живописи. Как и местные мастера кисти, сербские и болгарские художники, получившие образование на Украине, вводили в религиозные сюжеты реалистические бытовые элементы, писали более свободно, яркими, жизнерадостными красками, освобождаясь от консервативных византийских живописных канонов, целые столетия доминирующих на Балканах.

Посредническим центром в украинско-южнославянских художественных связях был в этот период Афон, собиравший в многочисленных монастырях немало просвещенных людей, мастеров изобразительного и декоративно-прикладного искусства, особенно живописцев, граверов, резчиков по дереву, золотарей. Большое значение для выработки общих стилевых и типологических принципов в искусстве имел обмен иконами, книгами и художественной утварью между русским Пантелеймоновским монастырем, где было много украинцев, болгарским Зографским и сербским Хиллендарским монастырями. В конце XVIII и в начале XIX в. в этих монастырях утверждаются близкие по своим иконографическим, композиционным и колористическим принципам типы икон — изображения богородицы, соборные композиции, страстные циклы. Они далеки от византийского стиля, написаны по правилам академической живописи, характерной для икон России,

Украины и Белоруссии, изобилуют реалистическими элементами. Вместо суровых и гневных аскетов с икон смотрят теперь румяные святые с приветливыми улыбками, как бы напоминающие о приближении новых времен.

В станковой гравюре сербов и болгар распространяются изображения древних просветителей — Иоанна Рильского, Саввы Сербского, Кирилла, Мефодия, Климента Охридского — с целью вызвать у народа «чувство истории», разбудить национальное сознание. По своей структуре и типологическим особенностям эта серия эстампов конца XVIII — первой половины XIX в. близка к иллюстрациям (гравюрам на меди) украинского художника Леонтия Тарасевича в «Печерском Патерике» (1702). Многочисленные переиздания этой книги в XVIII и XIX вв., распространение ее на Балканах, в монастырях Афона содействовали кристаллизации композиционного типа подарочной гравюры, напоминающей так называемый «киевский академический тезис» (т. е. иллюстрированный научный трактат) с образом главного героя и сценами аллегорического или житийного характера. Дух творческой, жизненно убедительной интерпретации исторического материала, утверждение красоты земного, предметного мира, четко прозвучавший в гравюрах Тарасевича, дал новые импульсы для становления и развития реалистической графики в Сербии и Болгарии.

В начале XIX в. яркую страницу в украинско-болгарское художественные связи вписал киевский гравер Леонтий. Путешествуя на Афонскую гору, он остановился в Троянском монастыре на юге Болгарии и здесь положил начало развитию болгарской станковой гравюры на металле. Выполненные Леонтием эстампы, и в частности вид Троянского монастыря, идентичны композиционному типу в украинской графике того времени. Дело Леонтия было продолжено его учениками и последователями, а изготовление металлических клише и печатание с них оттисков постепенно входит в практику всех крупных монастырей Болгарии. Аналогична роль в болгарском искусстве Георгия Козака — видного резчика по дереву, оставшегося здесь после русско-турецкой войны 1828 г. и создавшего в двух церквях города Свиштова иконостасы, выполненные с большим мастерством и виртуозной техникой резьбы.

С Украиной связаны страницы становления болгарского реалистического портрета первой половины XIX в. Один из основоположников болгарской портретной живописи периода национального Возрождения Иван Стоянов-Степанович сформировался как художник в Киеве, здесь получил образование и работал в духе украинского так называемого парсунного портрета.

В 40—50-е годы XIX в. в Сербии и Болгарии происходит об-

повление церковной стенописи. Наряду с традиционными сюжетами и композициями художники обращаются и к украинскому иконографическому материалу, в частности к изображению крупнейшего украинского писателя XVIII в. Дмитрия Туптало (митрополита Ростовского). Его образ введен в монументальные росписи нескольких больших храмов — и не трудно догадаться почему: с именем этого мыслителя, автора многотомного, капитального труда «Четьи Минеи» южные славяне связывали идеи освобождения от чужеземного ига и всеславянской солидарности.

В последние десятилетия болгарского национального Возрождения почти все крупные болгарские художники более или менее продолжительное время жили на Украине, причем период пребывания каждого из них был связан с большими творческими поисками, приобретением знаний, совершенствованием мастерства. Если для Станислава Доспевского пребывание в Киеве было непродолжительным, эпизодичным, то Христо Цокев, Василий Попович, Александр Попгеоргиев фактически сформировались здесь как художники, получили образование (светское, богословское или специально художественное), подготовились для дальнейшей учебы или культурно-просветительной деятельности. Николай Павлович, живя в Одессе, готовился к выполнению серии исторических полотен, внимательно изучал источники о взаимоотношениях Киевской Руси, Болгарии и Византии в эпоху средневековья. Здесь же написал первую из этой серии картину «Встреча Святослава Игоревича с императором Цимисхием на Дунае».

В Одессе пережил свой творческий взлет Георгий Данчов. Вырвавшись из турецкой тюрьмы, он писал в Одессе портреты болгарских борцов за свободу — Левского, Раковского, Ботева, начал картину на актуальную в то время тему «Трагедия Болгарии после Апрельского восстания 1876 года».

В конце XIX в. многие болгарские и сербские живописцы ощутили на себе влияние демократического искусства России и Украины, особенно ведущих мастеров, объединившихся в Товарищество передвижных выставок.

Взаимосвязи художников Сербии, Болгарии и Украины как проявление общеславянских интеграционных процессов в культуре не только не противоречили кристаллизации национального своеобразия искусства каждой из этих стран, а, наоборот, содействовали ей. Это — диалектическое явление, которое по-своему проявлялось у каждого народа, но всюду было фактором прогресса в искусстве. Путем контактов происходила проверка, своеобразная «проба качества» общечеловеческой ценности культуры каждого отдельного национального коллектива.

РОЛЬ МЕЖСЛАВЯНСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ
В ФОРМИРОВАНИИ НОВОЙ
БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (XVIII—XIX ВВ.)

ФОРМИРОВАНИЕ новой белорусской литературы происходило долго и мучительно. В XVII в. в результате колонизаторской политики правящих кругов Речи Посполитой белорусский язык был надолго вытеснен из официального употребления. Научные идеи и художественные образы находили воплощение преимущественно в произведениях на польском, латинском и старославянском языках. Позже, в XIX в., право белорусов иметь литературу на родном языке отрицалось идеологами самодержавия. В сложных исторических условиях были частично преданы забвению плодотворные традиции, идущие от белорусских гуманистов XVI в., прежде всего от Ф. Скорины. Поэтому период перехода от старой к новой литературе, который в соседних славянских странах занял десятилетия, в Белоруссии продолжался со второй половины XVII до 20-х годов XIX в. Да и все XIX столетие, вплоть до 1905 г., не отличалось целостностью и последовательностью литературного процесса. Исключительное значение для белорусской литературы имело использование творческого опыта более развитых соседних литератур — русской, польской, отчасти украинской.

Взаимодействие белорусской литературы с литературами других славянских народов имело на разных этапах свои специфические черты. В переходный период оно чаще всего проявлялось в подражаниях и вольных переводах иноязычных произведений. Сюда в первую очередь должны быть отнесены лирические и драматические произведения. В белорусской песенно-интимной лирике второй половины XVII—первой половины XVIII в. отчетливо слышны отзвуки польской, украинской и даже сербской поэзии. Вместе с польским иезуитским театром в Белоруссию пришла школьная драма. Польские и латинские произведения, которые ставились в школьном театре, имели белорусские вставные интермедии. Некоторые из них являлись переделками польских пьес. Примером тому может служить белорусская интермедия «Игра фортуны», возникшая в первой половине XVIII в., которая восходит к польской комедии П. Барыки «Из мужика король».

Через польскую литературу в Белоруссию проникали барочные веяния, нашедшие здесь благодатную почву и стимулировавшие некоторые процессы в белорусской литературе (например, ее интерес к фольклору и живому разговорному языку). При посредничестве Симеона Полоцкого и Андрея (Яна) Белобоцкого из Белоруссии барокко успешно распространялось дальше на восток.

Во времена Просвещения (вторая половина XVIII—начало XIX в.) литература Белоруссии имела полилингвистический характер. На белорусской земле родились либо жили такие польские писатели-просветители, как Ф. Д. Князьнин, А. Нарушевич, Ю. У. Немцевич, Ф. Карпиньский, Ф. Богомолец, И. Быковский, Т. Глинская и др. Они затрагивали белорусскую проблематику, интересовались белорусским фольклором (Карпиньский, Князьнин). Это придавало их творчеству местные, локальные черты, содействовало популярности их произведений среди белорусских читателей. Через польскую литературу шло приобщение Белоруссии к сокровищам западноевропейской культуры. Достаточно вспомнить произведения Вольтера и Руссо, поставленные на сценах придворных магнатских театров в Несвиже и Слониме или польско-белорусскую переделку комедии Мольера «Лекарь поневоле», сделанную преподавателем Забельской коллегии М. Цецерским в 1787 г. Через польское посредничество в белорусскую литературу проникли классицистские и сентименталистские элементы («Камедыя» К. Марашевского, ранние стихотворения Я. Барщевского и др.), хотя как законченные художественные направления классицизм и сентиментализм в белорусской литературе не сложились. (Более того, нормативная эстетика классицизма, допуская проторечие, каковым тогда считался белорусский язык, только в жанрах «низкого» стиля, в определенной степени тормозила становление новой белорусской литературы, ее «высоких» жанров.)

Более ускоренно белорусская литература стала развиваться в XIX в. Возрожденческие процессы, происходившие в ней, связаны как с внутренними причинами, формированием белорусской нации, вызреванием революционной ситуации, так и внешними идейно-творческими импульсами. Войдя в состав Российской империи, Белоруссия оказалась в сфере влияния русской общественной и эстетической мысли. Это влияние явственно чувствуется в анонимной поэме «Тарас на Парнасе», написанной с отличным знанием соотношения сил в русской литературе середины XIX в., а также в антифеодальных «гутарках», публицистике К. Калиновского, предназначенной для «Мужыцкай праўды», в поэзии Ф. Богушевича, А. Гуриновича и Я. Лучины. Русские революционные демократы (Н. Добролюбов, А. Герцен) защи-

щали право белорусов на самоопределение, на собственную литературу.

Одновременно возрожденческие процессы в белорусской литературе стимулировались польским романтизмом. Зародившийся в Вильно (Вильнюсе), он воспринимался здесь не как чуждое направление. Тем более что виленские романтики во главе с Мицкевичем по существу первыми сознательно обратились к белорусскому фольклору, белорусскому народному быту. Благодаря им белорусское народное творчество, по словам Ю. Кшижановского, «рекой хлынуло в польскую литературу». Все это импонировало первым представителям новой белорусской литературы, служило для них примером для подражания. Отзвуки освободительных, национально-патриотических идей польских романтиков наблюдаются в белорусских произведениях В. Дунина-Марцинкевича, А. Вериги-Даревского, Адели из Устроны и др. Воспитанные на польских традициях, эти литераторы много писали также на польском языке.

В середине XIX в. не без влияния польского романтизма, а может быть, и русского славнофильства в белорусской литературе впервые прозвучала мысль о «славянской взаимности». Поэт А. Рыпинский эпиграфами для разделов своего исследования «Бялорусь», изданного в 1840 г. на польском языке в Париже, брал строчки из песен разных славянских народов. В. Дунину-Марцинкевичу принадлежит поэма «Славяне в XIX столетии», где выражена солидарность с освободительной борьбой болгарского и сербского народов против турецкого владычества. С чешскими будителями вел переписку поэт В. Коротыньский.

Новый этап в истории белорусско-славянского литературного взаимодействия — вторая половина XIX в. По сравнению с предшествующим периодом литературные связи приобрели более творческий характер. Внешнее подражательство уступило место глубинному, органическому усвоению опыта соседних литератур. Этот опыт, традиции Н. Некрасова, Т. Шевченко, А. Мицкевича, М. Кононницкой позволили белорусским писателям конца XIX в. Ф. Богусевичу, Я. Лучине, Ф. Тапчевскому воссоздать правдивую картину подневольной жизни белорусского крестьянства. Издавая свой первый сборник «Дудка беларуская», Ф. Богусевич вдохновлялся примером будителей других славянских стран. Он призывал создать свою литературу, свою «музыку» на белорусском языке. В этом благородном стремлении Богусевич опирался на поддержку представителей братских литератур, в частности на помощь Э. Ожешко и Я. Карловича. Именно с их помощью в Кракове увидели свет первые книжки белорусского писателя-демократа.

Таким образом, воздействие других славянских литератур на белорусскую литературу содействовало ее идейно-тематическому и жанрово-стилевому обогащению. Это воздействие подготовило почву для прихода в литературу Я. Купалы, Я. Коласа и М. Богдановича, для выхода белорусской литературы на общеславянскую, а затем и общеевропейскую арену.

К. Розенбаум,
(ЧЕХОСЛОВАКИЯ)

ЗНАЧЕНИЕ МЕЖСЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ ДЛЯ СЛОВАЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПЕРИОДА НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ (1780—1848)

СЛОВАЦКАЯ литература в отличие от других литератур не располагала — вплоть до конца XVIII в. — таким литературным языком, в основе которого был бы непосредственно словацкий язык или какой-либо из его диалектов. Ближе всего к словацкому был чешский язык, его книжно-письменная форма, так называемая библичтина, которой с XVI в. и до второй половины XIX в. пользовались словацкие писатели. Употребление библичтины стало традиционным еще и потому, что у словаков она утвердилась в евангелическом богослужении, кроме того, ее использовало наряду с латинским языком и католическое духовенство, и верующие, о чем свидетельствуют церковные книги и литургические песни. Постепенно этот язык укоренился настолько, что часть интеллигенции воспринимала его как живой. Параллельно с употреблением библичтины начал формироваться и собственно словацкий литературный язык. Особенно это относится к культурным центрам Западной Словакии.

Понятия «славянство», «славянские народы» были в словацкой культуре известны задолго до национального Возрождения. «Мать Славия» была символом великой славянской семьи. Термин «Slavus» («славянин») был очень близок представителям образованной словацкой среды. Они даже отождествляли с этим термином название своего народа, с тем чтобы отмежеваться от исто-

рического территориально-государственного наименования «Hungarus» («венгр»). Это сближение и отождествление понятий «славянин» — «словак» сохранялось вплоть до эпохи национального Возрождения. Встречаются также в словацкой культуре определения «чешско-славянский» и «чехословацкий» применительно к литературному языку словаков, к библичтине.

В период, когда словацкая литература начала выходить на передний план общественной борьбы, принимавшей антифеодальный характер и свидетельствовавшей о формировании нации, она должна была решить, будет ли она пользоваться чешским языком или переориентируется на собственный литературный язык. Оставаться на прежних позициях означало по сути дела застой, консерватизм в области культуры. Деятели словацкой литературы не признавали чешские реформы правописания, критически относились к неологизмам, употреблению диалектной, разговорной лексики. С другой стороны, в Словакии предпринимались попытки «исправления» чешского языка. Эти попытки, несмотря на то, что в 20—30-е годы их освещал своим авторитетом Ян Коллар, не имели успеха и не были поддержаны.

Однако чешский язык сыграл очень важную роль в развитии словацкой культуры. Ориентация на чешский язык, на чешскую литературу открывала путь в славянский мир, способствовала тому, что славянский мир осознавался словаками как следующая, высшая ступень общности. Исключительное значение это приобрело в начале XIX в., когда в Словакии появилась концепция национальной культуры, для которой убеждение в принадлежности к более широкому славянскому миру служило серьезной моральной опорой, равно как и другим угнетенным славянским народам Австрийской монархии. Утверждению словацких патриотических чувств способствовали и культурные традиции, особенно кирилло-мефодиевская и великоморавская, связанные со славянской ориентацией.

Славянская ориентация позволила словацкой литературе развиваться как литературе национальной, опирающейся на национально-освободительное движение. Благодаря ей ускорился процесс кристаллизации национальной специфики. Если до конца XVIII в. характерной чертой словацкой литературы была религиозная направленность, то в дальнейшем славянская ориентация открыла ей выход к новой проблематике — светской, гражданской. Конечно, нельзя считать, что до тех пор словацкая литература имела только теологическую направленность, в ней и прежде встречались произведения светской проблематики, но все же тогда литература не могла освободиться от оков религиозного мышления. На этапе национального Возрождения словацкая литература

выработала свою эстетическую программу, в основу которой легли: 1) собственная литература в прошлом; 2) конфронтация с другими литературами; 3) ориентация на народную культуру, которая одновременно была и национальной.

Рассмотрим проблему конфронтации с другими литературами. Какой «выбор» был у словацкой литературы? Прежде всего античная литература, нашедшая свое продолжение в средневековом гуманизме, а затем в барокко. На этой почве развивалась поэзия как доминирующий род литературы. Но античность могла дать только «снаряжение» для поэтической практики, а в идейном отношении она почти никаких импульсов не давала. Если же античная литература и служила исходной точкой для какого-либо значительного произведения (как, например, для Яна Голлы), то лишь благодаря славянской идейной ориентации его автора, обна- ружившего новый подход к действительности.

Кроме того, словацкая литература могла сопоставлять себя с венгерской и особенно с немецкой литературой, которая была более развитой, чем венгерская. Словацкие писатели хорошо знали немецкую литературу, читали ее произведения в подлиннике. Многие из них в конце XVIII и в начале XIX в. учились в немецких университетах, главным образом в Йене, а впоследствии, в 30—40-е годы, — в Галле. Творчество Гете, Шиллера давало возможности для сопоставлений, при этом главной задачей было создать свою, словацкую литературу, отличную от немецкой. Теоретики словацкого Возрождения Я. Коллар, П. И. Шафарик, Л. Штур, выдвинувшие национальную концепцию словацкой литературы в эпоху романтизма, в первую очередь подчеркивали славянский характер своей литературы.

Большую роль в процессе осмысления национальной самобытности словацкой литературы сыграли суждения И. Г. Гердера о славянских народах, об их прошлом и светлом будущем. Столь же большое значение, в частности для концепции Людовита Штура, имели гегелевские воззрения на будущее развитие человечества. Таким образом, перед нами некоторый парадокс: словацкие теоретики отвергали подражание образцам немецкой литературы, а в теоретическом осмыслении своей литературы исходили из выводов немецких философов. Это двойственное отношение, сложившееся в период самоопределения словацкой литературы, после завершения этого процесса утратило свое значение; вместо него возник живой интерес к русской литературе, особенно на этапе реализма.

Отношение словацкой литературы к другим славянским литературам было совершенно иным в силу того, что словацкие писатели считали свое творчество славянским. В Словакии вплоть до

Штура господствовала точка зрения, что существует единый славянский народ со своим языком и литературой. Эту точку зрения отстаивали Коллар и Шафарик. В противовес ей Штур выдвинул свою трактовку словацкого языка как одного из славянских языков и словацкой литературы как одной из славянских литератур, однако при этом и он стремился рассматривать славянскую литературу как внутренне дифференцированное единство. Можно сказать, что идея славянского единства была движущим фактором в развитии словацкой и — в иных формах — чешской литературы. Понимание славянской литературы как единого целого открывало безграничные возможности для восприятия произведений славянских писателей. Русский поэт Пушкин, польский Мицкевич, чешский Маха, южнославянская эпика определяли тот общий духовный фонд, идейная и художественная значимость которого способствовала развитию словацкой литературы в XIX в., неразрывно связанному с процессом формирования словацкой нации, с ее антифеодальной, национально-освободительной борьбой.

К. Герман

(ЧЕХОСЛОВАКИЯ)

ЧЕШСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА

ЗДЕНЕК НЕЕДЛЫ, последний чешский просветитель и один из первых чешских ученых-коммунистов, верный друг Советского Союза, после войны издал небольшую, но важную по значению книгу «Коммунисты — наследники великих традиций чешского народа». Она сыграла исключительную роль в идеологической работе нашей партии, оказала большое влияние на массы и особенно на прогрессивно настроенное студенчество.

Зденек Неэдлы вскрыл закономерность обращения коммунистов — самого передового отряда рабочего класса — к прогрессивному наследию чешской истории и культуры.

Исходя из выше названной книги Неэдлы, я хотел бы показать, как чешский рабочий класс, формирующий в 60—70-е годы прошлого века собственное политическое движение, с самого начала ориентируется на русскую культуру, как он воспринимает прогрессивные традиции Возрождения и последующих этапов

чешской истории XIX в. Отношение чешского рабочего класса к русской культуре нетрудно дополнить примерами его отношения к культуре других славянских народов. При этом следует подчеркнуть, что в соответствии со своей исторической миссией рабочий класс и рабочее движение не только заимствуют прогрессивные традиции, но и творчески развивают их в духе марксизма и пролетарского интернационализма.

В чешской рабочей печати регулярно публиковались переводы рассказов, очерков и романов русских авторов — И. Тургенева, М. Салтыкова-Щедрина, В. Гаршина, В. Короленко, Н. Успенского, С. Ковалевской (роман «Нигилистка»), некоторые произведения Ф. Достоевского («Белые ночи» и др.), воззрения которого, впрочем, в рабочей печати расценивали критически. Величайшим признанием пользовался Л. Толстой.

Большое значение чешская рабочая печать придавала произведениям тех писателей, которые участвовали в освободительном и особенно в революционном движении, — революционных демократов, народников и представителей социалистического движения. Симпатиями пользовался А. Герцен, которого называли «отважным русским социалистом», а также Д. Писарев.

Пристальное внимание привлекал Н. Чернышевский — «крупнейший мыслитель XIX века в России», бесстрашный борец за свободу, выразитель интересов народа. Подчеркивался его вклад в эстетику. Впоследствии «Рабочее издательство» опубликовало его роман «Что делать?» в переводе на чешский язык.

Интерес вызывало и русское изобразительное искусство. В связи с выставкой в Праге произведений В. Верещагина в рабочей печати особо отметили идею гуманизма и ее реалистическое воплощение в картине «Апофеоз войны». Высокую оценку получила и пражская выставка передвижников.

В области театрального искусства исключительным признанием пользовались спектакли Московского Художественного академического театра во время его пражских гастролей.

Наивысшим выражением интереса рабочего движения к русской культуре является его отношение к творчеству М. Горького, который был признан крупнейшим писателем русского рабочего класса, а вскоре и чешского пролетариата. Большое значение имело решение печатать в газете «Право лиду» в 1908 г. перевод романа Горького «Мать». В статье от редакции говорилось, что это произведение представляет собой классический образец русского социализма, оно близко и сердцам чешских рабочих. Впоследствии роман вышел в «Рабочем издательстве». В теоретическом журнале рабочего движения «Академия» Горькому и русским писателям-рабочим посвятила статью М. Гебауэрова. Она

подчеркнула значение творчества Горького, который впервые в литературе противопоставил рабочий класс «разжиревшей буржуазии», причем в то время, когда в русской литературе стали проявляться декадентские тенденции. Горький показал путь в будущее, неисчерпаемые силы, кроющиеся в русском народе. Внимания заслуживают и заключительные слова о новом читателе-рабочем, о том, что трудящиеся призваны отобрать у буржуазии управление развитием культуры.

Подводя итог, мы можем констатировать, что искренний и живой интерес чешского рабочего движения к прогрессивной русской культуре был обусловлен убеждением, что культура является действенным орудием, расширяет кругозор трудящихся, способствует их духовному росту, укрепляет боевой дух рабочего класса в его борьбе за прогресс человечества.

И. Ф. Балза

(СССР)

ВКЛАД СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В МИРОВУЮ КУЛЬТУРУ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XVIII В. И ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XIX В.

I

ИЗУЧЕНИЕ проблемы, сформулированной в заглавии статьи, не может быть строго ограничено хронологическими рамками, обычно принимаемыми исследователями века (resp. эпохи) Просвещения, так как требует прежде всего более детального рассмотрения того процесса развития общественного сознания различных славянских народов, который подготовил важнейшие свершения данного периода и в большой мере обусловил его общечеловеческое значение.

Характерной чертой этого длительного процесса следует признать насыщение художественной культуры социально-этическими концепциями, волновавшими многих выдающихся мыслителей прошлого и превращавшимися в движущие силы освободительных движений, которые воплотились в яркие художественные образы даже спустя сотни лет после подавления этих движений: доста-

точно указать на гуситскую тематику сотен произведений чешских поэтов, драматургов, прозаиков, композиторов и художников не только будительского (т. е. просветительского) периода, но и всех последующих десятилетий — вплоть до нашего времени.

Социальные преобразования неотделимы от этических проблем, которые в свою очередь неотделимы от мировоззрения в целом, а значит и от напряженных, порою мучительных поисков норм справедливости в жизни человечества. «Революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. Она выступает соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»¹, — указывал Энгельс. В своих «Хронологических выписках» Маркс подчеркивал, что император Фридрих II, «в постоянной борьбе с папами, издает *один закон за другим для искоренения еретиков*, отчасти для того, чтобы отвести от себя — содержателя гарема и друга асаинов — подозрение в ереси, отчасти потому, что *еретики столь же опасные враги монархии в государстве, как и папства в церкви*»².

Оставим в стороне асаинов (фанатиков-убийц, союз которых получил название «Гашишим» от их любимого наркотика; слово это романоязычные народы переделали в *assassino* — «убийца»), к помощи которых не раз прибегал неразборчивый в средствах Фридрих II. Обратим внимание на выделенные Марксом слова об еретиках как врагах монархии и папства. Слова эти непосредственно перекликаются с приведенной формулой Энгельса, включающей характеристику различных видов «революционной оппозиции против феодализма», вплоть до «открытой ереси». Именно такой была ересь богомилов, зародившаяся в Болгарии вскоре после приезда туда учеников первоучителя Мефодия и утверждения христианского вероучения и письменности. Вместе с тем именно этот период ознаменовался трагическими событиями в жизни болгарского народа, изнурительными войнами с Византией и усилением тяжелого феодального гнета.

Возникновение и развитие богомильства сыграло огромную роль в борьбе против этого гнета не только в Болгарии, но и во многих других европейских странах. А. Н. Веселовский, не раз

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 361.

² Архив Маркса и Энгельса, т. V. Л., 1938, с. 250. Сведения о тайном союзе убийц (основанном в конце XII в. шитом Гассаном из Хорасана), услугами которого не раз пользовался Фридрих II, Маркс мог почерпнуть из книги: *Hammer J. von. Die Geschichte der Assassinen aus morgenländischen Quellen. Stuttgart—Tübingen, 1818*. К этому источнику, не потерявшему значения до нашего времени, обращались многие исследователи.

обращавшийся к вопросу об этой роли «богомильской ереси», с полным основанием указывал на ее раннее распространение в Северной Италии: «В истории дуалистических учений славянские народы в первый раз, до появления Гуса, вносят в общеевропейскую жизнь свой интеллектуальный вклад, оставивший прочные следы на всем развитии средневековой культуры»³. Какими бы ни были заблуждения богомилов, порожденные преимущественно мистическими тенденциями, включая и хилиастические чаяния, все же наиболее важный «интеллектуальный вклад» этого учения заключался в его дуалистической основе.

Вере в догмат искупления, дававшей власть духовенству над людьми, судьбы «вечной жизни» которых находились якобы в руках церкви, богомилы противопоставляли учение о дуализме, о непрекращающейся борьбе сил света (духа) и мрака (материи). Учение это до известной степени перекликалось с ненавистным церкви манихизмом. Однако общим здесь можно считать только дуалистическую основу, прослеживающуюся, впрочем, и в некоторых еще более древних религиозных учениях. Вопрос о преемственности движения богомилов, иногда называемого неоманихейским, с учением Мани, видимо, нельзя считать окончательно решенным⁴. Но наиболее важным для нас является оспаривавшийся некоторыми исследователями факт воздействия богомильства на движения катаров, патаренов и альбигойцев.

Как болгарские ученые, в частности академик Димитрий Ангелов⁵, так и советские исследователи подчеркивают, что объективные законы общественного развития обуславливают те различия, которые не позволяют считать богомильство прямым продолжением манихейства. Что же касается дуалистических ересей Запада, испытавших воздействие богомильства, то В. К. Зайцев, обобщивший обширный материал и литературу по этому вопросу, прямо пишет: «На Запад распространялось не столько религиозное учение самой секты, сколько идеологическая программа антифеодальной и антиклерикальной оппозиции»⁶. Именно этим объясняется то беспримерное ожесточение, с которым король Франции Филипп IV еще до бесславной расправы с Орденом тамплие-

³ *Веселовский А. Н.* Собр. соч., т. 8, вып. 1. Пг., 1921, с. 176. Здесь имеется в виду болгарское происхождение (*portatum de Bulgaria*) так называемых «Вопросов Иоанна Богослова» — богомильской книги, изучавшейся в конце XII в. в Конкорепцо.

⁴ *Obolensky D.* *The Bogomils. A study in Balkan Neomanichaeism.* Cambridge, 1948.

⁵ *Ангелов Д.* Богомильство в Болгарии. М., 1954, с. 53—55.

⁶ *Зайцев В. К.* Богомильское движение и общественная жизнь Северной Италии эпохи Дученто. Доклад на VI Международном съезде славистов. Минск, 1967, с. 19.

ров, осужденной в «Божественной комедии» Данте, утопил в крови движение альбигойцев, стремительно распространившееся в Европе. Но и процесс тамплиеров, навсегда оставшийся в истории человечества как пример беззакония (поэтом и пособника Филиппа — папу Климента V Данте назвал «пастырем без закона» — «un pastor senza legge» — Inf. XIX, 83), современные историки рассматривают в связи с инкриминированным Ордену дуалистическими концепциями, восходящими к богомилам (как подчеркивал Веселовский) и катарам⁷, которые, как доказано многими исследователями, сами признавали воздействие богомильства на свою идеологию⁸.

Итак, «богомильская ересь» (*Bulgarorum haeresis*) действительно оказалась «интеллектуальным вкладом» в духовную жизнь человечества, вкладом настолько серьезным, что внимательное изучение истории ее развития приводит к величайшему художественному произведению Запада — к «Божественной комедии» Данте Алигьери, яростные инвективы которого, обличающие преступления короля Филиппа, прозванного Фальшивомонетчиком, и «беззаконного» папу Климента V, так же, впрочем, как и некоторые другие мотивы его творчества, давно уже давали повод предполагать наличие связей «высочайшего поэта» с погибшим Орденом и искать черты дуализма в концепции «Комедии».

Несомненно «богомильская ересь», в особенности в том высшем «градусе посвящения», к которому принадлежали «совершенные» (*perfecti* — это обозначение сохранилось и у альбигойских мыслителей), содержала в себе значительные элементы мистики, проявлявшейся, в частности, в попытках философско-теологического обоснования дуализма, порою устремленных в область

⁷ См., напр.: *Pernoud Régine. Les Templiers. Paris, 1974, p. 122.* Автор, выдвинувший в свое время гипотезу о существовании «Черного храма», считал, что дуалистическая концепция развивалась именно в этом центре «еретического» учения, имевшего герметический характер и не получившего поэтому широкого распространения в Ордене.

⁸ Говоря об обрядности богомилов, Веселовский отмечал: «... на деревянном столе, который служил им жертвенником, лежало Евангелие от Иоанна, раскрытое на первой главе» (Указ. соч., с. 182). *Ordinarium missae* у тамплиеров содержал в самом начале чтение первых 18-ти стихов именно этого Евангелия (там же, с. 126). Этим стихам посвящена замечательная во многих отношениях книга: *Pontatowski Zygmunt. Logos Prologu Ewangellii Janowej (Warszawa, 1970).* Автор, рассматривая различные аспекты изучения проблемы, подробно останавливается на одном из них — «Нумн о Logosie jako źródło Prologu», приходя к выводу о гностическом источнике Пролога. Заметим также, что в соответствии с гностической трактовкой таинства евхаристии из канонического текста мессы у тамплиеров были изъяты слова «hoc est enim corpus meum» («сие есть тело мое»), т. е. ортодоксальная формула «пресуществления даров».

демонологии. Но даже эти попытки (вспомним еще раз формулу Энгельса!) наносили удары по устоям теократии и опиравшегося на нее феодализма. Есть основания полагать, что влияние богомилства не задержало развития ренессансной культуры, а, наоборот, способствовало проявлениям гуманизма в жизни и искусстве, особенно в проторенессансной болгарской живописи с ее отчетливым тяготением к «живству», к «очеловечиванию» персонажей Ветхого и Нового заветов.

Распространение революционных устремлений богомилства в южнославянских землях и в Италии подготовило и различные формы восприятия антифеодальной и антиклерикальной гуситской идеологии, отразившейся и в песнетворчестве, как об этом свидетельствуют не только находки в архивах Дубровника и Северной Италии, но и отзвуки боевых таборитских гимнов, проникновение которых в Италию доказано по отношению к Ломбардии, Пьемонту и Валь Д'Аоста. Характерные черты гуситских песен подробно изучены в многотомных трудах академика Зденека Неделого, с исчерпывающей полнотой показавшего своеобразие и непреходящую художественную ценность мелодий, рожденных подъемом антифеодального революционного движения в Чехии. Распространение этих мелодий в Италии — первый пример «славнизмов» в музыке Запада.

Что касается гуманистических концепций западнославянских мыслителей, то они получили интенсивное развитие в XVI—XVII столетиях, ознаменовавшихся также укреплением связей между прогрессивными кругами Польши и Чехии. Так, в 1561 г. в великопольском городе Шамотулы было издано большое собрание песен, подготовленное к печати специальной комиссией «Общины чешских братьев», которая была основана в середине XV в., вскоре после падения последнего оплота табритов — крепости Табор. Формально имея статус религиозной секты, община эта сыграла немалую роль в сохранении таборитских традиций. В неоднократно переиздававшийся «Шамотулский канционал чешских братьев» были включены и песни словацкого композитора Яна Сильвануса. Известны переводы текстов некоторых песен, вошедших в данный канционал, на польский, а также на немецкий и скандинавский языки⁹. В период контрреформации и связанной с ней «борьбой канционалов» продолжалось распространение «еретических» напевов, которые приобретали порой такую популяр-

⁹ Не имея возможности остановиться на огромной роли Шамотулского канционала в сохранении памятников гуситского песнетворчества, отметим хотя бы, что в изданный Юраем Трановским (Йиржи Тржановским) в словацком городе Левоче в 1636 г. и затем десятки раз переиздававшийся канционал вошло 78 песен из «Шамотулского канционала».

ность, что католическая церковь, пытаясь использовать их в своих целях, разрешала переиздание даже таборитских мелодий, меняя лишь подтекстовку. Широко практиковалось это в изданиях иезуитов (например, в многократно переиздававшемся канционале Штейера).

Издание канционала «чешских братьев» в великопольском городе не было лишь эпизодом в долгой и славной истории польско-чешских связей, далеко не ограничившихся областью культуры. Навсегда памятными в истории этих связей останутся события февраля 1628 г., когда 30 тысяч чешских семейств, отказавшихся принять католичество, вынуждены были, в соответствии с позорным императорским указом, покинуть родину. Вторую родину изгнанники нашли в Польше, причем многие из них поселились в другом великопольском городе — Лешно, куда некоторые «чешские братья» начали перебираться еще в середине XVI в., когда получили развитие их контакты с польскими протестантскими кругами.

Именно в Лешно протекала в 1628 — 1641 гг. многосторонняя деятельность великого чешского ученого-гуманиста Яна Амоса Коменского, не раз приезжавшего в этот город и в последующие годы. В Лешно были написаны такие капитальные труды Коменского, как «Великая дидактика» и «Открытая книга языков», 12 разделов которой содержали «основы всех наук и искусств». Уже в этих трудах, за которыми последовали и другие, проявилось стремление Коменского к энциклопедическому универсализму, к созданию стройной гуманистической концепции воспитания и интеллектуального развития человека, ставшего центром этико-эстетического учения Коменского о гармоническом сочетании моральных критериев с функциями художественных образов. Важнейшим мировоззренческим тезисом, положенном в основу педагогической системы Коменского, было утверждение антропоцентризма, прямо связанное с его гуманистическими взглядами.

Мировое значение философских трудов западнославянских ученых неизмеримо возросло в середине XVII в., после того как в Амстердаме в 1656 г. под общим названием «*Bibliotheca Fratrum Polonorum*» («Библиотека польских братьев») вышли труды изгнанных из Польши мыслителей, прозванных «польскими арианами», хотя их учение и нельзя рассматривать как непосредственное развитие идей «великого ереспарха» Ария Александрийского, на рубеже III и IV вв. выступившего против христианского учения о св. Троице и видевшего в Иисусе только «совершенного человека» (возникшая в V в. секта монофизитов, наоборот, признавала только божественное естество второй ипостаси Троицы). Наиболее существенным в трудах крупнейших представителей

левого крыла польской реформации (т. е. «польских ариан») был основанный на философско-этических предпосылках протест против социального гнета, поддерживавшегося церковными властями.

«В своей борьбе против католической догматики ариане, эти самые последовательные в то время рационалисты, доходили до материалистических идей», — указывают Ю. В. Бромлей и В. Д. Королук¹⁰. Такие идеи в той или иной форме мы находим уже у Павла Гжегожа из Бжезин и Шимона Будного¹¹, а затем у таких видных представителей польского арианства, как Анджей Вишоватый и Людвик Вольцоген. У двух последних мыслителей намечается путь, ведущий от картезианского рационализма¹² к монизму Спинозы, воздействие трудов «польских ариан» на которого (во всяком случае, на принципы построения его этики) представляется уже неоспоримым. Но этим далеко не исчерпывается мировое значение философско-этических трудов «польских братьев». Так, работы Вольцогена, получившие распространение благодаря амстердамским изданиям, оказали сильное влияние на Джона Локка. И хотя его более поздние труды повлекли за собой заблуждения английских философов-идеалистов, в особенности Беркли, тем не менее сенсуализм Локка все же был одним из истоков материализма французских мыслителей.

II

Рубежом XVIII и XIX столетий датируется начало стремительного роста влияния культуры славянских народов на мировую художественную культуру. Этот процесс объясняется многими факторами, на которых целесообразно остановиться хотя бы вкратце.

Прежде всего необходимо иметь в виду древность культуры славянских народов и характерное для нее сочетание этических

¹⁰ История Польши в 3-х т., т. I. М., 1956, с. 185.

¹¹ В работе С. А. Подокшина «Скорина и Будный» (Минск, 1974), где справедливо говорится о роли Будного в развитии белорусской философской мысли, к сожалению, ничего не сказано о его связях с «польскими арианами». Безоговорочно относит автор к числу представителей этической мысли Белоруссии (к тому же начала XVII в.) таких мыслителей, как Лев Сапега и писавший по латыни поэт и теоретик литературы Мацей Казимеж Сарбевский (1595—1640), блестящая характеристика творчества которого, никак не вяжущаяся с высказываниями Подокшина, содержится в обобщающих трудах нашего современника проф. Юльяна Кшижановского.

¹² Заметим попутно, что Декарт, с которого, собственно, начинается история философии нового времени (т. е. периода, который благодаря великому французскому философу окончательно порвал со схоластикой), судя по материалам его обширной корреспонденции, сам намечал пути развития своего мировоззрения.

и эстетических начал, которое проявилось в антифеодалных движениях, развивавшихся на основе «ересей», в частности богомилства, получившего в различных формах распространение во многих странах Запада. Именно социально-этические предпосылки дуалистических «ересей» побудили нас остановиться на них во вступительной части статьи. Что касается эстетических концепций «еретиков» этого плана, то отрицание догмата искупления, который был основой власти церкви, обуславливало обращение к человеку, к его внешнему облику и внутреннему миру. Нельзя, правда, забывать и о некоторых отрицательных явлениях антифеодалных движений, например об иконоборчестве левого крыла таборитов.

Многовековое формирование морально-этического образа человека побуждало его обратиться к жгучим социальным проблемам, определявшим гуманистическую направленность его стремлений. И если сочетание этического и эстетического начал привлекало многих мыслителей Запада — от Аристотеля до Рескина (хотя, как известно, Гете решительно высказывался против такого сочетания), то в литературе и искусстве славянских народов в эпоху формирования и развития наций художественные образы насытились громадным философским содержанием. Путь к этому был, как мы старались показать, долгим, сложным и трудным. Но если бы он не был пройден, то вполне вероятно, что творческий облик великих мастеров, ставших классиками русского, польского, чешского и других славянских народов, не отличался бы чертами такого ярчайшего своеобразия.

Следует также помнить, что многие достижения художественной (а зачастую и не только художественной) культуры славянских народов стали общечеловеческим достоянием со значительным опозданием. Примером тому может служить творчество Андрея Рублева и других русских живописцев¹³, мастеров Боянского храма, «норвидовский Ренессанс» и даже не сразу пришедшее мировое признание Пушкина¹⁴. Чрезвычайно показательна в этом

¹³ Справедливость требует признать, что в той или иной мере такое опоздание имело место и по отношению к мастерам других стран. Создатель Изенгеймского алтаря, так поразившего Достоевского, не раз должен был для успешного сбыта своих произведений метить их монограммой Дюрера, ибо гений Матиаса Грюневальда был признан через много лет после его смерти. Величайший английский композитор Генри Перселл, чтобы не умереть с голоду, должен был заниматься ремонтом и чисткой старых органов, пыль которых губила его больные легкие. Рембрандт умер в нищете...

¹⁴ Некоторые данные об этом собраны в статье автора этих строк «Дорога Пушкина на Запад» в сб. «Русская литература и ее зарубежные критики» (М., 1974).

отношении судьба наследия Яна Потоцкого. Правда, вскоре после его смерти высокую оценку художественным произведениям и историческим трудам автора «Рукописи, найденной в Сарагоссе» дал со свойственной ему прозорливостью Пушкин, а затем в «Курсе славянских литератур» и Мицкевич (возможно, впрочем, увлекавшийся «Рукописью» и раньше). Однако столетие, прошедшее со времени опубликования польского перевода «Рукописи» (оригинал был написан по-французски и, к сожалению, пока не разыскан¹⁵) в 1847 г., ознаменовалось постепенным погружением этого необычайного произведения в «медленную Лету».

Хотя в Польше и появлялись отдельные небольшие работы о Потоцком (например, Брюкнера и Синко), мировое значение его романа определилось лишь во второй половине нашего столетия, когда в Польше вышли в свет новые издания «Рукописи» (со статьей и комментариями Лешка Кукульского), а также работы выдающихся литературоведов проф. Мацея Журовского¹⁶ и проф. Здзислава Либеры¹⁷. В 1968 г. был напечатан первый русский, также комментированный, перевод «Рукописи», выполненный Александром Голембой. К этому следует добавить еще ряд работ о Потоцком польских, советских, французских, сербских и других исследователей. Не все эти работы равноценны, суждения, высказанные в них, не единодушны, но в настоящее время можно уже с уверенностью утверждать, что «Рукопись, найденная в Сарагоссе» принадлежит к числу наиболее выдающихся произведений мировой литературы века Просвещения.

В этом «шкатулочном романе», — безусловно, уникальном произведении мировой литературы (понадобилось, правда, свыше 150 лет для того, чтобы постичь значение «Рукописи») — своеобразно переплелись философско-этические мотивы с демонологическими легендами, преломившимися через призму дуалистических концепций, которые в значительной степени определили причудливую на первый взгляд композицию романа, включая и эпилог. Напомним, что если в начале романа герой Альфонс ван Ворден (его «рыцарский портрет» Пушкин с предельной сжатостью и

¹⁵ Вопрос о степени знания Потоцким родного языка поныне является спорным. На один из его польских автографов (письмо к Игнацию Потоцкому от 16 ноября 1789 г.) обратил внимание автора проф. З. Голинский.

¹⁶ *Zurowski Maciej*. *Artyzm i sens «Rękopisu znalezionej w Saragossie»*. — *Przegląd Humanistyczny*, Warszawa, 1972, N 6.

¹⁷ *Libera Zdzisław*. «*Rękopis znaleziony w Saragossie*» Jana Potockiego na tle polskiej kultury literackiej XVIII wieku. — *Ibidem*.

четкостью очертил в одном из последних своих стихотворений¹⁸⁾ делается фактическим мужем двух сестер-мавританок (т. е. совершает грех прелюбодеяния, усугубленного, по церковной квалификации, инцестом), то в эпилоге оказывается, что это действительно необычное для литературных сюжетов событие понадобилось Потоцкому не для введения бигамических эпизодов, занимающих в романе крайне незначительное место, а для утверждения концепции веротерпимости. Ибо в эпилоге романа, на страницах которого не раз говорится о религиозных расприх и нетерпимости, Альфонс ван Ворден повествует о своей родительской любви и к сыну — мусульманину, и к дочери, решившей принять христианство. И это невольно противопоставляется фанатическому изуверству, из-за которого многие тысячи «польских братьев» и «чешских братьев» вынуждены были покинуть родину.

Тема социального обличения религиозного фанатизма, человеконенавистничества, клятвопреступления и предательства проходит через всю «Рукопись», в которой уже отчетливо намечается столь характерная впоследствии для Гофмана трактовка фантастики, являющейся средством выражения тех же идей социального протеста, что и порожденного ими сатирического осмеяния сословных предрассудков. В этом отношении история герцогини Медина-Сидония у Потоцкого уже предвещает трагическую судьбу гофмановской принцессы Гедвиги в «Житейских воззрениях Кота Мурра». Такие параллели можно было бы без труда умножить. Ограничимся, однако, констатацией того факта, что если у Потоцкого местами делается ясной связь концепции «Рукописи» с учением «польских братьев»¹⁹⁾, то великий немецкий романтик изучал источники, в той или иной форме утверждавшие концепции дуализма: можно назвать хотя бы трактаты Агриппы Неттесгеймского, которые так усердно штудировал как Гофман, так и Гете, приступая к работе над «Фаустом».

Подчеркнем, что какова бы ни была преemственность художественной культуры эпохи формирования и развития наций с антифеодальными движениями прошлого, все же каждой эпохе свойственно стремление к восприятию и продолжению тех традиций, которые близки ей и потому приобретают особенное значение. Этим объясняется и «дантовский Ренессанс» на рубеже XVIII и XIX столетий, когда как бы заново читалась «Божественная комедия» и терцины ее клеймили человеческие пороки и сословные предрассудки, которые заменялись дантовским критерием благо-

¹⁸⁾ Об этом стихотворении см. нашу статью «Пушкин и Ян Потоцкий» в сб. «Искусство слова» (М., 1973).

¹⁹⁾ Это обстоятельство не раз отмечал проф. М. Журовский, а также автор этих строк.

родства, определявшегося не «скудной вельможностью крови» («prosa nostra nobiltà di sangue»), а поступками и побуждениями сердца (*cor gentil*). Именно в славянских странах в рассматриваемый период сложился героический облик бесстрашного поэта — пророка, судьи и обличителя. Такими были в России Пушкин и Лермонтов, в Польше — Мицкевич и Словацкий. К их голосам присоединялись в Словении Станко Враз и Франце Прешерн, в Чехии и Словакии — будители, призывавшие к воскрешению и продолжению гуситских традиций «божьих воинов» и в разгаре борьбы против габсбургского гнета заявившие, что «имя Пушкина стало девизом всех непокорных» (Вацлав Бендль).

Мировое значение основоположников русской и польской классической литературы заключалось не только в художественной силе их гения, не только в борьбе против самодержавия, но и в утверждении общечеловеческих этно-эстетических критериев, во многих отношениях ставших ориентирами на пути развития художественной культуры человечества. В год декабристского восстания Пушкин опубликовал «Песнь о вещем Олеге», в которой содержались знаменитые слова: «Волхвы не боятся могучих владык». С большими трудностями удалось напечатать «Бориса Годунова», но рукопись десятой главы «Евгения Онегина» пришлось сжечь, ибо мятежному поэту грозила ссылка. А вскоре после появления в печати «Конрада Валленрода» петербургские друзья Мицкевича постарались организовать выезд Мицкевича из Петербурга еще до того, как «слово стало плотью, а Конрад — Бельведером». И, быть может, не случайно из всего тиража «Трех песен», написанных Марией Шимановской на слова, взятые из этой поэмы, до нас дошел только один экземпляр.

«Евгений Онегин» перешагнул рубежи России еще при жизни автора. Поньше пушкинский роман в стихах, так же как «Пан Тадеуш» Мицкевича, привлекает все более и более пристальное внимание зарубежных переводчиков, историков литературы и, судя по количествам изданий и цифрам их тиражей, широких кругов читателей. Каковы бы ни были факты, говорящие об отдельных публикациях произведений славянских писателей за рубежом, нет сомнений, что мировое признание русской литературы началось с Пушкина, а польской — с Мицкевича. Что же касается вклада славянских народов в мировую культуру, необходимо также признать, что эти, так тесно связанные между собой, имена знаменуют высшие достижения художественной культуры двух братских народов, определившие магистральные пути развития европейской литературы и искусства на основе эстетической концепции, выросшей из глубокого социально-этического понимания сложности общественных взаимоотношений и противоречий.

Пушкин и Мицкевич, Словацкий и Лермонтов видели свою задачу не только в постижении, но и в преобразовании общества путем идейно-художественного воздействия на него. И если Мицкевич указывал на уникальность Пушкина, то, оценивая вклад русского народа в мировую культуру, надлежит помнить, что в творчестве «русского Данте» уже содержалось *in* писе все величие русской литературы (это подчеркивал, в частности, крупнейший польский пушкиновец Марьян Топоровский). Лермонтов, Тютчев и другие большие русские поэты возводили свою генеалогию к Пушкину. Его преемниками с гордостью считали себя Гоголь и Тургенев, Толстой и Достоевский. Определяя значение титанических свершений Пушкина в истории духовной жизни человечества, справедливо говорить не только о его наследии как великого поэта, прозаика, драматурга и непревзойденного мастера эпистолярного искусства (эта сторона творчества Пушкина получила надлежащую оценку на Западе только во второй половине нашего столетия), но и о его роли мудрого наставника многих поколений русских писателей, вслед за ним утвердивших славу русской литературы и слова, засиявшего, как выразился Словацкий, брильянтами в языке Пушкина.

Эта путеводная роль Пушкина определялась не только силой его творческого гения, но и тем могуществом интеллекта, которое обусловило утверждение новых эстетических принципов — «поэтики правды», требовавшей исторической достоверности художественных обобщений. «Дон Карлос» не мог бы быть написан автором «Бориса Годунова» и «Моцарта и Сальери». Такая достоверность давала право произнесения суда над лицами и событиями и полную возможность создания «аллюзий», приобретающих «крамольное» значение, чему могут служить примером хотя бы многие места из «Бориса Годунова»: вспомним рассказ Рожнова, ассоциировавшийся с событиями 1825—1826 гг., и ироническую реплику Самозванца: «Завидна жизнь Борисовых людей! . . .». Вместе с тем именно эта достоверность требовала и безупречной исторической компетентности, которой, как подчеркивал не раз Е. В. Тарле, в столь высокой степени обладал Пушкин.

В стремлении к «всеведенью пророка» Пушкин обращался далеко не только к изучению исторических событий, но и к духовной жизни человечества, пытливно вглядываясь в сложную череду верований, заблуждений и стремлений. Можно предположить, что его поиски биографических материалов о Яне Потоцком были связаны, с одной стороны, с замыслом трагедии о Павле, а значит и с поисками улик против императора Александра Благословенного, которого Пушкин ненавидел так же, как Данте ненавидел короля Филиппа Красивого; с другой же стороны, они связаны

с пониманием поэтом того факта, что если «плешивый щеголь» был царевубийцей и отцеубийцей, то для вдохновителей преступления Павел был также великим магистром Мальтийского ордена. И уж для кого, как не для Пушкина, было ясно, что в задачи Ордена давно не входила «война с неверными», а чтение «ученых изысканий» и «испанских романов» писателя, которого не раз видели в Петербурге в парадном мундире рыцаря Ордена, могло навести на мысль о попытке хоть что-нибудь узнать о «герметическом» учении Ордена, преемственно связанного с погибшим Орденом тамплиеров и с дуалистической концепцией этого учения.

Независимо от того, какова была степень осведомленности Пушкина в этой области, проблемы мировоззрения, несомненно, очень волновали его, уводя и в далекое прошлое, включая учение езидов²⁰, и в те трагические годы, которым посвящалась десятая глава «Евгения Онегина».

И Мицкевич, переводя терцины дантова «Ада», думал о праве и долге поэта-вождя и в метафорической форме воскрешал древний обряд вызова на суд душ умерших в написанных в юности частях (так называемых ковенско-виленских) «Дзядов». Но от этого прошлого тянулись нити к современности, образы которой были созданы и судимы поэтом в «Дзядях» дрезденских и во фрагментах великого произведения, оставшегося незаконченным. И тем не менее именно «Дзяды» утвердили в польской литературе право мастера судить о людях и их поступках и, продолжая традицию «высочайшего поэта», создавать художественные образы, являющиеся вместе с тем и этическими обобщениями²¹.

К числу наиболее ярких примеров таких обобщений мы вправе отнести в польской литературе «Фараона» и «Куклу» Болеслава Пруса. Тысячелетия разделяют события и персонажей обоих романов, но социально-этические концепции, положенные в их основу, вплотную примыкают друг к другу. И мы вполне можем представить себе и панну Изабеллу в вихре призраков, мчащихся там, где пребывают тени риминийских любовников, и преступного Херихора в кругу убийц, осужденных создателем этих образов.

Русскую литературу, которую французский эссеист Камиль Беллег, слушая «Бориса Годунова», назвал «литературой встрево-

²⁰ «... которое ... есть смесь манихейства, магометанства и верований древних персов» (из «Заметки о секте езидов» на французском языке, которую А. С. Пушкин приложил к «Путешествию в Арзрум во время похода 1829 года»).

²¹ Дантовским традициям и их роли в развитии славянских литератур посвящены работы советских и зарубежных исследователей, опубликованные в сборнике «Данте и славяне» (М., 1965) и в четырех книгах «Дантовских чтений» (М., 1968, 1971, 1973, 1976).

женной совести человечества», сближает с польской прежде всего пронизывающее ее чувство тревоги, побуждающее осуждать несправедливость, проявляющуюся в разных формах религиозного и социального гнета. Такое осуждение отчетливо звучит и в чешской литературе, особенно в вершинных ее достижениях, таких, как «Тьма» и «Псоглавцы» Йираска.

В творчестве великих романистов и поэтов Запада также развиваются мотивы социально-этического протеста. Именно это делает высокие достижения славянских литератур столь весомым вкладом в мировую художественную культуру. Разумеется, признание общечеловеческой значимости культур славянских народов требует подробного и тщательного изучения как произведений литературы и искусства различных эпох, так и эволюции философской мысли в историческом аспекте, позволяющем обнаружить ее древние истоки и ее роль в создании и восприятии этих произведений. Анализ процесса развития философской мысли неизменно приводит к дифференциации прогрессивных и реакционных направлений, к пониманию значения передовых освободительных идей как важнейшего фактора, стимулирующего творческие импульсы и формирование этико-эстетических критериев художественной культуры.

Говоря об общечеловеческом значении славянских культур, следует помнить об их народных истоках, которые наиболее отчетливо проявились в период формирования наций. На протяжении нескольких столетий «славянизмы», восходящие как к западнославянскому, так и к южнославянскому народному творчеству, оказали сильное, не до конца еще изученное воздействие, в частности, на музыкальную культуру Запада. Так, например, в середине XVIII столетия яромержицкая и мангеймская школы сыграли важную роль в процессе становления и развития европейского симфонизма, вклад в который затем внесли и варшавские композиторы. Постепенно развивались различные жанры и в русской музыкальной культуре доклассического периода, рано достигшей, как показали исследования советских ученых М. В. Бражникова, Ю. В. Келдыша, Т. Н. Ливановой, В. В. Протопопова, С. С. Скребкова, Н. Ф. Финдейзена и их учеников, высокого уровня.

«Славянизмы» придали неповторимое своеобразие творчеству великих венских мастеров, которое стало важнейшим этапом развития мировой музыкальной культуры и оказало на нее столь могущественное влияние. Исторические предпосылки образования «лоскутной империи» обусловили взаимное проникновение различных интонационных пластов песенно-танцевального творчества населявших ее народов и создание из этих пластов как бы

амальгамы, характер которой ясно ощущается в творчестве Гайдна, Моцарта, Бетховена и Шуберта, т. е. центральных фигур европейской музыки второй половины XVIII—первой четверти XIX в.

Напомним, что Гайдн был выходцем из хорватской семьи и уроженцем хорватского местечка Трстник, переименованного габсбургскими властями в Рорау. Помимо впечатлений детских лет, отметим еще чешские песни и танцы, которые он не раз слушал, создавая свои произведения (например, самые ранние его симфонии были сочинены неподалеку от Пльзени). Польские и чешские, русские и словацкие, хорватские и украинские интонации влияли в музыку Гайдна и остальных венских мастеров, внеся в австрийскую музыку черты, существенно отличавшие ее от немецкой. Из этих черт более всего привлекает внимание широкая распевность, почерпнутая из славянского мелоса и придающая такое очарование музыке Моцарта и его преемников. Но необходимо подчеркнуть, что речь идет не только о красоте мелодии, а и об эстетических критериях, понимаемых не в узко музыковедческом плане. В творчестве Моцарта и Бетховена с особенной яркостью запечатлелись благороднейшие свободололюбивые порывы их времени, связанные с движущими силами Французской революции.

«Ужасная пьеса», как назвал Людовик XVI «Свадьбу Фигаро», была положена в основу либретто одноименной оперы Моцарта, а «Волшебная флейта», как показал профессор Сорбонны Жак Шайе, отразила те философско-этические поиски великого композитора, которые привели его к общению с масонскими кругами, к разочарованию в них даже после достижения высшей степени посвящения и к попытке основать собственную ложу «Грот» (некоторые биографы Моцарта склонны объяснять его трагическую гибель, исходя из этой попытки²²). Общеизвестны также демократические взгляды Бетховена, отразившиеся и в опере «Фиделио», и в Девятой симфонии, в заключительном хоре которой с потрясающей силой прозвучал призыв к братскому единению народов и всего человечества. «Славянизмам» в музыке Бетховена и Шуберта посвящена специальная литература, так же как и влиянию «божественного чеха» Йозефа Мысливечка на неаполитанскую оперу, Йиржи Бенды — на развитие мелодрамы, а его брата Фран-

²² См., напр.: *Dalchow Johannes, Duda Gunther, Kerner Dieter. W. A. Mozart. Die Dokumentation seines Todes. Pähl, 1966, S. 148—149; Dr. med. Duda Gunther. Gewiss-man hat mir Gift gegeben. Pähl, 1958, S. 136, 143—144.* Судя по этим и другим публикациям, «завистника президента», т. е. Сальери, поддерживали темные силы реакции.

тишка и «польского Паганини» Кароля Липиньского — на европейское скрипичное искусство.

Вскоре после смерти Бетховена и Шуберта мировое первенство в области музыкального творчества перешло к великим славянским композиторам. Уже в 30-е годы XIX в. международное признание завоевали произведения Шопена, прозванного еще в юные годы «польским Моцартом». Ученик Эльснера, под руководством которого он в совершенстве овладел навыками композиторского мастерства, Шопен воспринял также опыт своих предшественников и старших современников — Михала Клеофаса Огиньского, М. Шимановской, К. Курпиньского, Ф. Островского, Ф. Лесселя, К. Липиньского — и поднял на небывалую высоту польскую музыку в качестве гениального композитора и пианиста. Широко и свободно развивая ритмическую основу народных танцев (полонеза, мазурки, краковяка и др.), Шопен обратился и к жанру думы, раскрыв заложенные в нем возможности создания лирико-драматических, эпических и трагических образов, которые в крупных произведениях Шопена превращались в незабываемое по силе и завершенности эмоционально напряженное повествование о тяжелых испытаниях, выпавших на долю его родины, и в героический призыв к мужеству и борьбе.

Но какая бы ярость ни бушевала в музыке Шопена, не только накал страстей, выделяющий его среди всех романтиков (соната Листа была создана уже после смерти Шопена), побудил Делакруа изображать его в облике Данте. Ибо высокий интеллект Шопена, как бы тяжелы ни были переживания мастера, обращался к проблеме этически продуманной классификации человеческих чувств и стремлений, получившей художественное воплощение в цикле 24-х прелюдий для фортепиано. Стройность этого цикла невольно заставляет вспомнить восхищавший Пушкина «единый план» прославленного произведения Данте.

К образу великого изгнанника и к его поэме обращались и Мицкевич, и Словацкий, и Крasiunьский, и Норвид, и многие другие поэты и драматурги. Но не будет преувеличением сказать, что уже в первой половине XIX в. утвердился славянская традиция дантологии, выдвигавшая на первый план социально-этическую проблематику «Божественной комедии», обусловившую ее непреходящее значение и во время событий на Сенатской площади, и Ноябрьского восстания, и в периоды революционных волн Весны народов и накопления сил прогресса в темные годы реакции. И чем более постигали мастера, которых Гоголь назвал «великими зодчими», закономерности общественного развития, характеризующие процесс созревания социально-этических идеалов, тем

все более утверждалась вера в неотвратимое торжество этих идеалов.

Огромную роль в данном отношении сыграла русская музыкальная классика — прежде всего ее великий основоположник Глинка, еще при жизни завоевавший европейскую известность и признание. Разумеется, значение Шопена выходит далеко за пределы и сферы фортепианной и камерно-инструментальной музыки. В работах Мечислава Томашевского показана роль «польского Моцарта» в создании вокальной лирики. Эта область привлекала внимание и Глинки, и Даргомыжского, и их друга Моношю (отметим попутно выдающиеся заслуги всех трех мастеров в деле развития русско-польских культурных связей). Глинка создал первые в истории музыкального искусства славянских народов классические оперы и симфонические произведения. С именами Шопена и Глинки связано окончательное утверждение значительности того вклада во все области и жанры музыкального творчества, который внесли славянские народы. Последующие десятилетия отмечены новыми творческими свершениями, значительно умножившими этот вклад. «Новая русская школа» развивала глинкавские традиции, упрочив положение славянской музыки в мировой культуре, причем особо следует отметить, что в творчестве Балакирева, Бородина, Мусоргского и Римского-Корсакова появлялись сюжеты и мелодии зарубежных славянских народов. Полно глубокого значения то обстоятельство, что Римский-Корсаков (автор «Сербской фантазии») посвятил свою оперу «Пан Воевода» памяти Шопена, на темы которого писал музыку Балакирев, обращавшийся также к мелодиям чешских народных песен.

Стремление к обобщению различных черт народномызыкальных славянских культур, присущее русским, польским, чешским, сербохорватским, болгарским композиторам, привело к созданию «Славянских танцев» Дворжака, давно уже прочно вошедших в репертуар симфонических и камерно-инструментальных концертов, а также домашнего музицирования во всем мире. Такое стремление, возникшее еще в середине прошлого века в результате упрочения межславянских культурных связей, проявляется вплоть до настоящего времени, примером чему может служить творчество одного из крупнейших симфонистов современности — Б. Н. Лятошинского (1895—1968), во многих партитурах которого органически сочетаются мелодии и интонации восточных, западных и южных славян. О плодотворном развитии межславянских культурных связей свидетельствуют и многие достижения литературы и искусства. Это обстоятельство также необходимо отметить, говоря о вкладе славянских народов в мировую культуру.

Изучение этапов ее развития позволяет сделать вывод о преемственности, не всегда достаточно полно учитываемой историками культуры. Творчество основоположника чешской музыкальной классики Бедржиха Сметаны — неоспоримое доказательство своеобразного преломления идей и художественных образов антифеодалного, освободительного движения. К числу такого рода доказательств относятся многие произведения чешских композиторов, а также писателей, художников и скульпторов. Продолжая наблюдения над преемственностью и непрерывностью развития художественной культуры славянских народов, можно заключить, что значительность их вклада в мировую культуру была обусловлена многовековым развитием, одной из наиболее значительных фаз которого был период формирования и развития славянских наций. Кульминационный характер этой фазы определяется не только гениальной одаренностью мастеров, ставших первыми классиками литературы и искусства славянских стран, но и этической направленностью их произведений и теми эстетическими критериями, которые формировались на протяжении многих веков борьбы против социального и духовного гнета.

П. М. Федченко

(УССР)

ТАРАС ШЕВЧЕНКО И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

ТАРАС ШЕВЧЕНКО — великий поэт Украины. В тяжелое время самодержавно-крепостнического гнета Шевченко в своих произведениях отражал стремления и надежды украинского народа, стал его певцом.

Тарас Шевченко «принадлежит к числу самых крупных народных поэтов, каких только знает всемирная история литературы»¹. Вот почему его творчество как явление мировой культуры издавна привлекало внимание отечественных и зарубежных исследователей: Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Э. Дюрана, А. В. Луначарского, Т. Павлова, А. Енсена, А. И. Белецкого, Э. Неядлы, С. Русакиева и др.²

¹ Плеханов Г. В. Литература и эстетика, т. 2. М., 1958, с. 210.

² Світова велич Шевченка. Збірник матеріалів про творчість Т. Г. Шевченка у 3-х томах. Київ, 1964.

В мировой литературе немного найдется писателей, которые такими прочными узами были связаны с народом, как он, и которые с такой всесторонней полнотой смогли охватить прошлое и настоящее своего народа.

Но жить интересами только своего народа для истинно великого поэта мало. Когда мир раскалывается на две половины — угнетателей и угнетенных, то, по образному выражению Генриха Гейне, трещина проходит через самое сердце поэта. Для этого поэта нет чужой беды и чужого горя. Борьбу с несправедливостью во имя свободы и счастья людей труда он считает своим святым делом. Он вбирает в свое сердце боль и страдания всех угнетенных на земле, закаляет свою волю мужеством и верой в торжество справедливости и дает людям могучее оружие, каким является гневное и призывное слово.

К чести украинского народного певца-революционера его нежная любовь к Украине, его глубокий патриотизм никогда не осквернялись национальным шовинизмом. Шевченко выстрадал свой патриотизм, закалил его в огне общероссийской освободительной борьбы, в которой слышались и отзвуки революционных бурь, пронесшихся над Европой, Азией и Америкой в середине XIX столетия. Судьбу родного народа Шевченко не отрывал от судьбы братских славянских народов, и прежде всего великого русского народа, с которым украинский народ был связан общностью происхождения, социально-экономических и политических условий жизни.

Есть в истории мировой литературы личности, чье величие и слава определяются не только их литературным наследием, но всей совокупностью их творческого, гражданского и человеческого облика. Сила влияния таких писателей, которые стали не только летописцами, но и творцами, героями истории, чрезвычайно велика. Именно к таким писателям наряду с Байроном, Гюго, Пушкиным, Мицкевичем, Гейне, Петефи и другими по праву следует отнести и Шевченко. Человеческий и творческий подвиг великого Кобзаря вызвал пристальный интерес многих деятелей литературы и искусства, среди которых Диккенс и Вазов, Толстой и Короленко, Крамской и Репин, Горький и Франко, Маяковский и Тычина, Курелла и Путрамент, Садовяну и Робсон, Хикмет и Гидаш, Кент и Сибуйа и многие другие.

Тараса Шевченко сравнивали с Бернсом, Мистралем, Беранже, Кольцовым — выходцами из народа, воспевавшими его жизнь и борьбу. По свидетельству А. В. Луначарского, было распространено представление о писателях из народа как о самобытных самородках, сырых талантах (отсутствие образовательного «ценза» таких писателей было едва ли не высшей похвалой), которым

многое можно прощать. Разумеется, в истории литературы были и такие писатели, но их слава редко перешагивала границы своего времени, в то время как слава Роберта Бернса, Пьера Беранже и подобных народных певцов давно уже стала всемирной.

Некоторые исследователи творчества Шевченко тоже пытались эксплуатировать его крестьянское происхождение, его «стихийный талант без систематического образования». Излишне доказывать, сколь наивны и безосновательны подобные представления. По определению того же Луначарского, Шевченко «далеко поднялся над своей средой и мог сделать честь любому обществу интеллигентов не только по своему таланту и этическому облику, но и по своей образованности»³. Поэт, действительно проходивший свои «университеты» в дьячковых и помещичьих конюшнях, на кухнях и в прихожих, среди степных курганов, в укромных уголках солдатской казармы и в камерах казематов, был образованнейшим человеком, с которым находили общий язык выдающиеся писатели, художники, ученые.

Всю свою жизнь Шевченко занимался самообразованием. К тому же он прошел курс обучения в петербургской Академии художеств, где имел возможность познакомиться не только с историей мирового искусства, но и получить необходимые знания в области эстетики, истории, анатомии человека и многих естественных наук. Эстетическая культура не всегда оформляется дипломами, но все же нельзя забывать, что великий поэт Шевченко был первым украинским академиком авторитетнейшей в мире петербургской Академии художеств.

Достаточно внимательно прочесть поэмы, повести, дневник и письма Шевченко, чтобы убедиться в исключительной широте его эрудиции, в прекрасном знании им мировой литературы и искусства. Все это позволяло ему отражать в своем творчестве не только жизнь, думы и чаяния родного народа, но и других народов.

Мечты и деяния Шевченко — это мечты и деяния передовых людей того времени, мечты последовательного демократа, гуманиста и революционера.

Шевченко стал революционером не только потому, что сам испытал тяжесть рабства, неоднократно слышал о бунтарских крестьянских взрывах, а потому, что его размышления о тяжелом положении трудящихся, мечты о свободе были оплодотворены самыми передовыми идеями революционно-освободительной борьбы. Поэт звал на борьбу, веря в победу трудового народа.

³ Луначарский А. В. Статьи о литературе. М., 1957, с. 604—605.

Не случайно социалисты именно в Шевченко видят «одного из предтеч и поборников окончательного освобождения человечества»⁴.

При всем созвучии поэзии Шевченко творчеству Бернса, Беранже и других народных поэтов все же можно найти и отличительные особенности. Их общность определялась глубоким пониманием народной жизни, общностью личных судеб с судьбами родных народов, подлинной народностью. Своеобразие же каждого было обусловлено разницей талантов, особенностями исторической обстановки, в которой они находились, различием художественного видения.

«Лица не общее выраженье» у Шевченко заключалось в самом полном слиянии его дум и стремлений с думами и стремлениями трудящихся разных национальностей. Пушкин в обращении к Мицкевичу высказал пламенную мечту о «временах, когда народы, распри позабыв, в единую семью соединятся». Можно с уверенностью утверждать, что Шевченко разделял этот призыв и обращал его прямо к угнетенным.

Сопоставляя Шевченко с другими поэтами, мы вовсе не желаем вывить, кто из них «выше». Гениев меряют не этими мерками. Наша цель уяснить, в чем неповторимость и своеобразие каждого из них. Подобное сопоставление позволяет сделать вывод, что Шевченко как художник никого не повторял во всей истории мировой культуры. Поэтому, не будь его, мировая культура лишилась бы чего-то существенного, никем не восполнимого.

Не надо, конечно, и преувеличивать мирового значения Шевченко как мыслителя и художника. В этом не нуждается прежде всего он сам. Как верно заметил академик А. И. Белецкий, «много было мастеров поэзии с более отточенной формой, с большим, чем у Шевченко, искусством эпического рассказа, большей способностью к созданию характеров, к психологическому анализу. В своей поэзии Шевченко прежде всего лирик, который всегда кипит, бушует, перебивает сам себя, плачет, проклинает и в конце концов показывает нам преимущественно себя самого — и в поэмах, и в балладах, и в лирических пьесах, и в повестях.

Но недостатки ли это? Нет, это как раз то, что нас в нем наиболее привлекает, в чем для нас его великая сила. Именно благодаря своему непрерывному кипению, своей страстности он как равный стоит в едином ряду с Беранже, Гейне и другими своими современниками и предшественниками. Некоторые из них, навер-

---

⁴ Луначарский А. В. Указ. соч., с. 429.

ное, многогранное его. На его лире меньше струн, но на ней «бронзовая струна» звучит так, что заглушить ее нельзя. «Бронзовая» — или, вернее сказать, стальная»⁵.

Безусловно, масштаб таланта художника определяется не только силой его влияния на родной народ и на своих современников, но и на другие народы и на все последующие поколения. Живой интерес к творчеству Шевченко у других народов пробудился еще при жизни поэта, и с тех пор трудно найти в мире литературу, на языке которой не зазвучали бы его произведения — пусть хотя бы одно или несколько стихотворений.

Среди тех, кто нес народам пламенное слово украинского певца, были русские Н. Курочкин и И. Белоусов, белорус Я. Колас, латыш Я. Райнис, осетин К. Хетагуров, литовец Л. Гира, грузин А. Церетели, поляк В. Сырокомля, болгарин Л. Каравелов, чех Й. Фрич, хорват А. Харамбашич, англичанка Э. Л. Войнич и др. Творчество Шевченко вдохновляло не только его земляков Н. Лысенко и Я. Степового, но и П. Чайковского, М. Мусоргского, С. Рахманинова и многих других.

Впрочем, то, что слава Шевченко еще при жизни перешагнула границы родной страны, чтобы сделаться всемирной, — давно бесспорный факт. Но слава и значение поэта — понятия не тождественные. Значение — понятие более глубокое, раскрывающее не преходящую ценность наследия поэта.

Мировое значение Шевченко провозгласил еще Н. Чернышевский. Н. Добролюбов назвал его первым воистину народным поэтом. Великий Кобзарь, по свидетельству Н. Огарева, был «с восторгом принят, как свой, в русской литературе и стал для нас родной: так много было общего в наших страданиях и так самобытность каждого становится необходимым условием общей свободы»⁶. Чешский журнал «Květy», редактируемый Я. Нерудой, вскоре после смерти Шевченко писал: «К великим поэтическим духам, которых породила русская земля и произведения которых являются собственностью всего культурного мира, принадлежит и Т. Г. Шевченко. Его имя по праву стоит рядом с именами самых выдающихся славянских поэтов — Мицкевича, Пушкина, Лермонтова, Гундулича»⁷.

Об универсализме революционных идей Шевченко писали француз Э. Дюран, швед А. Енсен, англичанин Морфил и др.

⁵ *Білецький Олександр*. Зібрання праць у 5-ти т., т. 2. Київ, 1965, с. 300.

⁶ *Огарев Н. П.* Избр. социально-политические и философские прозав., т. 1. 1952, с. 466.

⁷ Цит. по: *Гонтар П.* Українсько-чеські літературні зв'язки в ХІХ ст. Київ, 1956, с. 50.

Действительно, идеи дружбы между народами и самоотверженной борьбы за политическую и социальную свободу вошли в кодекс не только всероссийского, но и всеславянского революционно-освободительного движения. Не случайно Л. Каравелов свидетельствовал, что «часть огня, бушевавшего в поэзии Шевченко, перешла в кровь и плоть болгарского народа в эпоху его национально-освободительной борьбы»⁸. А современный гаитянский поэт Р. Дестр как бы от имени всех тех, кто и сегодня пытается «привлечь Шевченко к своей повседневной жизни... чтобы содействовать еще более буйному расцвету нашей весны», говорит, что «Шевченко с его солнечным темпераментом... бросает свои отблески на все народы, борющиеся за справедливость и красоту»⁹. Последнее определение весьма показательное. Значение Шевченко и в том, что он удивительно умел соединять достижения своего народа с достижениями мировой культуры.

Поэтика Шевченко, полифонизм его поэм могут многому научить и сегодня. Ему по праву принадлежит честь первооткрывателя многих поэтических ценностей не только в литературах славянского мира, но и за его пределами. Его творчество является собой яркий образец органической связи эстетики с политикой и философией.

Шевченко не просто открыл миру силу и красоту украинского слова. На своих могучих крыльях он вынес украинскую литературу на широкие просторы и поставил ее в ряд зрелых литератур мира. Он интересен и нужен не только как оригинальный художественный летописец жизни своего народа, своего времени, но и как мастер глубоких художественных обобщений, обогащающих познания читателей о человеке, о его назначении на земле, о его борьбе за счастье всех.

Многие «вечные» темы в произведениях Шевченко получили новую, оригинальную интерпретацию. И среди них тема народа — творца истории, тема его борьбы за свободу и счастье. Слова Ивана Франко, сказанные о поэме «Мария», в которой Шевченко «на общечеловеческой канве рисует картины тиранства и борьбы за правду»¹⁰, можно отнести ко многим лучшим творениям Кобзаря.

И уж если речь зашла о поэме «Мария» — одном из высочайших достижений шевченковского гения, то нельзя не отметить одну из основных и сквозных в творчестве Шевченко тем — тему

⁸ Литературная газета, 1939, 6 мая.

⁹ Світова велич Шевченка. Збірник матеріалів про творчість Т. Г. Шевченка, т. 3, с. 150.

¹⁰ Франко Ів. Твори в 20-ти т., т. XVII. Київ, 1950, с. 11.

женщины, ее места и предназначения в жизни. В многоплановой художественной разработке этой темы Шевченко, пожалуй, не имеет себе равных в мировой литературе. Судьба героини поэмы как бы аккумулирует исторические судьбы всех женщин. «Тут, — утверждает Луначарский, — Шевченко, более чем когда-либо, творит вечное и общечеловеческое, поднимаясь до величавой символики»¹¹. Мы видим удивительное свойство творческой практики Шевченко — умение жадно, упоенно учиться у народа, брать полными горстями из его художественных сокровищ и возвращать в эту сокровищницу еще больше богатств, сверкающих новыми гранями. Он обращается к национальной проблематике и образу, использует весь комплекс изобразительных средств, стремится создать произведения, имеющие интернациональное звучание, становящиеся достоянием всех народов. Сама эволюция Шевченко в этом отношении очень показательна: от идей национальных к всеобщим, и при этом национальное не нивелировалось, не обезличивалось, а лишь расширялось и углублялось, все более наполняясь социальным содержанием, близким людям труда всех национальностей.

Для творчества Шевченко характерна закономерность, свойственная подлинным художникам: чем больше они берут у других народов, тем полновеснее их вклад в общечеловеческую культуру. Мудрая диалектика этого процесса в том, что подобные художники неисчерпаемы. К ним не угасает и никогда не угаснет интерес, наоборот, с каждой эпохой он все возрастает, ибо это интерес к тем, чье наследие живет и сегодня, кто был настоящим гражданином. Тарас Шевченко был достойным гражданином своего времени, и как настоящий интернационалист он, по словам Максима Горького, «владел и чувством будущего». Следов этих устремлений в будущее мы немало находим в его творчестве. При этом поражает точность исторических прозрений поэта, которые сама история расширяла и углубляла. Он мечтал о «семье великой, семье вольной, новой», о братских связях между народами, об их созидательном труде.

Шевченко многим, очень многим обязан мировой культуре. Но и ей он отдал все лучшее, что создал, тем самым обогатив ее. «Любой стране, любой нации нет славы большей, как создать нечто для всего человечества. Благодаря Шевченко сокровища украинской души, словно полноводная река, влились в общий поток человеческой культуры, волнами плывущей навстречу светлому будущему»¹².

¹¹ Луначарский А. В. Указ. соч., с. 436.

¹² Там же, с. 439.

СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРЫ И ИХ МЕСТО В РАЗВИТИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ XVIII—XX ВВ.

В ПОСЛЕДНЕЕ время наблюдается мощный подъем славистики как в славянских странах, так и в неславянском мире. Современная международная славистика многое сделала в области изучения общественного и культурного развития отдельных славянских наций, исторических и духовных межславянских связей, взаимоотношений и взаимовлияний между отдельными славянскими и неславянскими, прежде всего европейскими, культурами.

Современному расцвету славяноведения способствовали и ученые ГДР. Славистика, знакомя народ с достижениями, богатством и разнообразием славянских культур, стала одной из ведущих научных дисциплин в нашей стране.

I

Мне хотелось бы вкратце остановиться на важнейших результатах, достигнутых славистами и историками ГДР в изучении немецко-славянских связей в периоды Просвещения, веймарской классики, романтизма и в предмартовский период 1848 г.

В результате многочисленных исследований стало очевидно, что эпоха Просвещения является решающим моментом и первым кульминационным пунктом в процессе плодотворного развития немецко-славянских связей в области культуры и науки.

В XVIII столетии взаимообмен духовными богатствами, по словам Гете, между Германией и славянскими народами получил широкий размах. Представители немецкого Просвещения признавали, что Германия как «великая страна Центральной Европы» могла бы стать посредником между культурами Восточной и Западной Европы. Эту мысль сформулировал в своей мало известной брошюре Г. Меркел, друг и сподвижник И. Г. Гердера, сыгравший на исходе XVIII в. важную роль в развитии немецко-балтийско-русских литературных связей¹. Многие выдающиеся представители немецкого Просвещения, начиная с Г. В. Лейб-

¹ *Merkel G. Europas Lage und Aussichten im August 1813. Riga, 1813, S. 45.*

ница, а затем И. Г. Гердер и А. Л. Шлёцер, пришли к основополагающему выводу, что изучение культуры, истории и языка славянских народов должно стать составной частью как немецкой, так и вообще европейской науки и образования. Август Людвиг Шлёцер, этот, по словам Б. Копитара, «патрон славян»² эпохи немецкого Просвещения, уже в 1768 г. в качестве главной цели своей программы посредничества наметил способствовать тому, чтобы все немецкие читатели получили о России такое же правильное представление, какое они имеют о Франции и Англии, и чтобы русская литература вошла в немецкий и вообще европейский обиход наравне с литературами других европейских народов³.

Следует обратить внимание еще на один важный момент, связанный с поздним периодом деятельности «нашего замечательного Шлёцера», как его почтительно называл в 1805 г. Гете⁴. Шлёцер, который в последний период своей жизни, в 1801—1809 гг., еще раз активно выступил за связь Германии и всей Западной Европы со славянскими народами и прежде всего с Россией — «чудом XVIII века», издал в 1802 г. «Компендий по русской истории», снабдив его предисловием⁵. В предисловии он предсказывал духовный взлет русской нации и общеевропейское значение ее литературы и языка. Шлёцер утверждал, что в ближайшем будущем русская литература, по крайней мере в Германии, будет пользоваться заслуженным вниманием, русский язык везде войдет в обращение, а русская история будет изучаться с усердием. Сорок лет тому назад, писал он, было простительно ничего не знать о русском языке. Теперь дело обстоит совсем иначе. Русский язык наряду с немецким и английским займет в скором будущем ведущее место среди языков мира, его знание будет необходимым⁶.

Можно полагать, что эти высказывания Шлёцера о русской литературе и языке оказали влияние на молодого А. Тургенева, который в 1803 г., исполненный патриотической гордостью, провозглашал: «Без сомнения, приближается время, когда язык наш

² В. Kopitars kleinere Schriften. B. 1. Wien, 1857.

³ A. L. v. Schlözer und Russland. Eingeleitet und unter Mitarbeit von L. Richter u. L. Zeil. Berlin, 1961, S. 204 f.

⁴ Goethes Briefwechsel mit Georg und Caroline Sartorius (von 1801—1825). Weimar 1931, S. 44. Недатированный отрывок скорее всего из утерянного письма Гете Сарториусу от 4.X.1805 г.

⁵ Handbuch der Geschichte des Kaisertums Russland vom Anfange des Staats bis zum Tode Katharina II. Aus dem Russischen übersetzt. Göttingen, 1802.

⁶ Handbuch der Geschichte des Kaisertums Russland, S. VI ff. Предисловие Шлёцера датировано: Геттинген, апрель 1802 г.

будет одною из существенных принадлежностей хорошего воспитания»⁷.

Исследования в области славистики показывают, что научные и художественные журналы и газеты эпохи немецкого Просвещения и романтизма были для европейской общественности важнейшим источником знакомства с достижениями славянских литератур. Немецкая периодика и критика XVIII—начала XIX в. сыграла ведущую роль в открытии культуры и истории славян для Европы. Для многочисленных научных и беллетристических изданий эпохи немецкого Просвещения вполне применимо утверждение, которое дал Я. Коллар по поводу литературной взаимности: «Литература есть звучащая и видимая мысль нации, газеты — язык народов, которым они говорят друг с другом... Воздействие забытых журналов не уступает им в этом»⁸.

Интересно также высказывание Й. Добровского о «Геттингенских научных сообщениях» — традиционном критическом органе печати немецкого Просвещения. В письме к Копитару, датированному второй половиной февраля 1810 г., он писал: «Вы правильно делаете, читая «Геттингенские сообщения». При случае отмечайте все, касающееся славян»⁹.

Многое сделал для развития немецко-славянских связей ученый-просветитель Иоганн Христиан Христоф Рюдигер (1751—1822), с 1791 г. профессор философского факультета университета в Галле. В начале 80-х годов он издавал филологический журнал, в котором находила отражение научная и литературная жизнь славянских народов. Рюдигер одним из первых в Германии обратил внимание на молодого Добровского, опубликовав его статью о происхождении слова «чех» и о старинном чешском переводе Библии¹⁰, и на Досифея Обрадовича, основоположника сербского Просвещения, который принимал активное участие в реформе сербского литературного языка и способствовал дальнейшему подъему сербской литературы¹¹.

В 1793 г. Рюдигер опубликовал в своем научном журнале статью под названием «Кое-что по поводу русского языка в Гер-

⁷ *Тургенев А. И.* Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.). М.—Л., 1964, с. 446.

⁸ *Kollár J.* Über die literarische Wechelseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slavischen Nation. Pest, 1837, S. 123.

⁹ Briefwechsel zwischen Dobrovský und Kopitar (1808—1828). Berlin, 1885, S. 119.

¹⁰ Ср.: *Neuester Zuwachs der deutschen, fremden und allgemeinen Sprachkunde in eigenen Aufsätzen, Bücheranzeigen und Nachrichten von J. C. C. Rüdiger*, 2. Stück. Leipzig, 1783, S. 227 f., а также: 3. Stück. Leipzig, 1784, S. 129. Рюдигер подчеркивает растущее распространение чешского языка. — *Ibid.*, 2. Stück, S. 227.

¹¹ *Ibid.*, 4. Stück. Leipzig, 1785, S. 220.

мании». В ней еще раз отчетливо проявилось положительное отношение к России со стороны немецкого Просвещения конца XVIII в.

Рюдигер сообщал, что с ранней юности он испытывал наибольшее расположение к русскому языку и ни одному другому он не посвящал столько трудов. Русский язык стал ему дорог. И далее он объяснял: со времени Петра I Россия заметно выросла и укрепилась в своих границах. Значительно увеличилось ее население, поднялся уровень духовной жизни. Мягкий, звучный русский язык, который иной раз более богат и гибок, чем немецкий, является одним из самых развитых и употребительных языков мира. Немецкие читатели, а также читатели других стран давно с большим интересом относятся к творениям Сумарокова, Хераскова, Ломоносова, без сочинений русских историков и естествоиспытателей в Германии уже не обойтись.

Просветитель из Галле задавал своим соотечественникам вопрос: «Разве не пришло время изучать язык, на котором написано столько полезного и прекрасного? Да, он становится все более привлекательным и заслуживающим нашего пристального внимания». Он требовал введения преподавания русского языка в высших школах. Население крупных торговых городов Германии, а также тех областей, где живут славяне, — Лужицы, Силезии, Чехии и Каринтии, не должно быть обделено преподаванием русского языка; это поможет славянам немецких областей облегчить развитие собственного языка. Рюдигер заканчивал свою статью призывом: «Давайте скорее приступим к делу, мои дорогие соотечественники, мои прилежные и жаждущие знаний ученики. Мой пример покажет вам, как с помощью хороших пособий можно легко преодолеть трудности»¹².

Напомню, что Добровский восторженно воспринял похвалу Рюдигера в адрес русского языка — языка сильной славянской нации, многообещающей художественной литературы и высокопродуктивной науки, будущего мирового языка¹³.

Таким образом, одно из важнейших достижений немецкого Просвещения заключается в том, что благодаря разносторонней деятельности просветителей во второй половине XVIII в. Германия стала важнейшим центром обмена культурными ценностями между славянами и Европой.

¹² Etwas über und für die russische Sprache in Deutschland. — Neuester Zuwachs der deutschen, fremden und allgemeinen Sprachkunde in eigenen Aufsätzen, Bücheranzeigen und Nachrichten von J. C. C. Rüdiger, 12. Stück. Halle, 1793, S. 217—228.

¹³ Ср. письмо Добровского от 3 мая 1812 г. в кн.: Briefwechsel zwischen Dobrovský und Kopitar (1808—1828), S. 258.

II

В рамках международных и междисциплинарных славистических исследований необходимо выяснить функции, значение и влияние славянских культур в общеевропейском культурном процессе второй половины прошлого века. Нашей целью должна стать более точная научная оценка вклада славянских культур в европейскую культуру, ее участия в мировом культурном развитии.

По моему глубокому убеждению, многовековой исторический процесс надо понимать как диалектическое взаимодействие, взаимная отдача, усвоение и обогащение между славянскими культурами и культурами других европейских народов, между культурами Восточной и Западной Европы. Это — основополагающий фактор мировой истории.

Надо сосредоточить внимание на таких моментах истории Европы, которые отличаются особой активностью взаимосвязей между славянскими и другими европейскими культурами XVIII—XX вв. При этом необходимо выяснить путь развития каждой национальной истории и литературы стран Восточной, Центральной и Западной Европы — начиная с эпохи Просвещения — во всем их своеобразии и вместе с тем шире изучить их международные связи и взаимовлияния.

Назрела необходимость в выработке соответствующего теоретического и методологического инструментария, отвечающего уровню современной науки. Следует далее совершенствовать методы и способы компаративных исследований в генетическом, типологическом и функциональном аспектах. Надо привлечь к этим исследованиям представителей других филологических дисциплин, прежде всего романистов и германистов. Лишь в результате развития междисциплинарного сотрудничества мы сможем точнее определить место славянских культур в общеевропейском процессе.

В качестве объектов ближайших исследований в этом плане можно предложить следующие исторические периоды:

1. Период от европейского Просвещения до революции 1848—1849 гг. и круг проблем, связанных с дальнейшей интеграцией славянских культур.

2. Вторым объектом внимания может стать вторая половина XIX в., когда славянские культуры добились общеевропейского признания, прежде всего благодаря художественным достижениям реализма; их значение в преобразовательных процессах в европейской культуре также входит в этот круг вопросов.

• 3. В XX в. необходимо выделить период борьбы против фашизма, в которой Советский Союз и другие славянские народы сыграли решающую роль; в ходе этой борьбы достижения их культуры получили новое общеевропейское и мировое значение.

III

Остановимся на первом круге проблем. XVIII в. — эпоха европейского Просвещения — являет собой исторический образец взаимосвязей между национальными культурами Восточной и Западной Европы, между славянскими и другими европейскими культурами. С эпохи Просвещения начинается более высокая степень интернационализации европейской духовной и культурной жизни, международных связей в области культуры и науки. Процесс интеграции славянских культур по своему историческому значению и плодотворности достигает кульминации.

Гердер открывает новую главу в истории немецко-славянских идейных связей XVIII в.

В этот тематический круг проблем входит, на мой взгляд, также влияние французского Просвещения и революции на духовную и культурную жизнь славянских народов. Это влияние приводит к восстанию декабристов, к революционному славянскому романтизму, к идеям славянского национального Возрождения.

Классическая немецкая философия, идеи французского и английского утопического социализма явились мощным стимулом развития революционно-демократического движения в России и в других славянских странах.

IV

Во втором комплексе проблем следует отметить ведущую роль литературы и искусства славянских народов во второй половине XIX в., которые благодаря правдивому отражению современной действительности и прошлого оказались в центре прогрессивного развития европейской культуры. Общеевропейское признание славянских литератур и искусства обязано художественным достижениям реализма.

Критическое освоение славянскими культурами европейского культурного наследия, а также практического опыта общественного развития Западной Европы обогащает их. В свою очередь достигнутые ими в этом процессе успехи оказывают обратное воздействие на духовную и художественную жизнь Западной Европы. Это касается прежде всего прогрессивной реалистиче-

ской литературы славянских народов, где переплетаются идеи национального и социального освобождения. Появляются произведения, высокий историко-философский и художественный уровень которых обеспечивает им господствующее место в общем развитии европейской культуры. Особое значение в это время приобретает в некоторых славянских литературах, и прежде всего в классической русской литературе, общественный роман. Для славянских литератур в этот период характерен также расцвет других художественных жанров и направлений. Широкого размаха достигает народное художественное творчество.

Внимание исследователей должен привлечь уже не подлежащий сомнению факт, что достижения славянского реализма XIX в. оказали глубокое влияние на преобразовательные процессы в европейской культуре XX в. Целая плеяда выдающихся европейских художников нашего столетия испытала силу идейно-эстетического воздействия классического наследия славянских культур, особенно русского реализма. «Гиганты» (Т. Манн) русской классики от Пушкина до Льва Толстого шли вместе с писателями всего мира по пути борьбы и исканий.

V

Что касается третьего и завершающего комплекса проблем, охватывающих XX в., то здесь можно поставить в центр борьбу славянских народов против фашизма. В этой борьбе решалась судьба *всех* европейских народов и их культур. Славянские народы, которые в наибольшей степени подверглись фашистской агрессии и угрозе уничтожения, в первую очередь русский народ, боролись не только за свое национальное существование и сохранение своей культуры, но внесли — вместе с другими членами антигитлеровской коалиции — решающий вклад в дело спасения Европы и ее культуры от рецидива варварства. Развивавшиеся под знаком антифашистской борьбы, свидетельствовавшие о силе духовного сопротивления, литературы славянских народов одновременно открывали перспективы нового подъема культуры, в котором приняли участие все народы Европы.

В процессе широкой антифашистской борьбы были созданы основы сплочения всех прогрессивных сил европейской культуры, объединившихся для защиты гуманистических и социалистических традиций, в создание которых славянские народы внесли выдающийся вклад.

В антифашистской борьбе европейская культура вновь подтвердила неисчерпаемую силу своей гуманистической сущности.

Гуманистический пафос европейской, в том числе славянской, культуры и ныне эффективно служит делу сохранения и упрочения мирной перспективы, открывающейся сейчас перед Европой и всем человечеством.

Г. Грасгоф
(ГДР)

РУССКАЯ КУЛЬТУРА И НЕМЕЦКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ XVIII В.

В ИСТОРИИ знакомства Центральной и Западной Европы с культурой славянских народов можно отчетливо выделить несколько этапов, определяемых возрастанием политического и экономического значения славянских наций, усилением научного и культурного обмена и, не в последнюю очередь, активной посреднической ролью неславянских ученых и писателей. Это нагляднее всего можно показать на примере восприятия русской культуры в Германии.

Несмотря на то, что в XVI—XVII вв. о России имелись обстоятельные сведения от западноевропейских посланников и путешественников (Герберштейн, Олеарий и др.), лишь в петровскую эпоху называемая все еще Московией Россия входит в сознание немецкого читателя как держава, внушающая к себе уважение и составляющая неотъемлемую часть Европы. С начала XVIII в. в научных журналах, например в лейпцигском издании «Acta Eruditorum», регулярно появляются сообщения о научной и культурной жизни России и только что основанного Петербурга. Россия, где монарх сознательно требует развития науки и культуры, кажется страдающим мещанской ограниченностью немецким ученым страной не виданных ранее возможностей, требующих огромного размаха и неисчерпаемого богатства творческих сил человека. Печать того времени находит самые восторженные слова в адрес Петра I, который вывел Россию за короткое время из мрачного средневековья, «для чего другим царствам и государствам потребовалось целое столетие»¹. Знаменитый Лейбниц

---

¹ Lohenstein J. H. von. Des Grossen Herrens, Czars und Grossfürsten von Moskau Petri Alexiewiz, Bl. 2, 1740.

писал в 1705 г.: «Если бы я был молодым, я бы поехал в Москву... чтобы увидеть это излучение света»².

Западноевропейским просветителям казалось, что петровская Россия осуществляет их мечты о всеобщем образовании, подавая тем самым пример другим народам. «По всей России, даже в далекой Сибири, можно найти отныне школы, где обучаются и дети из простонародья»³, — отмечал в 1710 г. немецкий писатель Лоенштейн. Лейбниц полагал, что Россия проложит себе собственный, лучший путь развития, «на котором она сможет избежать тех недостатков, которые глубоко укоренились в Европе и с трудом поддаются исправлению, так что хороший пример русских будет освещать путь для остальной Европы»⁴. Характерные оценки коренных перемен, происходивших в России, содержатся в таких произведениях, как, например, «Преображенная Россия» Б. Вебера. В середине XVIII в. многие немецкие ученые — Миллер, Шлёцер, Бюшинг, Фриш, Готшед и другие — способствовали повышению авторитета русской культуры и науки. Исторические исследования Миллера, Шлёцера, Ломоносова и других ученых расширяли горизонты современной им России посредством обращения к национальному прошлому.

Начался взаимообмен между западноевропейской и русской литературой. Не только произведения западноевропейских авторов достигали России, но и зарубежные читатели получили возможность познакомиться с произведениями Прокоповича, Кантемира, Ломоносова и Сумарокова. Готшед славил Петербург как «новый Рим» и «новые Афины». «Там, — писал он, — где всего пятьдесят лет тому назад никто и не помышлял о науке, теперь процветают все изящные искусства»⁵. О заметном подъеме русской литературы свидетельствует издававшаяся в 70-е годы Бакмейстером «Русская библиотека», которая дала свыше 1100 обстоятельных русских публикаций. В сознании немецкой публики период правления Екатерины II означал продолжение петровских преобразований и в то же самое время новый подъем русской политики, науки и культуры. Русская культура не только сравнилась с культурой других европейских народов, но даже кое в чем превосходила ее.

«Повесть временных лет» Нестора, которую сведущий Шлёцер превозносил как единственное в своем роде, не сравнимое ни с каким другим историческим источником в Европе достижение

² Цит. по: *Richter L. Leibniz und sein Russlandbild*. Berlin, 1947, S. 125.

³ *Lohenstein J. H. von*. Op. cit., S. 86.

⁴ Цит. по: *Guerrier W. Leibniz in seinen Beziehungen unter Peter dem Großen*. SPb.—Leipzig, 1873, S. 175.

⁵ *Das Neueste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit*, 1756, S. 380.

культуры, служила доказательством того, что уже в X—XI вв. Киевская Русь превосходила остальную Европу своей культурой. Сомневающимся и критикующим европейцам петербургский ученый возражал следующим образом: «Неблагоприятные суждения, которые остальная часть Европы выносила относительно России, обусловлены недостатком знаний об этой империи, о ее языке и истории. Достаточно открыть хроники, чтобы увидеть в них тысячи признанных свидетельств героизма, талантов и в то же время борьбы против невежества»⁶.

Воспитание и образование Владимира I и Святослава Мудрого, богатая архитектура и живопись Киевской Руси уже в XI—XIII вв. оставляли позади себя западноевропейскую культуру.

Экономист и знаток России Г. Шторх неоднократно подчеркивал превосходство Киевской Руси, «уже достигшей такого уровня культуры, на который другим европейским народам предстоит вступить значительно позже»⁷.

Балтийский просветитель Хупель противопоставлял злым нападкам на русский народ со стороны журнала «Северная смесь» утверждение, что «Россия стала цивилизованной страной задолго до Петра I», что «его реформы были бы не осуществимы, если бы остались делом рук лишь одного поколения людей».

Подавляющее большинство европейских писателей конца XVIII в. считали, что русские — «дети одной с ними семьи» и что они отнюдь не стоят в стороне от других «политических народов». «Духом» и «гением» русского народа француз Левескье считал Ломоносова, «сына помора», как пример выдающейся одаренности и способностей русского народа⁸.

Екатерининская Россия встретила в немецкой печати того времени самое широкое признание. Авторы были единодушны в том, что своим постоянным вниманием к развитию наук и искусств Екатерина II вывела «достигшую законодательной власти в Европе Россию из несовершеннолетия и подражания» к тому, чтобы стать «самостоятельным народом». И все же после Великой французской революции стали раздаваться критические голоса в адрес русского абсолютизма. Нечеловеческие условия жизни русского крестьянина, «низведенного до положения скота» и «подвергавшегося со стороны помещиков телесным наказа-

⁶ *Bacmeister J.* Eassai sur la Bibliothèque et le Cabinet de curiosités et d'histoire naturelle de l'académie des Sciences de St. Petersburg. Spb., 1776, S. 16.

⁷ *Storch H.* Gemaehle von St. Petersburg. Riga, 1794, S. 166.

⁸ Цит. по: *Grasshoff H.* Russische Literatur in Deutschland im Zeitalter der Aufklärung. Berlin, 1973, S. 314 ff.

ниям»⁹, вызывали сочувствие у всех прогрессивных европейских писателей. В 1789 г. было издано на немецком языке «Путешествие из Петербурга в Москву». Гражданин Французской Республики Шантро заклеил продажу крестьян и жестокое обращение с ними, разоблачив крепостническую сущность екатерининского государства. Репрессии в правление Павла I и наступившая реакция разбила надежды в отношении России как государства будущего. Лишь с окончанием наполеоновских войн наступила новая эпоха в немецко-русских отношениях.

⁹ Цит. по: *Grasshoff H. Russische Literatur in Deutschland im Zeitalter der Aufklärung*, S. 374 ff.

Р. Розенберг

(ГДР)

НЕМЕЦКАЯ ПРЕДМАРТОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И СЛАВЯНСКИЙ РОМАНТИЗМ (Некоторые вопросы компаративистики)

ПРЕДСТАВИТЕЛИ сравнительного литературоведения в ГДР изучали в прошлом немецкую литературу первой половины XIX в., исходя прежде всего из генетического аспекта. Теперь мы все чаще стараемся рассматривать ее синхронно с развитием других европейских литератур того же периода, стремимся к раскрытию общности и различий процессов и явлений в разных европейских литературах. Одним из важнейших условий для такого подхода является параллельное изучение отдельных литератур путем всестороннего анализа общественной роли каждой из них в антифеодальной борьбе, в национально-освободительном либо социально-революционном движениях, характера восприятия ими передовых идеологических течений (классическая немецкая философия и французский утопический социализм) и литературного наследия прошлых эпох (отношение к национальным и интернациональным литературным традициям).

Указанные аспекты и связанные с ними новые вопросы изучения немецкой литературы неизбежно возникли, как только мы начали включать в понятие историко-литературного процесса всю совокупность общественно-литературной жизни. Такое пони-

мание предмета историко-литературных исследований отнюдь не означает недооценки проблем прогресса в художественном познании действительности (например, развитие реализма), структурно-художественного новаторства и т. д. Напротив, мы убеждены, что всестороннее изучение общественно-исторических условий, в которых создается литературное произведение, помогает лучше выявить связующие звенья, отсутствующие в вульгарно-социологических схемах, выводящих литературные явления непосредственно из социально-экономических процессов. Кроме того, благодаря такому широкому пониманию истории литературы мы уточним также наши представления о преемственности в развитии литературы.

Вышеуказанные вопросы еще более усложняются при изучении немецкой литературы в сравнительно-типологическом отношении с другими европейскими литературами. Компаративистские работы в ГДР, и в том числе многочисленные исследования связей немецкой литературы со славянскими литературами в первой половине XIX в., как уже было сказано, были вплоть до настоящего времени посвящены почти исключительно вопросам непосредственных литературных взаимодействий. При этом большинство авторов по существу останавливались на пороге собственно сравнительных исследований, поскольку практически не проводилось никаких сравнений. Мы далеки от недооценки этих работ, содержащих весьма ценный материал для подлинного сравнительного литературоведения. Мы хотим лишь подчеркнуть то обстоятельство, что рост типологических исследований в СССР и других социалистических странах отражает общее стремление раздвинуть границы исследований и выйти за пределы изучения только литературных взаимодействий.

Исходным пунктом типологических исследований, как известно, служат общность определенных литературных явлений, параллелизм определенных литературных процессов, источником которых являются не только литературные взаимодействия. Советский ученый Н. И. Конрад ясно указал, в каком направлении следует искать объяснение этой общности и параллелизма: «Решающее условие возникновения однотипных литератур — вступление разных народов на одну и ту же ступень общественно-исторического и культурного развития и близость форм, в которых это развитие проявляется»¹. Таким образом, типологический метод в понимании литературоведа-марксиста с самого начала включает в себя изучение общих или однородных внелитератур-

¹ Конрад Н. И. К вопросу о литературных связях. — Известия АН СССР (Отделение литературы и языка), 1957, т. 16, вып. 4, с. 303.

ных условий, лежащих вне сферы исследования литературных взаимодействий. А это как раз и есть вопрос коммуникативной системы, в которой функционирует литература.

Типологический метод с самого начала требовал расширения предмета исследований, анализа всего общественно-литературного механизма. Однако здесь иногда не хватало последовательности. Зачастую случалось, что факты, долженствовавшие стать исходной точкой для метода типологического сравнения определенных явлений в разных литературах, становились конечным результатом исследования, которое завершалось беглой констатацией, что общности или аналогии существуют.

Нельзя недооценивать те работы, в которых были открыты новые аналогии или до сих пор не замеченные общности. Вместе с тем следует признать, что эти работы часто заканчивались лишь указанием на влияние «духа времени», моды или вкуса и т. д. — заканчивались как раз на том рубеже, за которым открываются новые возможности для марксистской компаративистики, не ограничивающейся только изучением литературных взаимодействий. Полное ее развитие требует, на наш взгляд, не только постоянного уточнения методов изучения специфики развития литературы (так называемых внутрилитературных процессов), но и решительного расширения предмета изучения на всю литературную практику общества. Если инструментарий литературоведения для решения этой задачи оказывается недостаточным, то оно должно обратиться за помощью к смежным общественным наукам и идти в направлении междисциплинарных исследований. Именно этот путь был избран некоторыми участниками конференции по проблемам сравнительного изучения славянских литератур, организованной Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и Институтом русской литературы АН СССР в 1971 г. в Москве².

На этой конференции ряд докладчиков отметили системный характер отдельных национальных литератур. Они обратили внимание на то, что литературный метод, жанр, стиль и т. д. при переходе из одной национальной литературы в другую нередко в той или иной мере меняют свою функцию. Эта перемена функции — важный момент мирового литературного развития: художественный материал, открытый в одной литературе, вступает в разные взаимосвязи, меняет их и сам при этом изменяется. Ввиду того, что объем таких явлений в XIX в. постоянно увели-

---

² Сравнительное изучение славянских литератур. Материалы конференции, 18—20 мая 1971. М., 1973.

чивается и все большее число литератур вступает в обмен друг с другом, отдельные литературные системы имеют лишь относительно самостоятельный характер; их взаимосвязь, т. е. мировая литературная взаимосвязь, становится все теснее и многообразнее. Этому факту отнюдь не противоречит утверждение Н. И. Конрада, что с увеличением типологических общностей роль непосредственных литературных отношений уменьшается. Это утверждение основано на том, что литературы вполне развивают свой системный характер только в процессе формирования наций, т. е. как национальные литературы, так что сформировавшаяся национальная литература уже не просто принимает открытия и достижения других литератур, но и творчески их перерабатывает.

Кроме того, в результате развития мирового капиталистического рынка непрерывно расширяющиеся экономические, политические и научные отношения получают большее значение, чем собственно литературные взаимодействия. Именно этим фактором, т. е. увеличением и ускорением товарообмена, а также потока информации можно объяснить одно из важнейших явлений в истории славянских культур, и в частности литератур XIX в., — то, что Восточная Европа исключительно быстро и широко знакомится не только с прогрессивными направлениями духовной жизни Запада, но и с общественно-политическим развитием западноевропейских народов. Начиная с первой половины XIX в. восточноевропейские писатели аккумулируют непосредственный опыт своей отечественной жизни и результаты социального развития других стран, ушедших дальше по пути капиталистического развития, давая таким образом ответы на вопросы, которые история еще только начинает ставить на повестку дня в странах Восточной Европы.

Впервые в истории европейских литератур в первой половине XIX в. появляется целая плеяда революционно мыслящих писателей (Шелли, Байрон — в Англии, Гюго — во Франции, Гейне, Бюхнер — в Германии, Мицкевич, Словацкий, Красинский — в Польше). Представители этой плеяды утверждают романтизм как общеевропейское литературное течение. Для его формирования в славянских странах уже важно не столько влияние западноевропейских литературных систем, сколько реальные социальные и политические процессы в Западной Европе и отражающие их передовые философские идеи, которые творчески усваиваются восточноевропейской интеллигенцией. Следовательно, необходимость расширения предмета наших исследований за счет включения разных форм общественного сознания — для объяснения общностей литературного развития — очевидна.

При этом расширение предмета исследований ставит перед нами ряд важных вопросов: каковы рамки общественно-литературной системы, ее национальные (языковые) границы, совпадают или не совпадают они с территорией непосредственного функционирования национальной литературы; наконец как определить общественно-литературную систему в связи с задачами сравнительного изучения литератур? Эти вопросы влекут за собой новые, не менее сложные вопросы о различном развитии таких систем, о разных сферах их взаимодействия, о методологии их сравнения. Попытаемся осветить некоторые из них на материале немецкой литературы первой половины XIX в.

Немецкоязычная литература первой половины XIX в., автоматически объединявшаяся немецкой германистикой по языковому принципу в одно целое, не представляет собой национальной литературы как таковой, в смысле единого восприятия ее всеми участвующими в литературной коммуникации классами и слоями немецкого народа. Ведь она включает в себя литературные произведения, опирающиеся на иные национальные или региональные традиции, которые в ходе исторического развития стали фундаментом самостоятельных национальных литератур (австрийской, швейцарской). Правда, капиталистический литературный рынок в это время, несмотря на таможенные барьеры и цензуры, охватывает всю территорию распространения немецкого языка. Такое положение перед революцией 1848 г. соответствует сходным политическим интересам бюргерства всех стран Германского Союза, говорящих на немецком языке; сохраняется оно и во второй половине XIX в. Немецко-австрийские и немецко-швейцарские писатели заключают контракты с издателями в других странах, где распространен немецкий язык, рассчитывая на всех немецкоязычных читателей. Продолжается миграция писателей между отдельными странами с немецким языком.

Участие в антифеодальном оппозиционном движении так называемого предмартовского периода приводит к усилению ряда общих черт в программах и литературной практике писателей стран Германского Союза и Швейцарии. С другой стороны, на этих территориях существуют иные в генетическом отношении литературные традиции и традиции народной поэзии, которые не входят в описываемую литературно-общественную систему, и, следовательно, последняя не охватывает всех литературных процессов на указанной территории. Надо помнить также, что эта литературно-общественная система подвергается определенной деформации в результате политических репрессий феодального режима. Господствующий класс изгоняет из Германского Союза прогрессивных писателей, большая часть немецкой предмартов-

ской литературы создается в эмиграции. В эмиграции накануне 1848 г. находятся также десятки тысяч немецких рабочих, ремесленников, представителей интеллигенции. В западноевропейских странах возникают немецкие издательства, пресса, образуются первые самостоятельные политические организации немецкого пролетариата, начинает развиваться немецкая пролетарская литература.

Литература, которую интегрирует обрисованная (не совпадающая с последующими национальными границами) литературно-общественная система, намного обширнее совокупности тех произведений, которые обычно описывают историки литературы. Большинство этих произведений воспринималось главным образом мелкобуржуазными слоями (учителя, студенты, чиновники, представители свободных профессий, священники) — слоями, к которым принадлежали и сами писатели. Однако с ростом грамотности (она была необходима при поступательном экономическом развитии) возник широкий контингент мещанской публики, к которому примыкали также представители полупролетарских и крестьянских слоев. Прогрессивные писатели, ориентирясь на эти слои, разрабатывали литературные программы, направленные на политическую мобилизацию народных масс. Однако эти программы нашли свое реальное воплощение только в политической лирике и частично в публицистике.

Читательским потребностям мещанских слоев отвечала возникшая в условиях индустриально-капиталистической формации массовая литература, которая коренным образом отличалась от тривиальной литературы бюргерства XVIII в. Эта массовая литература, до сих пор обойденная вниманием литературоведов, по нашему мнению, является не только предметом социологии. Как и тривиальная литература предыдущего периода, она, несмотря на свой подражательный характер, оказывала влияние на общий процесс художественного развития. (Это влияние лучше всего можно проследить при переходе явлений из одной литературной системы в другую.) При сравнительном изучении литератур так называемая массовая литература ни в коем случае не должна выпадать из поля зрения исследователя.

Конкурентом буржуазной массовой литературы выступает зарождающаяся пролетарская литература. Ее создатели — писатели из рабочей среды и буржуазные писатели, перешедшие на сторону пролетариата, соединившие свою литературную практику с его революционной борьбой. Первые литературные произведения писателей-рабочих имеют еще мелкобуржуазно-демократический или утопическо-социалистический характер. Развитие пролетарской литературы до 1848 г. тесно связано с развитием про-

грессивной литературы бюргерства. Порой она отказывается от посредничества книжного рынка: памфлеты, листовки (во время революции в листовках печатались и стихи) распространяются прямо на улицах, поэты-революционеры декламируют свои стихи на митингах и т. д. Таким образом, пролетарская литература частично отвергает товарный характер книгообращения, выходя тем самым за пределы литературно-общественной системы, основывающейся на капиталистическом рынке.

Наконец на всех социальных уровнях литературной коммуникации читатели обращаются к литературному наследию, к произведениям переводной литературы. Удельный вес последней в это время чрезвычайно возрастает. Выплачивая за нее небольшие гонорары, многие издатели получают огромные прибыли.

Литература, интегрированная описываемой системой, куда входят произведения как национального, так и интернационального наследия, а также произведения современной иностранной литературы, переведенные на немецкий язык, не только выполняет самые различные общественные функции, но и включает в себя самые разнообразные модели функционирования. В 30—40-е годы XIX в. немецкая литература отражает оппозиционное движение и выполняет непосредственные функции в предреволюционной борьбе. Это касается и массовой литературы, которая, существуя на коммерческой основе, тем не менее должна была соответствовать пробуждающимся политическим интересам читателей. Создаются также произведения, имеющие одновременно антифеодальную и антикапиталистическую направленность и отвечающие интересам пролетариата.

Система немецкой литературы этого времени чрезвычайно сложна. Причину этой сложности мы видим в относительно высоком уровне социально-экономического развития при продолжающейся национальной раздробленности. Иные литературы имеют или более четкие контуры, или не столь сложные структуры. Тем не менее аналогичное исследование других национальных литературных систем, вероятно, тоже сопряжено с различными теоретическими и методологическими трудностями.

В нашем обзоре литературных систем мы мало говорили о внутрилитературных процессах. Однако это ни в коем случае не означает, что они в нашем понимании истории литературы отступают на задний план. Наоборот, мы считаем, что они находятся в центре исследования как каждой национальной литературы, так и сравнительного изучения литератур. Но мы убеждены в том, что большинство внутрилитературных процессов нельзя выявить, если литературоведение не примет во внимание всю систему литературной коммуникации. Мы хотели показать,

что сравнительное изучение литератур должно базироваться на расширении предмета своего исследования, ибо иначе невозможно выявить типологические общности и различия. Ввиду развития романтических течений в европейских литературах первой половины XIX в. при значительных различиях социально-общественных условий в отдельных странах проблема литературных взаимоотношений, по нашему мнению, приобретает особый интерес.

Л. Робель
(ФРАНЦИЯ)

ИЗ ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ СЛАВИСТИКИ

В 1974 г. минуло сто лет с начала преподавания русского языка в парижском Национальном институте восточных языков и культур. История возникновения этой первой кафедры русского языка на Западе достойна внимания, ибо она непосредственно относится к одной из тем конференции — взаимоотношению славянских культур с культурами народов Западной Европы.

Общеизвестно, что в 1840 г. в Коллеж де Франс была создана специально для А. Мицкевича кафедра славянского языка и литературы. Уже само ее название говорит о том, какие смутные представления были тогда во Франции о языках и культурах славянских народов.

Журналист Леон Фоше официально сообщал Мицкевичу: «Кафедра, на которую Вас приглашают, имеет политический характер: цель состоит в том, чтобы создать для польской нации центр, хотя бы литературный». Эту «польскую» политическую линию продолжали публицист Сиприен Робер и польский поэт и востоковед Александр Ходзько. Она вполне отвечала либеральной антирусской направленности внешнеполитического курса французского правительства, но имела мало общего с наукой. Особенно активно разрабатывалась так называемая «туранская» теория, согласно которой русские объявлялись «неиндоевропейцами».

В 1868 г. произошел любопытный случай. Считая, что название кафедры (кафедра славянского языка и литературы) поощряет панславизм, противники политики Российской империи направили в парламент петицию с требованием изменения этого названия. Их демарш оказался успешным, и кафедра была пере-

именована в кафедре языков и литератур славянского происхождения.

Нелепость этого нового названия глубоко возмутила молодого ученого-слависта Луи Леже, как раз в том году защитившего докторскую диссертацию в Сорбонне (основная работа о Кирилле и Мефодии, дополнительная — о Несторе, авторе «Повести временных лет»). Между прочим, ему не без труда удалось утвердить свою тему).

Молодой ученый стал добиваться создания настоящей кафедры славистики. Он владел польским, чешским, сербским и русским языками. Ему разрешили лишь читать бесплатно лекции по истории литератур южных славян, по истории Богемии, по сербской грамматике и в течение одного семестра по русской грамматике. После войны 1870 г. эти «свободные курсы» упразднили. Однако к этому времени политические обстоятельства резко изменились. Французское правительство теперь добивалось союза с Россией против Германии. В 1872 г. Министерство просвещения отправило Луи Леже в Россию. Здесь он встречался с Ф. И. Буслаевым, С. М. Соловьевым, И. И. Срезневским, собирал материалы о «Повести временных лет», о русском языке, а также об общественно-политическом положении современной ему России.

Вернувшись в Париж, Леже встретился с директором Школы восточных языков (так назывался тогда Национальный институт восточных языков и культур). Еще в 1869 г. Леже писал о необходимости преподавания русского языка в Школе восточных языков. Теперь создание такой кафедры ему представлялось безотлагательным делом.

В архиве института сохранилась любопытная докладная записка, составленная Леже. Вот что он писал: «Поскольку Школа восточных языков была создана для того, чтобы служить интересам политики и коммерции, трудно понять, почему славянские языки были из нее исключены. По крайней мере три из них — сербский, болгарский и русский — с каждым днем приобретают все большее значение. Незнание этих языков заставляет наших дипломатических представителей прибегать к услугам толмачей, чаще всего иностранцев, которым чужды наши интересы. Постигшая нас недавно катастрофа обязывает нас внимательно изучать жизнь славянских народов, симпатии которых по отношению к нам несомненны и будут неминуемо расти в будущем».

Вычеркнув резкие, по его мнению, выражения докладной записки и заменив русский язык боснийским, директор Школы в октябре 1873 г. обратился к министру с просьбой поддержать

предложение Луи Леже, добавляя при этом, что было бы также весьма полезно ознакомиться с многочисленными работами о Туркестане, Китае, Средней Азии, Кавказе и Армении, которые печатаются на русском языке. Таким окольным путем впервые появилось официальное ходатайство об изучении русского языка! Наконец в ноябре 1874 г. в Школе восточных языков был впервые открыт курс русского языка. Лекции читал Луи Леже. Он же стал первым заведующим кафедрой русского языка в 1876 г.

Если в 1905 г. студентов русского отделения насчитывалось только 14, то в 1974 г. их было уже 1400. В 1921 г. в Институте были созданы кафедры польского, сербско-хорватского и чешского языков. В 1933 г. к ним прибавилась кафедра болгарского, а в 1967 г. — украинского языка. Сейчас преподаются также македонский, словацкий и словенский языки. Общее число студентов-славистов в нашем институте — 1700.

Кроме славянских языков, на отделении Советского Союза, которое существует с 1968 г., преподаются литовский, эстонский, армянский и грузинский языки. В настоящее время в институте изучают не только языки, но и литературу, историю, экономику, право, историю искусства большинства славянских стран. Институт восточных языков и культур является крупнейшим научно-педагогическим центром славистики в нашей стране.

К столетию создания кафедры русского языка в институте были подготовлены специальные издания и выставка, которые продемонстрировали многогранную деятельность славистов и наметили новые перспективы. Это — лучшее доказательство того, что славистика занимает ныне одно из центральных мест в системе культурных интересов Европы.

Г. Киндерман

(АВСТРИЯ)

ИЗ ИСТОРИИ ЧЕШСКО-АВСТРИЙСКИХ ТЕАТРАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

В ФОРМИРОВАНИИ национальной культуры можно выделить два этапа. Для первого характерна консолидация ее внутри своей страны в соответствии с духовной, политической и социальной жизнью своего народа. На втором этапе культура формирую-

щейся нации пробует свои силы на международной арене, творчески соревнуясь с достижениями других национальных культур.

Замечательный пример такого творческого соревнования явил чешский Национальный театр, показавший оперу «Проданная невеста» в 1892 г. в Вене на первом Международном фестивале музыки и театра. Фестиваль проходил в венском дворце «Ротонда» с участием немецких, французских, чешских, итальянских, польских и венгерских театральных коллективов, демонстрировавших свое искусство. Конкурентами пражского Национального театра в Вене были знаменитый Немецкий театр из Берлина с прославленным Йозефом Кайнцем, парижская «Комеди Франсез», а также труппа известного Режама.

Напряженная политическая ситуация в Австро-Венгрии не способствовала созданию благоприятных условий для гастролей чешского театра. И тем более важно, что гастроли его прошли с огромным успехом. Постановка оперы Б. Сметаны «Проданная невеста» отличалась монументальностью: в спектакле было занято около 270 человек — солисты, хор, оркестр, балетная труппа. Чешский спектакль стал событием Международного фестиваля.

Кроме «Проданной невесты» чешские актеры показали оперу «Далибор» того же композитора, оперу А. Дворжака «Дмитрий» и первую часть драматической трилогии Я. Врхлицкого «Гипподамея». Выступления чешских актеров, особенно в «Проданной невесте», получили широкий отклик в австрийской прессе. Собранные воедино директором Национального театра в Праге Ф. Шубертом критические статьи и рецензии составили том в 250 страниц¹.

Высокий уровень оперных и драматической постановок ярко свидетельствовал о зрелости чешского театра и подъеме национальной чешской культуры. При этом австрийская и международная критика единодушно отмечала особую роль, которую играл и играет чешский театр в развитии национальной культуры. К примеру, венская «Винер альгемайне цайтунг» в статье «Чехи в Вене» писала: «Сейчас в центре внимания находятся чехи. Князь Таафе с его программой «примирения» побежден. За него «поработали» музы театра, которые в течение одного вечера создали атмосферу, исключаящую взаимное недоверие... И вот малоизвестный композитор добился громкого успеха, высокого уважения, всеобщего признания и искренней симпатии». Газета «Берлинер борзен-курьер» предсказывала: ««Проданная невеста»

¹ Subert F. A. Das böhmische National-Theater in der ersten Internationalen Musik- und Theater-Ausstellung zu Wien im Jahre 1892. Prag, 1892. (Далее цитаты приводятся по этому изданию.)

пленит весь мир». Чешская печать, со своей стороны, называла Венский фестиваль искусств «первым абсолютным успехом чешской культуры за границей» («Глас народа») и «самой значительной победой чешского искусства до сих пор» («Народни политика»).

По возвращении на родину труппе пражского Национального театра была устроена триумфальная встреча. Видный деятель национальной культуры О. Гостинский заявил: «Мы добились признания в период бурных политических дискуссий. Это — победа нашей культуры. Но так как мы не только победили противника, но и убедили его, это событие имеет и политический резонанс, обещая успехи и в других областях».

В отчете художественного совета пражского Национального театра от 23 июня 1892 г. были записаны следующие слова: «Венский фестиваль стал веским доказательством того, что мы имеем все основания гордиться нашей литературой и искусством».

Благодаря активной и успешной творческой деятельности пражского Национального театра чешская национальная культура вступила в качестве равноправного члена в содружество европейских культур.

Э. Арато
(ВЕНГРИЯ)

ВЕНГЕРО-СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

ПО ДАННОЙ теме имеется огромная литература, но почти отсутствуют синтезирующие работы с попыткой наметить типологию этих связей. В мою задачу входит пробудить интерес к такого рода работам.

Я постараюсь сосредоточить внимание лишь на двух аспектах этой проблемы: 1) на сходных и отличительных чертах национальной идеологии венгров и славян; 2) на различных формах и типах венгеро-славянского сотрудничества в области культуры.

Понятие нации, согласно концепции немецкой школы, сводится к этническому моменту с доминирующей ролью языка. Теории Шлёдера и Гердера обрели благодатную почву в национальных движениях славянских стран, не располагавших государственной самостоятельностью (например, у словаков). Со-

гласно французской концепции, решающим признаком нации был не язык и не этнический элемент, а общность территории и государственной жизни. Важным фактором в этой концепции было историческое прошлое, которое отождествлялось с общей государственностью. К такому пониманию нации склонялись поляки, хорваты и венгры, которые, стоя на этой платформе, не признавали национальных прав славянских народов, населявших Венгрию (за исключением хорватов). Исходя из этого понятия нации, утверждалась концепция, согласно которой словаки, сербы, украинцы, жившие на территории Венгрии, считались венграми, говорящими соответственно на словацком, сербском, украинском языках. «Нация есть исторический фактор, — писала в 1842 г. газета «Пешти Хирлап», орган либеральной оппозиции, — ибо для того, чтобы какой-нибудь народ стал нацией, кроме языка необходимо иметь общую конституцию, общие чувства, общие интересы и общую потребность к прогрессу и развитию, а также общие воспоминания о совместно прожитых исторических эпохах».

Немецкая этническая концепция нации естественным образом превращалась в средство защиты от территориально-исторической национальной концепции. Вместе с тем от французской концепции не отказывались полностью даже те славянские народы, которые не располагали никакими национальными привилегиями. Они конструировали свое понимание нации, пытались использовать то же оружие, которое применяла против них господствующая нация.

Здесь сразу следует сказать о том, что венгерские либеральные круги также пытались применить в своих целях обе концепции нации, только в отличие от словаков в другом направлении. Обосновывая свое отношение к Австрии, венгры использовали как этническую, так и территориально-историческую концепцию в качестве аргументов к расширению дворянских привилегий, а в целях обуздания национальных стремлений меньшинств использовали вторую концепцию.

Частичную аналогию можно наблюдать у чехов, с той лишь разницей, что либеральная буржуазия проповедовала этническую концепцию, а чешское дворянство — территориально-историческую. Подобное разделение было свойственно и хорватам, где, однако, иллиризм в 30-х и 40-х годах XIX в. объединил буржуазное и дворянское национальное движение под знаком этнического и территориального понимания нации.

На основании сказанного можно сделать вывод, что различные национальные движения, использовавшие обе концепции нации, отдавали предпочтение той из них, которая более отвечала их целям и особенностям. Так, венгры держались за французскую версию, ибо она отождествляла нацию с государством. Разуме-

ется, в гомогенной по национальному составу Франции подобный принцип полностью отвечал буржуазно-национальному развитию. В Венгрии, хотя он и способствовал продвижению национальных целей, нельзя забывать о том, что этот принцип служил в известной мере сохранению феодальных пережитков.

Из этой исходной идеологической ситуации, жидившейся на общем кризисе феодализма и начавшегося обуржуазивания, происходили в равной степени как отталкивания, так и притяжения. Внутри Венгрии национальные противоречия разыгрывались на идеологической платформе одной политической нации и, бесспорно, неблагоприятно отразились на связях между венграми и жившими вне ее границ славянами.

Вместе с тем нельзя забывать и о притяжениях, рождавшихся на базе этой идеологической ситуации. Если языково-этническая концепция играла важную роль в идейных программах различных национальных движений, как, впрочем, и понятие естественного права, то идея общей государственности, родины как многонационального государства также давала о себе знать у славянских народов, живших в Венгрии, ибо она рождала мысль об историческом праве.

У славянских народов, населявших старую Венгрию, этот вид патриотизма выразился в понятии «hungarus». Согласно ему, в многонациональной Венгрии живут разные нации, равноправные с венграми. Это понятие «нация хунгарика», объединившее историческое и территориальное понятие нации, находилось тем не менее в противоречии с венгерской идеей «одной политической нации», против которой славяне выступали именно с позиций борьбы за эмансипацию. В этой сложной идеологической системе переплелось, таким образом, понятие нации как этнической категории с сознанием патриотизма по отношению к многонациональному государству.

Об этом своеобразном положении говорили и спорили многие. У словаков, начиная с теорий XVIII в., — Й. Папанек, Й. Фандли, Л. Шухайда, позднее Л. Штур. Адресованная венгерскому сейму, но так и не дошедшая до него петиция, составленная в свое время деятелями словацкого национального движения, тоже содержала эту мысль. Понятие «нация хунгарика» было присуще словакам вплоть до 40-х годов XIX в. — до периода обострившихся венгеро-словацких противоречий. У хорватов мы обнаруживаем его даже в идеологии иллиризма, например у А. Раковаца и Л. Вукотиновича, в период острых антивенгерских настроений.

Следует заметить, что чешское дворянство в процессе борьбы за обособление чешских территорий проделало путь, во многом сходный с путем борьбы венгерского дворянства, которое в Авст-

рийской империи было наиболее сильным. Это можно проследить с исторического поворотного момента в 1790 г., когда чешская интеллигенция обратила внимание на венгерские события. Об этом, в частности, красноречиво говорят регулярные сообщения из Венгрии В. Крамериуса в его известной газете.

Содержание венгеро-польских связей в этот период определялось не только взаимной поддержкой прогрессивных буржуазно-дворянских освободительных движений, но и общими дворянскими интересами, постепенно приобретающими буржуазную направленность. Нельзя забывать и о хорватско-венгерских отношениях дворянского этапа освободительного движения, которые с конца XVIII в. характеризовались чередованием острых стычек и союзнических связей.

В основе притяжения и сотрудничества наций в этот период лежали такие факторы, как терпимость и взаимный интерес друг к другу. Говоря об ошибках венгерской национальной политики, нельзя обойти молчанием и тот факт, что в венгерском национальном движении находили свое выражение тайлерановские настроения и взгляды. Идею терпимости первыми стали проповедовать венгерские якобинцы, которые в ряде важных документов и в конституционных проектах выступили за федеративное государственное устройство Венгрии. Они подчеркивали, что в стране «не должно быть дискриминации ни по национальному, ни по религиозному признаку, все должны быть равны... славянин, венгр... католик и не католик — все должны сойтись под знамя гуманности, служа как личному, так и общественному благу». Идеи венгерских якобинцев по вопросам национальной политики занимали ведущее место в ряду тех идей, которые осуждали национальное угнетение.

После разгрома якобинского движения во многих трудах еще находили свое выражение разумные взгляды на славян. Показ лучших качеств славянских народов, выражение симпатий к ним, призыв к дружбе, интерес и уважение к их культуре и языку, сочувствие их борьбе приходили в явное противоречие с политикой мадьяризации, проводимой комитатами, а также с националистической официальной литературой, ратовавшей за насильственную ассимиляцию. В 30—40-е годы, в период обострения национальных противоречий, нужна была немалая смелость для высказывания подобных идей.

Поэт Петер Вайда в своем трактате «Национальность» писал: «Презирать людей только за то, что они родились в другой местности, принадлежат к другой нации, есть дикость и невежество. Каждая нация заслуживает уважения, каждый несчастный — нашего сочувствия и помощи...»

Габор Казинци высказал чрезвычайно важные мысли о словацком народе, равно как и о славянах вообще. В 1839 г. в журнале «Атенеум» он опубликовал ряд писем, в которых говорилось о тяжелом положении словацкого народа и осуждалась государственная национальная политика. «Я люблю свой народ, люблю, как никого другого, но это не ослепляет меня настолько, чтобы не видеть на лице возлюбленной веснушек... и я спрашиваю, по какому праву мы смотрим на другие народы, населяющие Венгрию, с такой достойной осмеяния гордыней? Чем мы лучше их? В политике? В литературе? В образовании? Что мы более свободны? Ответ один: ни в чем!.. Все мы — братья, никто не есть слуга другого, и с равным правом мы делим отцовское наследство».

Подобные высказывания означали существенный шаг вперед: они решительно требовали равноправия для всех невенгерских народов, в том числе и для славян.

Перейдем к рассмотрению различных видов культурных связей, ограничиваясь лишь наиболее характерными примерами.

В центре венгерского и славянского национального движения стояли вопросы формирования и развития литературы и просвещения. Не случайно, что именно в этой области с наибольшей силой проявились взаимовлияния венгерской и славянских культур. Разнообразным было сотрудничество и в области науки. Особенно это характерно для Пешта и Буды. В других же городах (Пожонь, Эперьеш, Загреб и др.), где преобладало немецкое, словацкое, сербское и хорватское население, культурные связи получили более слабое развитие, поскольку национальные противоречия возникали здесь чаще. Следует отметить прочные и регулярные контакты деятелей венгерской и польской культуры, венгерских ученых с варшавским научным обществом.

Привлекает внимание дружба Ференца Листа с Федериком Шопеном. Знакомство состоялось в 1831 г. в Варшаве. В результате были организованы многомесячные гастроли Листа в польских городах. За концертами во Вроцлаве и Познани в 1843 г. последовали концерты в Кракове и Варшаве. Затем Лист посетил Петербург и Москву, завоевав огромный успех. О московских гастролях Листа писал А. И. Герцен. Вторично Лист посетил Польшу в 1847 г. Оттуда он поехал с концертами в Киев и в другие старинные города, включая Львов. До поездки в Польшу и Россию, в 1840 г. Лист побывал в Чехии, выступал в Брно и Праге. Он установил здесь прочные дружеские связи с чешскими композиторами, в том числе с Б. Сметаной.

Для развития чешско-венгерских культурных связей большое значение имел тесный контакт основателя венгерского Национального музея Ф. Сечени с известным славистом-будителем Й. Доб-

ровским, с которым Сечени познакомился в Праге. И другие видные венгерские ученые и деятели культуры поддерживали связи с Добровским. Среди них прежде всего следует назвать М. Янковича.

Чешский историк Ф. Палацкий около десяти лет провел в Венгрии. В 1839 г. он стал членом венгерской Академии наук. Чешский поэт Ф. Челаковский совершил в 1822 г. поездку в Вену, где познакомился с литератором Д. Гаалом, с чьей помощью он перевел на чешский язык ряд произведений Ш. Кишфалуди.

Свой вклад в развитие культурных связей с Чехией внесла и венгерская протестантская интеллигенция. Когда в 1781 г. вступил в действие закон о веротерпимости, венгерские реформаторские священники и учителя поехали в чешские города и села, где, освоив язык, работали наравне с местной интеллигенцией в школах и коллегиумах. Один только Шарошпатовский лицей в течение трех лет направил в Чехию и Моравию 40 священников и учителей. К 1813 г. это число еще возросло. В Шарошпатоке и Дебрецене на теологических факультетах занимались студенты, часть из которых по окончании курса избрала своим новым местожительством соседние страны. Будучи сторонниками венгерского национального Возрождения, они с сочувствием и пониманием относились к аналогичному национальному движению в чешских землях; многие из них стали активными деятелями чешского Просвещения.

Русско-венгерские связи этого периода характеризуются прежде всего тем, что продолжается начатый в XVIII в. переезд венгерских врачей в Россию (Д. Коритаря, Ф. Нилашши, Ф. Добша, Я. Мольнар и др.). Среди них наибольший интерес вызывает Я. Орлай — член многих русских и иностранных научных обществ, а также Д. Коритаря, который стал деканом Харьковского университета.

Особую главу составляют описания путешествий по Венгрии русских общественных и культурных деятелей. Одним из первых путешественников был декабрист Ф. Глинка, издавший в 1815 г. книгу о своем путешествии, затем В. Броневский и А. Данилевский. В 20-х годах Венгрию посетил П. Кеппен. В России в свою очередь побывали с научными целями Ф. Подманицки, А. Грефорт и А. Регула.

В Праге, кроме малоизвестных венгерских путешественников, были выдающиеся деятели венгерской «эпохи реформ» — И. Сечени, Ф. Голди, Л. Салаи, Ф. Пульски и Б. Семере. С чешской стороны в Венгрии побывал в 1807 г. И. Штернберк.

В 1833 г. в Болгарию выехал известный венгерский естествоиспытатель И. Фривалдски, оставивший сочувственный отзыв о болгарях.

Важным центром связи были венгерские университеты и школы, где венгерские и славянские студенты обучались вместе. В Дебрецене, Шарошпатоке, Папе, Надькереше, Кечкемете в реформатских семинариях обучалось много чешских студентов, ставших впоследствии деятелями будительства.

Литературные связи в первой половине XIX в. не были интенсивными. Но славянская интеллигенция, проживавшая на территории Венгрии, в значительной своей части хорошо ориентировалась в венгерской литературе, ибо знала венгерский язык. Это особенно относится к словакам. Двухязычие в словацкой литературе сыграло большую роль, обусловив в известной мере развитие отдельных литературных жанров. С другой стороны, венгерская студенческая молодежь, учившаяся в Эперьешском евангелическом лицее (ныне Прешов), заинтересованно относилась к словацкой письменности. Следует заметить, что в других словацких лицеях такой дружеской атмосферы не всегда удавалось достичь.

Ярким примером межнациональных литературных связей может служить творческая деятельность поэта М. Витковича, который сослужил добрую службу как венгерской, так и словацкой культуре.

В центре венгерской литературной жизни находилась в этот период народная поэзия славян. В. Караджич, издав сборник южнославянских песен, поднял ее значение на европейский уровень. Но еще до Караджича, в 1789 г., вышел на венгерском языке сборник сербского фольклора. После 1814 г. интерес к народной поэзии славян еще более возрос. Кроме переводов появились статьи, литературоведческие исследования на эту тему, начало которым положил известный венгерский литератор Ф. Толди в 1827 г. Он обратил внимание на то, что сербские песни переводили еще Гете и Ф. Казинци. В 1836 г. был издан том сербских народных песен и сказаний, подготовленный Й. Секачом — воспитанником Эперьешского лицея.

Увлечение сербским фольклором совпало с углублением влияния на венгерскую литературу сербской поэзии, породившего даже необычную форму стихотворчества — так называемую сербскую строфу (dezeteral), своеобразный нерифмованный пятистопный трохей.

Особое место в венгеро-славянских культурных отношениях занимает русская литература, с которой венгерские журналы и газеты регулярно знакомили венгерское общество уже начиная с конца XVIII в. То же самое можно сказать и о польской литературе, симпатия к которой особенно проявилась после польского восстания 1830—1831 гг. Венгерские писатели Ф. Толди и Ф. Ка-

зинци величайшим поэтом после Байрона считали А. Мицкевича. Из-под пера крупнейших венгерских поэтов Й. Байза, М. Верешмарти, Й. Этвеша, Я. Арапя, М. Гомпа, Ф. Черепви вышли произведения на польскую тематику с доминирующей национально-освободительной тенденцией. Не оставалась в долгу и польская литература. В журнале «Dziennik Wilenski» печатались произведения, посвященные Венгрии, еще в 1830 г.

Отклик на события венгерской литературной жизни мы находим в известных чешских журналах «Česká Včela» и «Květy». В первом из них (1844) было рассказано о Шандоре Петефи, а в январе 1847 г. опубликовано три его стихотворения — «К Этелке», «Если был бы деревом...», «Моя любовь».

Языком-посредником в венгеро-славянских связях чаще всего выступал немецкий. Пользуясь им, венгерский народ знакомился со славянской культурой, а славянские народы — с венгерской.

Важным фактором культуры в многонациональной Венгрии была Университетская типография в Буде — крупнейший книгопечатный центр в Восточной Европе. Уже в конце XVII в. эта типография была оснащена шрифтами для печатания книг на многих славянских языках, в том числе и кириллицей (главным образом сербскими, в меньшей степени болгарскими и украинскими литерами). Перечислим имена некоторых славянских авторов, чьи произведения были напечатаны в типографии Буды и сыграли значительную роль в пробуждении национального сознания славянских народов. В первой половине XIX в. здесь печатались словацкие словари А. Бернолака и Ю. Палковича, произведения Я. Голлого и Я. Коллара (знаменитый эпос «Кирилло-мефодиада» Голлого, сборник песен Коллара и его же «Дочь Славы»). Из сербских авторов Университетская типография печатала З. Орфелина, Д. Обрадовича, Й. Раича, Й. Вуича, Л. Мушицкого, Й. Пачича, М. Витковича, М. Видаковича, Й. С. Поповича. Многие из них жили за Дравой, но поскольку в Сербии первая книгопечатня открылась лишь в 1832 г. (в Крагуевцах), то свои книги они печатали в Буде. Университетская типография начиная с 1826 г. издавала первый периодический научный журнал «Serbski letopis». С 1835 г. здесь же печаталась газета «Serbski narodni list». Из украинских изданий назовем труд А. Духновича и альманах галицийского украинского поэта М. Шашкевича «Днестровская русалка» (1837), не пропущенный австрийской цензурой в Галиции. Тринадцать болгарских книг было отпечатано в типографии Буды за рассматриваемый нами период, в том числе впервые увидевшее свет в 1844 г. знаменитое произведение Паисия Хилендарского «История славяноболгарская». Первая болгарская типография закупила шрифт в Буде.

Из многочисленных фактов культурных связей славянских и венгерского народов вырисовывается органическое единство культурной жизни разных стран, осуществлявшееся вопреки политическим барьерам. Деятели культуры разных народов не только интересовались жизнью друг друга, но совместными усилиями стремились преодолеть национальные и политические противоречия во имя взаимопонимания и сближения.

Д. Бизо
(ВЕНГРИЯ)

ВЛИЯНИЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА СЛАВЯН НА ВЕНГЕРСКИЙ ТЕАТР

В РАЗВИТИИ театрального искусства народов Восточной Европы в XVIII—XIX вв. наблюдается ряд общих черт, что объясняется в первую очередь сходством в общественно-историческом развитии живущих здесь венгров и славян. Замедленные темпы буржуазного развития, длительное сохранение многих особенностей феодального уклада оказали влияние на становление национального искусства, в том числе театрального, обусловили его специфику, задержали формирование профессионального театра.

В то время как на западе Европы появляются профессиональные театры, у венгров и славян продолжают развиваться школьные театры и распространяться придворная театральная культура. Профессиональный театр у восточноевропейских народов в этот период представлен преимущественно немецкими, итальянскими, французскими и английскими труппами. Их многолетняя деятельность в определенной степени способствовала рождению в начале XIX в. бродячих и любительских трупп, игравших на родном языке.

У народов, входивших в состав Габсбургской империи, развитие театрального искусства в XIX в. становится общенациональным делом. Создание театра на родном языке превращается в символ утверждения права на развитие национальной культуры. Один за другим рождаются национальные театры: венгерский Национальный театр в Будапеште (1837), хорватский Национальный театр в Загребе (1861), чешский Национальный театр

в Праге (1881), рампу которого и по сей день украшает надпись: «Народ — себе».

Венгерская театральная культура всегда стремилась освоить достижения театрального искусства славянских народов, с которыми венгры жили в Европе с давних пор в непосредственном соседстве. В этой связи следует вспомнить о значении школ иезуитов, францисканцев и пиаров в распространении достижений культуры. Одним из центров школьного театра был город Русе, где в 1645—1760 гг. функционировала школа ордена иезуитов. Ежегодно 8 сентября, в день паломничества, учащиеся и преподаватели школы устраивали спектакли. Подобные же представления для паломников организовывались и в городе Скофья Локе. Их автором-постановщиком был Ловрек Марушич (отец Роннальд). До нас дошел режиссерский экземпляр состоявшегося здесь спектакля — мистерии, содержащей характерные элементы барокко. Влияние этих спектаклей можно увидеть в репертуаре школьного театра при школе францисканцев в венгерском городе Чикшомьо, расположенном более чем в 600 км от упомянутых городов.

У венгерского и славянских народов наблюдаются сходные темы и жанры драматургии. Одним из них была интермедия, характерная для восточноевропейского театра, прежде всего для чешского и польского. В этих жанровых сценках, главными действующими лицами которых чаще всего выступали крестьянин, священник, солдат и студент, нередко содержалась критика общества. Иногда в них можно увидеть и элементы политической сатиры («Разговоры» Микола Режа).

Особо интенсивными были венгеро-польские контакты, в том числе и в области театра, во время правления Ст. Батория. Об этом свидетельствуют, в частности, связи Виленской академии и клужских иезуитов (обмен пьесами и т. д.).

Не менее тесными были связи венгерской и славянской аристократии. Венгрия имеет большую традицию придворного театра, деятельность которого продолжалась и в XIX в. (в придворном театре графа Ференца Эстергази в Тате представления давались вплоть до 1883 г.). Примером контактов в этой области театральной культуры может служить творчество и деятельность венгерского писателя Жигмонда Юста, владельца двух крепостных театров, созданных, хотя и со столетним опозданием, по образцу русских крепостных театров.

Начиная с 40-х годов XIX в. венгеро-славянские связи усиливаются. В репертуаре венгерских профессиональных театров наряду с произведениями национальных драматургов все большее место начинают занимать пьесы славянских авторов.

Уже в год своего основания (1837) венгерский Национальный театр показал «Дамы и гусары» А. Фредро, а в 1873 г. его же пьесе «Пан Йовяльский». В конце XIX в. была поставлена пьеса Г. Запольской «Мораль пани Дульской», которая с тех пор не сходит со сцены венгерских театров. А драму Ю. Словацкого «Мазепа», запрещенную варшавской цензурой, будапештский Национальный театр поставил в 1847 г., поручив главную роль выдающемуся актеру того времени М. Лендваи.

Не мешает также вспомнить, что талантливое произведение венгерского драматурга И. Мадача «Трагедия человека» (1861) было изъято австрийской цензурой из репертуара пражского Национального театра. Поводом к запрещению послужила бурная реакция пражан на исполнение «Марсельезы», звучавшей со сцены во время спектакля.

Об интенсивных венгеро-славянских связях в области театральной культуры свидетельствует смелое и интересное представление, состоявшееся в 1813 г. в здании будапештской Ронделлы. Одна из венгерских трупп разучила и сыграла на сербском языке пьесу А. Ф. Коцебу, переработанную И. Вуичем. После спектакля, прошедшего с большим успехом, известная венгерская актриса Р. Дерине исполнила сербские народные песни.

Русская драматургия попала на сцены венгерских театров несколько позже драматургии других славянских народов. Первой русской пьесой, поставленной в Национальном театре Будапешта, был «Ревизор» Н. Гоголя (1874). Затем одна за другой следуют постановки водевилей А. Чехова («Медведь», «Предложение»), пьес Л. Толстого («Власть тьмы»), И. Тургенева («Нахлебник»), М. Горького («На дне»).

В наши дни, в атмосфере дружбы между славянскими и венгерскими народами, интенсивно развиваются культурные связи, в том числе и в области театрального искусства. Драматургия славянских народов, созвучная венгерскому народу, оказывает большое и плодотворное влияние на современную венгерскую театральную культуру.

А. Тахиаос
(ГРЕЦИЯ)

БОЛГАРО-ГРЕЧЕСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

ВЛИЯНИЕ греческого просветительства на болгарское Возрождение широко изучалось И. Шишмановым¹, Й. Ивановым², Б. Пеневым³, П. Никовым⁴, Н. Тодоровым⁵, Д. Петропулосом⁶, Ф. Шашко⁷ и др. Несмотря на наличие работ указанных исследователей, этот вопрос все еще остается недостаточно изученным. До сих пор существует много неисследованных и неопубликованных материалов, нет ясного представления об идеологических течениях так называемого новогреческого Просвещения XVII—XVIII вв., которое обыкновенно связывают с французским Просвещением.

Специалист по новогреческой литературе Г. Балета, совершенно правильно отмечая, что расцвет новогреческого Просвещения начинается в XV в.⁸, тем самым подчеркивает, насколько глубоки его корни. Таким образом, когда речь идет о новогреческом Просвещении, то имеется в виду так называемое движение за просвещение греческого народа, находившегося в то время под турецким игом.

Установить степень влияния греческого Просвещения на бол-

¹ Шишманов И. Избр. съч. I. Българско Възраждане. Студии. София, 1965.

² Иванов Й. Гръцко-български отношения преди църковната борба. София, 1912, с. 158—186.

³ Пенев Б. Началото на българското Възраждане. София, 1946.

⁴ Ников П. Възраждане на българския народ. Църковно-национални борби и постижения. София, 1971.

⁵ Тодоров Н. Българо-гръцките отношения през XVIII в., отразени в Паисиевата История. — В кн.: Паисий Хилендарски и неговата епоха (1762—1962). Сборник от изследвания по случаю 200-годишнината от История Славянобългарска. София, 1962, с. 435—462.

⁶ Δ. Πετροπούλου, Πνευματικές σχέσεις 'Ελλήνων καί Βουλγάρων τόν Ιθ' αἰώνα. Θεσσαλονίκη, 1968.

⁷ Shashko Ph. Greece and the intellectual basis of the Bulgarian renaissance. — In: American contributions to the Seventh international congress of slavists. Warsaw, August 21—27, 1973. Vol. III: History. The Hague—Paris, 1973, p. 91—121.

⁸ Γ. Βαλέτα, Διαφωτισμός νεοελληνικός—Μεγάλη έγκυκλοπαίδεια τής νεοελληνικής λογοτεχνίας, т. 6, с. 253.

гарское Возрождение затрудняет то обстоятельство, что болгарские исследователи, занимавшиеся этим вопросом, либо недостаточно хорошо знали проблемы новогреческого Просвещения, либо были недостаточно знакомы с греческой литературой и источниками. Но как бы то ни было, важно отметить, что новогреческое Просвещение возникло и развивалось задолго до болгарского Возрождения. Здесь я рассматриваю лишь некоторые, пока не полностью выясненные, вопросы болгаро-греческих культурных отношений в эпоху Просвещения.

Когда речь идет о болгарском Возрождении XVIII в., мы, естественно, связываем его с именем Паисия Хилендарского. Он является самой выдающейся личностью этой эпохи, хотя известны и другие, не менее образованные болгарские деятели, такие, как, например, Парфений Павлович. Почти все исследователи, которые изучали деятельность Паисия Хилендарского и его связи с греческим просветительством XVIII в., рассматривали факты его жизни главным образом вне Афонской горы, и лишь немногие связывали его имя с существовавшей в это время на Афоне Академией⁹. Тем не менее большую часть своей жизни Паисий прожил в Хилендарском монастыре, хотя и поддерживал связь с другими кругами вне Афона. Поэтому мы с уверенностью можем сказать, что афонская действительность сыграла главнейшую роль в формировании идей Паисия, позднее нашедших выражение в его «Истории славяноболгарской».

Во времена Паисия на Афоне существовал ряд просветительских течений: во-первых, это идеи ученых созданной в 1753 г. афонской Академии. Преподаватели и наставники Академии стояли на позициях либерального просветительства. Но хотя они и утверждали в самом крупном монашеском центре Востока свободолобивые идеи западной мысли и науки, в вопросе языка они оставались консерваторами. Используя архаический греческий язык, недоступный простому народу, они способствовали созданию новой духовной аристократии. Главной фигурой Академии был крупный писатель и ученый Евгений Вулгарис. Сторонник французского Просвещения, в своей культурной и духовной ориентации он был склонен к России. Там он провел последние годы жизни и даже был избран членом петербургской Академии наук.

Мне приходилось уже отмечать, что какая-либо связь Паисия Хилендарского с культурным обществом афонской Академии

---

⁹ *Тодоров Н.* Българо-гръцките отношения..., с. 450—451; ср.: *Христов Х.* Паисий Хилендарски. Неговото време, жизнен път и дело. София, 1972, с. 42—43.

была невозможна¹⁰. Во-первых, он не владел греческим языком настолько, чтобы поддерживать связи с Академией¹¹, а, во-вторых, его идеи далеки от аристократических¹². В этом отношении необходимо напомнить, что Паисий являлся отрицателем греческой образованности.

О «просвещении рода греческого», кроме либеральных мыслителей, заботятся и консервативные круги. Их писательская и просветительская деятельность настолько велика, что ее нельзя выключить из общего развития духовной культуры XVIII и первой половины XIX в. Представители этого течения пишут на понятном простому народу языке, и поэтому их идеи становятся популярны. Они знакомы с научными достижениями западного мира, но не считают науку и знание самоцелью. Более всего они желают, чтобы народ остался незатронутым западным влиянием.

В XVIII в. в просвещенных слоях греческого народа возникает так называемое течение «Политика». Оно испытывает влияние общественной и культурной жизни Запада и выражается в том, что по-французски называется *savoir vivre*¹³. Нравы «Политики» описываются в книге «Благонравие». В начале XIX в. религиозный писатель Никодим Святогорец противопоставляет этому «Благонравию» свой труд «Благонравие христиан», в сущности весьма консервативный и далекий от реальности, но тем не менее явившийся мощной реакцией на новые нравы западного происхождения. Такое же отвращение питает к этим нравам и Паисий Хилендарский. Называя греков «политичными», он пишет о разложении греческих нравов. Кроме опасности эллинизации болгар, Паисий видит в новогреческом Просвещении угрозу для неиспорченных нравов соотечественников. Его взгляды в данном случае совпадают со взглядами консервативных греков, точно так же как и в вопросе о языке¹⁴.

¹⁰ *Тахиаос А. Э.* Идеи Паисия Хилендарского в связи с греческим Возрождением XVIII в. — In: *Actes du premier Congrès International des Etudes balkaniques et sud-est européennes*, vol. VII. Sofia, 1971, s. 125—127.

¹¹ Что Паисий не владел греческим языком, видно из следующих фактов: во-первых, для составления своей «Истории» использовал почти исключительно славяно-болгарские источники; во-вторых, число встречающихся в его «Истории» греческих слов очень ограничено. Подробнее см.: *Драгова Н.* Домашни извори на «История славяноболгарская». — В кн.: Паисий Хилендарски и неговата епоха, с. 285—340; *Милев А.* Гръцките и латинските думи в «Историята» на Паисий Хилендарски. — Там же, с. 401—409.

¹² *Велчев В.* Идеологията на Паисий Хилендарски. — *Език и литература*, т. XVII, [1962], № 6, с. 17—40.

¹³ Знание света, обходительность.

¹⁴ См. мою критику насчет вышеупомянутой статьи Н. Тодорова в журнале «*Balkan Studies*», vol. 4 [1963], p. 473—476.

О роли языкового общения в просветительском движении греков и болгар в XVIII и первой половине XIX в. написано много. Но и здесь не все еще выяснено. В частности, остается недостаточно проясненной проблема эллинизации болгар. Наиболее вероятной, на мой взгляд, является точка зрения болгарского историка Й. Иванова, который утверждает, что эллинизация хотя и имела место, но не носила сознательного, планомерного характера и не была организована Константинопольской Патриархией. В связи с этим надо напомнить, что уничтожение Охридской Архиепископии-Патриархии в 1767 г., которое считается одним из важнейших доказательств политики эллинизации, было делом патриарха Самуила Хантзери, сторонника просвещения и горячего защитника народного, простого языка. Не нужно забывать также об огромной просветительской деятельности греков во время турецкого ига. Так, например, с 1476 по 1799 гг. было издано более 3600 книг. Только за восемь лет, с 1791 по 1799 г., вышли в свет 504 греческие книги. Другим культурным источником для болгар могла быть Россия, но между ней и Болгарией расстилались румынские княжества, где тоже господствовало влияние греческого Просветительства. Таким образом, болгарский народ находился в окружении греческой культуры.

Паисий Хилендарский в своей «Истории» высказывает опасение, что неудержимое распространение греческого языка среди болгар способствует их эллинизации. Языковое общение действительно могло этому способствовать, так как болгары в культурном отношении отставали от греков. Но за исключением отдельных случаев, когда представители греческого духовенства насильственно насаждали свой язык, можно считать, что существовала естественная тяга балканских народов к греческому Просвещению. Подтверждение этому мы находим в справочнике греческого языка Даниила Мосхопольского, изданном в 1793—1794 гг.¹⁵

Во времена Паисия Хилендарского на Афоне живет писатель Паисий Величковский, который пишет следующее о греческом языке: «... язык сей еллиногреческий вся языки всея вселенныя премудростию, красотою и преизобилием и богатством неисповедимым речений несравненно превосходящей, его же глубины и сами природнии греции, совершенно учении, едва отчасти могут достизати...»¹⁶.

¹⁵ Текст справочника был недавно переиздан; *Kristophson S. Das Lexikon Tetraglossen des Daniil Moschopolitis. — Zeitschrift für Balkanologie, Jahrgang X [1974], H. 1, S. 1—128.*

¹⁶ *Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. М., 1847, с. 217.*

Величковский поддерживает отношения с консервативным течением новогреческого Просвещения. В 1746 г. он создает молдавско-славянскую аскетическую литературную школу, где переводятся труды византийских писателей на славянский и румынский языки. Величковский знакомится с константинопольским патриархом Серафимом II, который попал на Афон, потому что был выдан туркам за связи с русским послом в Константинополе. Величковский переводит биографию «мученика» Анастасия, убитого турками в 1743 г., а вместе с ней и текст «видения», согласно которому Константинополь освобождается от турецкого ига и Византийская империя восстанавливается. Нет сомнения, что эта инициатива Величковского была связана с русофильскими идеями патриарха Серафима. Распространяя текст «видения» среди балканских народов, школа Величковского фактически содействует поощрению идеи восстановления Византийской империи.

К школе Величковского принадлежал болгарский историограф Спиридон, который в 1792 г. написал «Историю во кратцѣ о болгарскомъ народѣ славенскомъ». Но взгляды Спиридона уже существенно отличаются от взглядов Паисия Хилендарского.

Спиридон — не монах, оторванный от всего мирского, он живет в окружении греческих просветителей и хорошо знает все стороны общественной жизни, ее недостатки и достоинства. И, хотя он является продолжателем дела Паисия Хилендарского, его толкование греческой просветительской деятельности шире: он стремится трезво оценивать каждое обстоятельство.

Не менее важен также вопрос, в какой степени антигреческая направленность воззрений Паисия Хилендарского, а позже и Неофита Бозвели, вызывала у деятелей болгарского Возрождения неприятие греческого просветительства, о чем красноречиво свидетельствует, например, труд Бозвели «Мати Болгария» или стихотворение Димитрия Миладинова «Грък владика и болгарин».

Этот вопрос, как и ряд других, касающихся отношений между болгарским Возрождением и новогреческим Просвещением, пока ждет своего исследования.

ЛАТИНО-РОМАНСКОЕ НАСЛЕДИЕ И РАЗВИТИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ СИСТЕМ СЛАВЯНСКИХ НАЦИЙ (XVIII—XIX ВВ.)

ИСТОРИКО-литературные соображения, изложенные ниже, занимают важное место в современной компаративистике. Обще-признано, что историко-культурный процесс нельзя вполне понять, исходя лишь из чисто формалистических концепций либо придерживаясь критических принципов, относящихся исключительно к содержанию. Прежде чем дать свою оценку вклада латино-романского наследия в развитие славянских литературных систем в новую эпоху, я считаю необходимым остановиться на некоторых теоретических предпосылках появления понятия «литературная система». Для этого нам нужно точно определить понятие «общий язык», которым пользуются как производители, так и потребители литературных произведений различных народов. Под «общим языком» литературы подразумевается совокупность различных коммуникационных средств, при помощи которых выражается определенное идейное содержание. Так как кодификация этих выразительных средств зависит от внутренней организации идейных сообщений, то как содержание, так и формальные приемы можно свести к общему функциональному знаменателю. «Общий язык» литературы является, таким образом, выражением функциональной организации коммуникационных средств, которая и есть литературная система.

Применение термина «система» в литературоведении может дать повод для серьезных недоразумений. Мне кажется, однако, что большинство таких недоразумений объясняется тем, что современное толкование часто не различает внутреннее существо системы и ее функцию. Исходным пунктом наших рассуждений может служить классическое кантовское определение системы как совокупности познаний, приведенных в порядок на основе определенных принципов. Что касается литературной системы, то для нас практическое значение имеет только функциональный критерий. Выразительная функция служит именно тем принципом, согласно которому совокупность литературных познаний — применяя выражение Канта — приводится в порядок. Итак, мы можем определить литературную систему как совокупность идей-

ного содержания и художественных приемов, приведенных в динамический порядок с целью их выражения посредством условного языка.

Для того чтобы описать динамику этого условного языка в средневековой литературной системе православных славян, я воспользовался в одной из своих работ понятиями «литературный образец» и «литературный эталон» («literary model» и «literary pattern») ¹. Посредством подражания «образцам» совокупность идеологических и формальных единиц порождает внутри литературной системы синтагматические единицы «общего языка» литературы, т. е. «литературные эталоны», которыми «питается» язык литературных текстов. Важным фактором в таком представлении литературной системы является условность языка литературы. Так как сущность литературной деятельности заключается в передаче художественного сообщения посредством условного языка, функционирование литературной системы зависит от предварительного одобрения условных правил исполнения «литературного действия».

Создание новых литературных систем в славянских странах в период перехода от культуры средневековья к культуре нового времени можно охарактеризовать как процесс усвоения новых понятий и утверждения новых форм. В самом деле, новые системы славянских литератур отличались (каждая по-своему, в зависимости от местных традиций и общественно-политических условий) от литературных систем средневековья. Само понятие «средневековье» нельзя, однако, применять недифференцированно по отношению к славянам православным и к славянам, которые в той или иной мере воспринимали влияние латинской культуры. Новая эпоха в чешских землях, Польше, Словении и в хорватском Приморье начинается уже в XV—XVI вв. У православных же славян переход к новой культуре происходит значительно позже. Этот факт затрудняет изучение формирования славянских литературных систем с точки зрения исторического синхронизма. Тем не менее процесс усвоения новых понятий и новых литературных правил оказался на протяжении двух или трех столетий довольно равномерным в большинстве славянских культур, так что можно говорить о типологическом в формировании литературных систем как у православного, так и у католического славянства.

Создание новых литературных систем совпадает с утвержде-

---

¹ Models and patterns in the literary tradition of medieval orthodox slavdom. — In: American contributions to the Seventh international congress of slavists. Warsaw, August 21—27, 1973. Vol. II: Literature and Folklore. The Hague—Paris, 1973, p. 439—467.

нием новых «языков литературного сообщения». В некоторых случаях эти «языки литературного сообщения», т. е. новые системы выразительных приемов словесного искусства, базировались на кодификации новых литературных языков. Однако определение словарной и грамматической нормы является только одним из факторов, которые могут способствовать формированию литературной системы. Литературная система как совокупность выразительных приемов включает в себя каждую составную часть литературной реализации, как, например, идеологическое или тематическое содержание, риторические нормы, жанры, типы стихосложения и т. д. Когда средневековая литературная традиция заменялась новыми системами, славянские национальные культуры приступили к переустройству именно этих составных частей своего литературного наследия.

Ведущий принцип, согласно которому создавались литературные системы славянских наций в новую эпоху, — это понимание литературы как специфической умственной деятельности. Тогда как в средние века большая часть славянского литературного творчества непосредственно была связана и зависела от религиозной и политической мысли, в новую эпоху литературная деятельность начала приобретать более самостоятельное значение. Теперь писатели не считали уже своим долгом только передачу готовых знаний, но стремились к самостоятельному творчеству. Перемена, которая произошла в умственном поведении писателей, правда, не влекла за собой полное отрицание тематической традиции средневековья. Старые темы все еще могли служить предметом литературного творчества. Самое же главное различие между новым и старым понятием литературы состояло в том, что новая литература не служила более лишь инструментом для выражения внелитературного содержания.

Изучение истории открытия и усвоения новых концепций национальными культурами славянства является центральной задачей сравнительного литературоведения. Утверждение литературы как специфической умственной деятельности влекло за собой включение ряда славянских литератур в общую систему европейской литературы, причем славянам, находившимся в сфере воздействия западного христианства, приходилось уже устоявшиеся традиции подчинять культурным стремлениям нового времени. Теоретические фундаменты общеевропейской традиции, относящиеся главным образом к области языка и кодификации литературных правил, ранее всего были разработаны в латино-романской культуре.

Возникновение новой концепции литературной деятельности тесно связано на Западе с зарождением гуманизма. Колыбелью новой культуры явилась Италия. Итальянские споры о «достоинстве»

и функции «Lingua volgare», т. е. литературной кодификации народного итальянского языка, а также и литературного творчества на этом языке, служили начиная с XIV в. образцом для развития других национальных литератур в Европе. Самым важным моментом в разработке итальянской теории синтеза европейских культурных течений на рубеже средневековья и эпохи Возрождения является стремление к систематизации художественных и особенно литературных приемов. Наше современное понятие литературы как умственной деятельности, обладающей определенными нормами, ведет свое начало в какой-то степени от культуры итальянского возрожденческого гуманизма.

Европейская критика XIX—XX вв. склонна была недооценивать значение итальянской концепции литературной деятельности эпохи Возрождения. А между тем правильный подход к решению вопроса — одно из необходимых условий изучения литературной истории славянства. Гуманистическая кодификация лингвистических и риторических норм литературного творчества помогла классическому и средневековому наследию латинского мира слиться с греко-византийской традицией, создав при этом (в эпоху упадка политического и религиозного универсализма на Западе, а также окончательного падения Византии) новый культурный синтез, который в свою очередь послужил образцом для развития литературных систем новых национальных культур. Однако следует заметить, что распространение гуманистического образца нельзя отождествлять с прямым влиянием итальянской или вообще латино-романской литературы на творчество славянских писателей. Чтобы оценить вклад латино-романского наследия в развитие литературных систем славянских народов, нам не надо пускаться в аналитические розыски текстуальных доказательств заимствования или подражания определенным произведениям Запада. Вместо механических сопоставлений следует использовать принципы общего типологического сравнения.

Значительное достижение культуры латино-романского мира в эпоху Возрождения — кодификация новых литературных языков и норм литературного творчества. Этот процесс не обошелся без теоретических споров. Были предложены термины «вопрос языка» и «вопрос поэтики и риторики». Термин «вопрос языка» (итал. «*Questione della lingua*») ведет свое начало от трактатов Данте «О народном красноречии» и «Пир», которые явились исходным пунктом для значительной части позднейших дискуссий на тему об отношениях между народным и латинским языками, особенно в XVI в.² Противопоставление универсальной

² О теоретических спорах см.: *Studi sulla Questione della lingua presso gli Slavi*. Roma, 1972.

традиции латыни новому общественному и поэтическому «достоинству» народного языка влекло за собой — от времени Петрарки до эпохи полного расцвета культуры Возрождения в XVI в. — много теоретических споров на тему «достоинства» («dignitas») и нормы языка итальянской литературы. Сущность вопроса о языке состояла, с одной стороны, в желании оправдать употребление новых языковых средств, утверждая таким образом их престиж, т. е. культурное «достоинство», а с другой — в попытке установить грамматическую и стилистическую норму того же языка. Что касается решения этого вопроса в пределах итальянского полуострова, то новые нормы языка итальянской литературы установились в XVI в. В основу была положена теория Пьетро Бембо (1470—1547), который за образец брал творчество великих авторов Треченто, особенно Петрарки и Боккаччо, и исходил из тщательного подражания классическому тосканскому стилю XIV в. Теория подражания явилась решающим компонентом общей теории литературы в эпоху Возрождения. Согласно этой теории, новые итальянские писатели, прибегая к подражанию тосканским классикам, могли достичь такого же уровня художественного совершенства, какой в латинской литературе достигали посредством подражания творчеству Вергилия и Цицерона. Подобное утверждение расценивалось как эквивалент провозглашения полного культурного «достоинства» новой литературы на народном языке, поднятом до уровня «illustre». Признание художественной и духовной зрелости итальянской литературы служило примером для самостоятельного развития других национальных литератур Европы в эпоху Возрождения, включая значительную часть западнославянских.

Кроме теоретических споров, связанных с «вопросом языка», велись споры о поэтике и риторике. Они способствовали созданию новой литературной системы. Начиная с выпуска в свет в 1529 г. первой части «Поэтики» Джанджорджо Трисино, трактаты о поэтике и риторике в латино-романском мире создавались в течение XVI в., главным образом под влиянием итальянских теоретиков. К сожалению, вопросы истории распространения в Европе этих трактатов и особенно вопросы истории восприятия их нормативных принципов славянскими культурами очень мало разработаны в современном литературоведении. Историки литературы обыкновенно ссылаются на некоторые популярные трактаты эпохи позднего Ренессанса в Италии или во Франции, например на «Поэтику» Юлиуса Цезаря Скалигеро, тогда как имена многих авторов, значение которых для кодификации риторических норм в эпоху Возрождения бесспорно, все еще предаются забвению. Нельзя изучать историю риторической и поэтической

мысли эпохи гуманизма без знакомства с трактатами Витторе Фаусто, Джанджорджо Триссино, Джулио Дельминьо, Джованни Фускано, Джованбаттиста Джиральди Чинцо, Алессандро Веллутелло, Бартоломео Риччи, Франческо Сансовино, Лоренцо Джакомини и многих других итальянских теоретиков XVI в. Само собой разумеется, нет необходимости искать доказательств прямого влияния всех этих авторов на развитие новых литературных систем славянских народов. Для славянских народов и для других народов Европы в эпоху Возрождения итальянская и вообще латино-романская кодификация основных правил литературного творчества служила типологическим образцом для создания собственной литературной системы. Речь идет, следовательно, не о подражании определенным литературным образцам, а скорее о распространении новых методов. Применение этих методов привело к фиксации как формы, так и функции литературных жанров, идеологических и тематических формул, риторических приемов, а также соответствующих лингвистическо-стилистических норм. Универсальность литературных правил была главной заботой законодателей гуманистической литературы. Автор трактата «О топике, то есть о стиле речи» Джулио Дельминьо считал основной задачей красноречия перенесение формальных приемов из одного языка в другой посредством «*quasi una contenzion delle lingue*», т. е. посредством «своего рода соревнования языков».

Итак, лингвистический и риторический образец, созданный законодателями литературы итальянского и вообще латино-романского гуманизма, служил примером для создателей новых литературных систем в значительной части славянского мира. Хорватское Приморье, Польша, до некоторой степени чешские и словенские земли были первыми славянскими центрами распространения новых нормативных образцов. Усвоение литературных норм в этих странах обусловлено культурными и общественно-политическими обстоятельствами. Среди них — общественно-религиозные течения, связанные с Реформацией и Контрреформацией.

При изучении формирования литературных систем славянских наций на протяжении трех столетий — от эпохи Возрождения до века Просвещения — мне представляется целесообразным пользоваться теми же самыми историографическими приемами, что и при изучении литературных систем на Западе, т. е. обратиться к «вопросу языка» и «вопросу поэтики и риторики». В славянском мире традиция политических и теологических споров о «достоинстве» официального языка ведет свое начало от эпохи Кирилла и Мефодия. В эпоху гуманизма, однако, спор о «вопросе языка» перешел в теоретическую дискуссию, связанную с об-

щими вопросами «достоинства», понимаемого как нормы литературы, являющейся автономной сферой умственной деятельности.

Прения по поводу «достоинства» и нормы чешского литературного языка во времена Яна Гуса и его последователей положили начало гуманистическому толкованию «вопроса языка» в западнославянских странах. Однако австро-католическое подавление чешского народного движения препятствовало формированию системы чешской литературы. Сходные культурно-политические условия наложили отпечаток на решение вопроса о языке в Словении. Первыми законодателями словенского литературного языка были Примож Трубар, Себастиан Крель, Юрий Далматин. Как в чешских и словацких землях, так и в Словении пока еще не было возможности включить «вопрос языка» в общую проблематику создания литературной системы на народном языке. Поэтому главными славянскими центрами новой кодификации литературы стала Польша и хорватские земли.

Первым защитником польской литературы на народном языке был Миколай Рей. Обсуждение «вопроса языка» мы находим в «Польском дворянине» Лукаша Гурницкого. В какой-то степени образцом для его книги послужил «Il libro del Cortigiano» Бальдессаре Кастильоне. Гурницкий использовал также лингвистические и риторические примеры других авторов — от Триссино до Бенедетто Варки. Как в Италии, так и в Польше провозглашение литературного «достоинства» народного языка привело к кодификации той новой литературы, которая как бы соревновалась с произведениями латинских авторов. Но возникновение польской литературы на народном языке нельзя отождествлять с «борьбой» между старым наследием и новыми течениями. В Польше, так же как и в Италии, теория подражания сыграла важную роль в процессе создания новой литературной системы. Польская литература XVI и XVII вв. развивалась согласно тем же самым поэтическим и риторическим принципам, которые лежали в основе творчества итальянских и вообще латино-романских писателей на Западе. Усвоение этих нормативных принципов достигло высшей ступени в 20-х годах XVII в. благодаря М. Сарбевскому³. Его трактат «De perfecta poesi» представлял собой образец для кодификации литературных систем как западных, так и восточных славян. До Сарбевского польские писатели обращались прямо к литературным первоисточникам на латинском или на итальянском языке. По правде сказать, мы не можем до конца понять творчество многих польских писателей эпохи Возрождения, на-

³ *Sarbiewski M. K. O poezji doskonałej czyli Wergiliusz i Homer. Wrocław, 1954.*

пример Яна Кохановского, без тщательного изучения их связей с теоретиками литературы латино-романского мира, хотя сам Кохановский утверждал самобытность отечественной литературы.

«Вопрос языка» и «вопрос поэтики и риторики» явились узловыми пунктами в процессе создания новой литературной системы также у хорватов в XVI и XVII вв. Хорватские гуманисты стремились к кодификации хорватского литературного языка, принимая за основу либо диалектальную норму, соответствующую тосканской, либо наддиалектное койне. Усвоение принципов гуманистической поэтики и риторики способствовало созданию хорватской литературной системы, ярким выражением которой были такие художественные достижения, как поэзия петраркистов в Далмации и Дубровнике или драматические произведения Марина Држича. У хорватов, как и у поляков, создание новой литературной системы было связано с принятием условного поэтического языка, состоящего из определенных формул. Без углубленного изучения этого условного языка мы не сможем истолковать названные выше тексты.

Распространение принципов кодификации литературных систем у православных славян произошло в XVIII и XIX вв. Новые славянские национальные общества нуждались в новых литературных системах. У православных славян, так же как у славян, принадлежавших к латино-романской сфере, возникли теоретические прения о кодификации литературных языков и риторических норм.

В эпоху Возрождения главный центр распространения принципов и методов, нормирующих литературу, находился в Италии. Французский классицизм XVII в. создал новый синтез латино-романской системы литературы, который в свою очередь служил образцом для литературного синкретизма XVIII в. Созданные французскими классицистами теоретические образцы, как, например, «Поэтика» Буало, не представляли собой никакого отступления от нормативного понимания литературы согласно гуманистическим принципам XV и XVI вв. Французский классицизм является продолжением и творческим развитием поэтики и риторики Ренессанса. Этим между прочим объясняется синкретическое слияние латинского влияния позднего польско-украинского классицизма с влиянием французского классицизма в процессе образования новой литературной системы в России в XVIII в. Так, Симеон Полоцкий и Феофан Прокопович обращались к латино-романским первоисточникам литературной теории позднего гуманизма, пользуясь в собственных сочинениях теоретическими образцами, созданными Понтано, Тассо и Сарбевским. Русские теоретики следующего периода — от Кантемира, Тредиа-

ковского и Сумарокова до Шишкова и Карамзина — старались отразить в русской литературе общую систему европейской литературы посредством применения и истолкования теоретических принципов, разработанных Буало, Батто, Вольтером и Лагарпом. Особое значение имела в этом отношении деятельность Ломоносова.

Как русские, так и другие создатели новых систем национальных литератур, представители православного славянства в XVIII и XIX вв., для кодификации условного языка собственных литератур критически использовали наряду с французскими и латино-романскими и иные образцы. Однако для нас более важен тот факт, что национальные литературы православных славян в XVIII и XIX вв. применили для создания новых выразительных систем те же принципы, которые в XVI и XVII вв. были свойственны славянским литературам, находившимся в сфере латинской традиции.

В заключение можно сказать, что повсюду в славянском мире формирование новых литературных систем в эпоху национальных подъемов в конце XVIII и начале XIX вв. осуществлялось на основе использования тех же самых типологических образцов, которые были характерны и для литературных систем в эпоху гуманизма и Ренессанса. Самая значительная черта литературного развития обоих периодов — стремление определить нормы новых литературных языков и литературной риторики. Как в России, так в Болгарии и Сербии «вопрос языка» и «вопрос поэтики и риторики» были главными для законодателей новых национальных литератур.

Х. Мамуд
(БАНГЛАДЕШ)

О ТЕАТРАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. С. ЛЕБЕДЕВА В ИНДИИ

БЫЛ 1798 год. Место действия — африканский портовый город Кейптаун. В одно февральское утро неизвестный посетил молодого русского морского офицера, незадолго до того прибывшего в город, — лейтенанта Юрия Федоровича Лисянского. Человек был пожилой и истощенный. Его одежда разорвана, лицо и руки загорели. Он скорее походил на индуса или мулата, чем на евро-

пейца. Лисянский начал говорить с ним по-английски, но незнакомец перебил его, и лейтенант услышал чистую русскую речь¹.

Человек, с которым Лисянского свел случай, был Герасим Степанович Лебедев, который возвращался на родину, в Россию. Более 13-ти лет он провел в Индии. Лебедев тоже упоминал в своем дневнике об этой встрече.

Лебедев вернулся в Санкт-Петербург приблизительно в октябре 1801 г. С тех пор его считают первым русским индологом. Краткая надпись, украшающая надгробие Лебедева, — это не просто дань уважения, а оценка его труда: «Он был первым из сынов России, прибывшим в Индию и изучившим обычаи индусов, он принес их язык в Россию. Хотя он не был высоко образован, он добился блестящих результатов в выполнении важных задач и в публикации знаний, которые он получил из индийской философии»².

Но я хотел бы остановиться на другом аспекте деятельности Герасима Степановича Лебедева. Его достижения в области изучения Востока достаточно хорошо известны. Он многое сделал для нас, бенгальцев. Лебедев пользуется единодушным признанием как историк бенгальской литературы и еще ббльшим — как историк бенгальской сцены. Его можно назвать отцом бенгальского театра.

Узнав, что он — уроженец Ярославля, можно провести параллель с деятельностью другого выдающегося таланта, которого великий русский критик Белинский назвал «отцом русского театра»³, — с Федором Григорьевичем Волковым. На мой взгляд, не стоит открывать дискуссию о влиянии волковского театра или ярославского театра вообще на творчество Лебедева, хотя это, бесспорно, послужило внутренним толчком к созданию вдали от родины, в Индии, в Калькутте, театра по образцу, как писал Лебедев, «моего земляка — ярославца Федора Волкова»⁴. Все же я думаю, что эта проблема заслуживает того, чтобы быть хорошо изученной.

Г. С. Лебедев родился в Ярославле в 1749 г. в семье священника. Он был старшим сыном. Когда ему исполнилось 15 лет, он вместе с семьей переехал из Ярославля в Санкт-Петербург, где его отец в одной из церквей стал руководить церковным

¹ Штейнберг Е. Л. Жизнеописание русского мореплавателя Юрия Лисянского. М., 1948, с. 102.

² Петербургский Некрополь, т. II. СПб., 1912, с. 624.

³ Ф. Г. Волков и русский театр его времени. Сборник материалов. М., 1953, с. 7.

⁴ Розинский З., Петров И. Ярославец Герасим Лебедев в Индии. — В кн.: Литературный Ярославль, кн. 8. Ярославль, 1956, с. 234.

хором. До этого момента Лебедев нигде не обучался. В столице он получил кое-какое образование. Лебедев был самоучкой. Он обладал редким талантом музыканта. Мастерская игра Лебедева на виолончели была тщательно изучена его современником немцем Йоганном Кристофом Аделунгом⁵. Граф А. К. Разумовский, почитатель Моцарта, Гайдна и Бетховена, считал Лебедева хорошим музыкантом.

В 1777 г. Лебедев покидает Россию, сопровождая выше упомянутого графа в его поездке за границу⁶. На родину он возвращается только спустя 24 года. Время между отъездом из Санкт-Петербурга и прибытием в Индию Лебедев провел в странствиях. Он побывал в Неаполе, Париже и Лондоне.

В этот период важным вопросом для России было исследование Востока. Повысился интерес к индийским языкам. Академия наук в Санкт-Петербурге уже развернула свою деятельность в области индологии. Лебедев, врачавшийся в этой атмосфере, тоже заинтересовался этим вопросом. Он решает посетить Индию.

Первые два года (август 1785 г.—июль 1787 г.) Лебедев провел в Мадрасе. В августе 1787 г. он переезжает в Калькутту, где живет на протяжении 10 лет. Его основное занятие — музыка: он дает сольные концерты и обучает европейцев-переселенцев. Но самым сильным его увлечением было изучение индийского языка и культуры. В Мадрасе он начал изучать тамильский язык. Вероятно, он был первым русским, знающим один из языков дравидов. В Калькутте Лебедев занялся изучением языков северной Индии, особенно санскрита, бенгали и хинди. В результате он написал «Граматику чистых и смешанных восточноиндийских диалектов», которая была опубликована в Лондоне в 1801 г., а также книгу, посвященную индийской религии и культуре (она была издана в Санкт-Петербурге в 1805 г.). Последние три года жизни в Калькутте Лебедев посвятил театральной деятельности. Но театр не принес ему счастья, наоборот, он разорил его, и Лебедев покинул Индию почти нищим.

⁵ *Adelung J. Chr. Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde mit dem Vater Unser als Sprachprobe in bey nahe funfhundert Sprachen und Mundarten*, 1 Theil. Berlin, 1806, p. 184—186.

⁶ В последующих исследованиях было установлено, что Лебедев забыл дату и вместо 1777 г. указал 1775 г., эта дата встречается в его книге «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брамгенов — священных обрядов их и народных обычаев» (СПб., 1805). Соответствующая статья, посвященная этому вопросу, была написана В. С. Воробьевым-Десятковским («Русский индианист Герасим Степанович Лебедев. 1749—1817». — В кн.: Очерки по истории русского востоковедения, сб. 2. М., 1956, с. 39).

Как же был создан театр Лебедева? Можно исходить из того факта, что когда он окончил перевод английской драмы под названием «The Disguise» («Маска») на бенгальский язык с некоторыми своими дополнениями, то его учитель Голок Нав Дасс посоветовал ему инсценировать пьесу. Из-за невозможности арендовать какой-либо из английских театров в Калькутте, он решил основать свой собственный. Но скорее всего его натолкнули на это воспоминания о театре на его родине, в Ярославле. Театр им был создан. Он назывался Бенгальский и расположен был на Doomtullah Lane, 25.

Бенгальский театр Лебедева отнюдь не был первым: в Калькутте уже функционировали три драматических театра (Old Play House, New Play House (Calcutta Theatre), Chowtanghee Theatre). Однако театр Лебедева был в корне не похож на английские театры. По своей сути это был новый театр с новыми задачами. Лебедев выдвинул прогрессивную идею театра для народа, и он воплотил ее в жизнь. Само название «Бенгальский театр» было своеобразной манифестацией, оно вызывало недоумение и возмущение у британских колонистов. Второй шаг Лебедева на пути демократизации театрального искусства был еще более смелым. В то время как в английских театрах шли только английские пьесы, предназначенные для англичан, проживающих в Калькутте, Лебедев ставил бенгальские пьесы силами бенгальских актеров. Кроме того, впервые в истории бенгальской сцены он ввел исполнение женских ролей актрисами-женщинами. В отличие от английских театров в театре Лебедева не только использовались декорации «в бенгальском стиле», но и бенгальская музыка. Лебедев сам создал ряд вокальных и инструментальных произведений, положил на музыку одну из поэм великого бенгальского поэта Бхаратчандра. Позднее он задумал поставить пьесу, в которой хотел раскрыть внутренний мир простого человека. Он намеревался также создать спектакль не только для горожан, но и для жителей отдаленных мест. Цена билетов в его театр была потрясающе низкой.

Лебедев сделал то, что, казалось, должен был бы скорее сделать какой-либо театральный бенгальский деятель. Он не только впервые поставил бенгальскую драму, но и проложил путь к тесному общению между актерами и аудиторией.

Дважды ставились его пьесы. Первый раз 26 ноября 1795 г., второй — 21 марта 1796 г. Театр был переполнен. В одном из писем Лебедев сообщал, что если бы позволяло помещение, то он смог бы собрать аудиторию в три раза большую.

Но вскоре Лебедев поплатился за свои смелые поступки: он навлек на себя гнев возмущенных английских конкурентов от

театрального бизнеса. Его театр сгорел. Чтобы избежать печального конца, он в декабре 1797 г. покинул Индию.

Герасим Степанович Лебедев был талантливым человеком, приехавшим в далекую Индию из славянского мира. Он много сделал для развития бенгальского театрального искусства, и мы перед ним в долгу. Славянский странник оставил неизгладимый след в нашей истории, он снискал нашу горячую любовь и уважение, которые сохраняются в веках.

V. Zlydnev, Y. Ritchik

LES PROBLÈMES DE L'ÉTUDE
DES CULTURES SLAVES
DES XVIII—XIXES SS.

*(Sur les résultats de la Conférence de l'UNESCO
à Moscou)*

LES SAVANTS et les larges milieux de l'opinion internationale manifestent un intérêt croissant pour la culture séculaire originale des peuples slaves, pour la vie actuelle des Etats slaves qui ont obtenu, au cours de ces dernières décennies, dans les conditions du socialisme des succès remarquables dans leur activité économique et culturelle. Cet intérêt est devenu, à l'heure actuelle, un facteur important de la vie intellectuelle internationale. C'est en le prenant en considération que la XVIe session de la Conférence générale de l'UNESCO a approuvé, en 1970, à Paris, le projet spécial d'étude des cultures slaves échelonné sur 1971—1980.

Fondé en Union Soviétique pour coordonner les efforts des organisations et des établissements culturels et scientifiques de l'URSS en vue de réaliser le Projet slave, le Comité d'études des cultures slaves près la Commission de l'URSS pour l'UNESCO a soumis au Secrétariat de l'UNESCO la proposition de tenir, dans le cadre du Projet, une conférence scientifique internationale où l'on examinerait les problèmes des cultures slaves à l'une des plus importantes étapes de l'évolution historique du monde slave, à la période de la formation et du développement des nations slaves qui englobe le XVIIIe s. et le XIXe s.

Après l'approbation de cette proposition par le Secrétariat de l'UNESCO, le Présidium de l'Académie des sciences de l'URSS a confié la préparation et la tenue de la Conférence scientifique internationale sous l'égide de l'UNESCO «Les cultures slaves à l'époque de la formation et du développement des nations slaves» à l'Institut d'études slaves et balkaniques de l'AS de l'URSS, principal établissement scientifique de l'Union Soviétique dans le domaine des études slaves. Au cours des consultations avec les spécialistes soviétiques et étrangers, ainsi qu'avec les experts du Projet slave, le Comité d'organisation de la conférence a préparé le programme scientifique de la Conférence et a édité les thèses des rapports et des communications dans trois langues principales de l'UNESCO: en russe, en anglais et en français. L'Institut de l'information scientifique sur les sciences sociales de l'AS de l'URSS a fait paraître deux volumes de la bibliographie sur le thème de la Conférence.

Les travaux de la Conférence de l'UNESCO ont eu lieu du 26 au 28 novembre 1974, à Moscou, dans la salle de conférences de la Bibliothèque de l'URSS de littérature étrangère.

A l'ouverture de la Conférence, on a donné lecture du message de salutations adressé à ses participants par l'académicien *P. Fedosseev*, vice-président de l'Académie des sciences de l'URSS, où il a été notamment noté que «le problème complexe de la formation des cultures nationales est l'un des problèmes fondamentaux dans l'histoire de la civilisation» et qu'il est du devoir des savants se penchant sur les problèmes de la culture de montrer, dans de nouveaux ouvrages, les valeurs culturelles authentiques et le trésor artistique de chaque peuple slave dans leur développement historique et leur manifestation nationale originale.

Pendant trois jours de séances plénières et dans les sections, plus de 250 savants de 17 pays membres de l'UNESCO — l'Autriche, le Bangladesh, la RSS de Biélorussie, la Bulgarie, les Etats-Unis, la France, la Grande-Bretagne, la Hongrie, l'Italie, la Grèce, la RSS d'Ukraine, la Pologne, l'URSS, la République Fédérale d'Allemagne, la Tchécoslovaquie et la Yougoslavie — ont pris part aux débats.

Le trait distinctif le plus important de la Conférence a été le fait que des représentants des sciences connexes ont pris part à ses travaux: historiens, historiens de la culture, critiques littéraires, critiques d'art, linguistes, folkloristes.

L'approche d'ensemble de l'étude des cultures slaves est, premièrement, conditionnée par l'existence objective de plusieurs aspects du phénomène lui-même de la culture spirituelle et, deuxièmement, est définie par les exigences modernes de la science, lorsque les multiples études de certains domaines de la vie intellectuelle des Slaves à l'époque du passage du féodalisme au capitalisme, de la

formation et du développement des nations slaves permettent, aujourd'hui, de dégager avec succès les lois générales et les analogies typologiques, la contribution apportée par les Slaves à la culture mondiale.

L'orientation de principe vers l'étude de l'ensemble des problèmes de la culture slave a été adoptée en tant que fondamentale dès le début de l'activité du Comité d'organisation qui s'appuyait sur une expérience appropriée accumulée, ces dernières années, à l'Institut d'études slaves et balkaniques de l'AS de l'URSS. Caractérisant le sens des études scientifiques de ce genre, le Directeur de l'Institut, *D. F. Markov*, membre correspondant de l'AS de l'URSS, écrivait: «On sait que les formations socio-économiques qui constituent la base du processus historique sont des systèmes ramifiés, des complexes de facteurs économiques, politiques, culturels et autres. On peut étudier n'importe quel de ces facteurs (sous-systèmes) dans le cadre d'une telle ou autre science, sans prétendre, certes, à englober le phénomène dans son ensemble. Mais dans ce cas également, la pensée du savant cherche à tirer les conclusions les plus larges possibles, sans se limiter, disons, à l'expérience historique d'un seul pays. Les savants comparent les phénomènes d'un pays donné aux phénomènes similaires et, en même temps, différents dans d'autres pays. Mais la tâche de l'étude d'ensemble ne serait-ce que d'une période historique de tel ou autre peuple (de son économie, de sa culture etc.) aboutit inévitablement à l'analyse scientifique complexe: elle est provoquée par l'ensemble des réalités historiques elles-mêmes»¹.

Il convient de souligner que même aux congrès des slavissants qui sont les forums les plus importants de l'opinion slave, les problèmes de l'étude des cultures slaves n'ont pas été posés sur une échelle aussi large et n'ont pas été orientés vers un but aussi précis qu'à la Conférence de Moscou.

Un grand intérêt a été suscité par les rapports comportant des généralisations et les rapports théoriques et méthodologiques où la culture a été interprétée comme l'un des composants déterminants et spécifiques du processus historique général, de l'activité historique de l'homme et où l'évolution concrète des cultures slaves a été considérée dans la corrélation dialectique avec la formation des nations slaves, avec l'essor des mouvements sociaux et de libération nationale des peuples slaves.

Le rapport de *V. Zlydnev* et de *A. Mylnikov* (URSS) «Les lois générales et les particularités du développement historique

---

¹ *Марков Д. Ф. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. — Вопросы истории, 1973, № 10, с. 81.*

et culturel des peuples slaves au XVIIIe s. et vers les années 70 du XIXe s.» argumente la thèse de l'interaction réciproque des processus socio-historiques et culturels en tant que loi générale organique de l'évolution sociale dans son ensemble. D'une part, la culture de chaque peuple de l'époque de la constitution de la nation réagit intensément aux tendances nouvelles dans la vie de la société, en acquérant une conscience artistique plus élevée et en créant des formes nouvelles d'institutions culturelles. D'autre part, cette culture nationale, étant le produit d'une communauté ethno-sociale plus développée, influe elle-même sur le processus de consolidation de la nation, en devenant un des facteurs importants de son affirmation. La manifestation inégale des facteurs socio-économiques chez divers peuples slaves a conduit au fait que leurs processus historiques et culturels avaient des distinctions dans le temps, le caractère d'expression des particularités typiques et l'intensité du déroulement de ce processus. Il importe d'en tenir compte lors du dégagement des lois générales typologiques du développement de la culture slave des temps nouveaux. Le processus de formation de la culture nationale des Russes a commencé, selon les auteurs du rapport, au début du XVIIIe s., des Polonais, au milieu du XVIIIe s., des Tchèques, des Slovaques et des Slaves méridionaux, dans la dernière trentaine du XVIIIe s. et encore plus tard chez les Biélorusses et les Serbes de Lusace.

Le rapport de l'historien polonais *L. Bazyłow* a été consacré au rôle des traditions de la lutte de libération nationale dans la vie et la culture des Slaves occidentaux et méridionaux. *L. Bazyłow* a souligné l'importance particulière, pour les mouvements nationaux, de l'aide accordée par les forces progressistes, révolutionnaires de Russie.

«La culture et les problèmes des mouvements sociaux et de libération nationale des peuples slaves» a été le thème du rapport présenté par *I. Miller* (URSS). Malgré l'hétérogénéité des couches sociales, qui créaient la culture nationale, il y avait l'essentiel qui unissait la majorité écrasante de la nation aux premières étapes de son développement, qui conduisait à l'apparition des traits de la culture, par excellence, démocratique. La culture de cette période traduisait les aspirations antiféodales et de libération nationale des masses populaires. L'analyse des problèmes historiques et culturels témoigne irréfutablement que les plus grandes réalisations de la culture nationale, les valeurs culturelles éternelles créées à cette période sont souvent immédiatement liées aux idéaux de la liberté, aux tendances progressistes du développement de la nation. Le rapporteur a mis l'accent sur la place qui revient aux oeuvres d'art parmi les monuments historiques, car elles représentent une source

inappréciable de l'expression concentrée des idéaux de la liberté, une quintessence de l'esprit de l'époque de l'essor vigoureux de la nation.

Le savant hongrois, *E. Niederhauser* a fait une tentative, en partant de la structure socio-économique des peuples slaves de la période donnée, de définir deux types de processus historique et culturel qui se distinguent, selon l'auteur, par le degré de manifestation, à la première étape de la Renaissance nationale, des idées de l'Instruction européenne du XVIIIe s.

Les problèmes communs des cultures slaves dans leur ensemble ou de certaines cultures nationales ont été exposés dans les rapports de *E. Gueorguiev* (Bulgarie) «Les cultures slaves et la formation des nations dans les Balkans», de *A. Flaker* (Yougoslavie) «La structure de la culture croate de la Renaissance nationale», de *J. Solta* (RDA) «Le mouvement national et la culture des Serbes de Lusace (Le problème de l'instruction publique au début du XIXe s.)», dans l'intervention de *K. Grothusen* (RFA) «A propos des particularités typologiques du développement historico-culturel des peuples slaves dans les années 70 du XVIIIe s. et au XIXe s.», de *L. Titova* (URSS) «Le trait spécifique du développement culturel de la Bohême dans les conditions de la situation révolutionnaire des années 40 du XIXe s.», de *S. Šmatlak* (Tchécoslovaquie) «L'historisme en tant que partie intégrante de l'idéologie nationale slovaque en voie de formation à l'étape initiale de la littérature slovaque de l'époque moderne», de *E. Doudzinskaja* (URSS) «Les slavophiles et la Renaissance nationale des Slaves».

Les problèmes de la culture artistique des Slaves à l'époque historique indiquée ont été examinés en détail à la Conférence. L'attention a été axée non seulement sur les oeuvres elles-mêmes de la littérature, de l'art figuratif et de la musique, mais aussi sur des phénomènes foncièrement nouveaux dans la vie artistique caractéristiques de l'étape de l'affirmation de la culture nationale comme la professionnalisation graduelle de la création artistique, la formation de l'intelligentsia² artistique nationale en tant que couche sociale spécifique, l'apparition de nouveaux centres et établissements de la vie culturelle etc.

La majorité des interventions se sont distinguées par l'aspiration à considérer tel ou autre domaine de l'activité artistique pas tellement à partir des lois immanentes de son développement qu'en tant

---

² Ici et plus loin ce terme s'emploie conformément aux pays Slaves.

que partie intégrante de tout le système de la culture artistique et spirituelle, de l'histoire générale de la collectivité nationale.

Ainsi, *S. Nikolski* (URSS) a montré, dans son rapport «Les littératures slaves à l'époque de la Renaissance nationale», la dépendance directe entre la formation impétueuse des littératures nationales des Slaves occidentaux et méridionaux à l'époque de la Renaissance nationale et l'essor prérévolutionnaire du mouvement socio-démocratique et de libération nationale. La pensée artistique a trouvé son reflet dans les programmes littéraires et la création artistique de l'époque se caractérise par la conception de la vie socio-historique comme un processus de développement. Le développement littéraire représente la progression graduelle des formes civilisatrices de création artistique vers ses formes romantiques et ses premières formes de réalisme. Se développant sur le plan idéologique et esthétique, la littérature de chaque peuple devient de plus en plus un facteur efficace d'affirmation de la nation.

Le rapport de *A. Guerchkovitch*, de *Y. Ritshik* et de *L. Sofronova* (URSS) analyse l'essence de l'aspect culturel et historique de l'étude du théâtre des peuples slaves qui permet, d'une part, de comprendre plus profondément l'influence des facteurs sociaux et politiques sur l'art, y compris l'art théâtral, et d'autre part, de mieux révéler l'influence de l'art sur toutes les sphères de la vie sociale et sur la conscience sociale. L'art théâtral de la Pologne, de la Bohême, de la Serbie, de la Bulgarie a joué, à l'époque de la Renaissance nationale, un rôle considérable et, à certaines étapes historiques, primordial dans le processus de formation des nations, de prise de conscience nationale, dans le processus de création de la culture nationale épanouie des temps nouveaux.

Les traits spécifiques de la naissance des théâtres nationaux dans les pays slaves ont été mis en lumière dans le rapport de *B. Rostotski* (URSS). Malgré la diversité des destins historiques de chacun d'entre eux, ils durent mener une lutte plus ou moins âpre contre toutes sortes d'influences extérieures qui empêchaient le développement de la culture spirituelle nationale. Les faits historiques démontrent clairement la particularité typologique importante de la formation du théâtre dans les pays slaves comme un avant-poste de la lutte pour une culture progressiste, dont le caractère national a été inséparable de ses tendances démocratiques. Les parallèles tirés entre *F. Volkov* et *W. Boguslawski*, *A. Pouchkine* et *A. Mickiewicz* sont significatifs en ce sens.

Les problèmes de l'art figuratif des Slaves, notamment, l'analyse de leurs affinités artistiques au XIXe s., ont été au centre de l'attention de l'académicien polonais *J. Starzynski*. Certains genres

revêtent une grande importance sociale et nationale justement dans l'art des peuples slaves, tandis qu'en Allemagne ou en France ils restent à la périphérie du développement artistique. Par exemple, la peinture historique française cesse, après les révolutions de 1830 et de 1848, de jouer un rôle quelque peu important, alors qu'en Pologne, en Russie et en Bohême, c'est-à-dire là où la peinture historique est liée aux mouvements de libération nationale et sociale, ce genre garde toute sa valeur durant tout le XIXe s. et exerce une grande influence sur l'éducation du peuple, sur sa conscience nationale.

Un large éventail des problèmes de la culture artistique slave a également été examiné dans les interventions de *M. Janion* (Pologne) «Le romantisme polonais et les problèmes de la conscience nationale», de *M. Sichel* (Yougoslavie) «La contribution de la littérature illyrienne à la formation de la nation croate», de *S. Chabouk* (Tchécoslovaquie) «Sur les lâches de l'étude des beaux-arts tchèques», de *E. Kiritchenko* (URSS) «Traditions de l'architecture antique et populaire et le style architectural à la fin du XVIIIe s. et du début du XXe s.», de *L. Solntséva* (URSS) «Le rôle du théâtre tchèque de l'époque de la Renaissance dans le mouvement de libération sociale et nationale», de *L. Drobou* (RSS de Biélorussie) «A propos de l'histoire du développement de la peinture biélorusse à la première moitié du XIXe s.», de *M. Bradistilova* (Bulgarie) «Les particularités de la formation de la culture théâtrale bulgare à l'époque de la Renaissance nationale», de *N. Indjeva* (Bulgarie) «La formation du genre comique dans la dramaturgie bulgare de l'époque de la Renaissance», de *S. Treugutt* (Pologne) «Les problèmes de la nation dans le système de «genèse» de J. Slowacki», de *A. Witkowska* (Pologne) «Les Slaves et l'Europe «malade» (Un problème des conférences de Adam Mickiewicz à Paris)».

Plusieurs interventions ont abordé les questions relatives à l'apparition de nouveaux centres culturels nationaux. Cette tendance caractéristique de la Renaissance slave a été analysée par *J. Milisavac* (Yougoslavie). La fondation, en 1826, de Matica Serbe fut un jalon important dans le développement culturel des Serbes. Des institutions semblables firent bientôt leur apparition chez d'autres Slaves de l'empire d'Autriche: Matica Croate, Matica Dalmatinskaia, Matica Slovène, etc. Le programme de l'activité de Matica Serbe appuyé, pour l'essentiel, par d'autres centres culturels slaves visait à amener à reconnaître la nécessité d'édifier une culture nationale, en s'appuyant sur l'expérience des peuples plus développés, essentiellement, sur le peuple russe.

En Slovaquie, l'apparition de centres culturels développés fut favorisée, comme l'a montré *V. Matula* (Tchécoslovaquie), dans sa communication «Les centres de la vie culturelle nationale slovaque dans les années 30—40 du XIXe s. et leurs rapports slaves», par l'activité intense et fructueuse des sociétés estudiantines dans les lycées protestants de Bratislava, de Levotch, de Presov et surtout de la société slave-tchèque de Bratislava dirigée par L. Stur. Par la suite, le centre de Bratislava contribua grandement à l'élargissement et au renforcement des rapports entre les Slovaques et les Slaves qui ont favorisé l'enrichissement des cultures soeurs. Sous l'influence des contacts étroits et de l'affinité idéologique avec les représentants du mouvement révolutionnaire polonais et les polonophiles tchèques, la génération de Stur qui accueillit avec enthousiasme l'idée de Kollar de la réciprocité slave donna un caractère politique à ces rapports.

L'analyse de la situation sociale, juridique et spirituelle des peintres polonais à la fin du XVIIIe s. et dans la première trentaine du XIXe s. entreprise par *I. Svirida* (URSS) a permis à l'auteur de révéler des lois générales de la formation de l'intelligentsia artistique nationale comme un élément indispensable de la culture nationale en voie de constitution, comme un indice de sa maturité. Ce sont, avant tout, la transformation des peintres en représentants de professions libérales à la suite de la destruction de la liaison directe peintre-suzerain, ensuite, l'élévation du rôle du peintre dans la vie sociale et, comme conséquence, l'évincement des peintres étrangers des positions principales dans le processus artistique.

Dans tous les pays slaves, la question de la langue avait une importance considérable et, aux premières étapes de la Renaissance, une importance primordiale. Les efforts de toutes les personnalités de cette époque-là furent tendus vers sa solution. Elle fut l'objet de débats passionnés dans toutes les couches de la société nationale qui se constituait. Une langue littéraire développée s'appuyant sur les normes de la langue maternelle était indispensable dans la lutte pour la structure d'Etat, pour la culture nationale. Il est, donc, naturel que les problèmes de la langue à l'époque de la Renaissance slave, dont l'analyse détaillée permet d'expliquer beaucoup de choses dans le contenu de l'époque en question, aient-ils suscité une attention particulière à la Conférence de Moscou où il y avait une section spéciale: «La langue et la culture».

Le rapport principal de la section «Langue cultivée — langue écrite — langue littéraire», a été présenté par le savant soviétique *S. Bernstein*. Ayant noté qu'à l'époque de la Renaissance toute l'écriture slave était devenue caduque tant par le contenu que sur

le plan linguistique et n'était accessible qu'à une partie insignifiante de la population, il a montré le besoin objectif d'une réforme linguistique dictée par tout le développement socio-historique des Slaves à l'époque de la formation des collectifs nationaux.

La comparaison des réformes linguistiques dans divers pays slaves montre des différences substantielles entre elles. Ce problème a été résolu de façon particulièrement conservatrice en Bohême, car la langue de la Bible de Kralice (XVIe s.) mise à la base de la langue littéraire a déjà vieilli vers le XIXe s. Cette circonstance a eu des conséquences sérieuses pour l'histoire de la langue littéraire aux XIXe—XXe ss. Les Serbes ont résolu la question de la langue d'une manière radicale.

A la suite de ces différences, les langues littéraires slaves se distinguent fortement sur le plan typologique. Leur étude comparée révèle les traits de l'originalité profonde de leur structure, la valeur différente des éléments génétiquement identiques, une corrélation différente de styles et de genres littéraires.

Cependant, à toutes les étapes de l'histoire des langues littéraires slaves, on observe des liens étroits et vivants entre elles. Ces liens étaient déterminés par des relations politiques et culturelles entre les peuples slaves. Le rôle de la langue littéraire russe dans le développement et l'enrichissement de certaines langues littéraires slaves, en premier lieu, bulgare, est surtout grand.

Les lois fondamentales de la formation et du développement des langues littéraires slaves et leur contribution à la culture nationale et mondiale ont été exposées dans le rapport du savant autrichien *J. Hamm* qui a axé son attention sur les aspects purement linguistiques du problème examiné. *R. Auty* (Grande-Bretagne) a présenté le rapport «La tradition et l'innovation dans le développement des langues littéraires slaves (1750—1850)» où il souligne qu'à la période de la formation des nations la langue a été plus considérable qu'un instrument fonctionnel, elle a été le symbole principal et un instrument de la conscience nationale.

Les problèmes importants de la formation des langues littéraires des peuples slaves ont été abordés dans les interventions de *V. Kiparski* (Finlande) «Pénétration du lexique ouest-européen dans la langue russe (XVIIe—XVIIIe ss.)», de *L. Smirnov* (URSS) «Le rôle des interdialectes culturels dans le processus de formation des langues littéraires slaves», de *R. Olesch* (RFA) «Sur la question de l'authenticité slave et de l'interférence dans la langue des habitants de Polabi», de *A. Chirokova* et de *G. Nechtchimenko* (URSS) «Renaissance de la langue littéraire tchèque en tant que composante nécessaire de la formation de la nation tchèque», de

G. Vénédictov (URSS) «Composition de la grammaire et du dictionnaire comme prémisses de la formation de la langue littéraire bulgare unique à l'époque de la Renaissance», de *J. Siatkowski* (Pologne) «Le rôle de l'influence tchèque dans la formation de la langue littéraire polonaise», de *M. Szymczak* (Pologne) «La formation de la langue littéraire polonaise moderne à la période des XVIIIe—XIXe ss. dans le contexte du développement des autres langues des Slaves occidentaux», de *E. Eichler* (RDA) «Sur l'importance des recherches linguistiques pour l'étude de l'histoire de la culture des peuples slaves», de *K. Trofimovitch* (RSS d'Ukraine) «Le hautlusacien langue littéraire, fondement de la culture et moyen de son développement dans la période de la Renaissance nationale».

La deuxième section prévue par le programme de la Conférence a eu pour thème «Le folklore et la culture» où la première intervention a été présentée par l'académicien bulgare *P. Dinekov*. Il a polémique contre l'opinion qui est encore répandue et selon laquelle la culture bulgare créée à l'époque de la Renaissance serait créée en opposition au folklore, en surmontant l'esprit du folklore. L'oeuvre des fondateurs de la nouvelle littérature bulgare Paisii Khilendarski et de Sofroni Vrachanski étroitement liée au folklore offre le meilleur démenti à cette thèse.

V. Goussev (URSS) a caractérisé, dans son rapport «Le rôle du folklore dans la formation de la culture artistique des peuples slaves», deux formes essentielles d'assimilation du folklore par les cultures nationales en voie de création. La première forme: la collecte, la publication et l'étude des monuments de la création populaire et l'apparition, en cette liaison, d'une science nouvelle: la folkloristique. La deuxième forme: l'étude du folklore, en tant qu'une des sources de la littérature et de l'art (le folklorisme des écrivains, des musiciens, des peintres).

Le critère de l'esprit démocratique et populaire de la culture nationale est moins l'utilisation du folklore que, avant tout, le caractère de son assimilation par les personnalités de la culture nationale des peuples slaves. Dans ce processus, il y a deux tendances: l'une, réactionnaire, idéalisant les éléments conservateurs du folklore, et l'autre, démocratique, orientée vers les motifs libérateurs et anti-féodaux du folklore. *V. Goussev* a classé les types essentiels de folklorisme de la période de la formation de la culture nationale: folklorisme «historiographique» (Lelewel, Palacki, Majuranc), folklorisme «linguistique» (Dobrovsky, Karadjitch, Vostokov), folklorisme «ethnographique» (historiens slaves), folklorisme «artistique» (écrivains, compositeurs).

Dans cette section, on a également entendu les rapports de *R. Górski* (Pologne) «L'histoire du développement de la folkloristique polonaise dans la première moitié du XIXe s.», de *L. Solovéi* (RSS de Biélorussie) «Le rôle du folklore dans la culture nationale biélorusse», de *N. Kravtsov* (URSS) «Le folklore slave et les mouvements social et de libération nationale des peuples slaves», de *M. Gritsai* (RSS d'Ukraine) «Le folklore et la formation de l'idée de l'esprit du peuple de la culture».

Un noeud thématique important a été constitué par les rapports et les communications consacrés au rôle de l'héritage du passé, des traditions historiques et culturelles dans le processus de formation des cultures nationales slaves. L'étude du problème de la continuité culturelle ou, comme on dit à présent, des traditions et de l'esprit novateur est indispensable pour dégager l'originalité de toute culture nationale. Quant à l'étude des cultures des peuples slaves qui ont lutté pendant longtemps contre les influences ethniques étrangères, la continuité en tant que loi objective du développement spirituel et matériel de la société acquiert un sens particulier.

Le rapport du savant tchécoslovaque *S. Wollman* «La signification des traditions du passé pour la formation et le développement des cultures nationales des Slaves aux XVIIIe—XIXe ss.» montre l'importance que revêtent, dans la structure générale des traditions, outre les traditions locales découlant du passé historique et culturel d'un pays ou d'un peuple, les traditions interslaves (par exemple, la culture de la Grande Moravie ou de la Russie de Kiev, source de plusieurs cultures nationales; les personnages communs de la littérature et du folklore; les modèles communs de la création littéraire) et panslaves (la notion de l'héritage général de l'oeuvre populaire épique, la tradition cyrillo-méthodienne etc.). Parmi les traditions interslaves et panslaves, il faut mentionner également toutes sortes de conceptions de la réciprocité slave qui ont joué un rôle extrêmement actif dans l'assimilation d'autres traditions interslaves et panslaves par certains peuples slaves, malgré le fait que le résultat de tout ce développement n'était pas l'intégration des Slaves, mais leur différenciation nationale.

Le rapport présenté par l'académicien *D. Likhatchev* (URSS) «L'époque des réformes de Pierre le Grand, fut-elle une interruption dans le développement de la culture russe?» a été riche en faits et sur le plan méthodologique. Le savant a montré que l'époque de Pierre le Grand fut une étape logique dans le développement de la société et de la culture russes conditionné par le processus de passage du Moyen Age à l'époque moderne qui a eu lieu aux XVIe—XVIIe ss. et non pas le résultat des influences ouest-européennes qui

ne pouvaient trouver un terrain propice en Russie que grâce à ce processus. Par la force des circonstances, la Russie ancienne n'avait pas son époque de la Renaissance dans la progression vers la culture de l'époque moderne, mais elle a connu l'«émancipation de la personnalité» indispensable, propre à la Renaissance, bien que ce processus se soit déroulé très lentement au cours des XVIe, XVIIe et, en partie, du XVIIIe ss.

Les phénomènes du passage du Moyen Age à l'époque moderne se font surtout sentir au XVIIe s. A cette époque, la culture russe (la science et, surtout, les arts) se libère de la domination absolue de l'Eglise. L'oeuvre des écrivains et des peintres devient de plus en plus laïque. On voit apparaître, dans les arts et la littérature, diverses tendances artistiques, en particulier, le baroque qui avait des traits nettement russes.

L'époque des réformes de Pierre le Grand fut la manifestation la plus éclatante du passage du Moyen Age à l'époque moderne qui avait duré plusieurs siècles en Russie.

Les interventions de *G. Schmidt* (RDA) «Quel a été, donc, le moment de la naissance de la littérature russe «nouvelle»?», de *A. Robinson* (URSS) «Le rôle prédominant de la dramaturgie et du théâtre russes en tant qu'arts à l'époque des réformes de Pierre le Grand», de *S. Graciotti* (Italie) «La fonction de l'utopie dans les littératures slaves du XVIIIe s.», de *R. Picchio* (USA) «L'héritage latino-romain et le développement des systèmes littéraires des nations slaves (XVIIIe—XIXe ss.)» ont été un supplément important au rapport de Likhatchev.

L'époque de la Renaissance nationale s'est accompagnée, dans les pays slaves, d'une brusque intensification des contacts entre les cultures apparentées de la même origine ethnique, intensification suscitée, avant tout, par la «similitude de l'expérience sociale»³: la montée de la lutte sociale et nationale, la prise de conscience nationale qui est souvent réalisée dans l'idée de la réciprocité slave, etc. Cet échange spirituel réciproque fut un facteur efficace de progrès des cultures nationales slaves.

La progression des relations culturelles a eu une importance particulière, comme l'a montré le savant ukrainien *G. Verves*, pour la liquidation des conséquences des entractes (ralentissements) dans le développement de la culture des peuples n'ayant pas encore acquis leur souveraineté nationale qui reprenaient «le dernier mot» des cultures slaves apparentées plus développées et enrichies par l'expérience de la culture mondiale (le rôle de la culture russe —

³ *Плеханов Г. В.* Избр. философ. произв. в 5-ти т., т. I. М., 1956, с. 658.

de la littérature, du théâtre et de la presse — pour la culture des peuples ukrainien, serbe et, un peu plus tard, bulgare; le rôle de la culture polonaise pour les cultures tchèque et croate).

L'originalité du développement des cultures apparentées engendrait la multiplicité des liens fonctionnels; d'autre part, elle explique le caractère spécifique des analogies typologiques et, souvent, la succession de leur manifestation. En même temps, des thèmes étrangers commencent à jouer un rôle croissant dans les arts nationaux; les représentants de la Renaissance nationale slave participent au processus culturel étranger; les études slaves en tant que science acquièrent de plus en plus un caractère international.

Il faut faire une distinction entre la période de la formation des nations bourgeoises slaves et des cultures nationales et la période suivante marquée par une différenciation plus nette entre deux cultures au sein de chaque culture nationale, par un rapprochement plus grand des personnalités progressistes de divers pays slaves dans la lutte contre les formes sociales et politiques de réaction.

Le caractère fructueux des relations culturelles interslaves a été montré par de nombreux faits concrets dans les interventions de *E. Kiriliouk* (RSS d'Ukraine) «Le rôle des idées de «la réciprocité slave» dans la formation de la culture ukrainienne du XIXe s.», de *K. Rosenbaum* (Tchécoslovaquie) «Le rôle des contacts de la littérature slovaque avec les littératures des peuples slaves dans la période de la Renaissance nationale», de *M. Jakobiec* (Pologne) «La littérature polonaise et la constitution des cultures nationales des Slaves méridionaux dans la première moitié du XIXe siècle», de *A. Maldis* (RSS de Biélorussie) «Le rôle des contacts littéraires interslaves dans la formation de la nouvelle littérature biélorusse XVIIIe—XIXe ss.», de *D. Stepovik* (RSS d'Ukraine) «Liaisons créatrices des peintres serbes et bulgares avec l'Ukraine aux XVIIIe—XIXe ss.», de *A. Bajova* (URSS) «Les sources de l'étude des relations culturelles de la Russie avec la Serbie et le Monténégro dans la deuxième moitié du XVIIIe s.», de *K. Herman* (Tchécoslovaquie) «Le mouvement ouvrier tchèque et la culture russe».

L'étude conséquente des régularités des phénomènes essentiels du processus de formation des cultures nationales slaves conduit, naturellement, à l'analyse des relations culturelles des peuples slaves avec d'autres peuples, en premier lieu européens, ainsi que de la contribution des nations slaves au trésor des valeurs intellectuelles et culturelles de l'humanité.

L'importance de cette contribution a été universellement reconnue et confirmée par le processus culturel mondial lui-même qui utilise,

sur une échelle de plus en plus large, les réalisations esthétiques et ethniques de la culture slave. Cependant, tous les aspects de cette contribution n'ont pas encore été mis en lumière, bien s'en faut, dans la mesure adéquate à son ampleur. Cette tâche doit être résolue par les efforts conjugués des savants, spécialistes de différentes matières et de divers pays.

Cependant, le large examen de ces problèmes qui caractérise la Conférence de Moscou a une importance immense pour le développement de tout le Projet slave de l'UNESCO dans la voie de son internationalisation, ce qui veut dire l'association à l'étude des cultures slaves d'un contingent encore plus grand de savants des pays non slaves, l'accroissement du nombre de gens initiés aux richesses culturelles du monde slave.

Le rôle des Slaves dans la vie spirituelle européenne des XVIIIe—XIXe ss. a été le thème des interventions de *G. Ziegengeist* (RDA) «Les cultures slaves et leur rôle dans le développement de la culture européenne aux XVIIIe—XXe ss.», de *H. Grasshoff* (RDA) «La culture russe et l'opinion publique allemande au XVIIIe s.», de *L. Robel* (France) «L'histoire de la slavistique française», de *E. Arato* (Hongrie) «Les relations culturelles entre les Hongrois et les peuples slaves dans la première moitié du XIXe s.», de *P. Fedtchenko* (RSS d'Ukraine) «Taras Chevtchenko et la culture mondiale», de *R. Rosenberg* (RDA) «La littérature allemande d'avant mars et le romantisme slave (Questions des études comparatives)», de *H. Kindermann* (Autriche) «L'histoire des contacts entre les théâtres tchèque et autrichiens», de *A. Tachiaos* (Grèce) «Les relations culturelles bulgares-grecques au siècle des lumières», de *H. Mamud* (Bangladesh) «Sur l'activité théâtrale de G. S. Lebedev en Inde», de *D. Bizo* (Hongrie) «L'influence de l'art théâtral slave sur le théâtre hongrois».

Un grand intérêt a été suscité par le rapport généralisant de *I. Belza* (URSS) «Contribution des peuples slaves à la culture mondiale...». Le savant soviétique a souligné qu'il était habituellement reconnu que l'importance mondiale des cultures slaves ne datait qu'à partir de l'époque du romantisme européen. Cependant, les conceptions ethniques et esthétiques qui s'étaient nettement manifestées à cette époque avaient apparu dans un passé lointain. Il suffit de rappeler le rôle joué dans le développement de la pensée philosophique progressiste de toute l'Europe et dans l'affirmation des principes humanistes de la culture artistique par les oeuvres civilisatrices et pédagogiques de Jan Amos Komenski et l'édition d'Amsterdam des «Livres des frères polonais».

Pour ce qui est de la contribution des peuples slaves à la culture

mondiale des dernières décennies du XVIIIe s. et des premières décennies du XIXe s., c'est-à-dire dans la période de la formation des cultures nationales slaves, son importance est vraiment immense. Il est indispensable d'intensifier encore plus l'étude des ouvrages qui se sont conservés, car c'est à cette époque que l'importance mondiale de la culture slave est déterminée définitivement et irrévocablement. Il convient de faire remarquer que la reconnaissance mondiale des géants du monde slave — Pouchkine et Mickiewicz, Chopin et Glinka et de beaucoup d'autres — a été conditionnée non seulement par leur génie qui leur a permis d'atteindre les cimes de la création artistique, mais aussi et tout d'abord par leur idéologie profonde, leur grand humanisme et la force morale et éthique de leur oeuvre, par les liens indestructibles qui existaient entre les grandes personnalités et les tendances progressistes de leur siècle.

A la Conférence, on a entendu une série de rapports des savants soviétiques sur les moments principaux dans le développement social et artistique de la nation russe («Le mouvement des décembristes et son rôle dans le développement de la culture russe» de *F. Priima*, «Contribution de l'Académie des sciences à la culture russe aux XVIIIe—XIXe ss.» de *L. Pouchkarev*, «Le mouvement des décembristes et les cultures des peuples slaves étrangers» de *B. Stakheev*, «Pensee esthétique et culture nationale de la Russie» de *V. Kouléchov*, «L'interaction de la littérature et des beaux-arts en Russie (XVIIIe—premier tiers du XIXe s.)» de *K. Pigarev*, «L'art russe du XVIIIe s. et de la première moitié du XIX s.» de *A. Savinov*).

Notant la compétence scientifique et le haut niveau professionnel de la majorité écrasante des rapports, des communications et des interventions prononcés pendant les débats de la Conférence qui a duré trois jours, il convient de dire qu'on y a observé des opinions contradictoires sur plusieurs questions, ce qui est naturel, étant donné la poursuite de l'étude de l'ensemble de problèmes complexes liés à la formation des nations et des cultures slaves.

Parmi les questions controversées, il faut mentionner la périodisation de l'époque de la Renaissance slave (le siècle des lumières, a-t-il été obligatoire, que faut-il mettre à la base de la définition de l'étape suivante, le romantisme en tant que courant prédominant dans la culture artistique ou bien l'apparition de conceptions nettement exprimées de la culture nationale en tant que système), la caractéristique des types de culture etc.

On doit faire beaucoup sur le plan du perfectionnement de l'appareil des notions et des termes dans le domaine de l'étude intégrale, ainsi que comparative et historique des cultures slaves.

Le niveau scientifique élevé de la Conférence a grandement contribué à son effet politique international qui a été noté dans de nombreuses répercussions de la presse soviétique et étrangère, dans les interventions des savants étrangers à la clôture de la Conférence et dans le discours de l'hôte de marque *R. Hoggart*, Directeur Général adjoint de l'UNESCO.

Parlant de l'avenir du Projet slave de l'UNESCO, *M. Hoggart* a déclaré: «Votre tâche essentielle est d'internationaliser le Projet. Le fait est que, dans le monde, on n'est pas encore suffisamment initié aux cultures slaves. Je n'ai pas en vue les savants qui se connaissent les uns les autres, se rencontrent et continueront de se rencontrer aux conférences, en y associant des jeunes. La tâche consiste à parvenir à ce que les non initiés éprouvent le bonheur immense de connaître la contribution et l'importance des cultures slaves pour la civilisation mondiale... non seulement au niveau scientifique, mais aussi au niveau des lecteurs informés. Ma plus grande découverte pendant mes années universitaires... que je n'ai jamais oubliée et que je développais toujours a été ma familiarisation avec les phénomènes les plus importants des littératures slaves, bien entendu, dans les traductions. Mes amis m'ont dit que je ne pouvais concevoir les littératures slaves de la même manière que si je lisais les oeuvres originales d'auteurs slaves: en russe, en tchèque etc. En effet, je ne lis pas dans le texte, mais je ne peux pas croire que ma lecture de ces oeuvres en anglais soit inutile. Et si je dois formuler mes idées sur la Russie, son histoire, son peuple, son attitude envers la vie, je ne peux pas le faire sans lire Tolstoi, Dostoievski, Gogol, Gorki et d'autres écrivains, même dans la traduction»⁴.

Le membre correspondant de l'Académie des sciences de l'URSS *D. F. Markov*, Président du Comité d'organisation, a souligné, dans son discours de clôture, que la conférence avait confirmé, de façon probante, le caractère fructueux de l'approche d'ensemble de l'étude de la culture de la Renaissance, en général, et de la Renaissance dans les pays slaves, en particulier. Ces rencontres unissent les savants, contribuent à élaborer la «conscience de l'ensemble», c'est-à-dire de la compréhension claire de l'unité du processus culturel historique et, par conséquent, de l'unité de nombreuses études de diverses sciences qui représentent des parties d'un tout.

Les participants à la Conférence se sont uniment joints à l'appréciation donnée par *D. F. Markov* au contenu social et humaniste du Projet slave de l'UNESCO, dont le forum le plus important

---

⁴ Международная научная конференция «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций. XVIII—XIX вв.» Итоговый доклад. М., 1975, с. 12.

a été la Conférence de 1974 à Moscou: «Comme d'autres initiatives de l'UNESCO, le Projet slave qui fait partie du programme universel de l'Organisation des Nations Unies portant sur les questions de l'instruction, de la science et de la culture a une importance non seulement purement scientifique, mais aussi sociale et humaniste. Nous sommes appelés à contribuer à la promotion de la compréhension mutuelle entre les savants, les gens, les peuples, et c'est là une tâche importante qui nous est impartie.

Notre activité scientifique qui vise à donner une interprétation objective des richesses inépuisables des cultures nationales du monde, à montrer les liens et les contacts culturels variés, réciproquement enrichissants, authentiquement humanistes entre les peuples est une contribution importante à la compréhension»⁵.

---

⁵ Международная научная конференция «Славянские культуры...», с. 22.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ. КУЛЬТУРА И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ	
<i>В. И. Злыднев, А. С. Мыльников</i> (СССР). Общие закономерности и особенности историко-культурного развития славянских народов XVIII—70-х годов XIX в.	8
<i>Л. Базылёв</i> (Польша). Общественные традиции национально-освободительного движения западных и южных славян	23
<i>И. С. Миллер</i> (СССР). Культура и проблемы социальных и национально-освободительных движений славянских народов	29
<i>Э. Нидерхаузер</i> (Венгрия). Типы историко-культурного развития славянских народов	35
<i>С. Вольман</i> (Чехословакия). Значение традиций прошлого для становления и развития национальных культур славян XVIII—XIX вв.	37
<i>Э. Георгиев</i> (Болгария). Славянские культуры и формирование наций на Балканах	42
<i>А. Флакер</i> (Югославия). Структура культуры хорватского национального Возрождения	48
<i>Я. Шолга</i> (ГДР). Национальное движение и культура лужицких сербов (<i>Проблема народного образования в начале XIX в.</i>)	57
<i>Л. Н. Пушкарёв</i> (СССР). Вклад Академии наук в русскую культуру XVIII—XIX вв.	61
<i>Л. Н. Тилова</i> (СССР). Специфика культурного развития Чехии в условиях революционной ситуации 40-х годов XIX в.	70
<i>С. Шматлак</i> (Чехословакия). Историзм как составная часть формирующейся национальной идеологии на начальном этапе словацкой литературы нового времени	77

<i>В. Матула</i> (Чехословакия). Центры словацкой национальной культурной жизни 30—40-х годов XIX в. и их славянские связи	79
<i>Е. А. Дудвинская</i> (СССР). Славянофилы и национальное Возрождение славян	83
<i>Ф. Я. Прийма</i> (СССР). Движение декабристов и его роль в развитии русской культуры	86

**ФОРМИРОВАНИЕ СЛАВЯНСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ.
ФОЛЬКЛОР И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА**

<i>Й. Хамм</i> (Австрия). Основные закономерности формирования и развития славянских литературных языков и их вклад в национальную и мировую культуру	102
<i>С. Б. Бернштейн</i> (СССР). Культурный язык — письменный язык — литературный язык	106
<i>Р. Оги</i> (Великобритания). Традиция и инновация в развитии славянских литературных языков (1750—1850)	112
<i>Л. Н. Смирнов</i> (СССР). О роли культурных интердиалектов в процессе формирования славянских литературных языков	116
<i>Э. Эйхлер</i> (ГДР). О значении лингвистических исследований для изучения истории культуры славянских народов	122
<i>В. Кипарский</i> (Финляндия). Проникновение элементов западноевропейской лексики в русский язык XVII—XVIII вв.	124
<i>А. Г. Широкова, Г. П. Нещименко</i> (СССР). Возрождение чешского литературного языка как необходимый компонент формирования чешской нации	128
<i>Я. Сятковский</i> (Польша). Воздействие чешского языка на формирование польского литературного языка	134
<i>Г. К. Венедиктов</i> (СССР). О создании грамматики и словаря как предпосылке формирования единого болгарского литературного языка в эпоху Возрождения	137
<i>К. К. Трофимович</i> (УССР). Верхнелужицкий литературный язык как первоэлемент и средство развития серболужицкой культуры в период национального Возрождения	142
<i>Р. Олеш</i> (ФРГ). К вопросу о славянской исконности и интерференции в полабском языке	145
<i>В. Е. Гусев</i> (СССР). Роль фольклора в формировании художественной культуры славянских народов	148

<i>П. Динев</i> (Болгария). Болгарский фольклор и проблемы национальной культуры	154
<i>Р. Гурский</i> (Польша). Из истории развития польской фольклористики в первой половине XIX в.	159
<i>Л. М. Соловей</i> (БССР). Место фольклора в национальной культуре белорусов	165

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В ЭПОХУ ФОРМИРОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ НАЦИЙ

<i>Д. С. Лихачев</i> (СССР). Была ли эпоха петровских реформ переломом в развитии русской культуры?	170
<i>Х. Шмидт</i> (ГДР). Когда же зародилась «новая» русская литература?	174
<i>А. Н. Робинсон</i> (СССР). Доминирующая роль русской драматургии и театра как видов искусства в эпоху петровских реформ	176
<i>К. В. Пигарев</i> (СССР). Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в России (XVIII—первая треть XIX в.)	183
<i>А. Н. Савинов</i> (СССР). Русское искусство XVIII—первой половины XIX в.	191
<i>С. В. Никольский</i> (СССР). Славянские литературы эпохи национального Возрождения	198
<i>М. Янион</i> (Польша). Польский романтизм и проблемы национального самосознания	208
<i>И. И. Свирида</i> (СССР). Художник в Польше в период формирования нации	217
<i>Д. С. Прокофьева</i> (СССР). Польский романтизм и концепция национальной культуры	223
<i>А. Витковская</i> (Польша). Славяне и «старая Европа» (Из проблематики парижских лекций <i>Адама Мицкевича</i>)	225
<i>М. Шицел</i> (Югославия). Вклад литературы иллиризма в формирование хорватской нации	229
<i>А. А. Гершкович, Ю. И. Ритчик, Л. А. Софронова</i> (СССР). Культурно-исторический аспект изучения театра славянских народов	234
<i>Б. И. Росточки</i> (СССР). Создание национального театра как элемент формирования культуры славянских народов	242

<i>М. Брадистилова</i> (Болгария). Особенности формирования болгарской театральной культуры эпохи национального Возрождения	247
<i>Н. Инджева</i> (Болгария). Формирование комедийного жанра в болгарской драматургии эпохи Возрождения	249
<i>Ю. Стажиньский</i> (Польша). Искусство и развитие национального сознания в славянских странах в 1850—1900 гг.	253
<i>Л. Н. Дробов</i> (БССР). К истории развития белорусской живописи в первой половине XIX в.	257
<i>С. Шабоук</i> (Чехословакия). О задачах изучения чешского изобразительного искусства	260
<i>Е. И. Кириченко</i> (СССР). Традиции древнего и народного зодчества и архитектурный стиль конца XVIII—начала XX в.	262

**МЕЖСЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ.
ВКЛАД СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ
В ЕВРОПЕЙСКУЮ И МИРОВУЮ КУЛЬТУРУ**

<i>Г. Д. Вервес</i> (УССР). Связи и взаимодействия славянских национальных культур как фактор прогресса	270
<i>А. П. Бажова</i> (СССР). Источники для изучения культурных связей России с Сербией и Черногорией во второй половине XVIII в.	278
<i>Е. П. Кириллук</i> (УССР). Роль идей «славянской взаимности» в становлении украинской культуры XIX в.	283
<i>Д. В. Степовик</i> (УССР). Творческие связи сербских и болгарских художников с Украиной в XVIII—XIX вв.	288
<i>А. И. Мальдис</i> (БССР). Роль межславянских литературных связей в формировании новой белорусской литературы (XVIII—XIX вв.)	292
<i>К. Розенбаум</i> (Чехословакия). Значение межславянских литературных отношений для словацкой литературы периода национального Возрождения (1780—1848)	295
<i>К. Герман</i> (Чехословакия). Чешское рабочее движение и русская культура	298
<i>И. Ф. Балза</i> (СССР). Вклад славянских народов в мировую культуру последних десятилетий XVIII в. и первых десятилетий XIX в.	300
<i>П. М. Федченко</i> (УССР). Тарас Шевченко и мировая культура	317

<i>Г. Цигенгайтс</i> (ГДР). Славянские культуры и их место в развитии европейской культуры XVIII—XX вв.	324
<i>Г. Грасгоф</i> (ГДР). Русская культура и немецкая общественная мысль XVIII в.	331
<i>Р. Розенберг</i> (ГДР). Немецкая предмартовская литература и славянский романтизм (<i>Некоторые вопросы компаративистики</i>)	334
<i>Л. Робель</i> (Франция). Из истории французской славистики . . .	341
<i>Г. Киндерман</i> (Австрия). Из истории чешско-австрийских театральных связей	343
<i>Э. Арато</i> (Венгрия). Венгеро-славянские культурные отношения в первой половине XIX в.	345
<i>Д. Бизо</i> (Венгрия). Влияние театрального искусства славян на венгерский театр	353
<i>А. Тахиаос</i> (Греция). Болгаро-греческие культурные отношения в эпоху Просвещения	356
<i>Р. Пиккио</i> (США). Латинско-романское наследие и развитие литературных систем славянских наций (XVIII—XIX вв.)	361
<i>Х. Мамуд</i> (Бангладеш). О театральной деятельности Г. С. Лебедева в Индии	369
<i>V. Zlydnev, Y. Ritchik</i> . Les problèmes de l'étude des cultures slaves des XVIII—XIX ^{es} ss. (<i>Sur les résultats de la Conférence de l'UNESCO à Moscou</i>)	373

SOMMAIRE

Du Conseil de rédaction 5

LES PROBLÈMES COMMUNS DE LA FORMATION DES CULTURES NATIONALES DANS LES PAYS SLAVES.

LA CULTURE ET LES MOUVEMENTS DE LIBÉRATION NATIONALE DES PEUPLES SLAVES

V. Zlydnev, A. Mylnikov (URSS). Les lois générales et les particularités du développement historique et culturel des peuples slaves au XVIIIe s. et vers les années 70 du XIXe s. 8

L. Bazylow (Pologne). Les traditions sociales du mouvement de libération nationale des Slaves occidentaux et méridionaux 23

I. Miller (URSS). La culture et les problèmes des mouvements sociaux et de libération nationale des peuples slaves 29

E. Niederhauser (Hongrie). Les types du développement historique et culturel des peuples slaves 35

S. Wollman (Tchécoslovaquie). La signification des traditions du passé pour la formation et le développement des cultures nationales des Slaves aux XVIIIe—XIXe ss. 37

E. Gueorguiev (Bulgarie). Les cultures slaves et la formation des nations dans les Balkans 42

A. Flaker (Yougoslavie). La structure de la culture croate de la Renaissance nationale 48

J. Solta (RDA). Le mouvement national et la culture des Serbes de Lusace (*Le problème de l'instruction publique au début du XIXe s.*) 57

L. Pouchkarev (URSS). Contribution de l'Académie des sciences à la culture russe aux XVIIIe—XIXe ss. 61

L. Titova (URSS). Le trait spécifique du développement culturel de la Bohême dans les conditions de la situation révolutionnaire des années 40 du XIXe s. 70

S. Smatlak (Tchécoslovaquie). L'historisme en tant que partie intégrante de l'idéologie nationale en voie de formation à l'étape initiale de la littérature slovaque de l'époque moderne 77

<i>V. Matula</i> (Tchécoslovaquie). Les centres de la vie culturelle nationale slovaque dans les années 30—40 du XIX ^e s. et leurs rapports slaves	79
<i>E. Doudzinskaïa</i> (URSS). Les slavophiles et la Renaissance nationale des Slaves	83
<i>F. Priïma</i> (URSS). Le mouvement des décembristes et son rôle dans le développement de la culture russe	86

FORMATION DES LANGUES NATIONALES SLAVES.
FOLKLORE ET CULTURE NATIONALE

<i>J. Hamm</i> (Autriche). Les lois fondamentales de la formation et du développement des langues littéraires slaves et leur contribution à la culture nationale et mondiale	102
<i>S. Bernstein</i> (URSS). Langue cultivée — langue écrite — langue littéraire	106
<i>R. Auty</i> (Grande-Bretagne). La tradition et l'innovation dans le développement des langues littéraires slaves (1750—1850)	112
<i>L. Smirnov</i> (URSS). Le rôle des interdialectes culturels dans le processus de formation des langues littéraires slaves	116
<i>E. Eichler</i> (RDA). L'importance des recherches linguistiques pour l'étude de l'histoire de la culture des peuples slaves	122
<i>V. Kiparski</i> (Finlande). Pénétration du lexique ouesteuropéen dans la langue russe (XVII ^e —XVIII ^e ss.)	124
<i>A. Chirokova, G. Nechtchimenko</i> (URSS). Renaissance de la langue littéraire tchèque en tant que composante nécessaire de la formation de la nation tchèque	128
<i>J. Siatkowski</i> (Pologne). Le rôle de l'influence tchèque dans la formation de la langue littéraire polonaise	134
<i>G. Vénédictov</i> (URSS). Composition de la grammaire et du dictionnaire comme prémisses de la formation de la langue littéraire bulgare unique à l'époque de la Renaissance	137
<i>K. Trofimovitch</i> (RSS d'Ukraine). Le hautlusacien langue littéraire, fondement de la culture et moyen de son développement dans la période de la Renaissance nationale	142
<i>R. Olesch</i> (RFA). Sur la question de l'authenticité slave et de l'interférence dans la langue des habitants de Polabi	145
<i>V. Goussev</i> (URSS). Le rôle du folklore dans la formation de la culture artistique des peuples slaves	148

<i>P. Dinekov</i> (Bulgarie). Le folklore bulgare et les problèmes de la culture nationale	154
<i>R. Górski</i> (Pologne). L'histoire du développement de la folkloristique polonaise dans la première moitié du XIX ^e s.	159
<i>L. Solovet</i> (RSS de Biélorussie). Le rôle du folklore dans la culture nationale biélorusse	165

LA LITTÉRATURE ET L'ART DES PEUPLES SLAVES
A L'ÉPOQUE DE LA FORMATION DES NATIONS SLAVES

<i>D. Likhatchev</i> (URSS). L'époque des réformes de Pierre le Grand. fut-elle une interruption dans le développement de la culture russe?	170
<i>H. Schmidt</i> (RDA). Quel a été, donc, le moment de la naissance de la littérature russe «nouvelle»?	174
<i>A. Robinson</i> (URSS). Le rôle prédominant de la dramaturgie et du théâtre russes en tant qu'arts à l'époque des réformes de Pierre le Grand	176
<i>K. Pigarev</i> (URSS). L'interaction de la littérature et des beaux-arts en Russie (XVIII ^e s. — premier tiers du XIX ^e s.)	183
<i>A. Savinov</i> (URSS). L'art russe du XVIII ^e s. et de la première moitié du XIX ^e s.	191
<i>S. Nikolski</i> (URSS). Les littératures slaves à l'époque de la Renaissance nationale	198
<i>M. Janion</i> (Pologne). Le romantisme polonais et les problèmes de la conscience nationale	208
<i>I. Svirida</i> (URSS). Le peintre en Pologne dans la période de la formation de la nation	217
<i>D. Prokofieva</i> (URSS). Le romantisme polonais et la conception de la culture nationale	223
<i>A. Witkowska</i> (Pologne). Les Slaves et l'Europe «malade» (Un problème des conférences de Adam Mickiewicz à Paris) ...	225
<i>M. Sichel</i> (Yougoslavie). La contribution de la littérature illyrienne à la formation de la nation croate	229
<i>A. Guerchkovitch, Y. Ritchik, L. Sofronova</i> (URSS). L'aspect historico-culturel de l'étude du théâtre des peuples slaves	234
<i>B. Rostotski</i> (URSS). La création du théâtre national en tant qu'élément de la formation de la culture des peuples slaves ...	242
<i>M. Bradistilova</i> (Bulgarie). Les particularités de la formation de la culture théâtrale bulgare à l'époque de la Renaissance nationale	247

<i>N. Indjeva</i> (Bulgarie). La formation du genre comique dans la dramaturgie bulgare de l'époque de la Renaissance	249
<i>J. Starszynski</i> (Pologne). L'art et le développement de la conscience nationale dans les pays slaves en 1850—1900	253
<i>L. Drobov</i> (RSS de Biélorussie). A propos de l'histoire du développement de la peinture biélorusse à la première moitié du XIX ^e s.	257
<i>S. Chabouk</i> (Tchécoslovaquie). Sur les tâches de l'étude des beaux-arts tchèques	260
<i>E. Kiritchenko</i> (URSS). Traditions de l'architecture antique et populaire et le style architectural de la fin du XVIII ^e s. et du début du XX ^e s.	262

RELATIONS CULTURELLES INTERSLAVES.
CONTRIBUTION DES PEUPLES SLAVES
À LA CULTURE EUROPÉENNE ET MONDIALE

<i>G. Verves</i> (RSS d'Ukraine). Contacts et interaction entre les cultures nationales slaves en tant que facteur de progrès	270
<i>A. Bajova</i> (URSS). Les sources de l'étude des relations culturelles de la Russie avec la Serbie et le Monténégro dans la deuxième moitié du XVIII ^e s.	278
<i>E. Kirilouk</i> (RSS d'Ukraine). Le rôle des idées de «la réciprocité slave» dans la formation de la culture ukrainienne du XIX ^e s.	283
<i>D. Stepovik</i> (RSS d'Ukraine). Liaisons créateurs des peintres serbes et bulgares avec l'Ukraine aux XVIII ^e —XIX ^e ss.	288
<i>A. Maldis</i> (RSS de Biélorussie). Le rôle des contacts littéraires interslaves dans la formation de la nouvelle littérature biélorusse (XVIII ^e —XIX ^e ss.)	292
<i>K. Rosenbaum</i> (Tchécoslovaquie). L'importance des contacts littéraires interslaves pour la littérature slovaque de la période de la Renaissance nationale (1780—1848)	295
<i>K. Herman</i> (Tchécoslovaquie). Le mouvement ouvrier tchèque et la culture russe	298
<i>I. Belza</i> (URSS). Contribution des peuples slaves à la culture mondiale des dernières décennies du XVIII ^e s. et des premières décennies du XIX ^e s.	300
<i>P. Fedtchenko</i> (RSS d'Ukraine). Taras Chevtchenko et la culture mondiale	317

<i>G. Ziegengeist</i> (RDA). Les cultures slaves et leur rôle dans le développement de la culture européenne aux XVIII ^e —XX ^e ss.	324
<i>H. Grasshoff</i> (RDA). La culture russe et l'opinion publique allemande au XVIII ^e s.	331
<i>R. Rosenberg</i> (RDA). La littérature allemande d'avant mars et le romantisme slave (<i>Questions des études comparatives</i>)	334
<i>L. Robel</i> (France). L'histoire de la slavistique française	341
<i>H. Kindermann</i> (Autriche). L'histoire des contacts entre les théâtres tchèques et autrichiens	343
<i>E. Arato</i> (Hongrie). Les relations culturelles entre les Hongrois et les peuples slaves dans la première moitié du XIX ^e s.	345
<i>G. Bizo</i> (Hongrie). L'influence de l'art théâtral slave sur le théâtre hongrois	353
<i>A. Tachiaos</i> (Crèce). Les relations culturelles bulgaro-grecques au siècle des lumières	356
<i>R. Picchio</i> (Etats-Unis). L'héritage latino-romain et le développement des systèmes littéraires des nations slaves (XVIII ^e —XIX ^e ss.)	361
<i>H. Mamud</i> (Bangladesh). Sur l'activité théâtrale de G. S. Lebedev en Inde	369
<i>V. Zlydnev, Y. Ritchik</i> . Les problèmes de l'étude des cultures slaves des XVIII—XIX ^e s ss. (<i>Sur les résultats de la Conférence de l'UNESCO à Moscou</i>)	373

СЛАВЯНСКИЕ
КУЛЬТУРЫ
В ЭПОХУ
ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ
СЛАВЯНСКИХ НАЦИЙ
XVIII — XIX вв.

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
Академии наук СССР

Редактор издательства
Д. П. ЛБОВА

Художник
В. Г. ВИНОГРАДОВ

Художественный редактор
Т. П. ПОЛЕНОВА

Технический редактор
Э. Л. КУНИНА

Корректоры
Р. С. АЛИМОВА, Л. И. КИРИЛЛОВА

ИБ № 5213

Сдано в набор 03.03.78.
Подписано к печати 09.08.78.
Т-10754. Формат 80 × 84¹/₁₆.
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 23,25. Уч.-изд. л. 24,9.
Тираж 2400 экз. Тип. вак. 209.
Цена 2 р. 80 к.

Издательство «Наука»
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а

Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 лин., д. 12

25.80

СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРЫ XVIII-XIX вв.